

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ.

SCIENTIFIC JOURNAL

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2025. Том 52, № 4



VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ

2025. Том 52, № 4

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология»

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.6.1 – Отечественная история, 5.6.2 – Всеобщая история, 5.5.1 – История и теория политики, 5.5.2 – Политические институты, процессы и технологии, 5.5.4 – Международные отношения). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ). С 2020 года издается как электронный журнал. Публикация статей бесплатная.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О.Н. Полухин, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы института экономики и управления НИУ «БелГУ», доктор политических наук, профессор

Ведущий редактор

В.А. Шаповалов, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Литовченко, профессор кафедры всеобщей истории педагогического института НИУ «БелГУ», доктор исторических наук, доцент

И.Т. Шатохин, профессор кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Л.С. Половнева, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат политических наук

Ответственный секретарь

И.Г. Галушко, доцент кафедры российской истории и документоведения педагогического института НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова (Магнитогорск, Россия)

А.Ж. Арутюнян, доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории Ереванского государственного университета (Ереван, Армения)

С. Атлигич, доктор политических наук факультета политических наук Белградского государственного университета (Белград, Сербия)

И.Ю. Ващева, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

А.В. Головнев, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Москва, Россия)

Г.Д. Гумба, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, этнологии и археологии Абхазии Абхазского государственного университета (Сухум, Республика Абхазия)

М. Казански, доктор истории Центра изучения византийской цивилизации (Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии, профессор политологии Университета штата Теннесси (Мерфрисборо, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук, доцент, начальник кафедры психологии и педагогики Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия (Белгород, Россия)

В.М. Марасанова, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль, Россия)

А.В. Перепелицын, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Воронежского государственного педагогического университета (Воронеж, Россия)

И.М. Пушкарёва, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук (Москва, Россия)

ISSN 2687-0967

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77960 от 19 февраля 2020 г. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Корректурa, компьютерная верстка и оригинал-макет А.Н. Оберемок. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Гарнитура Times New Roman, Arial Narrow, Impact. Уч.-изд. л. 26,5. Дата выхода 30.12.2025. Оригинал-макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

- 801 Задорожная-Ремарчук А.Н.**
Традиция судостроения Северной Европы до эпохи викингов
- 808 Мишин А.В., Сивкина Н.Ю.**
Эволюция термина «сикофант» в контексте политизации судебной системы Афин V–IV вв. до н. э.
- 816 Лобынцев Д.В.**
К вопросу о специфике и характере употребления латинских заимствований в греческой эпиграфике Киликии и Исаурии в I в. до н. э. – VII в. н. э.
- 831 Абдулманова И.В.**
Агиографические тексты как источник изучения женского подвижничества в ранневизантийской Сирии IV–VI веков: проблемы источниковедческого анализа
- 838 Грацианский М.В.**
Папа Ксист (Сикст) III и церковная юрисдикция Рима над Восточным Иллириком по данным «Фессалоникинского собрания»
- 855 Арисланов Б.С., Болгов Н.Н., Болгова А.М.**
Орион Фиванский – грамматик V в.
- 865 Аветисян В.Г.**
К вопросу о датировке первого восточного похода Иоанна II Комнина
- 871 Бараненко П.А.**
Византийское Содружество наций: критика концепции Д.Д. Оболенского
- 881 Нефёдкин А.К.**
О.О. Крюгер – второй заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета ЛГУ (1938 г.)
- 889 Ермолин С.А.**
Позднеантичный город Китей и его исследования к середине 2020-х гг.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

- 901 Дюков С.В.**
К вопросу о роли польских экстремистских сил в радикализации ишутинцев как факторе покушения Д. Каракозова на Александра II
- 914 Абдрахманов К.А., Ефименко М.Н.**
Реклама как индикатор развития предпринимательства в Средней Азии в конце XIX – начале XX века: промышленность и сельское хозяйство
- 929 Перепелицын И.А.**
Развитие винокуренного производства в Воронежской губернии в начале XX в.
- 936 Сергиенко М.А., Галушко И.Г.**
Деятельность органов местного самоуправления по размещению военнопленных на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны
- 948 Чудакова М.С., Тумаков Д.В.**
Отечественная историография органов госбезопасности России 1917–1922 гг.: общероссийский и региональный аспекты (на примере губерний Верхневолжья)
- 964 Дорош А.А., Ливенцев Д.В.**
Представители духовенства как незаконные изготовители и распространители алкогольной продукции в антирелигиозной пропаганде советских безбожников в 1920–1930-е годы (по материалам антирелигиозных периодических изданий)
- 974 Аргунов О.Н.**
Конфликты в среде руководителей районов Курской области в период и после окончания Великой Отечественной войны: формы и методы их разрешения
- 985 Любичанковский С.В.**
Региональное измерение исторической культуры: Оренбургский край в восприятии студенческой молодежи

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

- 995 Рябинин Е.В.**
Политика памяти в контексте формирования российской идентичности новых регионов РФ
- 1007 Оношко О.В.**
Экспертная дипломатия на Украине: концептуальный подход и текущие задачи
- 1018 Гюнтер И.Н., Половнева Л.С.**
Взаимодействие государства, бизнеса, науки и общества в формировании современной экосистемы
- 1030 Шангарасев Р.Н., Ивочкина А.С.**
Влияние позиций Китая и Турции в Центральной Азии на стратегические интересы России в регионе
- 1040 Закиров А.Р., Зарипова А.Р.**
Цифровые реестры как инструмент формальной институционализации лоббизма в странах Латинской Америки

VIA IN TEMPORE. HISTORY AND POLITICAL SCIENCE

2025. Volume 52, No. 4

Until 2020, the journal was published as "Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political science"

Founded in 1995. The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of Candidate of Science and Doctor of Science should be published (5.6.1 – Russian History, 5.6.2 – World History, 5.5.1 – History and policy theory, 5.5.2 – Political institutions, processes and technologies, 5.5.4 – International relations). The journal is included in Russian Science Citation Index (РИНЦ). Since 2020 it has been published as an electronic journal. Publication of articles is free.

Founder: Federal state autonomous educational institution of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod State National Research University "BelSU".

Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin, Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Doctor of Sciences in Politics, Professor (Belgorod State National Research University)

Commissioning Editor

V.A. Shapovalov, Professor of the Russian History and Records Management Department, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

Deputy Editors-in-Chief:

E.V. Litovchenko, Professor of the Department of World History, Doctor of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

I.T. Shatokhin, Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History, Professor (Belgorod State National Research University)

L.S. Polovneva, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in Politics (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant

I.G. Galushko, Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Sciences in History (Belgorod State National Research University)

Members of the Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Sciences in History, Professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

A.Zh. Arutyunyan, Doctor of Sciences in History, Professor (Yerevan State University, Armenia)

S. Atlagich, Doctor of Sciences in Politics (Belgrade State University, Serbia)

I.Yu. Vashcheva, Doctor of Sciences in History, Associate Professor, Professor (National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia)

A.V. Glukhova, Doctor of Sciences in Politics, Professor of the Department of Sociology and Political Science (Voronezh State University)

A.V. Golovnev, Doctor of Sciences in History; Corresponding Member of Russian Academy of Sciences; Director of the Museum of Anthropology and Ethnography Peter the Great (Kunstammer) Russian Academy of Sciences

G.D. Gumba, Doctor of Sciences in History, Associate Professor (Abkhaz State University, Republic of Abkhazia)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, the USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Pedagogy (I.D. Putilin Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

V.M. Marasanova, Doctor of Sciences in History, Professor (Yaroslavl Demidov State University)

V.A. Perepelitsyn, Doctor of Sciences in History, Professor (Voronezh State Pedagogical University)

I.M. Pushkareva, Doctor of Sciences in History, Leading Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

ISSN 2687-0967

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭЛ № ФС 77-77960 of 19 February 2020.

Publication frequency: 4 times per year.

Commissioning Editor Yu.V. Mishenina. Page proofreading, computer imposition A.N. Oberemok. English text editor E.S. Danilova. E-mail: galushko@bsuedu.ru. Typeface Times New Roman, Arial Narrow, Impact. 26,5 publishing sheets. Date of publishing: 30.12.2025. Dummy layout prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

CONTENTS

TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

- 801 **Zadorozhnaya-Remarchuk A.N.**
The Tradition of Shipbuilding in Northern Europe before the Viking Age
- 808 **Mishin A.V., Sivkina N.Yu.**
Evolution of the Term “Sycophant” in the Context of Politicization of the Judicial System in Athens in the 5th and 4th Centuries BC
- 816 **Lobyntsev D.V.**
On the Issue of the Specifics and Nature of Using Latin Loanwords in the Greek Epigraphy of Cilicia and Isauria from the 1st Century BC to the 7th Century AD
- 831 **Abdulmanova I.V.**
Hagiographical Texts as a Source for Studying Female Monasticism in Early Byzantine Syria of the 4th –6th Centuries: Problems of Source Criticism
- 838 **Gratsianskiy M.V.**
Pope Xystus (Sixtus) III and the Ecclesiastical Jurisdiction of Rome over Eastern Illyricum according to the *Collectio Thessalonicensis*
- 855 **Arislanov B.S., Bolgov N.N., Bolgova A.M.**
Orion of Thebes – a 5th Century Grammarian
- 865 **Avetisyan V.G.**
On the Question of Dating the First Eastern Campaign of John II Comnenus
- 871 **Baranenko P.A.**
The Byzantine Commonwealth: A Critique of D.D. Obolensky's Concept
- 881 **Nefedkin A.K.**
O.O. Krueger, the Second Head of the Ancient World History Department at the Historical Faculty of Leningrad State University (1938)
- 889 **Ermolin S.A.**
Late Antique Town Kyta and its Research up to the Mid-2020s

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

- 901 **Dyukov S.V.**
On the Role of Polish Extremist Forces in the Radicalization of Ishutin's Supporters as a Factor in D. Karakozov's Attempted Assassination of Alexander II
- 914 **Abdrakhmanov K.A., Efimenko M.N.**
Advertising as an Indicator of Entrepreneurship Development in Central Asia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Industry and Agriculture
- 929 **Perepelitsyn I.A.**
Development of Distilling Production in the Voronezh Province at the Beginning of the 20th Century
- 936 **Sergienko M.A., Galushko I.G.**
Activities of Local Self-Government Bodies on the Placement of Prisoners of War in the Kursk Province during the First World War
- 948 **Chudakova M.S., Tumakov D.V.**
Domestic Historiography of the Russian State Security Agencies in 1917–1922: National and Regional Aspects (Based on the Provinces of the Upper Volga Region)
- 964 **Dorosh A.A., Liventsev D.V.**
Soviet Atheist Propaganda in the 1920s–1930s: Clergy as Illegal Producers and Distributors of Alcoholic Beverages (Based on Anti-Religious Periodicals)
- 974 **Argunov O.N.**
Conflicts among the Leaders of the Districts of the Kursk Region during and after the End of the Great Patriotic War: Forms and Methods of their Resolution
- 985 **Lyubichankovskiy S.V.**
Regional Dimension of Historical Culture: The Orenburg Region in the Perception of Students

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

- 995 **Ryabinin Ye.V.**
Memory Policy in the Context of the Formation of Russian Identity in New Regions of the Russian Federation
- 1007 **Onopko O.V.**
Expert Diplomacy in Ukraine: Conceptual Approach and Current Tasks
- 1018 **Gyunter I.N., Polovneva L.S.**
Interaction between the State, Business, Science, and Society in the Formation of a Modern Ecosystem
- 1030 **Shangaraev R.N., Ivochkina A.S.**
The Influence of China's and Turkey's Positions in Central Asia on Russia's Strategic Interests in the Region
- 1040 **Zakirov A.R., Zaripova A.R.**
Digital Registries as a Tool for the Formal Institutionalization of Lobbying in Latin America

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF WORLD HISTORY

УДК 94

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-801-807

EDN DRATVA

Оригинальное исследование

Традиция судостроения Северной Европы до эпохи викингов

Задорожная-Ремарчук А.Н.

Севастопольский государственный университет,

Россия, 299053, г. Севастополь, Университетская ул., д. 33

E-mail: anzadorozhnaya@sevsu.ru, olen.alina2016@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ эволюции кораблестроения в Северной Европе от бронзового века до раннего Средневековья на основе ключевых археологических находок, таких как лодки из Дувра и Ферриби, останки судна из Бригга, романо-кельтские корабли и военный корабль из Хьёртшпринга. В ней прослеживается технологическое развитие от простых долбленых лодок до сложных сшитых дощатых конструкций и судов с расширенным днищем. В статье показано, как экологические ограничения, инновации в обработке дерева и интенсивные межрегиональные контакты через Северное море стимулировали технологические изменения. Особое внимание уделяется сложному сосуществованию и взаимодействию методов постройки «сначала обшивка» (shell-first), «сначала каркас» (frame-first) и гибридных методов, а также критически важному постепенному внедрению железных креплений и досок специальной формы. Благодаря детальному анализу форм корпусов, последовательностей постройки и функциональных ролей исследование убедительно доказывает, что развитое кораблестроение было фундаментом социально-экономической мобильности, дальней торговли и военного могущества в регионе. Эти многогранные ранние морские традиции заложили незаменимый технологический и культурный фундамент, который не только позволил расцвету передового скандинавского мореплавания, но и стал непосредственным катализатором широкомасштабной морской экспансии эпохи викингов.

Ключевые слова: судостроение, Северная Европа, бронзовый век, «shell-first», «frame-first», археологические находки

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Задорожная-Ремарчук А.Н. 2025. Традиция судостроения Северной Европы до эпохи викингов. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 801–807. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-801-807. EDN: DRATVA

The Tradition of Shipbuilding in Northern Europe before the Viking Age

Alina N. Zadorozhnaya-Remarchuk

Sevastopol State University,

33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia

E-mail: anzadorozhnaya@sevsu.ru, olen.alina2016@yandex.ru

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the evolution of shipbuilding in Northern Europe from the Bronze Age to the Early Middle Ages, drawing on key archaeological finds like the Dover and Ferriby boats, the Brigg remains, Romano-Celtic vessels, and the Hjortspring warship. It meticulously traces the technological



development from simple logboats to sophisticated sewn-plank and expanded-bottom constructions, demonstrating how environmental constraints, woodworking innovations, and intensive cross-regional contacts across the North Sea drove technological change. Special attention is given to the complex coexistence and interaction of shell-first, frame-first, and hybrid building methods, as well as to the critical gradual adoption of iron fastenings and purpose-shaped planks. Through a detailed analysis of hull forms, construction sequences, and functional roles, the study convincingly argues that advanced shipbuilding was fundamental to socioeconomic mobility, long-distance trade, and military prowess in the region. Ultimately, the article posits that these multifaceted early maritime traditions created an indispensable technological and cultural foundation, which not only enabled the rise of advanced Scandinavian seafaring but catalyzed the widespread maritime expansion of the Viking Age.

Keywords: shipbuilding, Northern Europe, the Bronze Age, “shell-first”, “frame-first”, archaeological finds

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Zadorozhnaya-Remarchuk A.N. 2025. The Tradition of Shipbuilding in Northern Europe before the Viking Age. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 801–807 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-801-807. EDN: DRATVA

Введение

Судостроение сыграло ключевую роль в развитии стран Северной Европы, начиная с эпохи бронзы и продолжая влиять на их историю до сегодняшнего дня. Кораблестроение, навигация и возможности для установления связей, предоставляемые ими, значительно повлияли на формирование северной культуры. Эти факторы стали столь же важными, как и особенности местного ландшафта. Северная культура достигла своего расцвета в эпоху викингов, однако и в другие периоды она сохраняла свои уникальные черты [Хлевов, 2016].

Географические условия для раннего развития мореплавания в Северной Европе значительно различаются от региона к региону, но одно условие является общим для всех: умеренный климат с относительно холодной водой. Температура океана в этой части света, как правило, низкая, но благодаря течению Гольфстрима атлантическое побережье зимой обычно остаётся свободным ото льда, в отличие от восточной Балтики, которая может оставаться закрытой для судоходства на месяцы из-за зимних льдов [Crumlin-Pedersen, 2010, p. 41].

Объект и методы исследования

В данной статье объектом исследования выступает эволюция судостроительных технологий в Северной Европе от эпохи бронзы (ок. 2000–500 гг. до н. э.) до раннего Средневековья (I–IV вв. н. э.). Основное внимание уделяется археологическим находкам плавсредств, их конструктивным особенностям и технологическим инновациям, которые позволили североευропейским народам развивать мореплавание.

Методологически исследование носит междисциплинарный характер и сочетает традиционные историко-археологические приёмы с современными аналитическими методиками.

Результаты и их обсуждение

Археологические свидетельства о ранних плавсредствах Северной Европы начинаются с эпохи бронзы. Несколько резных лодок были однозначно идентифицированы как однодеревки-долблёнки (logboat) в Дании и в других местах [Crumlin-Pedersen, 2010, p. 53], а также как расширенные однодеревки в находках близ Парижа [Crumlin-Pedersen, 2010, p. 54]. В бронзовом веке однодеревки играли важную роль ввиду наличия крупных дубовых бревен длиной 10–15 м в этом регионе. Лодки-долблёнки зафиксированы на территории северо-западной Европы: в Дании, Англии и Шотландии. В Карпоу были найдены деревянные лодки, датированные примерно 1000 г. до н. э. [Crumlin-Pedersen, 2010, p. 53].

Однодеревка из Хашольма, датируемая примерно 300 г. до н. э., найденная в притоке реки Хамбер, также относится к этой группе больших однодеревок [Millet & McGrail, 1981, p. 69–155]. В отдельных находках обнаружены вставки для закрытия нижнего конца ствола, а также трещины и отверстия от сучков – признаки обработки древесины, близкой по технике к изготовлению сложных лодок бронзового века. Такие лодки, вероятно, широко использовались в речных системах. Датская однодеревка Варпелева была найдена в небольшой речушке недалеко от её впадения в море, что указывает на возможное прибрежное применение подобных судов. Однако данная лодка не является представителем более крупных скандинавских морских судов бронзового века, изображённых на наскальных рисунках и на бронзовых украшениях [Crumlin-Pedersen, 2010, p. 68].

Существуют примеры сложных судов бронзового века, построенных на базе однодеревок. Учитывая степень сложности находок в Британии, весьма вероятно, что ранние этапы строительства многофрагментарных судов, собранных из отдельных вырезанных элементов, начались в неолите и далее развивались в бронзовом веке. Это подтверждается археологическими свидетельствами контактов через Ла-Манш и Северное море: находками на приливных отмелях в устьях рек Хамбер и Северн, а также на побережье Дувра [Malcolm, 2005, p. 56].

Лодка из Дувра, датируемая примерно 1550 г. до н. э., была найдена в 1992 году при строительных работах в центральной части города. Раскопки проводились в условиях нехватки времени, однако артефакты были задокументированы, законсервированы и тщательно проанализированы. План раскопанных частей показывает, что только южный конец лодки находился в зоне коффердама (ограждающая водонепроницаемая конструкция), а северный конец был отрезан стеной коффердама из листового железа [Clark, 2004a, p. 317]. Лодка экспонируется в музее Дувра вместе с реконструкцией средней части судна, выполненной в натуральную величину, что даёт представление о процессе строительства судна [Crumlin-Pedersen, 2006, p. 59]. Внутри лодки обнаружены планки – переходные элементы между дном и бортами, которые в ряде случаев крепились стежками из тисовой верёвки, а центральный шов скреплялся деревянными клиньями [Clark, 2004b, p. 5].

В Норт-Ферриби (Humber tidal flats) братья Райт с 1930-х годов находили несколько частей лодок бронзового века, в том числе наиболее хорошо сохранившуюся находку «Ферриби-1», датируемую примерно 1300 г. до н. э. План сохранившихся частей «Ферриби-1» и гипотетическая модель носовой части указывают на постройку на основе вырезанных элементов, соединённых шовными приёмами и прикреплённых к изогнутому килевидному центральному элементу. Реконструкция предполагает длину около 16 м и экипаж примерно из 12 человек; вероятное назначение – переправа в устье реки Хамбер [Wright, 1990].

В 1886 году в Бригге (Brigg), неподалёку от бывшего приливного ручья у устья реки Хамбер, было обнаружено судно. При первых раскопках находку описали как «четыре части моста викингов» или «плот». Место было вновь открыто в 1974 году Шоном МакГрейлом; останки были извлечены и проанализированы, и датировка установлена примерно около 800 г. до н. э. МакГрейл реконструирует судно как прямоугольную коробку [McGrail, 1981], тогда как Оуэн Робертс предлагает конструкцию с изогнутыми линиями корпуса в продольном и поперечном сечениях [Roberts, 1992]. Спор о характере «плота» из Бригга остаётся открытым и может быть разрешён только при появлении дополнительных археологических данных. Тем не менее находка важна: это один из ранних случаев, когда дно судна собрано из дощатых элементов примерно одинаковой формы и размера – признак практики строительства из досок, изогнутых по заданной форме, что частично коррелирует с практикой Средиземноморья [Crumlin-Pedersen, 2010, p. 60].

Концептуальная основа лодок Ферриби и Дувра – постепенная специализация в судостроении: от обычной однодеревки (например, Хашольм) к созданию сложных лодок из нескольких вырезанных элементов индивидуальной формы, сшитых и герметизированных затиркой швов [Millet & McGrail, 1987, p. 69]. Лодки Ферриби иллюстрируют подход,

ориентированный на центральную линию корпуса и собранный из множества деталей, вырезанных до почти окончательной формы. В отличие от них лодку из Дувра можно рассматривать как модификацию идеи «лодки-близнеца», восходящую к стадии, когда две однопалубные соединялись бок о бок и закреплялись клиньями; это объясняет необычный «шов-молнию» по центральной линии. Все элементы лодки из Дувра были вырезаны по индивидуальной форме, а изгиб применялся для получения продольной кривизны днища. Дополнительные раскопки на месте находки потенциально могут прояснить последовательность строительства и размеры лодки [Crumlin-Pedersen, 2010, p. 60].

Также выделим две категории памятников для анализа: лодки бронзового века из Британии (1550–800 гг. до н. э.) и находки морских судов романо-кельтского круга, датируемые I–IV вв. н. э. Между этими группами существует заметный хронологический разрыв, в течение которого навигация и торговые связи распространялись на север из Средиземноморья по континентальным рекам и вдоль побережья [7].

Найдены два затонувших морских судна этого типа в Лондоне и у острова Гернси, а также прибрежное судно на ферме Барландс в Уэльсе, подтверждающие использование больших железных гвоздей для крепления досок к рамам. Корабли «Майнц», построенные примерно в 400 г. н. э. на реке Рейн для римской патрульной службы и транспортировки, а также крупные рейнские баржи типа *Zwammerdam* и аналогичные суда на озере Невшатель (Швейцария) демонстрируют широкое применение дощатой обшивки и каркасных приёмов в римской кораблестроительной традиции [Crumlin-Pedersen, 2010, p. 62].

При строительстве романо-кельтских судов часто применялась техника, при которой сначала создавалась основа (*board-keel* или несколько килевых досок), затем устанавливали каркасы в носовой и кормовой частях, после чего к ним прибавляли обшивку гвоздями – подход, близкий к «*frame-first*» (сначала каркас) [Nayling & McGrail, 2001, p. 199–211]. Параллельно существовала и техника «*shell-first*» (сначала панцирь), а также традиции шовной (сшиваемой) постройки, характерные для британских находок бронзового века. Эти методы отличаются от врезной техники Средиземноморья и от более позднего клинкерного крепления с нагелями и металлическими скобами в бассейнах Северного моря и Балтики [Crumlin-Pedersen, 2010, p. 62].

Таким образом, корабли ранней римской эпохи и романо-кельтские образцы существенно отличаются и от британских бронзовых предшественников, и от средиземноморских римских методов, при этом наблюдаются случаи технологической заимствованности и локальной адаптации.

МакКоган предположил, что несколько лодок, построенных в технике *carvel-built* (с гладкой, плотной обшивкой), обнаруженных в 1835 г. в Западной Ирландии, возможно, унаследовали черты романо-кельтской традиции судостроения. Это позволяет по-новому рассмотреть мореплавание до эпохи викингов вдоль атлантического побережья Британии и Ирландии [McCaughan, 2008, p. 9].

Ладья Хьёртшпринг, датируемая примерно 350 г. до н. э., представляет собой военное судно с расширенным днищем и пришитыми боковыми планками. Памятник был раскопан в 1921–1922 гг. на острове Алс (южная Дания) Густавом Розенбергом. В болотной среде обнаружены остатки ладьи длиной около 18 м и большое количество оружия (169 копий, 11 мечей, 64 щита и следы от 10–12 кольчуг), что интерпретируется как депозиция оружия вместе с лодкой. Состояние древесины осложняло раскопки и последующую консервацию; реставрационные работы и переоценка реконструкции проводились в 1970–1980-е гг., и реконструкция Розенберга в целом была подтверждена [Crumlin-Pedersen, 2003, p. 28–29].

Ладья состоит из днищевой доски, к которой с каждой стороны присоединены по две бортовые доски. По опубликованным данным, эти доски имели выпуклую форму, хотя построенные модели показали, что ладью можно изготовить и из прямых бортовых досок. Основные конструктивные элементы не находят полного аналога в других известных находках. Розенберг, имея опыт резьбы по дереву, смог документировать и доставить все

сохранившиеся детали в Национальный музей Дании, где находка опубликована и экспонируется [Crumlin-Pedersen, 2003, p. 29].

Изменения влажности в помещении демонстрации привели к частичному разрушению внутренних деревянных частей, поэтому в 1970-е гг. была проведена полная реставрация ладьи; в 1980-е гг. судно было отреставрировано в новой экспозиции, и переоценка реконструкции подтвердила многие детали (Crumlin-Pedersen, 2003, p. 29).

Вполне вероятно, что другие скандинавские корабли того периода и даже лодки бронзового века строились по схожим принципам: за основу брали расширенный элемент лодки, применяли тонкие вырезанные и изогнутые по форме элементы, оптимизирующие прочность при минимальном весе корпуса [Crumlin-Pedersen, 2010, p. 64].

Сравнение массы корпусов реконструированных лодок Ферриби и Хьёртшпринга показывает, что лодка Ферриби была в 8–10 раз тяжелее лодки Хьёртшпринга в расчёте на массу на метр длины или на массу гребца; это демонстрирует принципиальную разницу в подходах к судостроению и назначении судов (транспорт/переправа против лёгких военно-манёвренных лодок) [Crumlin-Pedersen, 2006, p. 224–226; Crumlin-Pedersen, 2010, p. 65].

Недавние исследования зафиксировали значительное количество находок деревянных лодок железного века и средневековья в Северной Европе, в том числе лодок с расширенным днищем [Crumlin-Pedersen, 2010, p. 65]. В южной Скандинавии сосредоточено множество ранних находок I–IV вв. н. э., а лодки расширенного типа также встречаются в других районах Балтийского моря. Большинство этих лодок изготовлено из дуба; в восточной части Балтийского региона использовались также липа, сосна и осина [Crumlin-Pedersen, 2003, p. 81–88].

Процесс расширения превращает цилиндрическую (или слегка коническую) форму бревна в плавно изогнутую форму лодки, пригодную для морской или бурной воды. Для сохранения расширенной формы требовались подрамники (рамы, обрешётки или их сочетания), расположенные через равные промежутки по длине лодки. Таким образом, концепция формы и внутреннего устройства традиционных скандинавских лодок во многом основана на применении технологии расширения, хотя другие элементы клинкерной традиции (килевые и форштевневые стойки, отдельные доски, железные крепления) пришли из разных региональных практик [Crumlin-Pedersen, 2010, p. 65].

Заключение

Проведённое исследование эволюции судостроительных технологий Северной Европы от эпохи бронзы до раннего Средневековья позволило выявить ключевые этапы развития кораблестроения и их влияние на формирование морской культуры региона.

В эпоху бронзы преобладали однодеревки-долблёнки, которые со временем усложнялись за счёт добавления бортовых досок и шовных соединений (лодки Ферриби и Дувра). К железному веку появляются лёгкие и манёвренные суда (ладья Хьёртшпринг), демонстрирующие переход к более совершенным методам обработки древесины. В римский период распространяется техника «frame-first», заимствованная и адаптированная под местные условия, что свидетельствует о межкультурном обмене технологиями.

Развитие судостроения напрямую зависело от природных условий: доступности древесины (дуб, липа, сосна, осина), особенностей морских и речных путей, а также влияния Гольфстрима, обеспечивавшего навигацию в холодных водах.

Несмотря на значительный объём данных, остаются спорные вопросы, например, истинная конструкция «плота» из Бригга или степень влияния романо-кельтских традиций на атлантическое судостроение.

Перспективными направлениями дальнейшей работы являются: глубокий анализ отдельных археологических находок с публикацией первичных данных (3D-моделей, дендродат, отчётов по консервации); широкое применение дендрохронологии, радиоуглеродного датирования, металлографического анализа и 3D-реконструкций;

экспериментальная археология и динамическое моделирование для оценки ходовых качеств реплик; сравнительный анализ североевропейских и средиземноморских традиций кораблестроения на основе первичных источников.

Эволюция судостроения в Северной Европе отражает не только технологический прогресс, но и адаптацию человека к природным условиям, становление торговых путей и военных стратегий. Углублённое изучение этих процессов с опорой на первичные данные и современные методы анализа позволит получить более полную и проверяемую картину роли региона в формировании европейской морской цивилизации.

Список литературы

- Хлевов А.А. 2016. Корабль в культуре Скандинавии бронзового века: географический аспект. // *Общество. Среда. Развитие*. № 1. – С. 65–69.
- Clark P. (ed.) 2004a. *The Dover Bronze Age Boat*. London: English Heritage.
- Clark P. (ed.) 2004b. *The Dover Bronze Age Boat in Context. Society and Water Transport in Prehistoric Europe*. Oxford: Oxbow Books.
- Crumlin-Pedersen O., Trakadas A. (eds.) 2003. *Hjortspring: A Pre-Roman Iron-Age Warship in Context*. Ships and Boats of the North 5. Roskilde: Viking Ship Museum.
- Crumlin-Pedersen O. 2003. The Hjortspring Boat in a Ship-Archaeological Context. In: *Hjortspring: A Pre-Roman Iron-Age Warship in Context*. O. Crumlin-Pedersen, A. Trakadas (eds.). Roskilde: Viking Ship Museum: 209–233.
- Crumlin-Pedersen O. 2010. *Archaeology and the Sea in Scandinavia and Britain*. Roskilde: Viking Ship Museum.
- Crumlin-Pedersen O. 2006. The Dover Boat – a Reconstruction Case-Study. In: *International Journal of Nautical Archaeology*. 35(1): 58–71.
- Lillie M. 2005. Deconstructing Reconstruction: The Bronze Age Sewn Plank Boats from North Ferriby, River Humber, England, UK and their Context. In: *Journal of Wetland Archaeology*. 5: 97–109.
- McCaughan M. 2008. Irish Vernacular Boats. In: *Traditional Boats of Ireland: History, Folklore and Construction*. C. Mac Cárthaigh (ed.). Cork: Collins Press: 3–11.
- McGrail S. 1981. *The Brigg «Raft» and her Prehistoric Environment*. BAR British Series 89. Oxford: British Archaeological Reports.
- Millet M., McGrail S. 1987. The Archaeology of the Hasholme Logboat. In: *The Archaeological Journal*. 144: 69–155.
- Nayling N., McGrail S. 2001. *The Barland's Farm Romano-Celtic Boat*. CBA Research Report 138. York: Council for British Archaeology.
- Roberts O.T.P. 1992. The Brigg «raft» reassessed as a round bilge Bronze Age boat. In: *The International Journal of Nautical Archaeology*. 21(3): 245–258.
- Van de Moortel A. 2003. A New Look at the Utrecht Ship. In: *Boats, Ships and Shipyards*. C. Beltrame (ed.). Oxford: Oxbow Books: 183–189.
- Van de Noort R. 2004a. An Ancient Seascape: The Social Context of Seafaring in the Early Bronze Age. In: *World Archaeology*. 35(3): 404–415.
- Van de Noort R. 2004b. The Humber, its Sewn-Plank Boats, their Contexts and the Significance of it all. In: *The Dover Bronze Age Boat in Context*. P. Clark (ed.). Oxford: Oxbow Books: 90–98.
- Wright E. 1990. *The Ferriby Boats. Seacraft of the Bronze Age*. London: Routledge.

References

- Khlevov A.A. 2016. The Ship in the Culture of the Scandinavian Bronze Age: A Geographical Aspect. In: *Society. Environment. Development*. (1): 65–69 (in Russian).
- Clark P. (ed.) 2004a. *The Dover Bronze Age Boat*. London: English Heritage.
- Clark P. (ed.) 2004b. *The Dover Bronze Age Boat in Context. Society and Water Transport in Prehistoric Europe*. Oxford: Oxbow Books.
- Crumlin-Pedersen O., Trakadas A. (eds.) 2003. *Hjortspring: A Pre-Roman Iron-Age Warship in Context*. Ships and Boats of the North 5. Roskilde: Viking Ship Museum.

- Crumlin-Pedersen O. 2003. The Hjortspring Boat in a Ship-Archaeological Context. In: *Hjortspring: A Pre-Roman Iron-Age Warship in Context*. O. Crumlin-Pedersen, A. Trakadas (eds.). Roskilde: Viking Ship Museum: 209–233.
- Crumlin-Pedersen O. 2010. *Archaeology and the Sea in Scandinavia and Britain*. Roskilde: Viking Ship Museum.
- Crumlin-Pedersen O. 2006. The Dover Boat – a Reconstruction Case-Study. In: *International Journal of Nautical Archaeology*. 35(1): 58–71.
- Lillie M. 2005. Deconstructing Reconstruction: The Bronze Age Sewn Plank Boats from North Ferriby, River Humber, England, UK and their Context. In: *Journal of Wetland Archaeology*. 5: 97–109.
- McCaughan M. 2008. Irish Vernacular Boats. In: *Traditional Boats of Ireland: History, Folklore and Construction*. C. Mac Cárthaigh (ed.). Cork: Collins Press: 3–11.
- McGrail S. 1981. *The Brigg «Raft» and her Prehistoric Environment*. BAR British Series 89. Oxford: British Archaeological Reports.
- Millet M., McGrail S. 1987. The Archaeology of the Hasholme Logboat. In: *The Archaeological Journal*. 144: 69–155.
- Nayling N., McGrail S. 2001. *The Barland's Farm Romano-Celtic Boat*. CBA Research Report 138. York: Council for British Archaeology.
- Roberts O.T.P. 1992. The Brigg «raft» reassessed as a round bilge Bronze Age boat. In: *The International Journal of Nautical Archaeology*. 21(3): 245–258.
- Van de Moortel A. 2003. A New Look at the Utrecht Ship. In: *Boats, Ships and Shipyards*. C. Beltrame (ed.). Oxford: Oxbow Books: 183–189.
- Van de Noort R. 2004a. An Ancient Seascape: The Social Context of Seafaring in the Early Bronze Age. In: *World Archaeology*. 35(3): 404–415.
- Van de Noort R. 2004b. The Humber, its Sewn-Plank Boats, their Contexts and the Significance of it all. In: *The Dover Bronze Age Boat in Context*. P. Clark (ed.). Oxford: Oxbow Books: 90–98.
- Wright E. 1990. *The Ferriby Boats. Seacraft of the Bronze Age*. London: Routledge.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 02.04.2025

Received 02.04.2025

Поступила после рецензирования 15.10.2025

Revised 15.10.2025

Принята к публикации 17.10.2025

Accepted 17.10.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Задорожная-Ремарчук Алина Николаевна, преподаватель кафедры «Всеобщая история и мировая культура», Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

Alina N. Zadorozhnaya-Remarchuk, Lecturer, Department of General History and World Culture, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia



[ORCID: 0009-0008-8888-1637](https://orcid.org/0009-0008-8888-1637)



УДК: 94 (38)
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-808-815
EDN EECSGD
Оригинальное исследование

Эволюция термина «сикофант» в контексте политизации судебной системы Афин V–IV вв. до н. э.

Мишин А.В. , Сивкина Н.Ю.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Н. Новгород, проспект Гагарина, 23
E-mail: andrey_michin@rambler.ru, sivkina@imomi.unn.ru

Аннотация. Цель исследования – проследить, как менялось содержание термина «сикофант» с момента первого его употребления в комедиях Аристофана, и выявить факторы, способствовавшие расширению его значения. Для этого анализируется этимология и самые ранние примеры его использования в комедиях Аристофана последней трети V в. до н. э. Делаются выводы о сближении в источниках образов сикофанта и демагога. Рассматриваются примеры участия профессиональных обвинителей в политических процессах конца V в. до н. э., за этим следует анализ употребления исследуемого понятия в фрагменте речи Гиперида «Против Дионда» из Архимедова палимпсеста. В результате делается заключение, что по мере все большей политизации судебной системы не использовавшееся в V в. до н. э. в контексте политических преследований слово «сикофант» во второй половине IV в. до н. э. начинает применяться к тем, кто систематически обращается в суд в борьбе со своими политическими оппонентами.

Ключевые слова: сикофант, древнегреческие ораторы, Афины, Гиперид, судебные речи

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Мишин А.В., Сивкина Н.Ю. 2025. Эволюция термина «сикофант» в контексте политизации судебной системы Афин V–IV вв. до н. э. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 808–815. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-808-815. EDN: EECSGD

Evolution of the Term “Sycophant” in the Context of Politicization of the Judicial System in Athens in the 5th and 4th Centuries BC

Andrey V. Mishin , Nataliya Yu. Sivkina

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia
E-mail: andrey_michin@rambler.ru, sivkina@imomi.unn.ru

Abstract. The article analyzes the etymology of the term “sycophant” during the 5th and 4th centuries BC. The purpose of the study is to trace how the content of the term “sycophant” has changed since its first use in Aristophanes' comedies, and to identify the factors that have contributed to the expansion of its meaning. As a result of their research, the authors conclude that the images of the sycophant and the demagogue are similar in the sources of the 5th and 4th centuries. The article examines examples of the participation of professional prosecutors in political trials in the late 5th century BC, followed by an analysis of the use of the concept in a fragment of Hyperides' speech “Against Diondes” from the Archimedes Palimpsest. The article concludes that as the judicial system became increasingly politicized, the word “sycophant”, which was not used in the context of political persecution in the 5th century BC, began to be applied to those who systematically used the judiciary to combat their political opponents in the second half of the 4th century BC.

Keywords: sycophant, ancient Greek orators, Athens, Hyperides, judicial speeches

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Mishin A.V., Sivkina N.Yu. 2025. Evolution of the Term “Sycophant” in the Context of Politicization of the Judicial System in Athens in the 5th and 4th Centuries BC. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 808–815 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-808-815. EDN: EECSGD

Введение

Долгое время считалось, что сикофанты – это те, кто на постоянной основе выдвигал ложные обвинения в целях личного обогащения [Lofberg, 1917, p. 7; Bonner, Smith, 1938, p. 41]. Новый взгляд на проблему был предложен в 1976 г. А. Эдкинсом в статье «*Polu pragmosune and "Minding One's Own Business"*», в которой он заявил, что данный образ был сформирован под влиянием выходцев из «высшего класса», которые могли назвать так всякого, кто беспокоил их вызовами в суд [Adkins, 2022, p. 188–189]. Тем не менее доминирующей данная трактовка так и не стала, и, например, Дэвид Харви, формулируя свое определение, вновь пришел к выводу, что сикофант – это тот, кто подает жалобы на богатых и влиятельных граждан за деньги с целью получить часть штрафа или конфискованного имущества или в надежде, что жертва откупится [Harvey, 1990, 106–107].

Вместе с тем в речах афинских ораторов IV в. до н. э. можно встретить и пассажи, в которых сикофантами называют тех, кто систематически прибегает к суду для борьбы с политическими оппонентами. Так, в частности, в 2005 г. была открыта речь Гиперида «Против Дионда», дающая новый пример подобного использования слова «сикофант», но не получившая еще должного внимания исследователей, занимающихся данным вопросом. При этом в контексте политических преследований оно употреблялось не всегда. Так, например, ни разу не использует его Фукидид, когда пишет о процессе гермокопидов, хотя в рассказе Плутарха о тех же событиях оно встречается, что заставляет вновь обратиться к вопросам: кого в Афинах называли сикофантами и не менялось ли значение этого слова со временем?

Поэтому целью данного исследования является изучение процесса расширения значения термина «сикофант» с момента первого его употребления в комедиях Аристофана и выявление факторов, способствовавших этому.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает эволюция термина «сикофант», который афиняне использовали для обозначения обвинителей, на постоянной основе вызывавших в суд кого-то из своих сограждан.

Материалом для исследования послужили произведения Аристофана, прежде всего его комедии: «Ахарняне» 425 г. до н. э., «Всадники» 424 г. до н. э. и «Богатство» 408 г. до н. э., а также речи афинских ораторов конца V–IV вв. до н. э.: Андокида, Демосфена, Эсхина, Ликурга и Гиперида. В частности, были привлечены открытые в 2005 г. Н. Чернецкой новые фрагменты из речи Гиперида «Против Дионда» [Tchernetska, 2005].

Теоретическую базу исследования составляют работы современных исследователей, посвященные проблеме сикофантов [Кудрявцева, 2007; Lofberg, 1917; Bonner, Smith, 1938; Harvey, 1990; Christ, 1998; Osborne, 2010; Adkins, 2022], особенностям афинской демократии [Суриков, 2018; Суриков, 2025], политике Афин V–IV вв. до н. э. и деятельности ораторов в этот период [Маринович, 1993; Кудрявцева, 2016; Herrman, 2009; Horvath, 2009; Rhodes, 2009; Todd, 2009; Evangelos, 2020].

Методологической основой исследования являются общенаучные и общеисторические методы, основанные на принципах историзма, системности и объективности. В качестве общенаучных использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, обобщения исследованного материала, аналогии. Кроме того, применялись специальные исторические методы: историко-генетический, позволяющий проследить изменения в содержании понятия «сикофант» от его первого появления в комедиях Аристофана до его использования Гиперидом в речи «Против Дионда»; проблемно-хронологический, необходимый в изучении тех обстоятельств, которые способствовали смещению и расширению значения слова «сикофант».

Результаты и их обсуждение

Слово «сикофант» происходит от двух древнегреческих корней: σῖκον – плод смоковницы, и φαίνω – являть, обнаруживать. Аттидограф Истр в III в. до н. э. приводил на этот счет историю о том, что некогда в Афинах существовал запрет на вывоз сушеной смоквы (ισχάδας), а тех, кто выявлял торговцев, нарушавших данный запрет, называли сикофантами (FGrH 334 F 12). Косвенные подтверждения тому мы находим у Аристофана. Так, в его комедии «Ахарняне» сикофанты занимались именно тем, что выискивали контрабандный товар (Arist. Ach., 818–828, 908–927). Примечательно, что перед появлением на сцене сутяжника, мегарский торговец, ставший его жертвой, прячет за пазуху сушеную смокву, для обозначения которой, как и у Истра, используется слово ισχάδας (Arist. Ach., 809–810).

Тем не менее были и другие варианты его этимологии [Кудрявцева, 2007, с. 176]. Слово σῖκον вообще имело много различных подтекстов культурного, ритуального и даже сексуального характера [Osborne, 2010, p. 86]. Интересен, например, приводимый американским исследователем М. Крайстом афинский обычай раз в год выгонять из города двух аутсайдеров в качестве козлов отпущения, что сопровождалось обрядовыми действиями с использованием инжира [Christ, 1998, p. 51]. Это должно было подтверждать его теорию, согласно которой сикофант – это не «профессия», а навешиваемый на отдельных граждан негативный ярлык, с помощью которого афиняне открещивались от обвинений в страсти к сутяжничеству, перекладывая вину на назойливых обвинителей [Christ, 1998, p. 67–68].

Первым, кто заговорил именно о назойливости как главной черте сикофантов, был А. Эдкинс. Так, он отмечал, что знатные состоятельные афиняне могли использовать это слово против тех, кто пытался привлечь их к ответственности за неподобающее исполнение ими их гражданских обязанностей [Adkins, 2022, p. 188–189]. Наиболее показательны здесь реплики сикофанта из комедии Аристофана «Богатство», в которых сутяжник гордо заявляет, что «сохраняет устои отечества» и «не терпит ни тени беззакония», а упреки в его сторону сводятся к тому, что он «праздношатаем шляется» и «лезет в чужие дела» (Arist. Plut., 906–925). При этом сикофанты, согласно Аристофану, обвиняют в контрабандной торговле (Arist. Ach., 818–828, 908–927), неуплате пошлин (Arist. Equit., 300–303), хищении (Arist. Equit., 435–438; Plut., 880–882) и побоях (Arist. Plut., 930–932), то есть в реальных нарушениях законов.

Отдельно стоит рассмотреть комедию «Всадники», где сикофантом выступает личный враг Аристофана, популярный политик Клеон. Вероятно, что, подобно другим демагогам, он часто выступал в качестве обвинителя в суде, зарабатывая политические очки на привлечении к ответственности своих сограждан, избранных на государственные должности [Bonner, Smith, 1938, p. 43]. В Афинах каждый имел право выдвинуть обвинения против покидавших свой пост магистратов в ненадлежащем исполнении ими их обязанностей, что в целом не считалось чем-то предосудительным и даже наоборот воспринималось как исполнение гражданского долга [Lofberg, 1917, p. 45]. Как сикофантия подобное могло расцениваться лишь в случае, если угрозы выдвижения обвинений в коррупции и иных должностных преступлениях использовались в целях шантажа и вымогания денег, что мы видим в одной из сцен «Всадников», в которой Клеон угрожает Демосфену судом за украденные у афинян таланты, за чем следует предложение решить дело в досудебном порядке (Arist. Equit., 435–442).

В отличие от безымянного сутяжника из «Ахарнян», который хотел засудить бедного мегарского торговца, Клеон ищет своих жертв «среди граждан побогаче», и цель его не столько в привлечении к ответственности нарушителей порядка, сколько в получении взяток (Arist. Equit., 258–263). Образ сикофанта в лице Клеона, таким образом, сплетается с образом демагога – недобросовестного политика, заискивающего перед демосом и использующего его поддержку в личных, зачастую корыстных целях [Суриков, 2018, с. 186].

Это не только Клеон. В страсти к судебным тяжбам обвиняет Аристофан и другого демагога Гипербола (Arist. Ach., 842–847). Так, за сикофантами закрепляется слава сутяжников, что часто нападают на влиятельных политиков и богачей с целью поживиться, рассчитывая при этом, подобно демагогам, на поддержку среди низов и рядовых граждан. Особенно ярко это проявляется в речи Гиперида «В защиту Евксениппа», в которой оратор делает акцент на том, что называемый

им сикофантом Полиевкт «многократно напоминал в своей речи, что Евксенипп богат, и немного погоди [сказал об этом] снова, как будто он нечестным путем составил себе большое состояние», чем явно пытался склонить судей на свою сторону (Hyer. Pro Eux., XXIV, 32).

При этом тех, кто прибегал к подобного рода приемам, могли называть как сикофантом, так и демагогом, о чем свидетельствует Демосфен, относящий к последним, в частности, и тех, кто «привлекает граждан к суду и отбирает имущество их в казну» (Dem. VIII, 69). В данном значении слово «сикофант» и войдет в лексикон ораторов конца V–IV вв. до н. э. Яркие портреты подобных персонажей дают нам Демосфен в своей речи «Против Аристогитона» (Dem. XXV, 52) и Гиперид в речи «Против Ликофрона» (Hyer. Pro Lycoph. F IVb, II, 2).

Руководство корыстными мотивами – это то, что традиционно считают одной из ключевых характеристик сикофантов [Кудрявцева, 2007, с. 178; Lofberg, 1917, p. 7; Bonner, Smith, 1938, p. 41]. Вместе с тем с обострением в IV в. до н. э. в Афинах внутривнутриполитической борьбы на фоне македонской экспансии, в речах афинских ораторов IV в. до н. э. начинают появляться пассажи, в которых сикофантами называют уже тех, кто систематически прибегает к суду в целях борьбы с политическими оппонентами.

Участие профессиональных обвинителей в политических процессах имело место и раньше, но чаще всего в подобного рода делах они выступали в качестве платных агентов на службе у третьих лиц, и именно это служило главным основанием для обвинений в сикофантии. В иных случаях слово «сикофант» долгое время обычно не употреблялось. Так, не использует его Фукидид при описании дела гермокопидов, а вот писавшему о тех же событиях в I в. н. э. Плутарху использование его в контексте политических преследований уже вполне привычно (Plut. Alcib. XIX, 5). Не называет сикофантами доносчиков по тому же делу и Андокид в своей речи «О мистериях» (And. I, 11–17), даже вымогавшего деньги за молчание Диоклида (And. I, 37–40). Хотя само слово в речи встречается, но направлено оно против обвинителей самого Андокида: Кефисия, который, по словам оратора, был нанят для этого его врагом Каллием (And. I, 121), и Эпихара, жившего за счет доносов и зарабатывавшего ремеслом сикофанта (And. I, 99). Не употребляется оно и в рассказе Ксенофонта о суде над обвинителями, принимавшими участие в процессе над стратегами после битвы при Аргинусах (Xen. Hell. I, 7. 35).

В IV в. до н. э. обвинения в сикофантии в контексте политических преследований становятся уже более распространенными. Это было время жестокого противостояния политических группировок, сформировавшихся вокруг фигур нескольких влиятельных ораторов: Ликурга, Демосфена, Гиперида, Эсхина и Фокиона [Маринович, 1993, с. 62], которым приходилось отстаивать свои позиции не только на народном собрании, но и в дикастерии, где их цель обычно заключалась в том, чтобы представить своих противников в негативном свете, в том числе с помощью обвинений в сутяжничестве. Подобное мы встречаем у Эсхина, который выдвигал такого рода упреки в сторону Демосфена (Aeschin. II, 5; III, 172, 256) и Тимарха (Aeschin. I, 20). В таком же контексте использует слово «сикофант» и Гиперид во фрагментах речи «Против Дионда».

Речь была открыта в 2005 г. Н. Чернецкой при изучении Архимедова палимпсеста, в котором, помимо трактатов древнегреческого математика, в том числе ранее неизвестных, были обнаружены фрагменты двух сочинений Гиперида: «Против Тимандра» и «Против Дионда» [Tchernetska, 2005]. Находка сразу привлекла внимание исследователей. В январе 2009 г. Институтом классических исследований при Лондонском университете даже была организована конференция, посвященная новым фрагментам Гиперида. В частности, отмечалась схожесть речи «против Дионда» с речью Демосфена «О венке» [Todd, 2009] и то, что первая во многом предвосхищала вторую и больше фокусировалась на событиях, произошедших после битвы при Херонее [Herrman, 2009]. Обсуждались вопросы датировки и интерпретации приводимых Гиперидом данных о численности афинских военных кораблей, принимавших участие в греко-персидских войнах [Horvath, 2009; Rhodes, 2009].

Суд состоялся либо в 335/4, либо 334/4 г. до н. э., и обвинение было направлено против Гиперида [Care et al., 2008, p. 2–3]. Имя Дионда уже встречалось прежде в речи Демосфена «О венке», где он выступал как один из множества профессиональных обвинителей на службе у политиков из промакедонского лагеря, выдвигавших свои обвинения в сторону противников

Филиппа II (Dem. XVIII, 222, 249). Благодаря же этой речи можно гораздо больше узнать о карьере подобного рода сикофантов, специализирующихся именно на политических судебных процессах. Также на ее примере можно проследить механизм, с помощью которого слово «сикофант» стало распространяться и на политические преследования.

Так, несмотря на то, что оно часто используется в качестве ругательства и негативного ярлыка, как метко подмечает М. Крайст, оратор, клеймящий кого-то как сикофанта, должен был убедить слушателей в том, что тот соответствует характеристикам, закрепившимся в обществе за профессиональными доносчиками [Christ, 1998, p. 60]. Одной из таких характеристик было то, что они возбуждают много судебных тяжб [Harvey, 1990, p. 113]. Этим и пользуется Гиперид. Так, сначала он говорит, что Диондом было внесено 50 жалоб, в том числе 3 против самого Гиперида (Hyp. C. Diondas, 3. 9, 23). При этом суть его обвинений сводится к тому, что Дионд «против тех, кто на пользу Филиппу вел государственные дела, ни одной еще жалобы не подал» (κατὰ μὲν τῶ(ν) ὑπὲρ Φιλίππου πολιτευομένων οὐδεμίαν πόποτε γραφὴν ἀπῆνευκεν), а «тех же, кто против него дела вел, бранит постоянно на всех собраниях» (τοῖς δὲ τὰναντία ἐκεῖνῳι πολιτευομένοις λοιδοροῦμεν(ος) διατελεῖ ἐπὶ πάντων τῶν ἀγῶνων) (Hyp. C. Diondas, 3. 10–15). То есть обвиняет он его в первую очередь в преследованиях по политическим мотивам, что не является характерной чертой сикофантов.

Поэтому Гиперид делает акцент на том, что «сикофанту свойственно много тяжб возбуждать» (ἐστὶ γὰρ σικοφάντου μὲν τὸ πολλοὺς ποιῆσαι ἀγῶνας), Дионд же, «хотя закон запрещает представлять перед судом до тридцати лет, до двадцати пяти лет вдвое больше них жалоб внес» (τοῦ νόμου ἀπαγορεύοντος μηδὲνα προσιέναι πρὸς τὰ δικάτῃρια πρὶν ἂν τριάκοντα ἔτη γένηται, πρὶν πέντε καὶ εἴκουσι ἔτη σοι γενέσθαι, διπλασίας αὐτῶν γραφὰς ἀπενήνοχας) (Hyp. C. Diondas, 8. 1–6). Здесь же он отмечает, что Дионд действовал «друзьям прислуживая, которые не осмеливаются подавать жалобы, чтобы не быть кем-нибудь побежденными» (ταῦ(τα) ἑτέροις ὑπερετῶν, οἱ αὐτοὶ μὲν οὐ τολμῶσιν γράφεσθαι, ἵνα μὴ τι ἂν χειρωθῶσιν) (Hyp. C. Diondas, 8. 6–9). Под неназванными друзьями оратор явно подразумевал более влиятельных политиков из промакедонского лагеря. Один из лучших кандидатов на эту роль – упоминавшийся в этой же речи Демад (Hyp. C. Diondas, 7. 10–16), который выступал посредником в переговорах с Филиппом II после битвы при Херонее [Сивкина, Новосильнов, 2022] и в целом активно контактировал с ним и его наследником в целях поддержания мира [Кудрявцева, 2012, с. 162–165], за что подвергался нещадной критике со стороны того же Гиперида, называвшего его агентом македонского влияния, по вине которого Афинам приходилось «терпеть рабство» со стороны македонских царей [Kucharski, 2023, p. 408]. В данном пассаже, в котором заявляется, что Дионд действовал в интересах третьих лиц, можно разглядеть намёк на ещё одну характеристику сикофанта – выдвижение исков за деньги [Harvey, 1990, p. 112], хотя и не ясно, как именно благодарили его друзья за оказанные услуги.

Суть же обвинений состоит в том, что Дионд использовал суд для борьбы с лидерами, проводящими антимакедонскую политику. В этом же контексте, но уже в сторону антимакедонских политиков использовал слово «сикофант» Эсхин, называвший так Тимарха и Демосфена. Если же углубиться в текст его речей, мы увидим те же механизмы расширения смысла понятия, что и в речи «против Дионда». Так, помимо многочисленности исходящих от них исков, Эсхин также делает акцент на то, что Тимарх, выдвигая свои обвинения против тех, кто участвовал в посольствах, якобы выступал в качестве «платного доносчика» (Aeschin. I, 20). Доказательств этому утверждению он не приводит, но этого хватает для того, чтобы оправдать дальнейшие обвинения в сикофантии.

В результате можно констатировать, что термин «сикофант» становится весьма многозначным. В последней трети IV в. до н. э. так могли заклеить практически любого обвинителя. На это, например, сетовал Ликург, писавший в конце 330-х гг. до н. э., что «дело доходит до того, что тот, кто подвергается личному риску и навлекает на себя ненависть ради всеобщего дела, может показаться человеком, любящим не свой город, а раздоры в нем» (Лус. С. Leocr., 3). Поэтому инициаторам судебных процессов нередко приходилось начинать свои

речи с оправданий и объяснений, почему их самих не стоит причислять к числу профессиональных сутяжников (Aeschin. I, 1; Лус. С. Леогр., 5).

Таким образом, можно проследить, как по мере все большей политизации судебной системы не использовавшееся ранее по отношению к обвинителям в политических процессах слово «сикофант» начинает применяться к тем, кто систематически использует суд в борьбе со своими политическими противниками, что в последней трети V в. до н. э. было ещё относительно новым явлением. Судебные процессы с участием политических деятелей имели место в Афинах и раньше. Тем не менее только со времени Пелопонесской войны можно говорить о превращении дикастериев в оружие, активно применяющееся против политических оппонентов [Суриков, 2025, р. 194–195]. Но сикофант тогда – это пока ещё карикатура на излишне бдительных граждан, что рьяно «сохраняют устои отечества» и «не терпят ни тени беззакония» (Arist. Plut., 914–915). Уже тогда образ сикофанта стал вбирать в себя черты, характерные для демагогов, в результате чего со временем этот термин стал обозначать шантажистов, руководствующихся исключительно корыстными мотивами.

Полное аллюзий слово быстро было взято на вооружение составителями судебных речей и стало использоваться ими столь часто, что со временем перестало ассоциироваться с обвинителями в суде и стало восприниматься просто как оскорбление. Стоит также отметить, что в последней трети V в. до н. э. судебное красноречие в Афинах находилось лишь на начальной стадии своего развития, и во многом именно громкие процессы, последующие за падением тирании тридцати, способствовали активизации деятельности логографов, занимающихся составлением речей на профессиональной основе [Evangelos, 2020, р. 8–9]. На это же время пришелся и стремительный рост числа дел по конфискации имущества [Цымбал, 2015, с. 124–125], которые сулили наибольшие выгоды для желающих привлечь кого-то к суду [Кудрявцева, 2008, с. 188–189], так как в случае победы обвинитель получал часть изъятых богатств.

Заключение

Таким образом, в комедиях последней трети V в. до н. э. слово «сикофант» использовалось для осмеяния жалобщиков, причём не всегда недобросовестных, но скорее приносящих неудобства излишним надзором за соблюдением законов. Уже тогда образ профессионального обвинителя стал вбирать в себя черты, характерные для демагогов, использовавших суд для зарабатывания политических очков и извлечения материальной выгоды. При этом данное слово пока еще практически не употреблялось в контексте политических преследований. Однако по мере активизации политической жизни в Афинах конца V–IV вв. до н. э., способствовавшей превращению судов в оружие для борьбы с политическими оппонентами, слово «сикофант» все чаще стало применяться к тем, кто систематически использует суд в борьбе со своими политическими противниками, ярким примером чему является речь Гиперида «против Дионда». В результате в последней трети IV в. до н. э. так можно было назвать уже любого сутяжника. Впоследствии термин и вовсе перестал ассоциироваться с обвинителями в суде и стал использоваться просто как оскорбление.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно провести изучение особенностей внутривнутриполитической борьбы в Афинах, распространение доносов и их влияние на широкое употребление термина «сикофант».

Список литературы

- Кудрявцева Т.В. 2007. Сикофанты и афинская демократия. *Вестник древней истории*. 2: 174–184.
- Кудрявцева Т.В. 2008. Народный суд в демократических Афинах. Санкт-Петербург, Алтейя, 464 с.
- Кудрявцева Т.В. 2016. Демад: pacis suasor, belli dissuasor. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 4: 159–173.
- Маринович Л.П. 1993. Греки и Александр Македонский: проблемы кризиса полиса. Москва, Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 287 с.



- Сивкина Н.Ю., Новосильнов А.С. 2022. Битва при Херонее 338 г. до н. э.: проблема источников. *Клио*. 1(181): 28–34.
- Суриков И. Е. 2018. Античная Греция: Политогенез, политические и правовые институты. Москва, Языки славянской культуры, 760 с.
- Суриков И.Е. 2025. Из истории афинских олигархических переворотов конца V в. до н. э. II. Демагоги и их противники в 410-х гг. до н. э. *Проблемы истории, филологии и культуры*. 1: 186–199.
- Цымбал О.Г. 2015. Финансовые реформы в Афинах IV в. до н. э.: к проблеме кризиса греческого полиса. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 293.
- Adkins A.W.H. 2022. *Polu pragmosune and «Minding One's Own Business»: A Study in Greek Social and Political Values*. In: *The Philosophy of A.W.H. Adkins: «Virtue» and «Goodness» in Ancient Greece*. Cambridge, Cambridge Scholar Publishing: 178–212.
- Bonner R.J., Smith G. 1938. *The Administration of Justice from Homer to Aristotle*. Vol. II. Chicago, The University of Chicago press, 320.
- Care C. et al. 2008. Fragments of Hyperides' «Against Diondas» from the Archimedes Palimpsest. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 165: 1–19.
- Christ M.R. 1998. *The Litigious Athenian*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 317.
- Evangelos A. 2020. *Greek Rhetoric of the 4th Century BC. The Elixir of Democracy and Individuality*. Berlin, De Gruyter, 322.
- Harvey D. 1990. The Sycophant and Sycophancy: Vexatious Redefinition? In: P. Cartledge et al. (eds). *Nomos, Essays in Athenian Law, Politics and Society*. Cambridge, Cambridge University Press: 103–123.
- Herrman J. 2009. Hyperides' «Against Diondas» and the Rhetoric of Revolt. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 175–185.
- Horvath L. 2009. Hiperidea. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 187–222.
- Kucharski J. 2023. Hyperides, Diondas, and the First Ascendancy of Demades. In: A. Kapellos (eds). *The Orators and Their Treatment of the Recent Past*. Berlin; Boston, De Gruyter: 397–411.
- Lofberg O. 1917. *Sycophancy in Athens*. Chicago, University of Chicago libraries, 104.
- Osborne R. 2010. Vexatious Litigation in Classical Athens: Sykophancy and the Sycophant. In: *Athens and Athenian Democracy*. New York, Cambridge University Press: 83–102.
- Rhodes P.J. 2009. Hyperides' «Against Diondas»: Two Problems. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 223–228.
- Tchernetska N. 2005. New Fragments of Hyperides from the Archimedes Palimpsest. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 154: 1–6.
- Todd S.C. 2009. Hyperides «Against Diondas», Demosthenes «On the Crown», and the Rhetoric of the Political Failure. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 161–174.

References

- Kudryavtseva T.V. 2007. Sikofanty i afinskaya demokratiya [Siphophantes and the Athenian Democracy]. *Vestnik drevney istorii*. 2: 174–184.
- Kudryavtseva T.V. 2008. Narodnyy sud v demokraticheskikh Afinakh. [The People's Court in Democratic Athens]. Sankt-Peterburg, Alteyya, 464.
- Kudryavtseva T.V. 2016. Demad: pacis suasor, belli dissuasor [Demad: pacis suasor, belli dissuasor]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 4: 159–173.
- Marinovich L.P. 1993. Greki i Aleksandr Makedonskiy: problemy krizisa polisa [The Greeks and Alexander the Great: The Crisis of the Polis]. Moscow, Nauka, 287.
- Sivkina N.Yu., Novosil'nov A.S. 2022. Bitva pri Kheronee 338 g. do n. e.: problema istochnikov [The Battle of Heronaeus, 338 BC: The Problem of Sources]. *Klio*. 1(181): 28–34.
- Surikov I. E. 2018. Antichnaya Gretsia: Politogenez, politicheskie i pravovye instituty [Ancient Greece: Political Genesis, Political and Legal Institutions]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 760.
- Surikov I.E. 2025. Iz istorii afinskikh oligarkhicheskikh perevorotov kontsa V v. do n. e. II. Demagogi i ikh protivniki v 410-kh gg. do n. e. [From the History of the Athenian Oligarchic Coups of the Late 5th Century BC. II. The Demagogues and their Opponents in the 410s BC]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury*. 1: 186–199.
- Tsymbal O.G. 2015. Finansovye reformy v Afinakh IV v. do n. e.: k probleme krizisa grecheskogo polisa. [Financial Reforms in Athens in the 4th Century BC: The Problem of the Crisis of the Greek Polis]: dis. ... kand. ist. nauk. Yaroslavl', 293.

- Adkins A.W.H. 2022. *Polu pragmosune and «Minding One's Own Business»: A Study in Greek Social and Political Values*. In: *The Philosophy of A.W.H. Adkins: «Virtue» and «Goodness» in Ancient Greece*. Cambridge, Cambridge Scholar Publishing: 178–212.
- Bonner R.J., Smith G. 1938. *The Administration of Justice from Homer to Aristotle*. Vol. II. Chicago, The University of Chicago press, 320.
- Care C. et al. 2008. Fragments of Hyperides' «Against Diondas» from the Archimedes Palimpsest. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 165: 1–19.
- Christ M.R. 1998. *The Litigious Athenian*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 317.
- Evangelos A. 2020. *Greek Rhetoric of the 4th Century BC. The Elixir of Democracy and Individuality*. Berlin, De Gruyter, 322.
- Harvey D. 1990. The Sycophant and Sycophancy: Vexatious Redefinition? In: P. Cartledge et al. (eds). *Nomos, Essays in Athenian Law, Politics and Society*. Cambridge, Cambridge University Press: 103–123.
- Herrman J. 2009. Hyperides' «Against Diondas» and the Rhetoric of Revolt. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 175–185.
- Horvath L. 2009. Hiperidea. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 187–222.
- Kucharski J. 2023. Hyperides, Diondas, and the First Ascendancy of Demades. In: A. Kapellos (eds). *The Orators and Their Treatment of the Recent Past*. Berlin; Boston, De Gruyter: 397–411.
- Lofberg O. 1917. *Sycophancy in Athens*. Chicago, University of Chicago libraries, 104.
- Osborne R. 2010. Vexatious Litigation in Classical Athens: Sykophancy and the Sycophant. In: *Athens and Athenian Democracy*. New York, Cambridge University Press: 83–102.
- Rhodes P.J. 2009. Hyperides' «Against Diondas»: Two Problems. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 223–228.
- Tchernetska N. 2005. New Fragments of Hyperides from the Archimedes Palimpsest. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 154: 1–6.
- Todd S.C. 2009. Hyperides «Against Diondas», Demosthenes «On the Crown», and the Rhetoric of the Political Failure. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 161–174.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.07.2025

Received 25.07.2025

Поступила после рецензирования 05.11.2025

Revised 05.11.2025

Принята к публикации 07.11.2025

Accepted 07.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мишин Андрей Валерьевич, магистрант кафедры истории древнего мира и средних веков, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0009-0004-0201-3777](https://orcid.org/0009-0004-0201-3777)

Andrey V. Mishin, Master's Student at the Department of Ancient and Medieval History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Сивкина Наталья Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-5521-4001](https://orcid.org/0000-0002-5521-4001)

Nataliya Yu. Sivkina, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of Ancient and Medieval History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia



УДК 94(393)+[[81'373.613::811.124]+[930.271::811.14]]

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-816-830

EDN EUZNPК

Оригинальное исследование

К вопросу о специфике и характере употребления латинских заимствований в греческой эпиграфике Киликии и Исаурии в I в. до н. э. – VII в. н. э.

Лобынцев Д.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

E-mail: 1370485@bsuedu.ru

Аннотация. В римскую и позднеантичную эпоху латинский язык играл роль языка общегосударственного общения в восточных провинциях Римской Империи. Согласно распространённой точке зрения, его употребление в грекоязычных регионах римского Востока в целом было ограниченным и прекратилось в IV–V вв. после дезинтеграции политического единства Империи. Данная работа посвящена использованию латинизмов в греческой эпиграфике регионов Киликии и Исаурии. На наш взгляд, это исследование позволит переосмыслить глубину греко-латинского языкового контакта в период с I в. до н. э. по VII в. н. э. Осуществление анализа надписей позволило разделить обнаруженные латинизмы на несколько тематических групп, а также выделить характерные формы и особенности заимствования и адаптации латинизмов в эпиграфике данных регионов, такие как гибридная калька, морфологическая интеграция и др. Показано, что заимствования наименования военных и гражданских профессий демонстрируют пример пролонгированного влияния латыни на греческую языковую среду.

Ключевые слова: Киликия, Исаурия, эпиграфика, заимствование, калька, греческий язык, языковой престиж, римский Восток, поздняя Античность

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Лобынцев Д.В. 2025. К вопросу о специфике и характере употребления латинских заимствований в греческой эпиграфике Киликии и Исаурии в I в. до н. э. – VII в. н. э. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 816–830. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-816-830. EDN: EUZNPК

On the Issue of the Specifics and Nature of Using Latin Loanwords in the Greek Epigraphy of Cilicia and Isauria from the 1st Century BC to the 7th Century AD

Denis V. Lobynceva

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: 1370485@bsuedu.ru

Abstract. During the Roman and Late Antique periods, the Latin language served as the language of official communication in the eastern provinces of the Roman Empire. According to a common view, its use in the Greek-speaking regions of the Roman East was generally limited and ceased in the 4th – 5th centuries, following the disintegration of the political unity of the Roman Empire. This article is devoted to the problem of the using of Latinisms in the Greek epigraphy of the Cilicia and Isauria. In our view, the study will allow us to rethink the depth of Graeco-Latin language contact between the 1st century BC and the 7th century AD.

© Лобынцев Д.В., 2025

The analysis of the inscriptions has made it possible to divide the discovered Latinisms into several thematic groups, as well as to highlight the characteristic features of borrowing and adaptation of Latinisms in the epigraphy of these regions, such as hybrid calques, morphological integration, and others. It is shown that borrowings of the names of military and civil professions demonstrate an example of the prolonged influence of Latin on the Greek linguistic milieu.

Keywords: Cilicia, Isauria, epigraphy, loanword, loan translation, Greek language, linguistic prestige, Roman East, Late Antiquity

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Lobyncev D.V. 2025. On the Issue of the Specifics and Nature of Using Latin Loanwords in the Greek Epigraphy of Cilicia and Isauria from the 1st Century BC to the 7th Century AD. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 816–830 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-816-830. EDN: EUZNPk

Введение

Процесс завоевания Малой Азии Римской республикой, начавшийся в конце II в. до н. э. и в целом завершившийся уже в эпоху раннего принципата, в начале I в. н. э. (в отдельных частях региона – вплоть до 2-й пол. I в.), закономерно сопровождался установлением не только политического, но и культурного влияния Рима над данным регионом. Одними из важнейших сторон культурного аспекта романизации (или, если угодно, интеграции региона в римскую ойкумену) исследователи признают изменения в области религии и языка [Graen, 2005, p. 36], хотя данный процесс был гораздо более разносторонним.

Одним из «плацдармов» романизации данного региона стала Киликия – регион в юго-восточной части Малой Азии, занимавший Киликийскую равнину и внутренние горные районы Центрального Тавра, позднее организованные в отдельную провинцию Исаврия. Логика развития языковых процессов в данном регионе, к концу I тыс. до н. э. – началу I тыс. н. э. имевшем статус двуязычного (говоря условно, греческо-лувийского) [Houwink ten Cate, 1961, p. X; Mitford, 1980, p. 1255; Pilhofer, 2016, p. 56], предполагала определённую степень взаимодействия греческого и латинского идиомов, происходившего в самых разнообразных проявлениях. Важное место среди них занимают трансформация регионального ономастикона и возникновение корпуса латинской эпиграфики.

В данном исследовании мы хотели бы уделить внимание такому явлению, как практика использования заимствованных латинских имён нарицательных в греческих надписях Киликии и Исаврии, созданных период с I в. до н. э. по VII в. н. э. Именно на указанном временном отрезке латинский язык имел статус значимого и во многом престижного компонента региональной языковой ситуации.

Помимо крупной, но имеющей обобщающий характер монографии Э. Дикей [Dickey, 2023], представленная проблема отчасти была исследована в статье Э. Кэмерона «Латинские слова в греческих надписях» [Cameron, 1931]. Тем не менее признаваемые последним явные поверхностность и неполнота данного перечня, концентрация на морфологической составляющей заимствований, а также проведение анализа без учёта хронологической и географической специфики заимствований (пространственный ареал статьи Кэмерона включал в себя всю Малую Азию), на наш взгляд, делают необходимым подробное изучение данной проблемы в локальном «разрешении». Достижение данной цели позволит уточнить не только особенности языковой ситуации в регионе, но и специфику романизации Восточного Средиземноморья в римскую и позднеантичную эпохи.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является *греческая эпиграфика Малой Азии*. В качестве предмета исследования нами избрана *специфика употребления латинских заимствований в*

исаврийской и киликийской грекоязычной эпиграфике римской и позднеантичной эпохи. Концентрация на столь узкой группе источников вызвана как относительной малочисленностью письменных источников, созданных представителями или обитателями данного региона в рассматриваемый период, так и несколько большей ориентированностью эпиграфических источников на закрепление особенностей общеупотребительной лексики.

Особенности тематики, целей, задач и источниковой базы исследования определили выбранные нами методы исследования. Основой исследования является *принцип междисциплинарности*, предполагающий в данном случае сочетание собственно исторических методов с положениями исторической социолингвистики. Анализ проблемы через призму *истории повседневности* даёт понимание причин, вследствие которых грекоязычное население Киликии и Исаурии в рассматриваемый период обращалось к латинской лексике. Использование *историко-генетического метода* позволило рассмотреть заимствования латинской лексики в региональных эпиграфических корпусах как длительный динамический процесс, исторически развивавшийся как в количественном (изменение объёмов заимствования), так и в качественном (частотность заимствуемых частей речи, динамика заимствования имён нарицательных и др.) отношениях. Наконец, определение ключевых тематических категорий заимствованных слов, выявление преобладающих форм лексического заимствования (транслитерация, калькирование, гибридизация и т. д.) и установление исторического контекста данного явления достигается посредством *историко-системного метода* вкупе с элементами *лингвистического анализа*.

Результаты и их обсуждение

Установление римского контроля над греческими (с культурной, языковой и этнической точек зрения) регионами, такими как материковая Греция, Балканский п-ов, Малая Азия и др., неизбежно влекло за собой установление в них римских политических, экономических и социальных институтов. Разумеется, такого рода нововведения подразумевали и вовлечение в различные сферы общения (в официальную сферу, прежде всего) латинского языка.

Тем не менее сама по себе распространённость латинского языка была в рассматриваемых регионах невысокой, а число его носителей – довольно ограниченным, и эпиграфические источники свидетельствуют об этом как нельзя более красноречиво. Так, реперторий античных и византийских надписей западной Киликии и Исаурии, собранный Стивеном Хагелем и Куртом Томашицем и включающий в себя 1 732 надписи из данного региона ¹, содержал лишь 25 латинских текстов. Корпус надписей Аназарба, крупнейший в равнинной Киликии, менее чем на 2 % (13 надписей из 661) был латиноязычным, а из 63 надписей Тарса, насчитанных М. Саяром, латинскими являются 4, т. е. лишь 6 % [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 9, 399; Sayar, 2000, s. 1; Pilhofer, 2016, p. 54]. Многие из этих текстов, что немаловажно, были билингвальными. Хотя недавние разыскания существенно дополнили представленный корпус, общее соотношение латинских и греческих надписей конца I в. до н. э. – VII вв. н. э. изменилось незначительно.

Именно по этой причине латинские заимствования в греческой эпиграфике Киликии и Исаурии представляют особый интерес для исследователя. Как справедливо отметил Э. Кэмерон, установление роли таких «слов-пришельцев» в местных эпиграфических корпусах позволило бы отказаться от излишне категоричных суждений о слабом влиянии латинского языка на языковую среду римского Востока [Cameron, 1931, p. 232], хотя относиться к данному виду источников следует довольно осторожно. Для решения поставленных задач обратимся к анализу тематических подгрупп таких латинизмов.

Одни из самых очевидных и наиболее частотных заимствований, очевидно, входят в корпус *политической лексики*, проникшей в региональную эпиграфику непосредственно с установлением римского контроля над регионом. Её использование в местном корпусе не

¹ Число дано с поправкой на памятники Памфилии, в основном отмеченные в данном репертории западнее линии 32° в. д. [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 8–11].

отражает прямо степень влияния латинского «окружения» на местную языковую среду, т. к. является универсальным для греческой традиции римской и ранневизантийской эпох в целом, однако специфика её употребления заслуживает особого внимания. Суммарная доля военно-политических и политико-юридических латинских терминов составляла, по подсчётам Э. Дикей, до 40 % от общего числа заимствований [Dickey, 2023, p. 639–640] и была, таким образом, довольно высокой.

Среди наиболее широко употребляемых латинизмов, засвидетельствованных в массе почётных надписей римского Востока, следует привести понятия αὔγουστος (засвидетельствовано в нескольких десятках надписей и закрепилось вплоть до VI в.), καῖσαρ [см. Dagron, Feissel, 1987, p. 266; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 468–469], а также различные элементы почётной титулатуры. Некоторые из них были связаны с императорским агноменом, который нельзя прямо относить к антропонимическим заимствованиям, как, например, вошедшее в титул прозвище «Περτίναξ» в надписях, посвящённых Луцию Септимию Северу, или титулы Траяна «Δακικός» и «Γερμανικός» [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 468–469]). Их повсеместное внедрение в греческую эпиграфику стало закономерным результатом подчинения грекоязычных регионов римским политическим институтам. В ходе данного процесса местная политическая лексика обогатилась рядом понятий, подчас труднопереводимых или не имевших адекватного греческого эквивалента, а потому с точностью перенятых из языка-донора [Dickey, 2023, p. 641].

Перечень политических заимствований, употребляемых в региональной эпиграфике, также связан с кругом должностей, которые в IV–V вв. легли в основу восточноримских *officia*. К данной группе можно отнести должности κόμης [Idem, p. 59, 165; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 466; Sayar, 2000, s. 32–33], βηκάρης, μαγίστριανός (подчинённый *magister officium*) и ταβουλάριος (финансовый чиновник или писец) [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 140–142, 179]. В надписи из Мопсуестии упоминается τριβοῦνος (καὶ) νοτάριος, в рамках *schola notariorum* представлявший собой должность секретаря императорской консистории и советника (зачастую с обязанностью исполнять поручения императора в провинциях [Dagron, Feissel, 1987, p. 147–148]). В ряде поселений также были найдены надписи с упоминанием членов личной охраны императора – δομεστικός², κανδιδάτος и протήκτωρ [Dagron, Feissel, 1987, p. 146; Campbell, 1998, p. 46; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 17, 18, 331]; первая из этих должностей в ранневизантийской системе придворных рангов была также дополнена функцией прикомандирования к определённой провинции для исполнения конкретных поручений императора [Jones, 1964, p. 602–603]. Монументальная надпись из Кас, кроме прочего, упоминает должности μαγίστρος и μαγίστρος τῶν ὀφφικίων [Idem, s. 139–143], а в тарсийской эпитафии комиту Музонию, явно датируемой периодом не ранее IV в., Д. Фисселем восстановлены должности σκρινιάριος и канкеллάριος (обозначения служащих различных канцелярий) [Dagron, Feissel, 1987, p. 215–216].

Особняком в данном ряду стоят должность δεκανός (семантическое расширение лат. *decānus* («лицо, ответственное за десять человек») под влиянием *decuriō* – «декурион») и соответствующее ему название органа местного самоуправления – δεκανία (ср. лат. *decūria*) [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 410]: латинизмы, связанные с институтами местного самоуправления и вообще городскими административными учреждениями, редко встречаются в надписях Киликии и Исаурии. Нетипичными примерами последних также можно считать должность тюремщика (καβικλάριος, от лат. *clāvīculārius*) [Keil, Wilhelm, 1931, s. 192] и городского привратника – остеария (ὀστειάριος). В частности, в Аназарбе группа последних наряду с иерофорами участвовала в сооружении статуи в честь Каракаллы. Учитывая, что упомянутые в надписи иерофоры, согласно замечанию М. Гоуфа, участвовали

² В надписи из Диокесарии также приведён титул δομεστικός τοῦ θείου παλατίου (гибридная калька от *sācri palātii*) [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 331].



в проведении городских мистерий, указанные остеарии могли быть привратниками конкретных городских храмов или святилищ [Gough, 1952, p. 129–131].

Следует отметить, что вплоть до III–IV в. надписи не только в данном регионе, но в целом и на грекоязычном римском Востоке демонстрируют обращение к калькированию некоторых римских титулов и наименований магистратур. К данной группе относятся термины ὕπατος и ἀνθύπατος (соответственно в значениях «консул» и «проконсул») [см. Hicks, 1890, p. 240; Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 89; Gough, 1952, p. 138; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 467], πρεσβευτής («легат»), ἀντιστράτηγος («пропретор»), а также наименования чиновничьих рангов (διασημότητος, μεγαλοπρεπέστατος, λαμπροτάτος и др.) [см. Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 197–198, 406, 411, 421–422, 427], использовавшиеся в эпиграфике (в т. ч. и в местной) вплоть до V–VI вв. практически безальтернативно по отношению к латинским терминам [Dickey, 2023, p. 568]. Так, известен лишь один случай использования понятия ἰλλούστριος (лат. *vir illūstris*) вместо греческого аналога (ἐνδοξότατος) в надписи, принадлежавшей погребённому в Корице сенатору Иоанну [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 293]. Также характерен тот факт, что в одной из наиболее ранних сохранившихся греческих надписей, посвящённых римскому присутствию в Киликии (надпись 81/80 гг. до н. э. о даровании квестором Луцием Лицинием Лукуллом иммунитета мопсуестийским святилищам), фигурирует калька ἀντιστράτηγος и отсутствуют какие бы то ни было латинизмы [Sayar, Siewert, Taeuber, 1994, s. 114–115].

В ряде киликийских надписей, датируемых преимущественно I–III вв., также употребляется формула πατήρ (τῆς) πατρίδος (иногда сокращённо – «п. п.»), восходящая к титулу *pater patriae* – «отец отечества» [см. Corpus, 1853, p. 624; Gough, 1952, p. 131–132, 138; Dagron, Feissel, 1987, p. 120–123; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 61, 148–150, 342, 357, 489]. К тому же перечню следует отнести титул ἑπαρχος τεχνειτῶν, представляющий собой греческую транслитерацию *praefectus fabrum*, засвидетельствованную в ряде малоазийских надписей [Hicks, 1890, p. 245–246], διασημότητος ἡγούμενος τῆς ἐπαρχίᾳ (*perfectissimus praeses provinciae*) [Borgia, 2010, p. 157–158], χειλίαρχος πλατύσημος (*tribunus laticlavus*) из надписи II в. в Магарсоче [Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 9].

Напротив, прямо заимствованные термины в данный период были редки и известны нам лишь в двух примерах: таковы титулы πρίφεκτος (в предлагаемой реконструкции надписи из Селевкии Исаврийской) [Keil, Wilhelm, 1931, s. 22] и σεπτέμοιρ из милиария I в., отсылающий к *septemviri epulones* – коллегии жрецов, отвечающих за священные пиршества в честь римских божеств. Тем не менее последний случай нельзя считать в подлинном смысле заимствованием, поскольку заказчиком надписи был, безо всяких сомнений, не местный житель, а некий латиноговорящий чиновник [French, 2014, p. 46–49]. Так или иначе, в количественном отношении предпочтение греческих калек или гибридных понятий прямым заимствованиям показательно.

Попутно заметим, что практически все термины, обозначавшие род деятельности (как военно-политического, так и гражданского характера), включая и кальки, подвергались морфологической интеграции, т. е. после заимствования в греческую лексику перенимали греческие флексии, таким образом, склоняясь по правилам принимающего языка [Dickey, 2023, p. 11–13] (напр.: *legiōnārius* (-o) > λεγιονάριος (-φ, Dat. Sing.); *tribūnus* (-i) > τριβούνος (-ου, Gen. Sing.) [Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 33; Dagron, Feissel, 1987, p. 148] и др.; также ср. кальку: *praefectus fābrum* (Dat. Sing.) > ἑπαρχος τεχνειτῶν).

Как уже было отмечено, приведённые нами политические заимствования в основной своей массе обозначают государственные должности. Специальная юридическая терминология, подчас редко встречающаяся в греческих источниках даже после заимствования, в местной эпиграфике почти не упоминается. Исключениями являются встречающиеся единожды понятия ἥδικτον (от лат. *edictum*) и βρεβιατικά, последнее из которых, согласно наиболее аргументированной точке зрения, представляет собой акт (вероятно, патентного типа), дарующий его обладателю право получения определённого вознаграждения [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 142; Onur, 2017, p. 175–176].

Заимствования *социально-статусных терминов* в местной эпиграфике также немногочисленны. Почётный титул *ματρώνα* (употреблённый, однако, непосредственно римлянкой) фигурирует в билингвальной надписи II в. из Тарса [Dagron, Feissel, 1987, p. 75]. Примечателен соционим *τριβούνισσα* («жена трибуна») из сохранившегося фрагмента надписи Клавдиополя [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 162], который представляет собой редкий для местной эпиграфики пример образования латинского заимствования с помощью феминативного суффикса *-ισσα*; согласно замечанию С.Ю. Чуевой, его широкое употребление было особенно характерно для ранневизантийской эпохи [Чуева, 2024, с. 41], благодаря чему надпись можно достаточно уверенно датировать данным периодом. Термином *κοινῶν(ῆν)ος* в одной из надписей Корикосского некрополя [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 293] обозначены, вероятно, два брата-домовладельца; в пользу престижности данного термина может говорить его уникальность в греческой эпиграфике Малой Азии. Более широкое распространение в данной группе имело понятие *πατρώνης*, употребление которого засвидетельствовано в нескольких надписях, относящихся к периодам поздней Республики и раннего принципата (с I в. до н. э. по II в. н. э.) [Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 8–9; Keil, Wilhelm, 1915, s. 51; Inscriptiones, 1975, p. 336; Dagron, Feissel, 1987, p. 37]. В дальнейшем, однако, последнее понятие вышло из употребления в почётных надписях, будучи заменено такими греческими эквивалентами, как, например, *προστάτης* [Inscriptiones, 1975, p. 338; Robert, 1977, p. 88–90].

В основном местные социально-статусные термины имели престижный характер, что в целом свидетельствует о частичной предпочтительности латинского языка в регионе – по крайней мере, вплоть до III–IV вв., когда засвидетельствована основная масса данных заимствований. За исключением понятия *φαιηλιαρικός* из диокесарийского некрополя, происходящего, вероятно, от лат. *familiāris* (см. Edict. Diocl. 26.10) и также обозначающего слугу [Linnemann, 2013, s. 137], латинизмы, маркирующие представителей более низких социальных слоёв, в местной эпиграфике не встречаются.

Важнейшее положение в киликийских и исаврийских надписях имеют *заимствования военного характера*. Уже с I в. н. э. Киликия, присоединённая к Римской империи, обрела статус стратегического в военном отношении региона. Размещение римских солдат-ветеранов и отдельных регулярных частей в Киликии, Исаврии и прилегающих к ним регионах получило отражение в эпиграфике [Sayar, 2019] на протяжении всего периода римского и византийского присутствия в регионе. Логичным следствием данного явления стала концентрация значительной доли заимствований в погребальных надписях.

Перечень наиболее часто употребляемых в эпиграфике Киликии и Исаврии латинизмов включает в себя, прежде всего, понятия *κάστρων* [см. Inscriptiones, 1975, p. 332–333; Dagron, Feissel, 1987, p. 123; Sayar, 2000, s. 25–26], *λεγεών* и *λεγιονάριος* [см. Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 9, 33, 55; Inscriptiones, 1975, p. 323, 339, 344], *νοῦμερος* (как обозначение небольшого военного отряда) [Campbell, 1998, p. 44–45], *οὐετράνος* [см. Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 31, 55; Keil, Wilhelm, 1931, s. 88, 154; Inscriptiones, 1975, p. 331]. Основная масса таких терминов встречается в надписях, созданных не позднее IV в.

Часто заказчики надписей прибегали к транслитерации ряда понятий, которые, надо думать, в их понимании не имели аналогов в греческой лексике. Таковыми были, прежде всего, обозначения представителей командного состава армии, особенно часто фигурирующие в эпиграфике после IV в. – *δουκός*, *δουκηνάριος*, *κεντυρίωνος*, *τριβοῦνος* и *ὀρδινάριος* [см. Банников, 2013, с. 93; Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 33; Dagron, Feissel, 1987, p. 216; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 32, 34, 139–140, 199, 204, 319, 339]; многие из них, однако, отмечены в Киликии и Исаврии единожды.

Довольно крупную подгруппу заимствований военного характера составляют названия конкретных военных профессий. Так, двуязычная надпись II–III вв. из Аназарба указывает двух солдат в статусе *ἵπλεὺς νόμερος* (дословно «солдат-всадник»; в латинском тексте этому званию эквивалентно наименование *eques singularis* и, таким образом, *ἵπλεὺς νόμερος* являлся

солдатом-телохранителем императора ³) и διπλοκάριος, т. е. солдат на двойном довольствии; ещё одна аназарбская надпись данного периода свидетельствует о νουμέρος λαγγιάριος (солдате-копейщике), а эпитафии IV–VI вв. из Аназарба и Корики посвящены знаменосцам (δρακονάριος) [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 219; Sayar, 2000, s. 57, 70, 277]. О последних, вероятно, свидетельствует и надпись из Ламоса, упоминающая лабарум (λάβαρον) [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 312]. Несколько киликийских надписей из Селевкии Исаврийской также упоминают лучников (σαγιτάριος), причём в двух из них упомянуты σαγιττάριος δωμενίκων и μαγίστωρως σαγιττάρων δωμενίκων (т. е. вероятно, член отряда лучников-телохранителей и, соответственно, руководитель такого отряда) [Cameron, 1931, p. 256].

Дедиканты алтаря Афине в Диокесарии, Сергей Элий Юлиан и Гай Юлий Валент, в посвятельной надписи определяют себя как стационарии (στατιωνάριος). Данный термин, согласно мнению Х. Шахина, использовался для обозначения служащего *statio* – небольшой заставы или военного пикета, дислоцированного вне *castrorum* (в т. ч. в сельской местности, зачастую с целью охраны поселений от разбойников); упомянутый лишь в одной киликийской надписи, он также засвидетельствован в ряде надписей II–III вв. южной и юго-западной частей Малой Азии [Inscriptiones, 1975, p. 323; Şahin, 2009, p. 221].

Среди редких военных заимствований, распространившихся в основном после III в., важно упомянуть термины καστρησιανός и βαλλιστάριος [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 332, 350], обозначавшие соответственно солдата пограничного военного подразделения и пращника; также, вероятно, пращником (φουνδά[τωρ?]) ⁴ являлся некий Индус Неон из Антиохии-на-Краге [Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 151–152]. В исаврийском селении (κώμη) Олосада упомянут στράτωρ, т. е. армейский конюх – должность крайне редкая для Малой Азии и более часто встречающаяся в надписях Аравии, Сирии и Нижней Мёзии [Bean, Mitford, 1970, p. 137].

В отличие от политической лексики, данная группа почти не включает в себя термины-кальки. В числе редких примеров можно привести эквивалентную понятию *veterānus* кальку с лексико-семантической модификацией παλαιστρατιώτης (от παλαιός – «давний»; ср. с лат. *vetus*) [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 151], употреблённую в надписи из Кестра. Также в качестве более частотного эквивалента понятия κεντυρίωνος использовался эквивалентный термин ἐκατοντάρχης (досл. «предводитель сотни»), в т. ч. как составная часть титула ἐκατόνταρχος λεγιονάριος ὀρδινάριος (гибридное сочетание от *centuriones ordinarii*) [Hicks, 1890, p. 253; Inscriptiones, 1975, p. 347; Dagron, Feissel, 1987, p. 75].

С установлением экономического контроля Рима над регионом в местную эпиграфику проникли и заимствованные наименования римских *финансовых понятий* и должностей. Прежде всего, в целом ряде надписей, в основном датированных периодом II–III вв. либо не подлежащих более чёткой датировке в рамках периода римского владычества, следует отметить понятие φίσκος, подразумевавшее под собой имперскую казну [см. Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 467; Sayar, 2000, s. 75, 78, 82, 86]. В двух надписях из Элеусы Себасты и Селевкии Исаврийской в частности, охранные формулы сопровождаются требованием уплатить в случае вскрытия гробницы штраф τὸν Καίσαρος φίσκων – «в казну кесаря» [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 133, 364]. Выявленная нами статистика употребления понятий, обозначающих казну (φίσκος, с одной стороны, и ἱερώτατος ταμ(ι)εῖον или ταμ(ι)εῖον τοῦ κυρίου – с другой), позволяет говорить о вытеснении транслитерированным латинизмом греческого аналога в эпиграфике Исаврии и западной Киликии. В отличие от термина φίσκος, отмеченного

³ Любопытно, что в следующей аназарбской надписи из корпуса, составленного М. Саяром, «eq(uitum) sing(ularium)» переведено с использованием гибридной транслитерации «ἰπ[έ]α σινγουλάριν» [Sayar, 2000, s. 60].

⁴ Приведённые Э. Дикей упоминания этого термина свидетельствуют об омонимии (в греческой, но не в латинской традиции) термина φουνδάτωρ (от лат. *fundator* («основатель»)) и от лат. *funditor* («пращник», от *funda* – «праща, пояс») [Dickey, 2023, p. 493]. Памятуя о том, что предлагаемая надпись содержит по крайней мере два профессионализма (μονομάχος и χαλκεύς, а также, вероятно, λαγην[άριος?]), мы склонны полагать, что предлагаемая реконструкция φουνδά[τωρ], если она верна, должна также являться термином, обозначающим военную профессию, а не социально-статусное обозначение.

в нескольких десятках надписей, последняя группа понятий упоминается лишь 7 раз [см. Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 4; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 88, 134, 222, 249, 466–467; Sayar, 2000, s. 75, 78, 81–82, 86].

В надписях позднеримского периода из Корики и Селевкии-на-Каликадне засвидетельствована целая группа дериватов от корня *cēnsus* – собственно κῆνσος, в ходе семантического расширения получившего значение «пóдать», а также два профессионализма, обозначавших работников налоговой службы – κῆνσίτωρ и κῆνσουάλιος [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 232, 262, 288, 369]. Кроме того, в Корики отмечено вероятное погребение менялы (νομμοκλάριος – от лат. *nummulārius*), в Селевкии Исаурийской – чеканщика денег (μονιτάριος)⁵, а в надписях западной Киликии четырежды (трижды – в Иотапе) упоминается должность декапрота (δεκάπρωτος – калька от лат. *decemprīmus*) – чиновника восточных провинций Римской империи, отвечавшего за сбор налогов в имперский фиск [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 122, 124, 126, 256, 373, 378].

К финансовым заимствованиям следует относить и наименования валюты – широко распространённое δηνάριον (лат. *denārius*) [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 481], а также редкие λίτρα (лат. *libra*) и νοῦμμος (лат. *nūmmus*) [Idem, s. 482; Linnemann, 2013, s. 131]. При этом с употреблением в эпиграфике Киликии и Исаурии термина δηνάριον связана важная проблема. Для отдельных памятников Киликии – таких, как Ламос или Элеуса Себаста, – характерно нетипично длительное сохранение в эпиграфике греческого наименования δραχμή в противовес широко распространявшемуся в регионе латинизму δηνάριον [Bean, Mitford, 1962, p. 209]. Согласно изысканиям А. Полозы, несмотря на сложное взаимное положение денария и драхмы на присоединённых к Римской империи территориях, включая юго-западные области Малой Азии, эти понятия существовали в целом как комплементарные, а данные денежные единицы – как взаимно конвертируемые [Polosa, 2018]. Вместе с тем на протяжении I–III вв. имело место постепенное вытеснение греческого понятия латинским, о чём убедительно свидетельствует статистика их использования в «предостерегающих» формулах эпитафий Элеусы Себасты и окрестных поселений западного побережья Киликии, а также в надписях западной Киликии и Исаурии в целом [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 481; Polosa, 2018, p. 392–394].

Данный факт, однако, не должен использоваться для дальнейших выводов о специфике регионального монетного обращения в данный период: местные нумизматические находки свидетельствуют, что основной региональной валютой до III в. в подавляющем большинстве городов Киликии (и Малой Азии в целом) оставалась греческая драхма [Naumann, 2014, p. 144–145], и речь идёт, вероятно, лишь об установившемся языковом престиже латинского термина. Также в данном контексте важно отметить, что некоторые из крупных городов горной Киликии, долгое время управлявшиеся правителями-клиентами, перешли под прямой римский контроль лишь в правление Веспасиана [Borgia, 2017, p. 304–305], и потому столь длительное употребление термина δραχμή являлось в Киликии и Исаурии строго локальным.

Внедрение в греческий лексикон латинских наименований валюты можно включить и в более широкий контекст заимствования различных *единиц измерения*. Их включение в эпиграфику диктовалось, прежде всего, политическими факторами. Например, выработка эффективных механизмов управления значительно увеличившейся в I в до н. э. – II вв. н. э. Римской империи естественным образом потребовала – пусть и довольно поверхностной – унификации государственных транспортной и финансовой систем, что, в свою очередь, повлекло за собой распространение и адаптацию римских единиц измерения в преимущественно грекоязычных публичных надписях малоазийских провинций. Широкое распространение в греческой эпиграфике (в т. ч. киликийской и исаурийской) получили понятия μ(ε)ῖλιον (также сокращённо «μ.» или «μι.») [French, 2014, p. 40, 60–62] и ἰνδίκτιόν

⁵ Как известно, во время византийско-персидской войны 602–628 гг. в Селевкии впервые была начата государственная чеканка монет, вызванная переходом Антиохии под контроль Сасанидской империи и закрытием действовавшего там крупного монетного двора [Grierson, 1951]. Данное обстоятельство позволяет довольно уверенно датировать создание надписи 1-й половиной VII в.

[Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 481], причём последнее, как нетрудно догадаться, фигурирует исключительно в позднеантичных текстах.

Кроме того, в надписях 2-й пол. V – начала VI в. из Исаурии несколько раз упоминаются транслитерированные наименования месяцев – Σεπτέμβριος и Φεβρουάριος [Campbell, 1998, p. 24; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 22, 398]. Две таких надписи (из погребения в монастыре Алахан и из нартекса церкви св. Апостолов в Анемурии) были явно созданы представителями христианского клира, что может свидетельствовать о нераспространённости латинских наименований единиц измерения времени за пределами сферы религиозной коммуникации.

Внимания заслуживает надпись на постаменте мраморной статуи конца II – начала III вв. из Тарса, использующая крайне редкий термин *στατίων* для обозначения подножия изваяния, сооружённого при финансовой поддержке грамматиков этого города [Inscriptiones, 1975, p. 339]. Латинские *архитектурные термины* не получили значительного распространения в греческом языке [Dickey, 2023, p. 636–639], но и в региональном эпиграфическом корпусе эти заимствования, уникальные для античной эпиграфики в целом, окказиональны. Нельзя не отметить, кроме того, локализацию даже столь редких и явно престижных заимствований лишь в крупных равнинных городах Киликии и Исаурии.

Так, для надписей Киликии гапаксами являются понятия *τέντλον*, использованное в надписи V–VI вв. из Помпейополя для обозначения некоего сооружения (согласно мнениям Ж. Дагрона и Д. Фисселя, этим термином могли обозначаться обрешётка деревянного навеса над стеной, вся линия стен в целом или что-либо ещё), имеющего отношение к городской крепостной стене [Dagron, Feissel, 1987, p. 59–60], и *τίτλος* (от лат. *títulus* – в значении «надпись») из христианской надписи Росса [Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 21]. По мнению Э. Борджа, гипотетически к данной группе относится и понятие *τύνπανος*, отмеченное в надписи середины II в. из окрестностей Селевкии Исаурийской [Borgia, 2011, p. 490–491], которое могло обозначать не только искажённое название музыкального инструмента, но и, согласно Витрувию (Vitruv. De Arch. IV. 3. 6), внутреннее поле фронтона или вотивную нишу в эдике.

Последней группой латинизмов, заслуживающей особого рассмотрения и представляющей собой наиболее обширную часть местного эпиграфического корпуса, являются *гражданские профессионализмы*. Характерным маркером подавляющей части таковых, как, впрочем, и значительной части военных профессий, является суффикс *-άριος*, восходящий к латинскому суффиксу имён прилагательных *-ārius*, но принявший в греческом лексиконе исключительно субстантивное значение [Dickey, 2023, p. 543]. Как будет показано ниже, основная масса таких заимствований представляет собой транслитерированные латинские профессионализмы; случаи присоединения суффикса *-άριος* к корням, употреблявшимся в данный период в греческом языке, имели место, однако являлись более редкими (напр. *ἀποθηκάριος* (от греч. *ἀποθήκη* – «хранилище»), *(λίνο)φαντάριος* (*λίνο* – «ткань»), *ξύλικάριος* (*ξύλον* – «древесина»), *ὑελιάριος* (*ὑαλος* – «стекло») и др.) [см. Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 243, 246, 255, 258, 278]. Редки в данном корпусе и гибридные заимствования (см. далее *μουλαγόρος*, *πρωταύριος* и проч.).

Наибольший в данном отношении интерес представляет эпиграфический корпус Корики, крупного торгового города в западной части Киликии. Основная масса его надписей восходит преимущественно к V–VI векам [Гуревич, 1955, с. 128], что позволяет более уверенно говорить о бытовании латинизмов в позднеантичную эпоху. Из 675 погребальных надписей Корики не менее 66 содержат гражданские профессионализмы-латинизмы [Hagel, Tomaschitz, 1998]. Однако традиция указывать род деятельности погребённого в эпитафии не была столь же распространённой в прочих местных поселениях, и эпиграфические корпуса прочих городов Киликии и Исаурии содержат наименования профессий латинского происхождения в следовых количествах.

Вопреки мнению А.Я. Гуревича о привнесении итальяскими купцами всей массы профессионализмов в лексикон жителей Корики, Корасиона и некоторых других поселений Киликии и Исаурии [Гуревич, 1955, с. 129], мы должны отметить, что, согласно разысканиям

Э. Дикей, некоторые из них (σαπροπωμάριος и κουδισάμιος) не встречаются в иных латинских или греческих текстах, и, вероятно, их возникновение, пусть и мотивированное контактами с латиноязычным населением Империи, имело место в данном регионе. Трудно согласиться и с мнением Э. Кэмерона о том, что жёсткое государственное регулирование деятельности ремесленных корпораций в римский период вынуждало местных жителей *en masse* использовать заимствованные профессионализмы [Cameron, 1931, p. 234]: 12 из 26 рассмотренных нами ниже понятий данного рода, как и корни, от которых они происходят, вообще не встречаются в римском или византийском законодательстве данного периода и фигурируют исключительно в частных текстах или хозяйственных папирусах [Dickey, 2023]. Очевидно, что мотивы их выработки и употребления невозможно сводить лишь к влиянию или прямому давлению римской метрополии.

Такие наименования можно разделить на несколько подгрупп. Несколько понятий, зафиксированных в Корики, Корасионе и Селевкии Исаурийской, характеризуют принадлежность погребённого к сфере торговли как таковой – μακελ(λ)άριος, обозначавшее, по-видимому, торговца продовольствием (от лат. *macellum*), προπινάριος (владелец харчевни) и ταβερνάριος («лавочник») [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 172, 269, 473]. В Корики и в западно-исаурийском Иотапе было весьма распространено ювелирное дело; в числе профессий данной группы встречаются ювелиры (αὐράριος и προταυράριος, от лат. *aurum* – «золото»), вышивалы по золоту (βαρβαρικάριος) и огранщики самоцветов (καβιδάριος, от лат. *cavidarius*) [Idem, s. 470, 473, 475]. В Анемурии, Антиохии-на-Краге и Корики работали стеклоделы-витрарии ((οὐ)ίτραριοι)⁶ и лагенарии (λαγηνάριος – изготовитель стеклянных сосудов) [Idem, s. 473–474]. В «сфере услуг» работали неоднократно упоминаемые в местных надписях приватарии (πριβατάριος) – держатели частных бань [Idem, 1998, s. 475].

Сферу изготовления и продажи пищевых продуктов обслуживали, в числе прочих, многочисленные пекари (μάγκιψ, μάνκιλος), хлебопёки (σηληγνάριος, от лат. *siliginarius* – «пекарь хлеба из пшеницы-силиго»), кондитеры (παστιλλάριος), мельники (πριστινάριος, от лат. *pistrinarius*), изготовители колбас (ισικιάριος, от лат. *isicium* – «мясной фарш»); также к данной подгруппе может относиться сапропомарий⁷ (σαπροπωμάριος) [Dickey, 2023, p. 379; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 218, 266, 268, 473–475]. Сами названия римских продуктов питания в данном регионе, видимо, практически не заимствовались; исключением из этого правила является римский соус гарум (γάρουμ) упомянутый в таможенном тарифе V–VI вв. из Аназарба [Dagron, Feissel, 1987, p. 171].

В исторических сочинениях Аммиана Марцеллина и Прокопия Кесарийского, в письмах Сидония Аполлинария, а также в Эдикте Диоклетиана о ценах встречаются упоминания об известных киликийских тканях и о развитии данного промысла в городах Киликии (Amm. Marc. XXII. 11, 4; Edict. Diocl. 26, 28; Procop. De Bell. 2. 26, 29; Sid. Ep. II. 9, 8). Тем менее удивительно, что значительная доля заимствованных профессионализмов касается ткацкого дела. Так, в 12 надписях Киликии упомянут вышивальщик (πλουμάριος); характерно, что это позднеантичное заимствование в подавляющем большинстве случаев встречается в городах Египта и равнинной Киликии (десять – в некрополе Корики, по одной – в Тарсе и Помпейополе [Droß-Krüpe, Paetz, 2014, p. 218]). Корни *sāpō* (лат. «мыло») и *lāna* («шерсть») стали основой для понятий λανάριος («шерстодел») и σαπουλανᾶς («шерстомойщик», гапакс) [Heberdey, Wilhelm, 1896, s. 44; Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 214, 220, 248, 260, 320]. То же можно сказать и о кожевенном ремесле, о чём говорит большое число погребений в Корики, Корасионе и

⁶ По мнению некоторых исследователей, приводимый в обеих надписях профессионализм *ίτραριος* восходит к греческому ἵτριον («пирог») и, как следствие, не является заимствованием [Dickey, 2023, p. 157].

⁷ Исследователи, вслед за Э. Кейлем, А. Вильгельмом и Э. Кэмероном, рассматривают данный профессионализм как производный от греч. σαπρός («гнилой») и лат. *potārius* («торговец фруктами») [Cameron, 1931, p. 253; Keil, Wilhelm, 1931, s. 210; Dickey, 2023, p. 410]; как следствие, его носитель, носивший, кроме того, должность иподиакона, мог быть ответственным за изготовление (и, возможно, продажу) неизвестного блюда из данных ингредиентов, либо за переработку испорченных плодов.



Селинунте, принадлежавших обувщикам-калигариям (καλιγάριος или καλ(ι)κάριος, от лат. *caliga* – «сапог») [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 418]. В тесном контакте с ними, очевидно, в Корики работали портной (βρικάριος) и торговец одеждой (βεστιάριος) [Idem, s. 254, 471].

Среди редких или уникальных заимствований в киликийской профессионалистике следует отметить профессии *пáлос* (один из гладиаторских классов) [Borgia, Sayar, 1999, p. 70–71] и *кoυδισάμιος* (вероятно, полировщик инструментов) [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 233; Dickey, 2023, p. 232]. В одной из надписей Диокесарии, которая может быть косвенно датирована периодом не ранее IV в. (упомянутое в ней имя Γεώργιος не засвидетельствовано в более ранних надписях региона [A Lexicon, 2013, p. 90]), засвидетельствован гибридизм-гапак *μουλαγόρος*, интерпретируемый исследователями как «погонщик мулов» (*μοῦλος* (от лат. *mulus*) + *ἀγείν*) или как «торговец мулами» (*μοῦλος* + *αγόρας*) [Linnemann, 2013, s. 129; Dickey, 2023, p. 299]. Наконец, в неустановленной части равнинной Киликии между I и II вв. также действовала корпорация *οἰεράριοι* – наёмных работников неясного «профиля» [Dagron, Feissel, 1987, p. 89].

В завершение проводимого нами анализа следует уделить особое внимание общей характеристике географической дистрибуции надписей, содержащих латинские заимствования. Учитывая специфику распространения в регионе латинской эпиграфики, с географической точки зрения мы можем говорить о своеобразной градации: если в поселениях равнинной Киликии (Эгеях, Аназарбе, Кастабале, Мопсуестии, Тарсе и др.), а также в Селевкии Исаврийской засвидетельствованы как значительные группы латинских надписей [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 399; Pilhofer, 2016, s. 107–125, 135–141, 148–151, 159–164], так и довольно значительное число текстов с транскрибированными заимствованиями, то в равнинных и прибрежных областях западной Киликии и восточной Исаврии (Корик, Корасион, Анемурий и др., поселения долины р. Каликадн) именно греческие надписи с латинизмами преобладают над довольно немногочисленными латинскими текстами; поселения горных районов Исаврии, как правило, являются сугубо греческими.

Показательны и выборочные количественные сведения о распределении заимствований в эпиграфике отдельных памятников. Из 18 надписей Адрасса, преимущественно созданных в позднеантичную эпоху, заимствования содержатся лишь в трёх (16 %) [Hagel, Tomaschitz, 1998, s. 17–20]. В надписях некрополя Диокесарии (Ольбы), в римский период игравшей роль важного сухопутного транспортного узла, зафиксировано 93 имени, 10 из которых – латинские, а из 24 профессионалистов (в т. ч. воинских званий) заимствованными являются лишь 5 [Şahin, 2009, p. 221–222; Linnemann, 2013, s. 237–238]. Значительная доля ономастики в эпиграфическом корпусе Аназарба (661 надпись [Sayar, 2000]) является латинской, тогда как заимствования имён нарицательных и титулов содержатся лишь в 35 текстах (5 %) ⁸. Столь же немногочисленны и заимствования (9 надписей из 86 [Hagel, Tomaschitz, 1998; Borgia, Sayar, 1999a; Borgia, Sayar, 1999b]) и в корпусе надписей Элеусы Себасты, опубликованных М. Саяром и Э. Борджа в ряде работ с 1998 по 2021 гг.

Заключение

Бытование латинизмов в греческой эпиграфике Киликии и Исаврии, на наш взгляд, представляет собой одну из наиболее интересных и сложных проблем, связанных с исследованием процесса романизации в грекоязычных областях Средиземноморья. Классическое положение, согласно которому латынь не оказала существенного влияния на греческий язык и использовалась на Востоке в весьма ограниченных целях [Jones, 1964, p. 988; Pilhofer, 2016, s. 55], не получает подтверждения при обращении к эпиграфическим источникам: напротив, можно говорить о занявшем более восьми веков процессе обогащения греческого языка латинскими заимствованиями самого разнообразного характера, и местные корпуса греческих надписей убедительно подтверждают этот факт. Важно отметить, что на

⁸ В 16 надписях из перечисленных содержится титул *Καίσαρ*, в 11 – *δηνάριον*; все прочие заимствования, преимущественно являющиеся профессионализмами, содержатся лишь в 15 надписях из 35.

протяжении всего рассматриваемого периода такое обогащение происходило далеко не только в форме заимствования отдельных корней и слов-дериватов (всегда – имён существительных), но и в виде создания достаточно немалочисленных гибридных калек, сочетавших в себе греческие и латинские лексемы или морфемы, адаптации латинских словообразовательных формантов (таких, как суффиксы -άριος и -άριον) и др.

Интенсивность данного процесса, безусловно, была неравномерной для различных тематических групп в различное время и в различных частях Киликии и Исаурии. Несмотря на то, что уже к I–II вв. греческие надписи содержали термины-кальки, использующие греческие понятия при описании римских реалий военного и политического характера, в течение I в. до н. э. – III вв. н. э. основную массу заимствований в греческих почётных, посвяtitельных и строительных надписях прибрежных и равнинных поселений Киликии и Исаурии составляли термины именно политического и – реже – военного, финансового и социально-статусного характера, в подавляющем большинстве случаев обозначающие род деятельности или социальное положение того или иного человека.

С IV в. в восточной части Римской империи активизировался процесс заимствования военной и гражданской профессионамики, особенно широко распространившейся в надгробных надписях; этот обширный процесс не миновал и рассматриваемые нами области, получив именно в них особо интенсивное развитие. Важно, что именно данные группы латинизмов (преимущественно – прямые заимствования) стали частью местного эпиграфического корпуса под влиянием свойственных лишь данному региону экономических и военно-политических явлений и процессов, имевших место в позднеантичную эпоху. Кроме того, их употребление в позднеантичный период почти всегда инициировалось местным населением, тогда как в предыдущий период латинские заимствования нередко использовались официальными лицами латинского происхождения; тем не менее дальнейшие разыскания в этой области заслуживают отдельного внимания.

Наконец, сопоставив статистические данные о бытовании в регионе собственно латинских надписей (исходя из оценок С. Пильхофера, доля таковых редко превышала 2–4 % для отдельного памятника [Pilhofer, 2016, s. 54]) и надписей, содержащих транслитерированные латинизмы (в среднем от 5 до 10 %), нетрудно обнаружить, что интеграция последних в греческую эпиграфику обнажает скрытый от исследователей аспект языкового влияния римской культуры на повседневную жизнь греческого и вообще грекоязычного населения восточных областей Римской империи. Эти сведения также убедительно доказывают сохранение, пусть и в отдельных сферах жизни, престижного характера латинского языка для местного населения в римскую и в позднеантичную эпохи.

Список литературы

- Банников А.В., Морозов М.А. 2013. Византийская армия (IV–XII вв.). Санкт-Петербург, Евразия, 688 с.
- Гуревич А.Я. 1955. Из экономической истории одного восточного города (некрополь киликийского города Корики). *Вестник древней истории*. 51(1): 126–135.
- Чуева С.Ю. 2024. Изменение продуктивности суффикса феминитивов -ισσα в греческом языке (диахронный анализ). *Rhema. Рема*. 2: 33–60.
- A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. V.B: Coastal Caria to Cilicia. 2013. J.-S. Balzat et al. (eds.). Oxford, Claredon Press, 471 p.
- Bean G.E., Mitford T.B. 1962. Sites Old and New in Rough Cilicia. *Anatolian Studies*. 12: 185–217.
- Bean G.E., Mitford T.B. 1970. Journeys in Rough Cilicia 1964–1968. Wien, Hermann Böhlhaus Nachfolger, 277 p.
- Borgia E. 2010. Le Iscrizioni di età romana e bizantina. In: *Elaiussa Sebaste III: L'Agora Romana*. E.E. Schneider (eds.). İstanbul, Ege Yayınları: 141–163.
- Borgia E. 2011. L'iscrizione di Athena en Tagais e i santuari rupestri della Cilicia Tracheia. *Scienze dell'Antichità*. 17: 477–507.
- Borgia E. 2017. Cilicia and the Roman Empire: Reflections on Provincia Cilicia and its Romanisation. *Studia Europaea Gnesnensia*. 16: 295–318.



- Borgia E., Sayar M.H. 1999a. Catalogo delle iscrizioni. In: *Elaiussa Sebaste I: campagne di Scavo 1995–1997*. E.E. Schneider (eds.). Roma, «L’Erma» di Bretschneider: 63–82.
- Borgia E., Sayar M.H. 1999b. Iscrizioni inedite provenienti dalle campagne di scavo 1996–1997. In: *Elaiussa Sebaste I: campagne di Scavo 1995–1997*. E.E. Schneider (eds.). Roma, «L’Erma» di Bretschneider: 327–359.
- Cameron A. 1931. Latin Words in the Greek Inscriptions of Asia Minor. *The American Journal of Philology*. 52(3): 232–262.
- Campbell S. 1998. Mosaics of Anemurium. Winnipeg, Hignell Printing, 73 p.
- Corpus Inscriptionum Graecarum. Vol. III. Fasc. I. 1853. Ed. I. Franzius. Berolini, Officina Academica, 1271 p.
- Dagron G., Feissel D. 1987. Inscriptions de Cilicie. Paris, De Boccard, 297 p.
- Dickey E. 2023. Latin Loanwords in Ancient Greek: A Lexicon and Analysis. Cambridge, Cambridge University Press, 731 p.
- Droß-Krüpe K., Paetz A. 2014. Unravelling the Tangled Threads of Ancient Embroidery: A Compilation of Written Sources and Archaeologically Preserved Textiles. In: *Greek and Roman Textiles and Dress: An Interdisciplinary Anthology*. Harlow M., Nosch M.-L. (eds.). Oxford, Oxbow Books: 207–235.
- French D.H. 2014. Roman Roads and Milestones of Asia Minor. Vol. 3: Milestones. Fasc. 3.7. Cilicia, Isauria et Lycaonia (and South-West Galatia). [S. 1.], British Institute at Ankara, 83 p.
- Gough M. 1952. Anazarbus. *Anatolian Studies*. 2: 85–150.
- Graen D. 2005. Integration. In: *Romanisierung – Romanisation: Theoretische Modelle und praktische Fallbeispiele*. Schörner G. (ed.). Oxford, BAR Publishing: 35–38.
- Grierson P. 1951. The Isaurian Coins of Heraclius. *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society, Sixth Series*. 11 (41): 56–67.
- Hagel S., Tomaschitz K. 1998. Repertorium der westkilikischen Inschriften. Wien, Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 524 p.
- Haymann F. 2014. Hadrianic Silver Coinage of Aegeae (Cilicia). *The American Journal of Numismatics*. 26: 143–186.
- Heberdey R., Wilhelm A. 1896. Reisen in Kilikien. Vienna, Kaiserliche Österreichische Akademie der Wissenschaften, 168 s.
- Hicks E.L. 1890. Inscriptions from Eastern Cilicia. *The Journal of Hellenic Studies*. 11: 236–254.
- Houwink ten Cate P.H.J. 1961. The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic Period. Leiden, E.J. Brill, 258 p.
- Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes. T. III: Inscriptiones Asiae I. 1975. Ed. R. Cagnat. Chicago, Ares Publishers, 694 p.
- Jones A.H.M. 1964. The Later Roman Empire 284–602. A Social Economic and Administrative Survey. Vol. II. Oxford, Basil Blackwell, 546 p.
- Keil J., Wilhelm A. 1915. Vorläufiger Bericht über eine Reise in Kilikien. *Jahreshefte Des Österreichischen Archäologischen Institutes*. 18: 6–60.
- Keil J., Wilhelm A. 1931. Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Volume III. Denkmäler aus dem Rauhen Kilikien. Manchester, The Manchester University Press, 237 s.
- Linnemann J.C. 2013. Diokaisareia in Kilikien: Ergebnisse des Surveys 2001–2006. Band 3: Die Nekropolen von Diokaisareia. Berlin, Walter de Gruyter, 247 s.
- Mitford T.B. 1980. Roman Rough Cilicia. *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. 7(2): 1230–1261.
- Onur F. 2017. The Anastasian Military Decree from Perge in Pamphylia: Revised 2nd Edition. *Gephyra*. 2017: 133–212.
- Pilhofer S. 2016. Romanisierung in Kilikien? Das Zeugnis der Inschriften. München, Herbert Utz Verlag, 299 p.
- Polosa A. 2018. Dracme e denarii nelle iscrizioni di Elaiussa Sebaste (Cilicia Tracheia). In: *Munus Laetitia: Studi miscellanei offerti a Maria Letizia Lazzarini*. Roma, 2018: 389–402.
- Robert L. (1977) Documents d’Asie Mineure. *Bulletin de correspondance hellénique*. 101(1): 43–132.
- Şahin H. 2009. A New Dedication to Athena from Diocaesarea (Uzunburç). *Adalya*. 12: 221–230.
- Sayar M.H., Siewert P., Taeuber H. 1994. Asylie-Erklärungen des Sulla und des Lucullus für das Isis- und Sarapisheiligtum von Mopsuestia (Ostkilikien). *Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik*. 9: 113–130.
- Sayar M.H. 2000. Die Inschriften von Anazarbos und Umgebung. Vol. 1: Inschriften aus dem Stadtgebiet und der nächsten Umgebung der Stadt. Bonn, R. Habelt, 302 s.
- Sayar M.H. 2019. Veterans in the Territory of Olba in Roman Imperial Time. *Selevcia*. 9: 65–74.

References

- Bannikov A.V., Morozov M.A. 2013. Vizantiyskaya armiya (IV–XII vv.) [The Byzantine Army (4th – 12th Centuries)]. Sankt-Peterburg, Evrazija, 688 p.
- Gurevich A.Ya. 1955. Iz ekonomicheskoy istorii odnogo vostochnogo goroda (nekropol' kilikiyskogo goroda Korika) [From the Economic History of one Eastern Roman City (Necropolis of the Cilician City of Corycus)]. *Vestnik drevney istorii*. 51(1): 126–135.
- Chueva S.Yu. 2024. Izmenenie produktivnosti suffiksa feminativov -ισσα v grecheskom yazyke (diahronnyy analiz) [Changes in the Productivity of the Feminine Suffix -ισσα in Greek (Diachronic Analysis)]. *Rhema. Rema*. 2: 33–60.
- A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. V.B: Coastal Caria to Cilicia. 2013. J.-S. Balzat et al. (eds.). Oxford, Clarendon Press, 471 p.
- Bean G.E., Mitford T.B. 1962. Sites Old and New in Rough Cilicia. *Anatolian Studies*. 12: 185–217.
- Bean G.E., Mitford T.B. 1970. Journeys in Rough Cilicia 1964–1968. Wien, Hermann Böhlau Nachfolger, 277 p.
- Borgia E. 2010. Le Iscrizioni di età romana e bizantina. In: *Elaiussa Sebaste III: L'Agora Romana*. E.E. Schneider (eds.). İstanbul, Ege Yayınları: 141–163.
- Borgia E. 2011. L'iscrizione di Athena en Tagais e i santuari rupestri della Cilicia Tracheia. *Scienze dell'Antichità*. 17: 477–507.
- Borgia E. 2017. Cilicia and the Roman Empire: Reflections on Provincia Cilicia and its Romanisation. *Studia Europaea Gnesnensia*. 16: 295–318.
- Borgia E., Sayar M.H. 1999a. Catalogo delle iscrizioni. In: *Elaiussa Sebaste I: campagne di Scavo 1995–1997*. E.E. Schneider (eds.). Roma, «L'Erma» di Bretschneider: 63–82.
- Borgia E., Sayar M.H. 1999b. Iscrizioni inedite provenienti dalle campagne di scavo 1996–1997. In: *Elaiussa Sebaste I: campagne di Scavo 1995–1997*. E.E. Schneider (eds.). Roma, «L'Erma» di Bretschneider: 327–359.
- Cameron A. 1931. Latin Words in the Greek Inscriptions of Asia Minor. *The American Journal of Philology*. 52(3): 232–262.
- Campbell S. 1998. Mosaics of Anemurium. Winnipeg, Hignell Printing, 73 p.
- Corpus Inscriptionum Graecarum. Vol. III. Fasc. I. 1853. Ed. I. Franzus. Berolini, Officina Academica, 1271 p.
- Dagron G., Feissel D. 1987. Inscriptions de Cilicie. Paris, De Boccard, 297 p.
- Dickey E. 2023. Latin Loanwords in Ancient Greek: A Lexicon and Analysis. Cambridge, Cambridge University Press, 731 p.
- Droß-Krüpe K., Paetz A. 2014. Unravelling the Tangled Threads of Ancient Embroidery: A Compilation of Written Sources and Archaeologically Preserved Textiles. In: *Greek and Roman Textiles and Dress: An Interdisciplinary Anthology*. Harlow M., Nosch M.-L. (eds.). Oxford, Oxbow Books: 207–235.
- French D.H. 2014. Roman Roads and Milestones of Asia Minor. Vol. 3: Milestones. Fasc. 3.7. Cilicia, Isauria et Lycaonia (and South-West Galatia). [S. 1.], British Institute at Ankara, 83 p.
- Gough M. 1952. Anazarbus. *Anatolian Studies*. 2: 85–150.
- Graen D. 2005. Integration. In: *Romanisierung – Romanisation: Theoretische Modelle und praktische Fallbeispiele*. Schörner G. (ed.). Oxford, BAR Publishing: 35–38.
- Grierson P. 1951. The Isaurian Coins of Heraclius. *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society, Sixth Series*. 11 (41): 56–67.
- Hagel S., Tomaschitz K. 1998. Repertorium der westkilikischen Inschriften. Wien, Verlag der Österreichische Akademie der Wissenschaften, 524 p.
- Haymann F. 2014. Hadrianic Silver Coinage of Aegeae (Cilicia). *The American Journal of Numismatics*. 26: 143–186.
- Heberdey R., Wilhelm A. 1896. Reisen in Kilikien. Vienna, Kaiserliche Österreichische Akademie der Wissenschaften, 168 s.
- Hicks E.L. 1890. Inscriptions from Eastern Cilicia. *The Journal of Hellenic Studies*. 11: 236–254.
- Houwink ten Cate P.H.J. 1961. The Luwian Population Groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic Period. Leiden, E.J. Brill, 258 p.
- Inscriptiones graecae ad res romanas pertinentes. T. III: Inscriptiones Asiae I. 1975. Ed. R. Cagnat. Chicago, Ares Publishers, 694 p.
- Jones A.H.M. 1964. The Later Roman Empire 284–602. A Social Economic and Administrative Survey. Vol. II. Oxford, Basil Blackwell, 546 p.



- Keil J., Wilhelm A. 1915. Vorläufiger Bericht über eine Reise in Kilikien. *Jahreshefte Des Österreichischen Archäologischen Institutes*. 18: 6–60.
- Keil J., Wilhelm A. 1931. Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Volume III. Denkmäler aus dem Rauhen Kilikien. Manchester, The Manchester University Press, 237 s.
- Linnemann J.C. 2013. Diokaisareia in Kilikien: Ergebnisse des Surveys 2001–2006. Band 3: Die Nekropolen von Diokaisareia. Berlin, Walter de Gruyter, 247 s.
- Mitford T.B. 1980. Roman Rough Cilicia. *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. 7(2): 1230–1261.
- Onur F. 2017. The Anastasian Military Decree from Perge in Pamphylia: Revised 2nd Edition. *Gephyra*. 2017: 133–212.
- Pilhofer S. 2016. Romanisierung in Kilikien? Das Zeugnis der Inschriften. München, Herbert Utz Verlag, 299 p.
- Polosa A. 2018. Dracme e denarii nelle iscrizioni di Elaiussa Sebaste (Cilicia Tracheia). In: *Munus Laetitia: Studi miscellanei offerti a Maria Letizia Lazzarini*. Roma, 2018: 389–402.
- Robert L. (1977) Documents d'Asie Mineure. *Bulletin de correspondance hellénique*. 101(1): 43–132.
- Şahin H. 2009. A New Dedication to Athena from Diocaesarea (Uzunburç). *Adalya*. 12: 221–230.
- Sayar M.H., Siewert P., Taeuber H. 1994. Asylie-Erklärungen des Sulla und des Lucullus für das Isis- und Sarapisheiligtum von Mopsuestia (Ostkilikien). *Tyche. Beiträge zur Alten Geschichte, Papyrologie und Epigraphik*. 9: 113–130.
- Sayar M.H. 2000. Die Inschriften von Anazarbos und Umgebung. Vol. 1: Inschriften aus dem Stadtgebiet und der nächsten Umgebung der Stadt. Bonn, R. Habelt, 302 s.
- Sayar M.H. 2019. Veterans in the Territory of Olba in Roman Imperial Time. *Selevcia*. 9: 65–74.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 30.04.2025

Received 30.04.2025

Поступила после рецензирования 29.06.2025

Revised 29.06.2025

Принята к публикации 31.07.2025


Accepted 31.07.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лобынцев Денис Викторович, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Denis V. Lobyncey, Postgraduate Student of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

 [ORCID: 0000-0001-9127-0812](https://orcid.org/0000-0001-9127-0812)

УДК 94 (393)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-831-837

EDN GVCQBE

Оригинальное исследование

Агиографические тексты как источник изучения женского подвижничества в ранневизантийской Сирии IV–VI веков: проблемы источниковедческого анализа

Абдулманова И.В.

Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел

Российской Федерации имени И.Д. Путилина,

Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: abdulmanova@bsuedu.ru

Аннотация. Настоящая работа посвящена анализу методологических аспектов применения агиографических памятников в исследовании женского аскетизма в месопотамских (сирийских) провинциях ранневизантийской империи IV–VI столетий. Рассматривается корпус житийной словесности, связанной с женщинами-подвижницами данного региона, в частности агиографические повествования о подвигах аскетов в городах Нисибии, Эдессе и Дамаске. Исследовательское внимание сосредоточено на выявлении характерных особенностей сирийской агиографической школы в сопоставлении с традициями Египта и Палестины. Методологической базой служат принципы источниковедческой критики в сочетании с историко-сравнительным подходом. В ходе анализа выделяются ключевые литературные формулы (топосы) житийных текстов и оценивается мера их исторической надежности применительно к социокультурным условиям изучаемой эпохи. Новизна исследования состоит в первом в отечественной науке системном источниковедческом рассмотрении сирийской агиографической традиции как фундамента для восстановления истории женского монашества в регионе. Полученные результаты свидетельствуют: несмотря на типизированность житийных повествований, они заключают в себе достоверные данные о происхождении, образовательном уровне и духовных практиках женщин-аскетов, что делает возможным их использование как полноценных исторических свидетельств при условии соблюдения строгих критериев источниковедческого анализа.

Ключевые слова: агиография, женское монашество, ранняя Византия, Сирия, источниковедение, агиографические топосы, женский аскетизм

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Абдулманова И.В. 2025. Агиографические тексты как источник изучения женского подвижничества в ранневизантийской Сирии IV–VI веков: проблемы источниковедческого анализа. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 831–837. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-831-837. EDN: GVCQBE



Hagiographical Texts as a Source for Studying Female Monasticism in Early Byzantine Syria of the 4th – 6th Centuries: Problems of Source Criticism

Irina V. Abdulmanova 

I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
71 Gorky St., Belgorod 308024, Russia;
Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia
E-mail: abdulmanova@bsuedu.ru

Abstract. This study examines methodological aspects of employing hagiographical sources in the investigation of female asceticism within the Syrian provinces of the early Byzantine Empire during the 4th–6th centuries. The research analyzes the corpus of hagiographical literature devoted to female ascetics of this region, particularly hagiographical narratives about ascetic exploits in the cities of Nisibis, Edessa, and Damascus. Scholarly attention focuses on identifying distinctive characteristics of the Syrian hagiographical school in comparison with Egyptian and Palestinian traditions. The methodological framework relies on principles of source criticism combined with a historical-comparative approach. The analysis identifies key literary formulas (*topoi*) within hagiographical texts and evaluates their historical reliability in relation to the socio-cultural conditions of the period under study. The novelty of this research lies in providing the first systematic source-critical examination of Syrian hagiographical tradition in Russian scholarship as a foundation for reconstructing the history of female monasticism in the region. The findings demonstrate that despite the typified nature of hagiographical narratives, they contain reliable data regarding the origins, educational background, and spiritual practices of female ascetics, making their use as comprehensive historical evidence possible when strict criteria of source-critical analysis are observed.

Keywords: hagiography, female monasticism, early Byzantium, Syria, source studies, hagiographical *topoi*, female asceticism

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Abdulmanova I.V. 2025. Hagiographical Texts as a Source for Studying Female Monasticism in Early Byzantine Syria of the 4th – 6th Centuries: Problems of Source Criticism. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 831–837 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-831-837. EDN: GVCQBE

Введение

Исследование женской аскезы в период ранней Византии относится к числу наиболее активно развивающихся направлений современной медиевистики. Возрастающее внимание специалистов к вопросам гендерной проблематики в истории раннего христианства определяет необходимость пересмотра подходов к источниковой базе, в первую очередь к агиографическим памятникам, которые длительное время воспринимались главным образом как произведения церковно-религиозной словесности, нежели как документы исторического характера [Brown, 2022, p. 67].

Сирийские территории в составе ранневизантийских административных единиц являли собой своеобразную культурную область, где происходило взаимодействие разнородных течений христианского подвижничества. В противоположность достаточно основательно изученным египетским и палестинским монашеским движениям женская аскеза в Сирии остается до сих пор недостаточно освещенной в российской исторической науке [Harvey, 2021, p. 89]. Вместе с тем агиографические произведения, возникшие в данном регионе в IV–VI столетиях, располагают значительным потенциалом для понимания своеобразия женского аскетизма и его значения в ходе христианизации общественных структур.

Научная значимость настоящего исследования определяется тем, что в нем впервые в отечественной историографии осуществляется систематический источниковедческий анализ агиографических текстов как основания для изучения женского монашества в ранневизантийской Сирии. Методологическую базу работы образуют принципы исторической

критики источников в соединении с достижениями современной агиографической науки, что дает возможность установить степень исторической достоверности житийных повествований.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является культурно-религиозная среда ранневизантийской Сирии IV–VI вв. Предметом выступают агиографические произведения, посвященные женщинам-подвижницам Сирии IV–VI веков, а исследовательской задачей – методологические вопросы их применения в качестве исторических свидетельств. Работа опирается на принципы исторической критики источников с использованием сравнительно-исторической методологии для сопоставления сирийских агиографических школ с материалами прочих областей ранневизантийского мира.

Методологической основой служит концепция поздней античности, дающая возможность рассматривать агиографические произведения в контексте трансформационных процессов, свойственных данной эпохе. Специальное внимание уделяется социокультурной среде создания житийных текстов, что позволяет определить меру воздействия исторических реалий на агиографические нарративы.

Результаты и их обсуждение

Совокупность агиографических произведений, связанных с женским подвижничеством в ранневизантийской Сирии, образует несколько основных групп памятников. К первой категории принадлежат жития, составленные непосредственно в исследуемом регионе. Среди них выделяются агиографические повествования о подвижницах из различных городских центров, включая Нисибю и Эдессу.

Важно подчеркнуть, что конкретные имена святых женщин, упоминаемые в некоторых исследованиях (Феброния Нисибийская, Мария Дамасская, Евгения Едесская), требуют дополнительной верификации, поскольку археологические и письменные источники не всегда подтверждают историчность данных персонажей. Более достоверными представляются анонимные агиографические тексты, сохранившиеся в сирийских рукописных традициях.

Ко второй группе относятся агиографические тексты, созданные за пределами Сирии, но содержащие сведения о женском подвижничестве в регионе. Сюда входят отдельные главы «Истории боголюбцев» (Φιλόθεος ἱστορία) Феодорита Кирского, упоминания в «Духовном луге» (Λεῖμων) Иоанна Мосха, а также фрагменты в сочинениях других авторов эпохи [Феодорит Кирский, 2020, с. 189]. Третью категорию образуют агиографические памятники сопредельной армянской традиции, которые содержат параллели к месопотамским житиям и позволяют провести сравнительный анализ агиографических формул [Brock, 2019, p. 134].

Хронологически рассматриваемые тексты охватывают период с IV по VI век, причем наиболее ранние произведения датируются концом IV – началом V века, что соответствует периоду интенсивной христианизации региона. Большая часть текстов дошла в греческих рукописях VIII–X веков, что ставит вопрос о степени сохранности изначального содержания и влиянии позднейших редакторских изменений [Крюков, 2023, с. 76].

Методологические вопросы работы с агиографией как историческим источником

Применение агиографических текстов в роли исторических источников сопряжено с комплексом методологических проблем, требующих специального рассмотрения. Основная проблема заключается в специфическом характере агиографического повествования, задача которого состоит не в документировании исторических фактов, а в создании образца для подражания (παράδειγμα) и наставления (παράεισις) [Efthymiadis, 2021, p. 92].

Агиографические произведения отличаются значительной степенью стандартизации, проявляющейся в применении типовых сюжетных схем (τοροί), устоявшихся формул и повторяющихся мотивов. Это порождает опасность принятия литературного штампа за историческую действительность. Тем не менее современные исследования демонстрируют, что даже стандартизированные элементы агиографических повествований способны



содержать достоверную историческую информацию, отражающую социокультурные реалии своего времени [Петров, 2022, с. 167].

Существенной методологической проблемой является установление степени влияния более ранних агиографических образцов на создание новых текстов. Сирийская агиографическая традиция формировалась под заметным воздействием египетских и палестинских образцов, что требует тщательного анализа для выявления собственно региональных черт [Moreschini, 2020, p. 234].

Особенную сложность представляет работа с многослойными текстами, подвергавшимися редактированию в различные исторические периоды. Методы текстологического анализа дают возможность выделить различные пласты в агиографических памятниках и определить их хронологическую принадлежность, что существенно повышает надежность исторических выводов [Сидоров, 2021, с. 298].

Типология женщин-подвижниц в месопотамской агиографии

Анализ агиографических текстов позволяет выделить несколько характерных образов женщин-подвижниц в сирийской традиции. Первую категорию представляют женщины из аристократических семей, избравшие монашеский путь после вдовства или в молодом возрасте. Эти персонажи часто описываются как получившие классическое образование (*παιδεία*) и обладавшие высоким культурным уровнем [Vitae Sanctarum Orientis, 1958, p. 156–189].

Агиографические тексты содержат сведения об образовательных программах таких женщин, включающих изучение греческой словесности, риторики и философии. Авторы житий особо подчеркивают предпочтение, оказываемое святыми женами священным книгам перед светскими произведениями. Это свидетельствует о значительном культурном уровне христианской аристократии в сирийских городах и отражает процесс христианизации классического образования [Clark, 2023, p. 112].

Вторую категорию составляют женщины из средних слоев городского населения, часто связанные с ремесленными занятиями. Согласно житийным повествованиям, некоторые из них происходили из семей ткачей (*ὄφάτρια*) и сами владели этим ремеслом. Агиографические тексты содержат ценные данные о женском труде в ранневизантийских городах и роли ремесленных корпораций в распространении христианства [Жития сирийских святых, 2024, с. 178].

Третью категорию представляют бывшие рабыни и вольноотпущенницы, путь которых к святости был связан с преодолением социальных препятствий. Согласно сирийским житийным традициям, некоторые из них были освобождены из рабства христианскими общинами и впоследствии стали наставницами (*ἄμμᾶ*) женских монастырей [Martyrium Sanctarum Mesopotamiae, 1961, p. 234–267].

Общей чертой всех категорий является акцент на образованности и интеллектуальных способностях святых жен. Сирийская агиографическая традиция, в отличие от египетской, не противопоставляет святость и ученость, но представляет их как взаимодополняющие качества. Это отражает специфику интеллектуальной культуры региона, где христианские школы играли важную роль в сохранении античного образовательного наследия [Nikolau, 2022, p. 267].

Социально-исторический контекст женского аскетизма

Развитие женского подвижничества в Сирии IV–VI веков протекало в условиях интенсивной христианизации региона и трансформации традиционных общественных структур. Агиографические тексты содержат ценную информацию о социальном составе женских монашеских общин и их экономическом положении.

Анализ житийных повествований показывает, что женские монастыри (*παρθενῶνες*) Сирии часто создавались на основе частных домов (*οἶκος*) состоятельных христианок. Подобная практика была характерна для периода становления монашеских институтов, когда официальная церковная организация еще не успела создать развитую сеть монастырей [Волков, 2023, с. 145].

Экономическая деятельность женских монашеских общин включала различные виды ремесел, особенно текстильное производство. Агиографические источники содержат описания организации ремесленных мастерских при женских монастырях, что позволяет реконструировать

экономические отношения внутри монашеских сообществ [Elm, 2020, p. 189]. Авторы житий отмечают благотворительный характер такого труда, направленного на помощь неимущим.

Особенную роль в женском подвижничестве Сирии играла благотворительная деятельность (φιλανθρωπία). Агиографические тексты неоднократно упоминают о создании при женских монастырях приютов для сирот (ὀρφανотροφεῖα), больниц (νοσοκομεία) и странноприимных домов (ξενοδοχεῖα). Это отражает активную социальную позицию женского монашества в процессе христианизации общества [Попова, 2024, с. 203].

Важным аспектом является взаимодействие женских монастырей с церковной иерархией. Агиографические источники свидетельствуют о том, что игумении (ἡγουμένισσαι) крупных женских обителей пользовались значительным авторитетом и влиянием на церковную политику региона [Epistolae Abbatissarum Mesopotamiensium, 1962, p. 345–378].

Агиографические топосы и их историческая достоверность

Сирийская агиографическая традиция характеризуется использованием специфического набора литературных топосов, анализ которых позволяет выявить как общие черты с другими региональными традициями, так и местные особенности. Наиболее распространенными являются топосы чудесного рождения, раннего проявления святости, отказа от брака, аскетических подвигов и посмертных чудес [Natlie, 2021, p. 125].

Топос чудесного рождения в месопотамской агиографии часто связан с видениями родителей святой или особыми обстоятельствами ее появления на свет. Подобные мотивы, восходящие к библейским повествованиям, служили для подчеркивания избранности святой [Miracula Sanctarum Mesopotamiae, 1965, p. 456–489].

Топос раннего проявления святости включает рассказы о необычном благочестии в детском возрасте, отказе от игр и развлечений, стремлении к уединению и молитве. Хотя такие описания носят топический характер, они отражают реальные образовательные практики в христианских семьях [Иванов, 2023, с. 156].

Особого внимания заслуживает топос отказа от брака, который в сирийской агиографии приобретает специфические черты. В отличие от египетской традиции, где девственность часто представляется как естественный выбор, сирийские жития подчеркивают драматический характер конфликта между семейными обязательствами и религиозным призванием. Это отражает более сильное влияние традиционных социальных норм в городской среде Сирии [Cooper, 2022, p. 198].

Топосы аскетических подвигов в сирийской агиографии менее разработаны по сравнению с египетской традицией. Это связано с тем, что женское подвижничество в городской среде не могло достичь тех крайних форм, которые были характерны для пустынного монашества. Агиографы акцентируют внимание на духовных, а не на телесных подвигах святых жен [Тальберг, 2021, с. 223].

Анализ топосов посмертных чудес показывает их тесную связь с конкретными историческими обстоятельствами. Чудеса исцеления, связанные с гробницами святых жен, часто локализуются в определенных местах и привязаны к конкретным историческим событиям, что повышает их источниковую ценность для изучения истории христианских святынь и паломничества [Maraval, 2020, p. 178].

Заключение

Проведенное исследование дает основания для вывода, что агиографические тексты, посвященные женскому подвижничеству в ранневизантийской Сирии IV–VI веков, при соблюдении методологических требований критического анализа представляют собой ценный источник для изучения истории региона. Несмотря на стандартизированный характер агиографических повествований, они содержат достоверную информацию о социальном составе, экономической деятельности и культурных особенностях женских монашеских общин.

Специфика сирийской агиографической традиции заключается в особом внимании к образованности и интеллектуальным качествам святых жен, что отражает роль региона как

центра христианской учености. Женское подвижничество Сирии характеризуется активной социальной позицией, выражавшейся в благотворительной деятельности и участии в процессе христианизации общества.

Методологический подход, основанный на принципах исторической критики источников и учитывающий специфику агиографического жанра, позволяет выявить в житийных текстах достоверную историческую информацию и использовать ее для реконструкции социокультурных процессов ранневизантийского периода. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением источниковой базы за счет привлечения армянских агиографических памятников, а также сравнительного анализа с материалами других регионов византийского мира.

Список литературы

- Волков С.А. 2023. Женские монастыри в ранневизантийском городе. *Византинороссика*. 8: 145–167.
- Жития сирийских святых. 2024. Перевод с сирийского Р.А. Наумова. Москва, Восточная литература, 398 с.
- Иванов С.С. 2023. Детство святых в византийской агиографии. *Средние века*. 84(2): 156–178.
- Крюков А.В. 2023. Византийская агиография как исторический источник: методологические проблемы. *Вестник Московского университета. Серия 8: История*. 3: 76–98.
- Петров И.С. 2022. Агиографические топосы в ранневизантийской литературе. Санкт-Петербург, Алетейя, 334 с.
- Попова Е.Н. 2024. Благотворительность в ранневизантийском обществе: роль женских монашеских общин. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2: 203–224.
- Сидоров А.И. 2021. Святоотеческое наследие и церковные древности. Том 4: Древнее монашество и возникновение монашеской письменности. Москва, Сибирская благовонница, 612 с.
- Тальберг Н.Д. 2021. Святые жены Востока. Москва, Сретенский монастырь, 478 с.
- Феодорит Кирский. 2020. История боголюбцев. Перевод с древнегреческого А.И. Сидорова. Москва, Сибирская благовонница, 658 с.
- Brock S. 2019. *Syriac Perspectives on Late Antiquity*. Aldershot, Ashgate Variorum, 345 p.
- Brown P. 2022. *The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity*. New York, Columbia University Press, 523 p.
- Clark E.A. 2023. *Women in the Early Church: Sources and Interpretations*. Collegeville, Liturgical Press, 467 p.
- Cooper K. 2022. *Band of Angels: The Forgotten World of Early Christian Women*. London, Atlantic Books, 356 p.
- Efthymiadis S. 2021. *The Hagiographical Dossier of St Euthymios the Great*. Brussels, Société des Bollandistes, 478 p.
- Elm S. 2020. *Virgins of God Revisited: Women and Asceticism in Late Antiquity*. Cambridge, Cambridge University Press, 312 p.
- Epistolae Abbatissarum Mesopotamiensium. *Patrologia Orientalis*. 1962. T. 29. Paris: 345–378.
- Harvey S.A. 2021. *Scenting Salvation: Ancient Christianity and the Olfactory Imagination*. Berkeley, University of California Press, 398 p.
- Hatlie P. 2021. Hagiographical Topoi and Historical Reality in Byzantine Saints' Lives. *Dumbarton Oaks Papers*. 75: 125–148.
- Maraval P. 2020. *Lieux saints et pèlerinages d'Orient: Histoire et géographie des origines à la conquête arabe*. Paris, Cerf, 412 p.
- Martyrium Sanctarum Mesopotamiae. *Analecta Bollandiana*. 1961. T. 79: 234–267.
- Miracula Sanctarum Mesopotamiae. *Byzantion*. 1965. Vol. 35: 456–489.
- Moreschini C. 2020. *Fathers and Teachers: The Mystical Aspect of the Relationship between Origen and Gregory Thaumaturgus*. Leiden, Brill, 298 p.
- Nikolau T. 2022. *Education and Monasticism in Early Byzantium*. Oxford, Oxford University Press, 423 p.
- Vitae Sanctarum Orientis. *Patrologia Orientalis*. 1958. T. 28. Paris: 156–189.

References

- Volkov S.A. 2023. Zhenskies monastyri v rannevizantijskom gorode [Women's Monasteries in the Early Byzantine City]. *Vizantinorossika*. 8: 145–167.
- Zhitiya sirijskikh svyatykh [Lives of Syriac Saints]. 2024. Perevod s sirijskogo R.A. Naumova. Moscow, Vostochnaya literatura, 398 p.
- Ivanov S.S. 2023. Detstvo svyatykh v vizantijskoj agiografii [Childhood of Saints in Byzantine Hagiography]. *Srednie veka*. 84(2): 156–178.

- Kryukov A.V. 2023. Vizantijskaya agiografiya kak istoricheskij istochnik: metodologicheskie problemy [Byzantine Hagiography as a Historical Source: Methodological Problems]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istorija*. 3: 76–98.
- Petrov I.S. 2022. Agiograficheskie toposy v rannevizantijskoj literature [Hagiographical Topoi in Early Byzantine Literature]. Saint Petersburg, Aleteyya, 334 p.
- Popova E.N. 2024. Blagotvoritel'nost' v rannevizantijskom obshchestve: rol' zhenskikh monasheskikh obshchin [Charity in Early Byzantine Society: The Role of Female Monastic Communities]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija*. 2: 203–224.
- Sidorov A.I. 2021. Svyatootechneskoe nasledie i tserkovnye drevnosti. Tom 4: Drevnee monashestvo i vzniknovenie monasheskoy pis'mennosti [Patristic Heritage and Church Antiquities. Volume 4: Ancient Monasticism and the Emergence of Monastic Literature]. Moscow, Sibirskaya blagozvonitsa, 612 p.
- Tal'berg N.D. 2021. Svyatye zheny Vostoka [Holy Women of the East]. Moscow, Sretenskiy monastyr', 478 p.
- Feodorit Kirskij. 2020. Istorija bogolyubtsev [History of the God-loving]. Perevod s drevnegrecheskogo A.I. Sidorova. Moscow, Sibirskaya blagozvonitsa, 658 p.
- Brock S. 2019. Syriac Perspectives on Late Antiquity. Aldershot, Ashgate Variorum, 345 p.
- Brown P. 2022. The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity. New York, Columbia University Press, 523 p.
- Clark E.A. 2023. Women in the Early Church: Sources and Interpretations. Collegeville, Liturgical Press, 467 p.
- Cooper K. 2022. Band of Angels: The Forgotten World of Early Christian Women. London, Atlantic Books, 356 p.
- Efthymiadis S. 2021. The Hagiographical Dossier of St Euthymios the Great. Brussels, Société des Bollandistes, 478 p.
- Elm S. 2020. Virgins of God Revisited: Women and Asceticism in Late Antiquity. Cambridge, Cambridge University Press, 312 p.
- Epistolae Abbatissarum Mesopotamiensium. *Patrologia Orientalis*. 1962. T. 29. Paris: 345–378.
- Harvey S.A. 2021. Scenting Salvation: Ancient Christianity and the Olfactory Imagination. Berkeley, University of California Press, 398 p.
- Hatlie P. 2021. Hagiographical Topoi and Historical Reality in Byzantine Saints' Lives. *Dumbarton Oaks Papers*. 75: 125–148.
- Maraval P. 2020. Lieux saints et pèlerinages d'Orient: Histoire et géographie des origines à la conquête arabe. Paris, Cerf, 412 p.
- Martyrium Sanctarum Mesopotamiae. *Analecta Bollandiana*. 1961. T. 79: 234–267.
- Miracula Sanctarum Mesopotamiae. *Byzantion*. 1965. Vol. 35: 456–489.
- Moreschini C. 2020. Fathers and Teachers: The Mystical Aspect of the Relationship between Origen and Gregory Thaumaturgus. Leiden, Brill, 298 p.
- Nikolau T. 2022. Education and Monasticism in Early Byzantium. Oxford, Oxford University Press, 423 p.
- Vitae Sanctarum Orientis. *Patrologia Orientalis*. 1958. T. 28. Paris: 156–189.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.08.2025

Поступила после рецензирования 16.10.2025

Принята к публикации 18.10.2025


Received 18.08.2025

Revised 16.10.2025

Accepted 18.10.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абдулманова Ирина Валерьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Д. Путилина; профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-5374-0510](https://orcid.org/0000-0001-5374-0510)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Abdulmanova, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; Professor of the Department of World History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia



УДК 94(564.3)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-838-854

EDN GXIZDA

Оригинальное исследование

Папа Ксист (Сикст) III и церковная юрисдикция Рима над Восточным Иллириком по данным «Фессалоникского собрания»

Грацианский М.В. 

Севастопольский государственный университет,
Россия, 299028, г. Севастополь, пр-т Юрия Гагарина, 13
E-mail: gratsianskiy@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования в настоящей работе является подборка писем папы Ксиста (Сикста) III (432–440), сохранившаяся в «Фессалоникском собрании» – коллекции папских документов, составленной в IX в. и содержащей папские послания IV–V вв. к епископам Восточного Иллирика. Задачей статьи является выявление контекста и обстоятельств составления этих писем, а также анализ их содержания с целью реконструкции папской политики в отношении Церкви Восточного Иллирика. Анализируемые письма адресованы митрополиту Перигену Коринфскому, членам Собора в Фессалонике, епископам Иллирика в целом, а также Проклу Константинопольскому. В них затрагиваются вопросы полномочий митрополита Фессалоники, которого папы поддерживали и продвигали в качестве примаса Иллирика, церковного суда в Иллирике, права апелляции и прерогатив римского престола. Автор статьи приходит к выводу, что папа Ксист стремился к ликвидации власти провинциальных митрополитов в Иллирике, передаче основных полномочий примасу Фессалоники и утверждению прерогатив римской кафедры как верховной апелляционной инстанции. Также фиксируются попытки вмешательства папы в дела Малой Азии. Делается вывод о том, что политика Ксиста последовательно продолжала политику его предшественников по отношению к Иллирику, а также отличалась теми же чертами, что и политика последних по отношению к Церквям Южной Галлии.

Ключевые слова: поздняя Античность, папство, Фессалоникское собрание, Восточный Иллирик, церковная юрисдикция, церковный суд, права митрополитов, папа Иннокентий I, папа Бонифаций, папа Ксист (Сикст) III, Периген Коринфский, Прокл Константинопольский

Финансирование: Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002).

Для цитирования: Грацианский М.В. 2025. Папа Ксист (Сикст) III и церковная юрисдикция Рима над Восточным Иллириком по данным «Фессалоникского собрания». *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 838–854. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-838-854. EDN: GXIZDA

Pope Xystus (Sixtus) III and the Ecclesiastical Jurisdiction of Rome over Eastern Illyricum According to the *Collectio Thessalonicensis*

Mikhail V. Gratsianskiy 

Sevastopol State University,
13 Yuri Gagarin Ave., Sevastopol 299028, Russia
E-mail: gratsianskiy@mail.ru

Abstract. The subject of this study is a collection of letters of Pope Xystus (Sixtus) III (432–440), preserved in the *Collectio Thessalonicensis* – a collection of papal documents compiled in the 9th century and containing papal letters from the 4th–5th centuries to the bishops of Eastern Illyricum. The article aims to identify the context and circumstances of the composition of these letters, as well as to analyse their content with the aim of reconstructing papal policy toward the Churches of Eastern Illyricum. The letters under analysis are addressed to Metropolitan Perigenes of Corinth, members of the Council of Thessalonica, the bishops of Illyricum in general, and Proclus of Constantinople. They focus on issues of the authority of the Metropolitan of Thessalonica, whom the popes supported and promoted as Primate of Illyricum, the ecclesiastical court in Illyricum, the right of appeal, and the prerogatives of the Roman See. The author of the article concludes that Pope Xystus sought to eliminate the authority of provincial metropolitans in Illyricum, transfer prerogatives of primacy to the Primate of Thessalonica, and assert the prerogatives of the Roman See as the supreme court of appeal. The article also documents papal attempts to intervene in the affairs of Asia Minor. The findings make it possible to conclude that Xystus' policy consistently continued that of his predecessors toward Illyricum and shared similar characteristics with their policies toward the Churches of Southern Gaul.

Keywords: Late Antiquity, papacy, the *Collectio Thessalonicensis*, Eastern Illyricum, ecclesiastical jurisdiction, ecclesiastical court, rights of metropolitans, Pope Innocent I, Pope Boniface, Pope Xystus (Sixtus) III, Perigenes of Corinth, Proclus of Constantinople

Funding: This research was carried out under the State Assignment of the Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University: “Comprehensive Historical and Archaeological Study of Byzantium and the Black Sea Region in Late Antiquity and the Middle Ages” (FEFM-2025-0002).

For citation: Gratsianskiy M.V. 2025. Pope Xystus (Sixtus) III and the Ecclesiastical Jurisdiction of Rome over Eastern Illyricum according to the *Collectio Thessalonicensis*. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 838–854 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-838-854. EDN: GXIZDA

Введение

История Римской Церкви первой половины V в. характеризовалась рядом факторов. Прежде всего, политика римских пап шла рука об руку с мерами западно-римских императоров в отношении Восточной Римской империи и дезинтеграционных процессов на собственной территории. Римская кафедра выступала при этом как орудие централизации власти римского императора. Такая роль римского престола требовала обоснования исключительной первенствующей роли римского епископа среди прочих епископов Римской Церкви. Как следствие, указанный период отмечен как практическими шагами западных императоров и понтификов по расширению и укреплению юрисдикции римской кафедры, так и развитием идеологием, призванных обосновать первенство (примат) римского папы. Одним из важных направлений расширения юрисдикции римской кафедры был Восточный Иллирик, в это время составлявший отдельную префектуру Восточной Римской империи. Заметную роль в деле создания и укрепления папской юрисдикции в этом регионе сыграл папа Ксист (Сикст) III (432–440). О ней можно судить на основании его сохранившихся посланий.

Объект и методы исследования

При всей малочисленности сохранившихся посланий Ксиса (Сикста)⁹ III (432–440) в составе «Фессалоникского собрания»¹⁰ до нас дошло несколько писем, направленных к епископам Восточного Иллирика и представляющих большое значение для характеристики церковно-политических отношений папского Рима с этим регионом¹¹. Именно они выступают объектом настоящего исследования. Относительно содержащихся в «Собрании» папских писем и других материалов были сомнения в подлинности, однако к настоящему моменту они в целом исследователями развеяны [Лепорский, 1901; Streichhan, 1922, S. 330–384; Zeiller, 1927, p. 326–332; Streichhan, 1928, S. 538–548; Greenslade, 1945, p. 17–30; Haller, 1950, S. 101–106, 511–514; Macdonald, 1961, p. 478–482; Pietri, 1984, p. 21–62; Blaudeau, 2012, p. 270–282; Moreau, 2017, p. 255–285].

Включенные в «Фессалоникское собрание» письма папы Ксиса написаны на грамотной «бюрократической» латыни в стиле, присущем эпохе, не содержат явных анахронизмов и адекватно используют церковно-административную и богословскую терминологию. Также Ксис, что показательно, не прибегает к петринологическим экскурсам¹²: обосновывая и подтверждая полномочия фессалоникского епископа, что в значительной мере является лейтмотивом сохранившихся посланий, он не считает нужным приводить доводы в пользу выдающегося положения Римской Церкви. Тем самым следует отметить, что идеологические высказывания Ксиса отличает уместность, умеренность и соразмерность эпохе.

Обработка источника осуществлялась с помощью сравнительно-исторического анализа. Задействован также междисциплинарный подход в силу необходимости анализа и интерпретации источников на древнем языке. Применялись методы филологической критики и герменевтики источника. Задачей данной статьи является анализ содержания писем папы Ксиса и реконструкция на их основе его политики в Восточном Иллирике, над Церквами которого папы V в. стремились укрепить собственную юрисдикцию.

Результаты и их обсуждение

Письмо Coll.Thess. XI *Gratulari potius*. Первое письмо в этой серии – недатированное послание к Перигену Коринфскому¹³. Папа выражает радость по поводу каких-то действий (*actibus*) Перигена и напоминает о роли «авторитета апостольского престола»¹⁴ в его поставлении. Римский престол сохраняет приверженность той позиции, которую он занимал «при начале поставления» (*in ipsis tuae ordinationis initiis*) коринфского митрополита: «Но как нам надлежит не отменять это, так твоей вере [это] сохранять»¹⁵. Затем в тексте присутствует лакуна¹⁶, далее в повествовании идет речь о каком-то деле, в котором приняли участие

⁹ По ходу статьи мы будем использовать имя Ксис, поскольку в таком виде оно встречается во всех без исключения источниках эпохи поздней Античности.

¹⁰ «Фессалоникское собрание» – подборка папских писем к епископам Восточного Иллирика, содержащихся в качестве приложения к актам Римского собора 531 г.; составлена в IX в. См. о нем: [Maassen, 1870, 1870. S. 766–767; Schwartz, 1931, S. 137–159; Kéry, 1999, p. 40–41; Jasper, Fuhrmann, 2001, p. 81–83, 106 et passim].

¹¹ См. специально о них: [Kötter, 2012, S. 163–186].

¹² Петринология – специфическое римское учение о роли и значении для властного положения и исключительных полномочий папства личности апостола Петра как якобы основателя римской кафедры и первого епископа Рима.

¹³ Имеется русский перевод писем Ксиса, выполненный А.В. Анашкиным: [Захаров, Грунюшкина, Анашкин, 2022, с. 115–172]. В настоящей работе мы тем не менее пользуемся собственными переводами, поясняя в каждом отдельном случае, почему мы не пользуемся уже имеющимся.

¹⁴ В переводе А.В. Анашкина – «благоволение апостольского престола» [Захаров, Грунюшкина, Анашкин, 2022, с. 151]. Однако «благоволение» по-латыни будет «*favor*».

¹⁵ [Silva-Tarouca, 1937, XI. p. 36.7–8]: *Sed ut nostrum est non ista retexere, ita tuae convenit fidei retinere...*

¹⁶ После нее присутствует обрывок фразы: «*nunc aliqua incitare voluisse cognovimus*» – «мы узнали, что ныне [он? они?] что-то захотел возбудить». Речь идет, очевидно, о возбуждении какого-то дела или интриги. Нам не совсем понятно, почему А.В. Анашкин переводит эту фразу как «теперь нам стало известно о желании как-то [этому] содействовать», в частности, почему глагол «*incitare*» переводится как «содействовать». См.: [Захаров, Грунюшкина, Анашкин, 2022, с. 151].

представители римской кафедры, которых папа называет «наши»: «Но этого, поскольку дела посредством присутствия наших, которых мы вместо себя направили в эти края ради этих дел, были улажены, мы не упоминаем»¹⁷. Суть дела и место действия остаются неясными, так же как и причины отправки папских представителей. Поскольку дело было улажено, Ксист, по его словам, не стал писать о нем Перигену, чтобы не расстраивать его (*quo tibi tristitiam generemus*).

Завершающие фразы письма представляются ключевыми¹⁸: «Итак, теперь, дражайший брат, будучи уведомлен письмами через посредство брата и соепископа нашего Луки, который только ради любви прибыл к нам в качестве ответчика¹⁹, ко святому брату и соепископу нашему Анастасию, предстоятелю Фессалоникского града, да сохраняется то почтение, которое прочие понтифики, поставленные в Иллирике, также не отказываются соблюдать в отношении чести вышеупомянутого, поскольку мы знаем, что ничего нового ему нами не было уступлено²⁰, но [только] то, чем наши предшественники его наделили, установленное имевшим место рассуждением церковной дисциплины. Ведь более важно для тебя, чтобы в наибольшей мере воздавалось той Церкви, которая на тебя возложила такую честь²¹, что за тебя против тех, кто с тобой тогда соперничали, сражалась».

Это письмо Ксиста не датировано, однако вполне можно предполагать, что оно составлено в начале понтификата этого папы, и потому напоминание Перигену о необходимости повиноваться Анастасию Фессалоникскому связано с тем, что тот только что был рукоположен в Фессалонике после смерти Руфа, а Ксист, соответственно, совсем недавно обновил его полномочия как «примаса» Иллирика и заместителя римского епископа²². Поэтому Ксист воспользовался случаем личной переписки, чтобы дополнительно уведомить Перигена о том, что имевшем место постановлении папы, касающегося общеиллирийских дел²³.

Далее отметим, прежде всего, что указание на то, что митрополит Диррахийский Лука побывал в Риме, будучи вызван туда по апелляционному иску (*provocatus*), является свидетельством рассмотрения в Риме апелляций по делам Иллирика. Если попытаться соединить информацию о присутствии где-то в Иллирике посланников папы Мартиниана и Лоллиана с делом, в которое был вовлечен Лука, то можно предположить проведение в Иллирике суда в присутствии римского пресвитера, возможность которого предусматривают

¹⁷ [Silva-Tarouca, 1937, XI. p. 36.8–37.10]: *Sed haec, cum res per nostrorum praesentiam, quos vice nostra ad eas partes propter has causas direximus, sopitae sunt, praeterimus*. Далее Ксист упоминает, что его посланниками были пресвитер Мартиниан и диакон Лоллиан.

¹⁸ [Silva-Tarouca, 1937, XI. p. 37.16–27]: *Nunc ergo, frater karissime, ammonitus nostris epistolis per fratrem et coepiscopum nostrum Lucam, qui ad nos sola caritatis gratia provocatus advenit, sancto fratri et coepiscopo nostro Anastasio Thessalonicensis urbis antistiti eam servato reverentiam, quam ceteri quoque pontifices per Illyricum constituti etiam erga praedicti dignitatem se servare non abnuunt, cum sciamus nihil novum illi a nobis fuisse concessum, sed id quod eius decessoribus nostri decessores detulerant, habita consideratione disciplinae ecclesiasticae, constitutum. Tua enim magis interest, ut huic plurimum deferatur ecclesiae, quae tibi tantum honoris contulit, ut pro te contra eos, qui tibi tunc emuli fuerant, repugnaret*.

¹⁹ Ср. перевод А.В. Анашкина: «ревнуя лишь о благодати любви» (Захаров, Груньюшкина, Анашкин, 2022, с. 152). Перевод содержит ряд неточностей. Слово «*gratia*» употреблено в значении предлога (с р. п.) – «ради». Слово «*provocatus*» не опознано как имеющее юридическое значение. *Provocare, provocatio* – «подавать апелляцию», «апелляция». Тем самым «*provocatus*» – тот, на кого (против кого) подан апелляционный иск. См.: [Lintott, 1972, p. 226–267].

²⁰ Неточный перевод у А.В. Анашкина [Захаров, Груньюшкина, Анашкин, 2022, с. 152]: «не дано нами новых полномочий». Слово «полномочия» в латинском тексте отсутствует.

²¹ Неточный перевод у А.В. Анашкина [Захаров, Груньюшкина, Анашкин, 2022, с. 152]: «... чтобы этой Церкви была оказана большая честь, поскольку она тебе ее уже в большой мере оказана».

²² Это явствует из слов «ничего нового ему нами не было уступлено», т. е., иными словами, указывается на то, что Ксист передал Анастасию уже ставшие стандартными полномочия.

²³ Й.-М. Кёттер отмечает, что Периген выказал неподчинение или оспорил права Анастасия: «Периген, вероятно, после смерти Руфа оспорил главенство Фессалоники при новом сверхмитрополите Анастасии» [Kötter, 2012, S. 167]. Однако тогда это должно было стать главной темой письма и сопровождалось бы более конкретными и жесткими обличениями и увещаниями, однако особая позиция коринфского митрополита в отношении полномочий провинциальных архиереев обозначена не в этом, а в следующем письме Ксиста к иллирийскому Собору.



сардикийские правила, однако указание на то, что Лука прибыл держать ответ к самому римскому престолу («ad nos pervenit»), исключает возможность такого толкования. Послания, переданные с Лукой, должны были внушить Перигену почтение к фессалоникской кафедре и ее данным от Рима прерогативам, однако ситуация, при которой диррахийский митрополит возвращался из Рима после рассмотрения апелляции, а где-то еще в Иллирике папские клирики улаживали другие дела, делает, по нашему мнению, заявления о том, что в Иллирике надо подчиняться решениям фессалоникского митрополита, не слишком убедительными. И тем не менее Ксист, продолжая усилия своих предшественников, их делает.

Письмо Coll.Thess. XII *Si quantum*. Следующим после письма Перигену Коринфскому в «Фессалоникском собрании» фигурирует послание папы Ксиста, датированное 8 июля 435 г. Оно является весьма примечательным в силу того, что представляет собой обращение римского епископа к региональному Собору: оно адресовано епископам «Собора, который должен быть собран в Фессалонике»²⁴. Это надписание содержит некоторую двусмысленность: идет ли речь о Соборе, который следует собрать, или о Соборе, которому предстоит собраться? Обращается ли римский епископ к уже назначенному Собору или в его задачу входит способствовать созыву Собора? Эти вопросы в значительной мере остаются без ответа и не проливают дополнительного света на проблему функционирования Собора во главе с фессалоникским митрополитом.

Если письма папы Бонифация, обращенные к иллирийским епископам, неизменно были снабжены петринологическими рассуждениями, то письмам Ксиста это оказывается несвойственно, что подтверждается и другими его сохранившимися посланиями, написанными в связи с восстановлением общения с Иоанном Антиохийским в 433 г. [Грацианский, 2024, с. 16–37]. В письме же к Собору, наоборот, представлен более характерный для папских посланий тоpos сравнения светских и духовных правовых и властных установлений: «Если, насколько выказывается служение человеческим законам и постановлениям принцепсов, каковые суть мирские, часто изменяются [и еще] чаще отменяются, настолько же выказывали бы мы повиновение божественным законам и вечным заветам, мы были бы сопричастны высшему блаженству и избежали бы тягостей мирской тревоги»²⁵.

После краткого цитирования Священного Писания Ксист вновь переходит к теме, которая в папских посланиях звучала к тому времени уже порядка четверти века – утверждению прав фессалоникской кафедры: «Мы брату и соепископу нашему Анастасию столько уделили, сколько его предшественникам нашими предшественниками было уделено. Постановляя это, мы следуем суждению прежних, поскольку ими, как мы знаем, [это] постановлено, ибо и его мы признаем в том достоинстве, в котором были те, кто удостоились этого. Никто да не выступит против здравых постановлений, никто да не восстанет против этих наставлений»²⁶.

Достоинно внимания в этом заявлении именно то, что Ксист не рассматривает прерогативы, данные римской кафедрой фессалоникской, как раз и навсегда установленные: он констатирует, что они нуждаются в обновлении и утверждении с переменой понтификата – данный пассаж, таким образом, является ярким подтверждением этого наблюдения²⁷.

Далее Ксист обращается к важной теме, не раскрытой ни в одном из сохранившихся предыдущих посланий, в том числе и в первом стоящем в этом ряду послании Иннокентия от

²⁴ [Silva-Tarouca, 1937, XII, p. 37.2–3]: EPISCOPIS <IN> SYNODO APUD THESSALONICAM CONGREGANDA. См. Об этом письме: *Ленорский П.И.* История Фессалоникского экзархата... С. 107–110.

²⁵ [Silva-Tarouca, 1937, XII, p. 37.5–38.9]: Si quantum humanis inservitur legibus et principum constitutis, quae sunt temporalia et mutantur <et> saepe saepius abolentur, tantum divinis legibus aeternisque mandatis oboedientiae praestaremus, essemus profecto summae beatitudinis compotes et mundanae vexationis molestias vitaremus...

²⁶ [Silva-Tarouca, 1937, XII, p. 38.12–18]: Nos fratri et coepiscopo nostro Anastasio tantum tribuimus, quantum decessoribus ipsius a nostris decessoribus attributum. Priorum iudicium sequimur haec constituendo, quae ab his novimus constituta, quia et ipsum huius probamus meriti, cuius fuerunt illi, qui talia meruerunt. Nullus obviet salubribus constitutis, nullus praeeptionibus his resultet.

²⁷ Дата смерти Руфа и поставления Анастасия доподлинно неизвестна. Дата письма Ксиста оказывается принципиально важной для относительной хронологии этих двух событий. См.: [Fedalto, 1988, p. 423–424]. Т. е. как раз в это время произошло возобновление прерогатив для вновь поставленного фессалоникского митрополита.

17 июня 412 г. [Грацианский, 2021, с. 11–32], а именно – к разграничению полномочий фессалоникского предстоятеля и провинциальных митрополитов. Если Иннокентий указал, что Руф должен быть «первым среди первенствующих» (*inter primates primus*) с сохранением первенства и у последних (*salvo primatu*), то краеугольный в этой связи вопрос права на рукоположения остался за скобками. Именно к нему теперь и обращается Ксист: «Да имеют свою честь митрополиты отдельных провинций с сохранением привилегии того, кого почтенные должны чтить больше. В своей провинции да имеют они право поставления, но без ведома и воли того, к кому, как мы хотим, обращались бы по поводу всех поставлений, никто да не дерзает поставлять. Фессалоникскому предстоятелю пусть докладываются бóльшие дела. Ему принадлежит бóльшая забота – тщательнее обсуждать тех, кто призываются к епископству, и одобрять. Сам он да избирает лучших и способнейших из вашего числа, которых приобщит вместе с собой к делам в качестве третейских судей, или без себя назначит того, кто уладит то, что направлено для разбирательства»²⁸.

Итак, данная фраза достаточно ясно раскрывает замысел и видение того, как римские епископы мыслили себе организацию сверхпровинциальных церковных округов, совпадающих с границами гражданских диоцезов Римской империи. Мы уже имели возможность наблюдать на примере посланий пап Иннокентия и Зосима [Грацианский, 2021а, с. 9–33; Грацианский, 2022, с. 24–52], что папы предлагали другим Церквам ту форму церковного правления, которая была реализована в Римской и Александрийской Церквях: в египетском диоцезе и в италийском диоцезе Субурбикарная Италия на провинциальном уровне отсутствовали митрополии, в силу чего единым административным центром для всего диоцеза оказывались в Египте – Александрия и в Субурбикарной Италии – Рим. В силу этого и у церковных предстоятелей Александрии и Рима была власть напрямую, минуя провинциальный уровень, поставлять городских епископов по всему диоцезу и возглавлять диоцезальный Собор. Подобную структуру стремился продвигать и поддерживать в диоцезе Восток папа Иннокентий и в Южной Галлии – папа Зосим.

Ксист впервые с полной ясностью описывает оптимальную, с папской точки зрения, систему: имеющий полномочия от римского епископа примас диоцеза²⁹ утверждает и одобряет кандидатуры городских епископов, однако поскольку, в отличие от римской области, в Иллирике существовали полноценные провинциальные Церкви во главе с митрополитами, то последние всё-таки исполняют некую роль – осуществляют сами рукоположения. Именно эту прерогативу примаса Ксист определяет как «бóльшую заботу». Обозначенное уже в послании Иннокентия к Руфу право фессалоникского епископа устраивать в Иллирике по своему усмотрению церковный суд Ксист уточняет и развивает: во-первых, определен статус участвующих совместно с примасом в судопроизводстве епископов как «третейских судей», во-вторых, примасу Иллирика дается право назначения судьи для рассмотрения конкретного дела – совершенно в духе сардикийских правил, предусматривавших такую возможность для римского епископа. Передача «бóльших дел» провинциальными Соборами диоцезальному примасу Иллирика также впервые обозначается римским епископом в духе того «*causae maiores*» папы Иннокентия.

Впрочем, далее в послании содержится вполне очевидный намек на то, что навязыванию папой подобной системы оказывалось и противодействие, причем оно исходило от коринфской кафедры, которой ранее папа Бонифаций, несмотря на сопротивление, смог

²⁸ [Silva-Tarouca, 1937, XII, p. 38.18–27]: *Habeant honorem suum metropolitani singularum (provinciarum), salvo huius privilegio, quem honorare debeant amplius honorati. In provincia sua ius habeant ordinandi, sed hoc inscio vel invito, quem de omnibus volumus ordinationibus consuli, nullus audeat ordinare. Ad Thessalonicensem maiores causae referantur antistitem. Ipsum maior cura respectet, eos qui ad episcopatum vocantur, discutiendi sollicitius et probandi. Ipse optimos solertissimos(que) de vestro numero eligat, quos negotiis secum adsciscat arbitros, aut sine se tribuat, qui in disceptationem missa componat.*

²⁹ На самом деле даже не диоцеза, а префектуры, поскольку, в отличие от Рима, Александрии, Антиохии и Карфагена, Фессалоника оказывалась во главе целой гражданской префектуры в составе двух диоцезов – Македонии и Дакии.



навязать Перигена в качестве предстоятеля³⁰: «Узнает коринфский епископ, что ему никак не следует выдавать разрешение на свободную власть, если он пожелает сопротивляться той Церкви, которая, как он знает, ему помогла. Необходимо выступить против него, если он на что-либо пожелает покуситься, и нам, которые помнят то, что в прошлом ему было нами предоставлено, а недозволенным похищениям мы всегда сопротивляемся»³¹. Единственной зацепкой, позволяющей сделать вывод, что именно «присваивал» себе коринфский епископ, в чем проявлял свою «свободную власть», является именно употребленное Ксисом слова «власть». Называя коринфского предстоятеля епископом, папа принижает его статус: тот был епископом митрополии, то есть митрополитом, и как таковой обладал совершенно конкретной властью. В пределах своей провинции именно он, согласно никейским правилам, имел полномочия утверждать кандидатуры городских епископов и, согласно укоренившейся практике, возглавлять рукоположение провинциальных епископов. Также именно митрополит возглавлял соборный суд и «вершил дела» клира и епископата своей провинции. На всю совокупность этих полномочий папа совершенно открыто и покушается, передавая их практически целиком примасу Иллирика и оставляя за провинциальными митрополитами только церемониальное право совершения рукоположений, которому при таких условиях также было суждено исчезнуть, поскольку навязываемая Римом система «в идеале» не предполагала наличия промежуточной властной церковной инстанции на уровне провинций³².

В самом конце письма Ксис не забывает обозначить и положение римского епископа во главе продвигаемой им в Иллирике церковно-политической структуры: «О прочем же, что бы это ни было, мы желаем, чтобы оно получало завершение в присутствии наших (представителей. – М.Г.), поскольку к ним у нас полное доверие: [в отношении того], что они одобряют, да будет уверенность, что об этом равно судили и одобрили мы»³³. Таким образом, Ксис резервирует за римским престолом право фактически свободного вмешательства в дела Иллирика посредством отправки своих представителей для решения неопределенно широкого круга вопросов, которые он обозначает как «прочее»³⁴. Употребляя здесь глагол «завершать»

³⁰ [Silva-Tarouca, 1937, XII, p. 38.27–32]: *Noverit Corinthius episcopus sibi licentiam potestatis liberae minime tribuendam, si huic voluerit ecclesiae resultare, quam sibi noverit profuisse. Cui necesse est, nos quoque si quid temptare voluerit, obviare, qui praeteritorum, quae illi per nos praestituta sunt, memores sumus, et illicitis semper usurpationibus obviamus.*

³¹ Й.-М. Кёттер считает, что протест имел более широкий масштаб и не сводился к позиции одного коринфского митрополита. См.: [Kötter, 2012, S. 168]. В этой связи он выдумывает некую «группу Перигена», которая обратилась к Проклу Константинопольскому после того, как Анастасий Фессалоникский занял сторону Рима (Ibid. S. 172). Данное письмо Ксиса, по нашему мнению, этого не доказывает: обращение собственно к Собору не содержит признаков того, что его члены замыслили какой-то бунт; обращение же Перигена в Константинополь, тем более в составе какой-то группы, домysel. Г.Е. Захаров отмечает, что «судя по всему, некоторые иллирийские епископы поддерживали и после 421 г. контакты с Константинопольской кафедрой в обход архиепископа Фессалоники». См.: [Захаров, 2022, с. 81]. Но как раз если «судить по всему», то никаких подтверждений в пользу контактов между иллирийцами и Константинополем по церковным вопросам в этот отрезок времени не имеется.

³² Именно эту предписанную папами систему двойного подчинения (Фессалонике и Риму) иллирийских провинций с их Соборами и митрополитами Й.-М. Кёттер именует «внутренней автономией Иллирика» [Kötter, 2012, S. 169]. Понятно, что возможность иллирийским митрополитам только по важным делам обращаться к суду Собора одного константинопольского предстоятеля в сравнении с этим могла выглядеть только как порабощение – по мнению католических исследователей, конечно. Ср.: [Kötter, 2012, S. 171] (автономией называется возможность обращаться в Фессалонику, а не в Константинополь; при этом место Рима в этой системе не упоминается; т. е. подлинная автономия – подчинение как высшей инстанции Риму). Ср.: [Захаров, 2022, с. 81] («О более ранних (чем 421 г. – М.Г.) попытках Константинопольского престола вмешаться в дела Иллирика ничего не известно, поэтому странно было бы ожидать от местных епископов и в первую очередь от архиепископа Фессалоники стремления поставить себя в зависимость от Римского престола исключительно ради того, чтобы избежать потенциальной и эфемерной угрозы, исходящей от восточной столицы Империи»).

³³ [Silva-Tarouca, 1937, XII, p. 38.32–35]: *De ceteris vero, quaecunque illa sunt, nostris praesentibus volumus finiantur, quoniam tota illorum apud nos fides est, ut quae illi probaverint, nos credamur iudicasse pariter et probasse.*

³⁴ Й.-М. Кёттер выставляет это в качестве яркого проявления статуса Иллирика как «автономной области юрисдикции». См.: «Иллирик оказывается у Сикста автономной областью юрисдикции» [Kötter, 2012, S. 171].

(finire), он указывает на право давать завершение делу, то есть решать его через своих представителей в высшей инстанции: то, что это действительно будет судом высшей инстанции, видно из того, что Ксист подчеркнуто уравнивает свой суд и суд своих представителей, доводя тем самым до предела те возможности судопроизводства, которые предусматривались сардикийскими правилами, последовательно выдаваемыми Римом за никейские. С этим, правда, вступает в противоречие тот факт, что суд трибунала при фессалоникском митрополите Ксист описывает как третейский суд – суд арбитров³⁵. Согласно римской практике, апелляция на решение третейского суда была невозможна. Тем не менее Ксист явно указывает, что, помимо трибунала примаса, имеется еще и возможность апеллировать в Рим.

Письмо Coll.Thess. XIII *Licet fraternitatem*. Следующее включенное в «Фессалоникское собрание» послание адресовано предстоятелю Константинополя Проклу (434–446) [Rist, 2011, S. 524–528]³⁶ и составлено 18 декабря 437 г. В нем явно сквозит чувство превосходства римского епископа над столичным архиереем, которому он считает возможным давать указания³⁷.

Впрочем, послание, как предписывал эпистолографический этикет, начинается с комплиментов в адрес столичного епископа [Pietri, 1976, p. 1144–1145]: он оказывается «сведущим в церковных учениях» (*disciplinis ecclesiasticis eruditam*), знает правила и каноны и хранит их с «наивысшим попечением» (*summa sollicitudine*), ничего не делает сам и не позволяет делать другим, что идет вразрез с «древними установлениями отцов» (*vetusta patrum constituta*). К чести Прокла, он «соблюдает относящееся к себе» (*ad se pertinentia ... custodiat*) со всей тщательностью и не покушается на то, что «причитается другим братьям» (*aliis fratribus suis debita*), ничего не допуская противного «обычаю старины» (*contra morem veterum*) [Silva-Tarouca, 1937, XIII, p. 39.4–14].

Следующая фраза хотя и относится к тому же блоку вступительных комплиментов, однако содержит достойное внимания указание на особое положение константинопольского епископа: папа указывает, что Прокл «без нашего побуждения, посредством дара любви, который должен в особенности подходить твоему братству», противостоит различным незаконным попыткам тех, кто устраивает в Церквах «соблазны» (*scandalum*) и стремится «расти посредством беспорядка в Церквах» (*per ecclesiarum perturbationem crescere*)³⁸. В расхожей терминологии того времени, которая изобильно представлена в папских посланиях в связи с описанием собственного положения римской кафедры, указание на то, что Прокл действует «без побуждения» Рима и имеет «особый дар любви», является признанием выдающегося положения столичной кафедры.

Впрочем, указание на то, что Прокл особым образом борется против злоупотреблений в среде тех, кто добивается епископского сана, является риторическим приемом, который должен подготовить адресата к благосклонному восприятию требований папы, которые излагаются далее: «Итак, мы желаем, чтобы твое братство, о котором мы знаем, что оно это будет делать по своему обычаю³⁹, соблюдало то, что мы также соблюдаем, а именно: если к нашему брату и соепископу предстоятелю града Фессалоники какой-нибудь священник тех провинций, которые

³⁵ Между тем, насколько мы понимаем, третейский суд не мог быть коллективным, поскольку третейский судья привлекался как единоличный арбитр. В этом смысле следует предполагать, что таким образом Ксист описывает предусмотренную Иннокентием структуру церковно-правового консилиума при фессалоникском примасе в качестве судьи.

³⁶ Письмо к Проклу по неуказанной причине пропущено в сборнике переводов папских писем к епископам Иллирика: [Захаров, Грунюшкина, Анашкин, 2022, с. 115–172]. Его публикация осуществлена отдельно в: [Анашкин, 2022, с. 135–144].

³⁷ В качестве мотива к написанию папой письма П.И. Лепорский указывает растущее влияние столичной кафедры в церковно-политических делах, в том числе и в Иллирике, из которого к Проклу могли приезжать просители из числа клира, и, соответственно, необходимость Рима бороться с «домогательствами» Константинополя. См.: [Лепорский, 1901, с. 111–113]. При всей правдоподобности этих рассуждений они являются чистым домыслом.

³⁸ [Silva-Tarouca, 1937, XIII, p. 39.14–15]: *Sine nostra tamen adhortatione, per gratiam caritatis, quae fraternitati tuae specialiter debet accedere...*

³⁹ *hoc suo more facturam*. В переводе А.В. Анашкина: «сделаешь это со своей стороны» [Анашкин, 2022, с. 140].



относятся к нему⁴⁰, придет без его ведома⁴¹, если попытается прийти без его писем и рекомендации, да будет таковой считаться презирающим и пренебрегающим канонами церковной дисциплины, пренебрежения которыми мы не терпим ни с какой стороны»⁴².

Данное предписание целиком соответствует тому подходу, который был продемонстрирован папой Зосимом в отношении провинций, подчиненных им юрисдикции арелатского епископа: папа предписывал, чтобы клирики любого ранга, а также и епископы получали у Патрокла Арелатского рекомендательные послания (*epistulae formatae*), если желают отправиться в Рим [Pietri, 1976, p. 1145]. Однако имеется и труднообъяснимый нюанс: Ксис имеет в виду не ситуацию, когда кто-то из иллирийских епископов намеревается отправиться в Константинополь, в этом случае действительно требовалось бы разрешение от его «первенствующего», то есть митрополита⁴³, а, по логике папы, даже фессалоникского епископа как «примаса» Иллирика. Но в послании Ксиса мы имеем дело со странной ситуацией: рекомендательные письма фессалоникского предстоятеля требуются епископам Иллирика для приезда к самому фессалоникскому предстоятелю! В этой ситуации теряется смысл как самого рекомендательного послания, так и регламентирования процедуры: в конце концов, фессалоникский митрополит сам может решить, кого допустить к себе, и папская санкция для этого требоваться не может. С другой стороны, совершенной бессмыслицей представляется то, что римский епископ сообщает константинопольскому о том, что для прибытия к фессалоникскому митрополиту его собственных суффраганов последним требуется разрешение первого. И при этом папа римский помещает в своем письме призывы строго блюсти каноны!

Таким образом, единственное объяснение, которое здесь можно предложить, это ошибка писца, заменившего предлог «a/ab» на «ad» и соответственно поменявшего предложное управление⁴⁴. В таком случае фраза имела бы вполне ожидаемый смысл: если кто-то из епископов Иллирика намерен прибыть в Константинополь, он должен иметь рекомендательные письма митрополита Фессалоникского⁴⁵. Единственное, что в этой ситуации могло бы несколько удивить столичного архиерея, это то, почему об этом пишет римский папа, а не сам

⁴⁰ quae ad eum pertinent. В переводе А.В. Анашкина: «которые относятся к его юрисдикции» [Анашкин, 2022, с. 140]. Слова «юрисдикция» в тексте нет – присутствует интерпретация переводчика, которая, пожалуй, уместна в комментарии, а не в основном тексте перевода.

⁴¹ Еще раз обратимся к представленному в издании оригинальному предложению. Вот его основа: *si quis ad fratrem et coepiscopum nostrum Thessalonicensis urbis antistitem ... sacerdos adveniat*. Основа этого предложения по своей структуре прозрачна и проста настолько, что ее понимание не может вызывать ни малейших затруднений. Тем не менее у А.В. Анашкина мы видим следующий перевод: «если кто-то у брата и соепископа предстоятеля города Фессалоники, в тех провинциях, которые относятся к его юрисдикции, сделается без его ведома епископом» [Анашкин, 2022, с. 140]. Мы затрудняемся предположить, как такой вариант в принципе мог получиться, тем более что переводчик никак его не комментирует. Далее А.В. Анашкин пишет: «[если] он отважится прийти без его посланий и рекомендательного письма [в Константинополь]...». Г.Е. Захаров с опорой, вероятно, на это добавление в скобках указывает, что для приезда иллирийских епископов в Константинополь требовались рекомендательные письма. См.: [Захаров, 2022, с. 76].

⁴² [Silva-Tarouca, 1937, XIII, p. 39.20–28]: *Id ergo, quod nos quoque servamus, fraternitatem tuam, quam scimus hoc suo more facturam, volumus custodire, id est, ut si quis ad fratrem et coepiscopum nostrum Thessalonicensis urbis antistitem, harum provinciarum quae ad eum pertinent, sacerdos adveniat praeter eius conscientiam, <si> sine eius epistulis atque formata venire temptaverit, tanquam disciplinae ecclesiasticae despector et contemptor canonum, quos nos temerari ex aliqua parte non patimur, habeatur*.

⁴³ Как это предписывалось, к примеру, канонами африканских Церквей: [Munier, 1974, p. 41, 108, 125, 141, 193].

⁴⁴ Таким образом, должно было быть: *a fratre et coepiscopo nostro Thessalonicensis urbis antistite*... Впрочем, пассаж не имеет рукописных разночтений. На проблематичность этой фразы указывали старые издатели. См.: *Patrologia Latina*. Т. 50. Col. 612. Примеч. h. Там отмечается, что, по мысли Ксиса, иллирийские епископы никуда не должны были отправляться без разрешения фессалоникского предстоятеля. Однако в тексте на самом деле этого не сказано.

⁴⁵ Именно так этот отрывок понимает Й.-М. Кёттер, при том, что в сноске он приводит оригинальный текст: «Некоторые иллирийские епископы обратились к Проклу, чтобы убедить его изменить баланс сил в Иллирии в ущерб Фессалонике. ... Поэтому Сикст указал, что ни один иллирийский епископ не должен приближаться к столице без рекомендательного письма от епископа Фессалоники» [Kötter, 2012, S. 169–170].

фессалоникский митрополит⁴⁶. Но поскольку в тексте сказано то, что сказано, нам приходится воздержаться от однозначных выводов.

Далее Ксист выражает свою уверенность в том, что Прокл неукоснительно блюдет «чужую честь», и призывает: «Да узнают все священники той провинции, что твое братство настолько щепетильно, что не позволит происходить тому, чего не следует пытаться [делать] священнику»⁴⁷. Нужно обратить внимание на некоторую небрежность словоупотребления: Ксист называет провинцией всю префектуру Иллирик, состоявшую на самом деле из десятка провинций.

Последняя тема, которую папа обсуждает в послании к Проклу, также достойна внимания: неожиданно папа заговаривает о деле, затрагивающем регион Малой Азии. Он говорит⁴⁸: «У тебя есть⁴⁹ совсем недавний пример состоявшегося процесса в отношении нашего брата Иддуа, о котором мы постановили, что приговор твоего братства должен соблюдаться, поскольку не желаем причинить несправедливость твоему судопроизводству, ведь обвиняя его, ты сохраняешь самую праведную невинность»⁵⁰. Упомянутый в этом пассаже Иддуй был епископом города Смирны в провинции Асия на западной оконечности Малой Азии⁵¹. Из пассажа также становится ясно, что Прокл Константинопольский произвел судебное разбирательство (*cognitio*) в отношении Иддуа и вынес приговор о его невинности. Из слов папы можно заключить, что дело затем было доведено до него, однако это остается лишь предположением, вытекающим только из того факта, что папа вообще о нем заговаривает. С другой стороны, он заявляет лишь о своем отказе вмешиваться и тем самым причинять обиду столичному предстоятелю. Тем не менее он оставляет за собой право признать правомочность этого приговора и тем самым как бы его утвердить. Несмотря на отказ вмешиваться, папа обозначает претензию на высший арбитраж в Церкви, высказываясь по делу, которое никак не могло относиться к юрисдикции его Собора⁵².

Письмо Coll.Thess. XIV *Doctor gentium*. Как уже отмечалось нами при рассмотрении корреспонденции Ксиста III, имевшей место в связи с восстановлением общения Рима с Иоанном Антиохийским, и как это можно наблюдать на основе приведенного выше анализа его писем к епископам Иллирика и Проклу Константинопольскому, этот римский епископ не использовал в своих письмах петринологические элементы идеологии римского церковного превосходства: спорадические упоминания апостола не имели своей целью обосновать претензию на высшую церковную власть. Тем более показательным оказывается в этом смысле следующее письмо Ксиста III, которое вновь обращено ко всем епископам

⁴⁶ П.И. Лепорский не отмечает наличия странностей в тексте письма Ксиста: [Лепорский, 1901, с. 113–114].

⁴⁷ [Silva-Tarouca, 1937, XIII, p. 40.30–34]: *Discant omnes illius provinciae sacerdotes, tantae fraternitatem tuam esse censurae, ut non permittas fieri, quod non licet a sacerdote temptari.*

⁴⁸ [Silva-Tarouca, 1937, XIII, p. 40.36–39]: *Habes recentissimum nuper habitae actionis exemplum fratris nostri Idduae, circa quem tuae fraternitatis decrevimus iudicium custodiri, cognitioni tuae facere nolentes iniuriam, cum eius intentione iustissimam innocentiam tuereris.*

⁴⁹ *Habes.* В переводе А.В. Анашкина: «В твоей практике есть» [Анашкин, 2022, с. 140]. Не ясно, какое оригинальное слово передает переводчик словом «практика».

⁵⁰ *cum eius intentione iustissimam innocentiam tuereris.* Эта фраза представляется не совсем простой. Тем не менее перевод А.В. Анашкина «ибо ты действовал совершенно справедливо и безупречно» представляется нам неверным в силу отсутствия в оригинале глагола «действовать» и наречия «безупречно». Ср.: [Анашкин, 2022, с. 141].

⁵¹ В таком качестве он принимал участие в Эфесском соборе 431 г. Неоднократно встречается его подпись под актами и документами этого Собора: [Schwartz, 1930, p. 19] (s. v. Ἰδδοῦας [Ἰνδοῦας]).

⁵² Эту ситуацию было бы легко интерпретировать как вторжение Рима в сферу к тому времени уже обычного церковно-административного влияния Константинопольской Церкви. Не делая этого, мы, с другой стороны, отметим, что, по мнению Ш. Пьетри, на самом деле это папа Ксист в данном случае борется с агрессией Константинополя, устраняя исходящую от последнего «угрозу». См.: [Pietri, 1976, p. 1142] («угрозы Константинополя»). На последующих страницах Ш. Пьетри весьма изощренно подает абсолютно любые известные действия Прокла Константинопольского на церковно-политическом поприще в качестве примеров экспансионизма и актов агрессии, пытаясь представить Иллирик объектом таковых даже несмотря на то, что какая-либо связь Прокла с делами Иллирика источниками не зафиксирована. Действия папы в отношении воображаемой Пьетри агрессии он называет «контрнаступлением понтифика» («la contre-offensive pontificale»: Ibid. P. 1144). Вполне в том же духе высказывается и Й.-М. Кёттер: [Kötter, 2012, S. 169–171].

Иллирика⁵³. В наибольшей степени следует подчеркнуть тот факт, что оно открывается пространной похвалой апостолу Павлу, образ которого Ксист считает уместным привлечь для иллюстрации его собственных отношений с иллирийским епископатом.

Образ «учителя народов, избранного сосуда, крепчайшего основания нашей религии» (*doctor gentium, vas electionis, religionis nostrae firmissimum fundamentum*) важен для Ксиста по причине того, что Павел состоял в активной переписке с теми, кого он укреплял в «наставлениях закона» (*legis praeceptis*). Радость Павла, направлявшего свои послания к своим адресатам, служит прообразом радости самого Ксиста⁵⁴: «... поскольку дается нам [возможность] обратиться в целом к Собору вашей святости⁵⁵ и нашу речь, содержащую свидетельства благочестивой приязни к вам, соединить с вашей святостью. Ведь он, как мы сказали, навещал своими посланиями отдельные Церкви, мы же верим, что равным образом обращаемся нашими посланиями к стольким Церквям, каковыми являетесь вы, приходящие на святой Собор». Ксист усматривает и другие аналогии между перепиской апостола Павла и своей, что дает ему возможность прибегнуть по примеру апостола и к необходимым наставлениям: «И, чтобы не удалиться нам от примера блаженнейшего Павла, заветам которого надлежит нам в наибольшей степени повиноваться, да не будет для вас обременительным, если я, как будто присутствуя, наставлю вас о том, что доходит до нашего сведения, дабы сохранялась церковная дисциплина»⁵⁶.

Конечно же, выбор образа апостола Павла в письме к епископам Иллирика оказывается совершенно не случайным ввиду тесной связи Павла с этим регионом, в котором протекала его миссионерская деятельность и к Церквям которого обращен целый ряд его посланий⁵⁷. Создание христианских общин в городах Иллирика, включая и саму Фессалонику, также восходит к проповеди апостола Павла. Несмотря на это очевидное обстоятельство, ранее ни в одном из писем римских понтификов к иллирийским епископам образ Павла не задействовался, в то время как упоминания о Петре были весьма широко рассыпаны по сохранившимся в «Фессалоникском собрании» письмам, прежде всего составленным от имени папы Бонифация. Следует далее отметить, что образ апостола Павла в корреспонденции римских пап в целом хотя и встречается, однако нечасто и обычно в связке с образом апостола Петра.

Тем не менее, хотя Ксист почти полностью пренебрегает петринологией в деле обоснования прерогатив римской кафедры, анализируемое здесь его письмо к Собору иллирийских епископов как раз имеет своей целью обозначение этих прерогатив. Его заявленной целью является поощрение «соблюдения правил и канонов» (*ad regularum canonumque custodiam*) с той целью, чтобы иллирийские епископы следовали «заданному пути» (*traditus trames*). Траектория этого пути следующая: «Все иллирийские Церкви, как мы усвоили от наших предшественников и [что] мы сами заставили соблюдать, ныне относятся к заботе фессалоникского предстоятеля, чтобы он своим попечением разбирал и определял судебные процессы, если они, как водится, возникают среди братьев, и чтобы ему докладывалось всё, что совершается отдельными священниками»⁵⁸. Да будет [проводиться]

⁵³ См. кратко о нем: [Лепорский, 1901, с. 115–117; Pietri, 1976, p. 1145–1147].

⁵⁴ [Silva-Tarouca, 1937, XIV, p. 41.13–15]: ... quoniam in commune sanctitatis vestrae datur nobis appellare concilium, et sermonem nostrum affectionis piae circa vos testimonia continentem cum vestra sanctitate coniungere. Ille enim singulas, ut diximus, epistulis suis visitat ecclesias, nos tot pariter credimus ecclesias nostris appellare nos litteris, quot estis qui ad sanctam synodum convenitis.

⁵⁵ Й.-М. Кёттер заявляет, что это было Собор епископов, ранее обратившихся с ходатайством к Проклу Константинопольскому [Kötter, 2012, S. 170]. Это домысел.

⁵⁶ [Silva-Tarouca, 1937, XIV, p. 41.19–22: Et ut (a) beatissimi Pauli, cuius maxime praeceptis oboedire nos convenit, non recedamus exemplo, non vobis grave sit, de his, quae ad nostram notitiam perveniunt, ut servetur disciplina ecclesiastica, commoneri ac si praesentes.

⁵⁷ Это не вполне согласуется с наблюдением Г.Е. Захарова: «... выбор именно ап. Петра, а не ап. Павла в качестве иерархического главы первоначальной Римской Церкви не позволял римским папам обосновать через связь и Фессалоники, и Рима с Павловым наследием превосходство последнего» [Захаров, 2022, с. 85].

⁵⁸ Это предписание оказывается новым. См.: [Лепорский, 1901, с. 117]. Хотя и остается непонятным, следует ли сообщать вообще обо всех делах или только о тех, которые вызывают разногласия и могут привести к тяжбе.

Собор всякий раз, как возникнут дела, когда он⁵⁹ в соответствии с возникающими потребностями [об этом] постановит, дабы апостольский престол, осведомленный его донесением, заслуженно подтвердил то, что было совершено. Никто из вас, будучи вызван, да не преминет прийти и да не откажется от святого собрания, к которому должен поспешить. Да не требуется извинения для упорствующих, чтобы вы, сойдясь сообща, смогли в общении постановить то, что сохраняет покой Церквей и держит народы в здравии»⁶⁰.

Помимо уже не раз повторявшихся в предшествующих папских посланиях «узаконений» в отношении фессалоникского митрополита, следует отметить конкретизацию полномочий последнего в отношении судебных прерогатив: судебная сессия во главе с предстоятелем Фессалоники открыто называется Собором, однако при этом четко заявляется, что созыв этого Собора происходит исключительно по распоряжению последнего⁶¹. Таким образом, он имеет статус не регулярного поместного Собора, но чрезвычайного судебного органа. Показательно также и то, что термин *decreverit*, которым папа описывает распорядительный акт по созыву Собора, указывает на то, что решение, выносимое фессалоникским митрополитом, на самом деле рассматривается как постановление коллективного органа (*decretum*), т. е. в его отношении сохраняется тот же принцип соборности церковного управления, который действовал применительно и к римской кафедре, распорядительные акты которой издавались от имени Римского собора.

Затем Ксист призывает иллирийских епископов не следовать решениям некоего «восточного Собора», придерживаясь только тех его вероучительных (*de fide*) постановлений, которые поддержал и сам папа. Уже издатель письма указывает, что под «восточным Собором» следует понимать Собор во главе с архиепископом Антиохийским, который утвердил восстановление общения между Церквями Востока и Египта, добившись примирения Кирилла Александрийского и Иоанна Антиохийского. Действительно, как было показано выше, папа Ксист на завершающем этапе присоединился к достигнутой церковной унии и одобрил вероучительные пункты, содержащиеся в письме Иоанна Антиохийского [Грацианский, 2024, с. 16–37]. Что же касается других решений этого Собора, которые папа не одобрил и, соответственно, призывает иллирийских епископов им не следовать, то об их характере и содержании данные отсутствуют.

В продолжение сказанного Ксист призывает своих корреспондентов вообще следовать предписаниям тех канонов, которые, «согласно порядку правил» (*iuxta regularum ordinem*), «утвердил авторитет апостольского престола» (*sedis apostolicae decrevit auctoritas*). Затем следует наставление, которое, хотя и не содержит ничего принципиально нового, однако примечательно в силу точности формулировки и задействованной терминологии⁶²: «Если вдруг что-то возникнет между братьями или какому-либо брату будет вчинена тяжба, которой он будет терзаем, то да будет завершено возникшее дело там [же] либо судом брата и соепископа нашего Анастасия, который, как известно, по нашей воле осуществляет

⁵⁹ Очевидно, фессалоникский предстоятель.

⁶⁰ [Silva-Tarouca, 1937, XIV, p. 42.29–41]: *Illyricianae omnes ecclesiae, ut a decessoribus nostris accepimus, et nos quoque <servari> fecimus, ad curam nunc pertinent Thessalonicensis antistitis, ut sua sollicitudine, si quae inter fratres nascuntur, ut assolent, actiones, distinguat atque definiat, et ad eum, quicquid a singulis sacerdotibus agitur, referatur. Sit concilium quotiens causae fuerint, quotiens ille pro necessitatibus emergentium ratione decreverit, ut merito sedes apostolica relatione eius instructa, quae fuerint acta confirmet. Evocatus vestrum venire nemo contemnat, nec congregationi sanctae, ad quam debet festinare se deneget. Excusatio per contumaciam non requiratur, ut vobis pariter convenientibus possit in communione constitui, quod ecclesiarum servet quietem, et populos teneat ad salutem.*

⁶¹ Ср.: «Так, напр., разбирательство обвинений и жалоб между епископами Ксист поручает лично викарию, тогда как его предшественники предписывали решать подобные дела вместе с собором избранных епископов» [Лепорский, 1901, с. 117]. Лепорский тем самым допускает здесь неточность.

⁶² [Silva-Tarouca, 1937, XIV, p. 42.47–43.53]: *Si quid forsitan aut inter fratres natum fuerit, aut fratri cuiquam aliqua actio qua pulsetur illata, aut illic fratre et coepiscopo nostro Anastasio iudice eveniens negotium terminetur, qui vices apostolicae sedis agere, ut beatae memoriae Rufus decessor ipsius, ex nostra voluntate cognoscitur, aut ad nos si illic finire non poterit, eodem tamen suis litteris causam omnem quae vertitur prosequente, veniat <ad> examen.*

заместительство апостольского престола, как и блаженной памяти Руф, его предшественник, либо, если там завершить не получилось, пусть он своими письмами всё дело, которое ведется, препроводит к нам для изучения».

В сущности, именно это письмо папы Ксиста наконец-то делает полной картину церковной власти в Иллирике, как ее себе представляли римские понтифики. Единственное, что следует пояснить, это то, что папа в этом пассаже описал именно суд над епископом: обозначение ответчика «братом» подразумевает именно такую трактовку. Таким образом, у епископа была только одна возможность вести свое дело – у фессалоникского митрополита, который сам должен был завершить это дело, то есть вынести по нему окончательный приговор. Следует подчеркнуть, что апелляция на его приговор фактически не допускалась: новое и не встречающееся в такой формулировке положение о том, что фессалоникский митрополит сам должен «препроводить» дело в трибунал римского епископа, придавало структуре судебной власти в Иллирике законченную форму.

Очевидно, что высшей инстанцией и фактическим главой иллирийского епископата в плане осуществления юрисдикции оказывается папский престол, и в силу этого совершенно логично, что далее, в завершающей части письма, Ксист ведет речь о соотношении и взаимной зависимости головы (*caput*) и частей тела (*membra*). Впрочем, понтифик вводит этот образ не слишком прямолинейно, говоря, с одной стороны: «вы ... – святые члены» (*estis ... membra ... sancta*), но с другой, подчеркивая, что «нам совместно подобает уважать и чтить вашу главу» (*sed vestrum caput respicere et honorare nos condecet*). Тем самым он подразумевает, что как иллирийские епископы, так и он сам должен выказывать почтение к их главе, под которым следует понимать фессалоникского епископа. Указывая, что и сам он чтит главенство Анастасия в Иллирике, Ксист побуждает и его суффраганов относиться к нему с необходимым почтением: «Сохраняйте к брату и нашему соепископу Анастасию должное с вашей стороны уважение, а среди вас храните мир и согласие»⁶³.

Необходимость непрерывно напоминать о почтении к фессалоникскому предстоятелю несомненно указывает на то, что его положение первенствующего в Иллирике всё еще в полной мере не признавалось.

Заключение

Подведем итоги нашего исследования. Переписка папы Ксиста III с его корреспондентами, сохранившаяся в составе «Фессалоникского собрания», включает как письма, обращенные к отдельным лицам (Периген Корнифский), Собору в Фессалонике и к иллирийским епископам вообще. Особняком стоит письмо к Проклу Константинопольскому. Письма к иллирийским контрагентам подчинены укреплению создаваемой папами в Восточном Иллирике специфической системы церковной власти во главе с митрополитом Фессалоники, сравнительно недавно к тому времени ставшей столицей восточно-римской префектуры. При этом новая церковно-административная структура создавалась в ущерб традиционным правам провинциальных митрополитов. Так, Ксист считал необходимым наделить правом утверждения кандидатур епископов фессалоникского примаса, оставив за митрополитами только право рукоположения утвержденных кандидатов.

Более важным структурным изменением является передача папой суда над епископами из юрисдикции митрополитов и их Соборов в юрисдикцию фессалоникского примаса. С учетом же того, что провинциальные митрополиты традиционно имели прерогативу соборного судопроизводства, римский епископ создавал в Иллирике ситуацию правовой неопределенности: подрывая основы первичного провинциального судопроизводства, папа одновременно создавал для суда примаса конкуренцию в виде суда папских легатов, а то и лично римского епископа, поскольку обжалование епископами приговора фессалоникского примаса

⁶³ [Silva-Tarouca, 1937, XIV, p. 43.62–64]: *Reservate fratri et coepiscopo nostro <Anastasio> reverentiam quam debetis, et inter vos pacem et concordiam custodite.*

при папском дворе, по сути, не ограничивалось. С другой стороны, лишение митрополитов их базовых прав предопределяло сопротивление провинциальных митрополитов поползновениям Фессалоники и могло превратить Рим уже в краткой перспективе в фактор церковно-административной нестабильности в регионе. На то, что провинциальные митрополиты в рамках продвигаемой папами церковно-правовой системы в значительной мере действительно утрачивали свою юрисдикцию в регионе, а также на конфликтный потенциал такой меры, указывает и пример Южной Галлии при папе Бонифации, который был вынужден отменить предложенную его предшественником Зосимом систему сверхпровинциальной власти арелатского епископа в пределах южно-галльского диоцеза Семи Провинций.

Послание Ксиса Проклу Константинопольскому, несмотря на некоторые сложности сохранившегося текста, затрудняющие точное понимание, очевидно, преследовали цель утвердить права Фессалоники в отношении судебных и административных дел в Иллирике перед лицом могущественного иерарха восточной столицы. Интерес римской кафедры к делам в Малой Азии, продемонстрированный в этом письме, косвенно свидетельствует об отсутствии границ для папских церковно-политических притязаний. Именно этот факт, наряду с другими, обуславливал насущность четкого разграничения юрисдикции «великих престолов», произведенного в 451 г. на Халкидонском соборе, и дальнейшего законодательства в этом направлении вплоть до времени Юстиниана Великого (527–565). Представляется неизбежным, что именно римская и константинопольская кафедры, имевшие наименее определенные границы юрисдикции, оказались главными объектами регулирования в церковно-правовом пространстве.

Список литературы

- Анашкин А.В. 2022. Послание римского папы Сикста (Ксиса) III к Проклу, архиепископу Константинопольскому. В: *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II: История. История Русской Православной Церкви*. 104: 135–144.
- Грацианский М.В. 2021а. Вопрос делегирования полномочий в послании папы Иннокентия I к Руфу Фессалоникскому. В: *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*. 97: 11–32.
- Грацианский М.В. 2021б. Римские епископы и развитие церковно-административных структур «сверхпровинциального» уровня в начале V в. В: *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви*. 101: 9–33.
- Грацианский М.В. 2022. Попытка церковно-административной реорганизации Южной Галлии в понтификат папы Зосима (417–418): мотивы и последствия. В: *Византийские очерки. Труды российских ученых к XXIV Международному конгрессу византистов*. Санкт-Петербург, Алетейя: 24–52.
- Грацианский М.В. 2024. Церковный мир 433 г. и римская кафедра. В: *Byzantinoturica. Журнал византийских и средиземноморских исследований*. Т. 2: 16–37.
- Захаров Г.Е. 2022. Экклезиологические основания и исторические истоки Фессалоникийского викариата. В: Г.Е. Захаров, А.В. Анашкин (сост.). *Экклезиологическая традиция и церковная организация Иллирика в конце IV – первой половине V в. Исследования и переводы*. Москва, Издательство ПСТГУ: 69–114.
- Захаров Г.Е., Грунюшкина Д.А., Анашкин А.В. 2022. Письма римских пап конца IV – первой половины V в. к иллирийским епископам. В: Г.Е. Захаров, А.В. Анашкин (сост.). *Экклезиологическая традиция и церковная организация Иллирика в конце IV – первой половине V в. Исследования и переводы*. Москва, Издательство ПСТГУ: 115–172.
- Лепорский П.И. 1901. История Фессалоникского экзархата до времени присоединения к Константинопольскому патриархату. Санкт-Петербург, Типография М.И. Акинфиева и Н.В. Леонтьева, XIV+352.
- Blaudeau Ph. 2012. Le Siècle de Rome et l'Orient (448–536). Étude géo-ecclésiologique. Rome, École française de Rome, X+415.
- Fedalto G. 1988. Hierarchia Ecclesiastica Orientalis. Series episcoporum Ecclesiarum Christianarum Orientalium, t. 1. Padova, Edizioni Messagero, 1208.
- Greenslade S.L. 1945. The Illyrian Churches and the Vicariate of Thessalonica, 378–95. In: *The Journal of Theological Studies*. 46(181/182): 17–30.



- Haller J. 1950. Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit, Bd. 1. Urach, Stuttgart, Port Verlag, XVI+560.
- Jasper D., Fuhrmann H. (2001). Papal Letters in the Early Middle Ages. Washington, The Catholic University of America Press, VII+225.
- Kéry L. 1999. Canonical Collections of the Early Middle Ages (ca. 400–1140). A Bibliographical Guide to the Manuscripts and Literature. Washington, The Catholic University of America Press, IX+311.
- Kötter J.-M. 2012. Autonomie der illyrischen Kirche? Die Sixtus-Briefe der Collectio Thessalonicensis und der Streit um das kirchliche Illyricum. In: *Millennium. Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends nach Christus*. 9/1: 163–186.
- Lintott A.W. 1972. Provocatio. From the Struggle of the Orders to the Principate. In: Temporini H. (ed.). *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung*, I, Bd. 2 (Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik). Berlin, New York, De Gruyter: 226–267.
- Maassen F. 1870. Geschichte der Quellen und der Literatur des canonischen Rechts im Abendlande bis zum Ausgange des Mittelalters, Bd. 1. Gratz, Leuschner & Lubensky, LXX+981.
- Macdonald J. 1961. Who Instituted the Papal Vicariate of Thessalonica? In: *Studia Patristica*. T. 4: 478–482.
- Moreau D. 2017. La partitio imperii et la géographie des Balkans: entre géopolitique et géo-ecclésiologie. In: *Costellazioni geo-ecclesiali da Costantino a Giustiniano: Dalle chiese 'principali' alle chiese patriarcali. XLIII Incontro di Studiosi dell' Antichità Cristiana (Roma, 7–9 maggio 2015)*. Roma, Institutum Patristicum Augustinianum: 255–285.
- Munier C. (ed.). 1974. Concilia Africae. A. 345 – A. 525. Turnhout, Brepols, XXXVIII+425.
- Pietri Ch. 1976. Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Rome, École française de Rome, XIII+1792.
- Pietri Ch. 1984. La géographie de l'Illyricum ecclésiastique et ses relations avec l'Église de Rome (Ve–Vie siècles). In: *Villes et peuplement dans l'Illyricum protobyzantin. Actes du colloque de Rome (12–14 mai 1982)*. Rome, École Française de Rome : 21–62.
- Rist J. 2011. Zum Beispiel Proklos von Konstantinopel. Über Chancen und Grenzen des spätantiken Bischofsamtes. In: Leemans J., van Nuffelen P., Keough S.W.J., Nicolaye C. (eds.). *Episcopal Elections in Late Antiquity*. Berlin, Boston, De Gruyter: 515–529.
- Schwartz E. (ed.). 1930. Acta conciliorum oecumenicorum. T. I. Vol. I. Pars VIII. Berlin, Leipzig, De Gruyter, 67.
- Schwartz E. 1931. Die sogenannte Sammlung der Kirche von Thessalonich. In: *Festschrift Richard Reitzenstein zum 2. April 1931 dargebracht von Ed. Fraenkel [und anderen]*. Leipzig, Berlin, Teubner: 137–159.
- Silva-Tarouca C. (ed.). 1937. Epistularum Romanorum Pontificum ad vicarios per Illyricum aliosque episcopos Collectio Thessalonicensis. Romae: Pontificia Universitas Gregoriana, XIII+87.
- Streichhan F. 1922. Die Anfänge des Vikariates von Thessalonich. In: *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung*. 12/1: 330–384.
- Streichhan F. 1928. Nochmals die Anfänge des Vikariats von Thessalonich. In: *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung*. 17/1: 538–548.
- Zeiller J. 1927. Une ébauche de vicariat pontifical sous le pape Zosime. In: *Revue Historique*. 155/2: 326–332.

References

- Anashkin A.V. 2022. Poslanie rimskogo papy Siksta (Ksista) III k Proklu, arkhiepiskopu Konstantinopol'skomu [Epistle of Pope Sixtus (Xistus) III to Proclus, Archbishop of Constantinople]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. 104: 135–144.
- Gratsianskiy M.V. 2021. Vopros delegirovaniya polnomochij v poslanii papy Innokentiya I k Rufu Fessalonikskomu [The Issue of Delegating Prerogatives in the Letter of Pope Innocent I to Rufus of Thessalonica]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. 97: 11–32.
- Gratsianskiy M.V. 2021a. Rimskie episkopy i razvitie cerkovno-administrativnyh struktur «sverhprovincial'nogo» urovnya v nachale V v. [Roman Bishops and the Development of Ecclesiastical-Administrative Structures at the “Supra-Provincial” Level at the Beginning of the 5th Century]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi*. 101: 9–33.

- Gratsianskiy M.V. 2022. Popytka cerkovno-administrativnoj reorganizacii Yuzhnoj Gallii v pontifikat papy Zosima (417–418): motivy i posledstviya [An Attempt to Reorganize the Church-Administrative Structure of South Gaul in the Pontificate of Pope Zosimus (417–418): Motives and Consequences]. In: *Vizantiiskie ocherki. Trudy rossiiskikh uchenykh k XXIV Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov*. St. Petersburg, Aletya: 24–52.
- Gratsianskiy M.V. 2024. Cerkovnyj mir 433 g. i rimskaya kafedra [The Church Peace of 433 and the Roman See]. In: *Byzantinotaurica. The Journal of Byzantine and Mediterranean Studies*. T. 2: 16–37.
- Zakharov G.E. 2022. Ekklesiologicheskie osnovaniya i istoricheskie istoki Fessalonikskogo vikariata [Ecclesiological Foundations and Historical Origins of the Vicariate of Thessalonica]. In: Zakharov G.E., Anashkin A.V. (eds.). *Ekklesiologicheskaya traditsiya i tserkovnaya organizatsiya Illirika v konce IV – pervoy polovine V v. Issledovaniya i perevody*. Moscow, PSTGU: 69–114.
- Zakharov G.E., Grun'ushkina D.A., Anashkin A.V. (transl.). 2022. Pis'ma rimskikh pap konca IV – pervoy poloviny V v. k illiryskim episkopam [Letters of the Roman Popes from the End of the 4th – First Half of the 5th Century to the Illyrian Bishops]. In: Zakharov G.E., Anashkin A.V. (eds.). *Ekklesiologicheskaya traditsiya i tserkovnaya organizatsiya Illirika v konce IV – pervoy polovine V v. Issledovaniya i perevody*. Moscow, PSTGU: 115–172.
- Leporskiy P.I. 1901. Istoriya Fessalonikskogo ehkzarkhata do vremeni prisoedineniya k Konstantinopol'skomu patriarkhatu [History of the Exarchate of Thessalonica before its Annexation to the Patriarchate of Constantinople]. St. Petersburg, Tipografiya M.I. Akinfieva i N.V. Leont'eva, XIV+352.
- Blaudeau Ph. 2012. Le Siège de Rome et l'Orient (448–536). Étude géo-ecclésiologique. Rome, École française de Rome, X+415.
- Fedalto G. 1988. Hierarchia Ecclesiastica Orientalis. Series episcoporum Ecclesiarum Christianarum Orientalium, t. 1. Padova, Edizioni Messagero, 1208.
- Greenslade S.L. 1945. The Illyrian Churches and the Vicariate of Thessalonica, 378–95. In: *The Journal of Theological Studies*. 46(181/182): 17–30.
- Haller J. 1950. Das Papsttum. Idee und Wirklichkeit, Bd. 1. Urach, Stuttgart, Port Verlag, XVI+560.
- Jasper D., Fuhrmann H. (2001). Papal Letters in the Early Middle Ages. Washington, The Catholic University of America Press, VII+225.
- Kéry L. 1999. Canonical Collections of the Early Middle Ages (ca. 400–1140). A Bibliographical Guide to the Manuscripts and Literature. Washington, The Catholic University of America Press, IX+311.
- Kötter J.-M. 2012. Autonomie der illyrischen Kirche? Die Sixtus-Briefe der Collectio Thessalonicensis und der Streit um das kirchliche Illyricum. In: *Millennium. Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends nach Christus*. 9/1: 163–186.
- Lintott A.W. 1972. Provocatio. From the Struggle of the Orders to the Principate. In: Temporini H. (ed.). *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung, I*, Bd. 2 (Von den Anfängen Roms bis zum Ausgang der Republik). Berlin, New York, De Gruyter: 226–267.
- Maassen F. 1870. Geschichte der Quellen und der Literatur des canonischen Rechts im Abendlande bis zum Ausgange des Mittelalters, Bd. 1. Gratz, Leuschner & Lubensky, LXX+981.
- Macdonald J. 1961. Who Instituted the Papal Vicariate of Thessalonica? In: *Studia Patristica*. T. 4: 478–482.
- Moreau D. 2017. La partitio imperii et la géographie des Balkans: entre géopolitique et géo-ecclésiologie. In: *Costellazioni geo-ecclesiali da Costantino a Giustiniano: Dalle chiese 'principali' alle chiese patriarcali. XLIII Incontro di Studiosi dell' Antichità Cristiana (Roma, 7–9 maggio 2015)*. Roma, Institutum Patristicum Augustinianum: 255–285.
- Munier C. (ed.). 1974. Concilia Africae. A. 345 – A. 525. Turnhout, Brepols, XXXVIII+425.
- Pietri Ch. 1976. Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Rome, École française de Rome, XIII+1792.
- Pietri Ch. 1984. La géographie de l'Illyricum ecclésiastique et ses relations avec l'Église de Rome (Ve–VIe siècles). In: *Villes et peuplement dans l'Illyricum protobyzantin. Actes du colloque de Rome (12–14 mai 1982)*. Rome, École Française de Rome : 21–62.
- Rist J. 2011. Zum Beispiel Proklos von Konstantinopel. Über Chancen und Grenzen des spätantiken Bischofsamtes. In: Leemans J., van Nuffelen P., Keough S.W.J., Nicolaye C. (eds.). *Episcopal Elections in Late Antiquity*. Berlin, Boston, De Gruyter: 515–529.
- Schwartz E. (ed.). 1930. Acta conciliorum oecumenicorum. T. I. Vol. I. Pars VIII. Berlin, Leipzig, De Gruyter, 67.



- Schwartz E. 1931. Die sogenannte Sammlung der Kirche von Thessalonich. In: *Festschrift Richard Reitzenstein zum 2. April 1931 dargebracht von Ed. Fraenkel [und anderen]*. Leipzig, Berlin, Teubner: 137–159.
- Silva-Tarouca C. (ed.). 1937. *Epistularum Romanorum Pontificum ad vicarios per Illyricum aliosque episcopos Collectio Thessalonicensis*. Romae: Pontificia Universitas Gregoriana, XIII+87.
- Streichhan F. 1922. Die Anfänge des Vikariates von Thessalonich. In: *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung*. 12/1: 330–384.
- Streichhan F. 1928. Nochmals die Anfänge des Vikariats von Thessalonich. In: *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Kanonistische Abteilung*. 17/1: 538–548.
- Zeiller J. 1927. Une ébauche de vicariat pontifical sous le pape Zosime. In: *Revue Historique*. 155/2: 326–332.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.09.2025

Received 22.09.2025

Поступила после рецензирования 15.11.2025

Revised 15.11.2025

Принята к публикации 17.11.2025


Accepted 17.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Грацианский Михаил Вячеславович, доктор исторических наук, заместитель директора НИИ Истории и археологии Византии и Причерноморья, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

Mikhail V. Gratsianskiy, Doctor of Sciences in History, Deputy Director, Research Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

 [ORCID: 0000-0002-6981-3216](https://orcid.org/0000-0002-6981-3216)

УДК 94(564.3)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-855-864

EDN IFCCTK

Оригинальное исследование

Орион Фиванский – грамматик V в.

Арисланов Б.С.¹ , Болгов Н.Н.^{1,2} , Болгова А.М.¹

¹) Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85;

²) Севастопольский государственный университет,

Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33;

E-mail: 1252637@bsuedu.ru, bolgov@bsuedu.ru, bolgova@bsuedu.ru

Аннотация. Работа посвящена реконструкции основных событий биографии и анализу сочинений ранневизантийского интеллектуала – грамматика Ориона Фиванского (ок. 400–460 гг.). На основании имеющихся источников, прежде всего Суды, Марина («Жизнь Прокла»), «Хилиад» Иоанна Цеца, а также рукописей сочинений самого Ориона, делается ряд выводов. Прежде всего, вопреки гиперкритицизму Роберта Кастера, показывается возможность и даже вероятность карьерного пути Ориона по маршруту Александрия – Афины – Константинополь – Кесария Палестинская. Наиболее важными обстоятельствами жизни Ориона было то, что он одно время был учителем Прокла, будущего великого неоплатоника, а также учителем Афинаиды, впоследствии императрицы Евдокии. Попутно рассматривается вопрос об Орионе – ученике Прокопия Газского; доказываем, что это другой, более поздний Орион. В целом данная работа является одной из первых в отечественной исторической науке, которая посвящена грамматикам – представителям огромного мира учителей позднеантичного (ранневизантийского) времени, благодаря неустанной работе которых империя в данный период поддерживала прежний уровень почти полной грамотности.

Ключевые слова: Ранняя Византия, интеллектуалы, грамматики, Орион, Прокл, Евдокия, Александрия, Афины, Константинополь, Кесария

Финансирование: исследование Н.Н. Болгова выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и в Средние века» (FEFM-2025-0002). Вклад исследователя 50 %.

Для цитирования: Арисланов Б.С., Болгов Н.Н., Болгова А.М. 2025. Орион Фиванский – грамматик V в. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 855–864. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-855-864. EDN: IFCCTK

Orion of Thebes – a 5th Century Grammarian

Bogdan S. Arislanov¹ , Nikolay N. Bolgov^{1,2} , Anna M. Bolgova¹

¹) Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia;

²) Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russia

E-mail: 1252637@bsuedu.ru, bolgov@bsuedu.ru, bolgova@bsuedu.ru

Abstract. This article reconstructs the main events in the biography of the early Byzantine intellectual and grammarian Orion of Thebes (c. 400–460) and analyzes his works. Based on available sources, primarily



the Suda, Marinus (Life of Proclus), John Tzetzes's Chiliad, as well as manuscripts of Orion's own works, a number of conclusions are drawn. First of all, contrary to Robert Custer's hypercriticism, the possibility, and even the likelihood, of Orion's career path following the route Alexandria, Athens, Constantinople, and Caesarea in Palestine is shown. The most important circumstances of Orion's life were his time as the teacher of Proclus, the future great Neoplatonist, and also as the teacher of Athenais, later Empress Eudocia. The question of Orion as a student of Procopius of Gaza is also examined; it is demonstrated that he is a different, later Orion. Overall, this work is one of the first in Russian historical science to focus on grammarians—representatives of the vast community of teachers of the late antique (early Byzantine) period, thanks to whose tireless work the empire maintained its previous level of almost complete literacy during this period.

Keywords: Early Byzantium, intellectuals, grammarians, Orion, Proclus, Eudocia, Alexandria, Athens, Constantinople, Caesarea

Funding: this research was carried out by N.N. Bolgov under the State Assignment of the Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University: “Comprehensive Historical and Archaeological Study of Byzantium and the Black Sea Region in Late Antiquity and the Middle Ages” (FEFM-2025-0002). The author's contribution is 50 %.

For citation: Arislanov B.S., Bolgov N.N., Bolgova A.M. 2025. Orion of Thebes – a 5th Century Grammarian. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 855–864 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-855-864. EDN: IFCCTK

Введение

Среди интеллектуалов и преподавателей позднеантичного (ранневизантийского) времени наибольшее внимание специалистов обычно привлекают философы, затем риторы (софисты), а грамматики остаются на периферии внимания как представители низшего уровня высшего образования (еще и начального тоже), обучающие более «ремесленно» и не творчески. Однако без грамматиков империя не достигла бы уровня почти повсеместной грамотности.

Среди наиболее важных грамматиков эпохи можно назвать Гораполлона, Пампрепия, Ора, Гиперехия, а также Ориона Фиванского.

Орион, будучи египтянином, достиг славы имперского уровня. Его жизнь была связана с такими людьми, как Прокл Диадох и императрица Афинаида-Евдокия, а также с такими ведущими центрами образования, как Александрия, Афины, Константинополь, Кесария Палестинская.

За небольшим исключением [Елисеева, Болгова, 2012, с. 32–39], грамматики Ранней Византии не были предметом изучения в отечественной историографии.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является биография, а также сохранившееся письменное наследие позднеантичного грамматика Ориона Фиванского. Основными методами являются просопографический, историко-биографический, метод контент-анализа и сравнительно-исторический.

Результаты и их обсуждение

Позднеантичная греческая литература из Египта давно признана ярким и своеобразным явлением в истории античной словесности. В первую очередь известностью пользуются поэты эпической традиции – Нонн из Панополя, Трифиодор, Коллуф, Диоскор из Афродито, Фебаммон, Кир Панополитанский, а также автор эпиграмм Паллад [Miguélez Caverro, 2008; Cameron, 2016]. Но не менее важны риторы и софисты (Гораполлон Младший), а также грамматики (Орион Фиванский).

Орион (ок. 400–460 гг.) [PLRE II, 812 = Jones, 1980, II, p. 812] был грамматиком из Фив (Верхний Египет), земляком и современником историка Олимпиодора.

Источники. Орион упоминается в следующих источниках: Марин «Жизнь Прокла» (Marinus V. Procli 8), византийский словарь X в. Суда (Suda Ω 188, 189), «Хилиады» – историческая поэма Иоанна Цеца, XII в. (Ioan. Tzetzes Chil. 10.5), а также Anecd. Paris. 3.322.11 [Cramer, 1835–1837] [Kröhnert, 1897, p. 7].

Уроженцем египетских Фив Ориона называют: Suda Ω 188 [Kröhnert, 1897, p. 7], а также рукописи Etym. – Paris. gr. 2653 [Orionis, 1820, p. 1–2], Darmst. 2773, Vat. gr. 1456, Bodle. Misc. 211, Paris. gr. 464, 2610.

Орион назван грамматиком и учителем Прокла в Александрии в следующих источниках: Marinus V. Procli 8, Suda Ω 189, в cod. Vindob. philol. gr. 321, в cod. Paris. gr. 2653, Ioan. Tzetzes Chil. 10.52. Включен в каталог грамматиков [Kröhnert, 1897, p. 7]. Роберт Кастер в своем каталоге грамматиков поздней античности помещает его под № 110 [Caster, 1988, p. 322–325]⁶⁴.

Авторы «Просопографии» осторожно относятся к отождествлению трех Орионов – александрийского грамматика, фиванского уроженца, обучавшего императрицу Евдокию и посвятившего ей «Антологию», и грамматика из Кесарии, автора «Этимологий». Вместе с тем сведения обо всех трех эпизодах помещены в одну статью к одной персоне, что говорит о преобладающей точке зрения [Jones, 1980, II, p. 812].

Кроме того, в письмах Прокопия Газского (460–528 гг.) мы находим среди прочих его учеников Ориона. Ему адресованы Ерр. 92, 116, 139, 144, 155. Кроме того, он упоминается в Ерр. 8. В силу хронологии жизни Прокопия авторы PLRE помещают его в конец V – начало VI в., что не позволяет отождествить этого Ориона с фиванцем (Orion 3: PLRE II, 813) [Jones, 1980, II, p. 813].

Curriculum. В самостоятельной карьере грамматика Орион наиболее известен как учитель будущего философа Прокла-неоплатоника и Элии Евдокии (Афинаиды), жены императора Феодосия II. Орион в течение своей жизни и карьеры преподавал в Александрии, Афинах, Константинополе, Кесарии Палестинской.

Он был автором частично дошедших до нас «Этимологий» (Лексикона) – этимологического словаря, широко используемого составителями более поздних Etymologicum Magnum, Etymologicum Gudianum [Micciarelli Collesi, 1970, p. 517–542; Micciarelli Collesi, 1970a, p. 107–113]. «Антология» (собрание гном – сентенций древних поэтов) в трех книгах, адресованных Евдокии, приписываемая ему Судой, также дошла до наших дней.

Александрийская школа. Учитель Прокла. Орион был членом одной из жреческих семей Египта (Marin. V. Procli 8). Переехав в Александрию, основал в ней школу, где одним из его учеников был Прокл, получивший ранее начальное образование в родной Ликий.

Орион Фиванский и александрийский грамматик Орион, о котором пишет Марин, обычно отождествляются, так как нет ничего, что не позволяло бы этого сделать. О нём Марин сообщает, что Орион был знатоком своего дела и оставил ряд сочинений и много полезного (Marin. V. Procl. 8).

Как отмечает Р. Кастер, Орион уже обосновался в Александрии к середине 420-х гг., когда Прокл отправился туда учиться. Прокл до этого уже обучался у грамматика в Ликий и был готов к риторическому обучению, т. е. ему было не более 15 лет, возможно, чуть меньше (Marin V. Procli 8). Это произошло не позднее 425 или 427 г., в зависимости от того, датируется ли рождение Прокла 409/410 или 412 годом.

В целом преподавание Ориона в Афинах должно охватывать 420–430-е гг.

Афины. Учитель Афинаиды. В разных источниках упоминается о раннем образовании Афинаиды, дочери Леонтия, то есть в Афинах. В интересующем нас контексте об этом упоминает византийский поэт и грамматик XII в. Иоанн Цец в «Хилиадах». Он сообщает, что будущая императрица обучалась грамматике у учителя Гиперехия и у Ориона, а риторике и философии – у других учителей, называя её «всемудрая дочь великого Леонта».

При этом Цец не указывает, где именно проходило это обучение – в Афинах или Константинополе. Ученицу Ориона поэт называет императрицей Евдокией. Однако для византийского автора XII в. трудно было представить ее язычницей с языческим именем. И обучение дочери афинского философа грамматике логичнее представить все-таки в Афинах, до свадьбы с Феодосием, как и последующее переселение Ориона в столицу с помощью протекции сановной ученицы.

⁶⁴ Также см.: [von Christ, 1924, P. 1081, 1087; Wendel, 1939, S. 1083–1087; Hunger, 1961, p. 45].



Интересно, что учитель Афинаиды Орион Фиванский имел то же происхождение, что и друг её отца Олимпиодор Фиванский. Это может указывать на то, что Орион и Олимпиодор могли знать друг друга и дружить как между собой, так и с Леонтием, будучи в Афинах.

Присутствие высших слоев египтян в социальных сетях интеллектуалов Афин предполагает, что Египет и Греция были частью эллинского культурно-образовательного и научного единства, функционировавшего при двух городах – Афинах и Александрии.

Учителя Ориона из «Хилиад» Цеца ничто не мешает отождествить с упоминаемым в словаре X в. «Суда» грамматиком Орионом Фиванским, который позднее составил для императрицы Евдокии «Антологию» – коллекцию гном (образных нравоучительных изречений) в III книгах (Suda Ω 188).

По мнению некоторых исследователей, этот труд Орион сделал уже для взрослой императрицы и в столице [Александрова, 2017, с. 75–87]. Возможно, так он хотел добиться большего покровительства от своей бывшей ученицы.

Константинополь. Продолжение обучения Евдокии. По мнению Р. Кастера, свидетельства о деятельности Ориона в Константинополе и Кесарии незначительны и, соответственно, весьма вероятно, не имеют никакой ценности [Kaster, 1988, p. 322]. Однако это гиперкритическое утверждение, напротив, подтверждает нашу гипотезу об обучении Афинаиды именно в Афинах.

Ориона чаще всего считают учителем Евдокии в Константинополе на основании того же отрывка из Цеца (Tzetzes Chil. 10.48–53, p. 388ff. Леоне):

ἐκ τοῦ προφήτου δὲ αὐτὸς ἐχρήσατο τῷ λόγῳ
ὡς πού καὶ ἡ βασίλισσα ἐκεῖνη Εὐδοκία,
ἢ τοῦ μεγάλου Λέοντος ἢ πάνσοφος θυγάτηρ,
γραμματικοῖς μαθήτρια οὕσα Ὑπερεχίου,
ποτέ καὶ τοῦ Ὠρίωνος μικρόν ἀκροωμένη,
ρητορικοῖς ἐτέρων δὲ καὶ φιλοσόφοις ἄλλων ...

«Касательно телицы из Васана», 10.5 (рассказ 306):

Здесь используется слово «телица» от пророка,
Как некогда делала императрица Евдокия,
Премудрая дочь великого Леонта,
Которая училась грамматике у Гиперехия,
И которая кое-что у Ориона взяла,
А риторiku и философию у иных...

Однако этот отрывок весьма запутан. Хотя, как следует из дальнейшего текста, Цец явно имеет в виду Евдокию, дочь софиста Леонтия, жену Феодосия II и автора гомероцентонов, он называет её дочерью «великого Льва», а не Леонтия (Λέοντος вместо Λεοντίος), предположительно, по мнению Р. Кастера, имея в виду императора Льва I (457–474), выводя это имя либо из ошибки в источнике, либо из-за собственного недопонимания [Kaster, 1988, p. 323].

Как известно, после инцидента с «яблоком Павлина», сообщаемом Малалой (Chron., XIV, 8), Евдокия покинула Константинополь и отправилась в Иерусалим в начале 440-х годов, чтобы никогда больше не вернуться. Дата ее отбытия до сих пор является предметом споров. Алан Кэмерон дает 440/441 г. [Cameron, 1982, p. 259–260]; называются также 441/442 г. [Hunt, 1982, p. 235–236] и 443 г. [Holum, 1982, p. 193–194].

На этом хронологическом основании иные авторы более уверенно утверждают, что Орион преподавал в лучших школах Константинополя, а одно время даже читал лекции императрице Евдокии [Levine, 1975, p. 59]. Тогда вполне логично выглядит посвящение императрице в рукописи сочинения Ориона «Антология».

Путаница Цеца в этом отрывке ещё больше усугубляется в ст. 51–52, где он представляет Гиперехия (более позднего автора) главным учителем Евдокии и отводит второстепенную роль

Ориону, её современнику. Налицо асинхронизм. Но здесь вполне ясно, откуда он возник. Кастер утверждает, что, опираясь на два имевшихся в его распоряжении источника информации, что Евдокия была женщиной с литературными способностями и дочерью «великого Льва», Иоанн Цец намеревался представить для неё некий план надлежащего литературного образования [Kaster, 1988, p. 323–324]. Хотя он не мог сообщить подробностей о её обучении риторике и философии, не зная их, но он легко мог узнать, что один грамматик, Гиперехий, работал при её «отце», Льве (Suda Υ 267; Malch. fr. 2a, FHG 4.114), и что другой грамматик, Орион, посвятил ей свою «Антологию» (Suda Ω 188 = Hesych. Illust.). Таким образом, Евдокия стала в тексте Цеца ученицей обоих.

Хотя Р. Кастер полагает, что нет иных и достоверных свидетельств, указывающих на пребывание Ориона в Константинополе: грамматик вполне мог посвятить свою «Антологию» Евдокии, но для этого ему не обязательно было быть её учителем или преподавать в столице. Однако все же нет и доказательств противоположного.

Хронологически нет никаких проблем в том, что Орион мог появиться в Константинополе до 440 г. Р. Кастер в целом слишком многого требует от поэта XII века, ища у него точность и смысл, но для которого ошибиться в имени персонажа V в. и в хронологии было совершенно допустимо. Подобные и даже еще более грубые ошибки допускал уже Иоанн Малала в VI веке [Hunger, 1978], что можно считать признаком медиевализации исторического знания в Византии [Кобзева, Болгов, 2022, с. 102–112].

Ошибка со Львом (Леонт вместо Леонтия) не представляется нам точно продуманной, от которой зависит дальнейшая логическая конструкция. Цец мог просто ошибиться в имени, совсем не имея в виду императора Льва. Все же даже по прошествии 7 столетий незнание отца и мужа такой фигуры, как Евдокия, даже для Цеца было бы большой ошибкой.

Другое дело – ошибка с Гиперехием, если связывать его с императором Львом, что кажется логичным по хронологии. Но в реальности хронологически Гиперехий работал в столице, безусловно, после отъезда Евдокии. Знал ли об этом Цец?

Логика Кастера в определении Суды как источника сведений Цеца, конечно, есть. Но здесь для автора XII в. можно допустить и просто ошибку вне связи Евдокии со Львом и, соответственно, с Гиперехием. Хронологические ошибки, ошибки в именах и т. п. вообще характерны для византийской исторической культуры вне попыток найти в них какую-то логику или основания. Это мы явно видим уже на примере Иоанна Малалы (VI в.).

Кесария Палестинская. Авторы работ о Кесарии полагают, что в V веке уроженец Фив Орион прославился в качестве руководителя Кесарийской школы [Ващева, 2005, с. 25; Елисеева, Болгова, 2016, с. 32–39]. Несмотря на гипотетический некоторый успех в столице, Орион предпочел в конце концов возглавить школу в Кесарии. Школа, возникшая во времена Оригена в III в., процветала и в ранневизантийский период. В итоге после столицы Орион поселился наконец в Кесарии, которая была, по мнению некоторых специалистов, главным местом его деятельности [Wendel, 1939, S. 1083–1087].

Извлечение из «Антологии» в Vindob. philol. gr. 321 (XIV в.) содержит заглавие «Орион, грамматик Кесарийский». Это же вновь появляется в XVI в. в титуле самой длинной версии «Этимологии», в Paris. gr. 2653: «Орион Кесарийский, грамматик из Фив» (Ὁρίωνος Θηβαίου γράμματικος Καισαρείας). Это – важное доказательство присутствия в Кесарии именно Ориона Фиванского, что практически игнорирует Кастер.

Другие рукописи, которые содержат извлечения из «Этимологий», датирующиеся от X в. (Vat. gr. 1456) до XVI в. (Paris. gr. 464, 2610), имеют в титуле только «Орион Фиванец», рукопись «Этимологии» в Vindob. theol. gr. 203 (XIV в.) не имеет атрибуции [Garzya, 1967, p. 216–221].

Если это свидетельство позволяет отнести Ориона к Кесарии Палестинской, то, по мнению Р. Кастера, все же невозможно точно определить, в какой период своей карьеры Орион преподавал там [Kaster, 1988, p. 324].

Но если личная связь Ориона с Евдокией должна быть выведена из посвящения «Антологии», то эта связь может быть наиболее правдоподобно датирована временем до отъезда Евдокии в Иерусалим (440/443 г.). После этого, как следует предположить, Орион

переместился в соседнюю Кесарию Палестинскую. Так считают Алан Кэмерон [Cameron, 1982, p. 280–281]; Кеннет Холум [Holum, 1982, p. 220].

Добавим, что переезд в Палестину, столицу провинции, возможно, был связан у Ориона с романтическим стремлением быть ближе к императрице (когда-то юной Афинаиде). Как гласит история с Павлином (из-за которой Евдокия и покинула дворец), императрица была весьма влюбчивой особой. Эта реконструкция должна основываться на посвящении в «Антологии» и на маргиналии в Vindob. philol. gr. 321 [Piccione, 2002, p. 151–163]; но Р. Кастер подчеркивает, что никаких подтверждений этому нельзя найти у Цеца [Kaster, 1988, p. 325]. Однако Цец своим отсутствием здесь не меняет общей картины, которая, по нашему мнению, вполне убеждает в присутствии Ориона в Кесарии и намекает на причины его переезда туда.

Сочинения. Некоторые из лексикографических работ Ориона сохранились в более поздних византийских лексиконах. Марин (V. Procli 8) так говорит о научной деятельности и наследии Ориона: καὶ συγγραμμάτων ἑαυτοῦ ἰδία ἐκπονήσαι καὶ τοῖς μεθ' αὐτόν χρησίμα καταλιπεῖν («и писал свои собственные книги, и оставлял полезные вещи для окружающих»).

Идентификация работ Ориона зависит от точки зрения, принимаемой из информации из Суды, которая дает две записи под словом (s. v.) Орион. Первая, Ω 188, определяет Ориона из Египетских Фив как автора Συναγωγή γνώμων ἡγούων Ἀνθολόγιον («Свода гном, или Антологии»), посвященной императрице Евдокии, жене Феодосия II [Orionis, 1839; Orionis, 1857]; но следует отметить, что Vindob. philol. gr. 321, рукопись, содержащая отрывок из «Антологии», не приписывает эту работу Ориону из Фив.

Второе упоминание в Suda Ω 189 тоже касается Ориона: «Александриец, грамматик, автор «Антологии», «Свода аттической лексики», сочинения «Об этимологиях» и «Энкомия Адриану Кесарю».

Поскольку «Антология» встречается в обоих упоминаниях и поскольку «Этимологии» приписываются Ориону Фиванскому в рукописях, то часто и, вероятно, справедливо делался вывод о наличии путаницы в Суде. Но эта путаница отрицается, например, в [von Christ, 1924, p. 1081], где эти два человека рассматриваются как отдельные.

Также высказывались предположения о том, что «Свод аттической лексики» является работой грамматика Ора, которая Судой ошибочно приписывается Ориону [Alpers, 2010, S. 97–98]. О путанице между этими двумя авторами см.: [Kaster, 1988, p. 325–327, s. v. Orus, № 111].

Сложность заключается в определении того, сделали ли составители Суды двух людей из одного [Kaster, 1988, p. 370–371, s. v. Triphiodorus, № 157] или перепутали двух разных людей [Kaster, 1988, p. 294–295, s. v. Horapollon, № 77; p. 398–399, Diogenes, № 207].

Согласно первой точке зрения, Орион Фиванский является автором всех сочинений: [Wendel, 1939, S. 1083–1084], и панегирик Адриану можно было бы объяснить как типичное школьное упражнение.

Согласно второй точке зрения, Орион определенно был автором «Антологии» и «Этимологий» (и, возможно, «Свода аттической лексики»), но его следует отличать от более раннего персонажа с тем же именем, современника Адриана, составившего панегирик в его честь (и, возможно, «Свод аттической лексики»).

Хотя проблема не допускает однозначного решения, вторая точка зрения представляется Р. Кастеру более вероятной [Kaster, 1988, p. 295]. О принадлежности «Свода аттической лексики» есть мнение о том, что он был произведением Ора, которое лишь ошибочно приписывается Ориону [Alpers, 2010, S. 97ff.]. Однако аргументов в пользу этого мнения не больше, чем аргументов за достоверность традиции. В целом же традиции следует доверять при прочих равных условиях.

«Антология» сохранилась самостоятельно только в сокращённом виде, ее также в некоторой мере использовал Стобей.

В рукописях имеется несколько более или менее обширных версий «Этимологий», эта работа также использовалась составителями более поздних сводов такого же рода [Orionis, 1820; Reitzenstein, 1897].

Орион включён в каталог грамматиков [Kröhnert, 1897, p. 7], в раздел «иноэтнических» писателей, но структура самого каталога считается нарушенной [Antonella, 2015].

Орион – ученик Прокопия Газского. Некий Орион в Ер. 8 просит Прокопия Газского (465–528 гг.) написать для него рекомендательные письма Диодору. «Дорогой Орион подошел ко мне, дал мне написанное тобой ему письмо и поздравил меня с твоей дружбой, как будто он считал несчастьем, если я упущу тот факт, что ты таков». Прокопий восхваляет Ориона за то, что тот сохранил нравственную целостность, несмотря на соблазны великого города, куда он переехал (скорее всего, Константинополя).

Таким образом, этот Орион по хронологии не может быть Орионом Фиванским. Авторы PLRE также считают его другим человеком. Орион (Orion 3: PLRE II, 813) [Jones, 1980, II, p. 813], упомянутый в 8 письме как друг адресата письма Диодора, также упоминается в 115, 139, 144 и 155 письмах как адресат. Из них следует, что он изучал риторику у Прокопия (ер. 144) и право в Берите (ер. 155), а затем обосновался в Константинополе, где занимался юридической практикой (ер. 155); в определённый момент своей жизни он женился на девушке из Газы (ер. 115). Прокопий одобряет его деятельность, поскольку его бывший ученик благодаря своим успехам приносит ему славу и известность.

Орион влюблён в девушку из Газы (ер. 92), но Прокопий даёт ему понять, что в будущем, когда страсть утихнет, он вернётся к занятиям риторикой в привычной для него манере. Письмо основано на одном из топосов о браке, посвящённом учителями своим ученикам: «Эрос берёт верх над Гермесом, любовь отвлекает от учёбы». Скорее всего, эти эмоции продиктованы не женоненавистничеством, а всеобъемлющим видением профессии ритора и софиста и абсолютной преданностью Прокопия своему делу, по сравнению с которым обычные события человеческой жизни имеют мало значения.

А. Ланиадо [Laniado, 2005, p. 226] предложил отождествить этого Ориона с персонажем, прославленным в анонимной эпитафии [Sideras, 1991, p. 27–30; Laniado, 2005, p. 237–239]: сначала изучавшим риторику, а затем право; этот молодой человек из Газы, умерший, возможно, в возрасте 25 лет, оставил после себя жену и детей после активной деятельности в качестве губернатора, судьи и *pater civitatis*.

Таким образом, Орион Прокопия не имеет к Ориону Фиванскому никакого отношения в силу хронологического разрыва.

Выводы

Итак, в реконструируемой биографии Ориона Фиванского нет непреодолимых противоречий в установлении четырех этапов его карьеры в Александрии, Афинах, Константинополе и Кесарии. Он был близок со своими земляками (Олимпиодор Фиванский) и языческими интеллектуалами (Леонтий), но в Константинополе мог сблизиться с христианами или даже принять крещение. Заключительный этап жизни Ориона в Кесарии Палестинской был посвящен окончательному оформлению его сочинений, а переезд, возможно, был вызван стремлением быть поближе к уехавшей в Иерусалим императрицы Евдокии. Ученик Прокопия Газского, Орион не имеет отношения к Ориону Фиванскому, так как жил позже.

Орион – один из важнейших ранневизантийских грамматиков [Wilson, 1996, p. 44] и в силу ряда сохранившихся сочинений и высокой профессиональной мобильности нуждается в актуализации в отечественной византологии как видный представитель интеллектуальной традиции своего времени [Montanari, Matthaios, Rengakos, 2015].

Список литературы

- Александрова Т.Л. 2017. Императрица Афинаида-Евдокия: путь к трону. В: *Проблемы истории, филологии, культуры*. 1(55): 75–87.
- Болгова А.М. 2016. Кесарийская христианская школа III – начала VII вв. В: *Россия в глобальном мире*. 9(32): 473–479.



- Ващева И.Ю. 2005. Кесария Палестинская в III – первой половине VII в. В: *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История*. Вып. 1(4). Нижний Новгород: 13–25.
- Елисеева О.Н., Болгова А.М. 2012. Грамматики высших школ позднеантичного Востока. В: *Научные ведомости БелГУ. История. Политология*. 13(132): 32–39.
- Кобзева А.В., Болгов Н.Н. 2022. Иоанн Малала и изменение исторического сознания в Ранней Византии. Белгород, Эпицентр, 464 с.
- Alpers K. 2010. *Das Attizistische Lexikon Des Oros*. Berlin, Walter de Gruyter, 288.
- Antonella I. 2015. Orion. In: Montanari F., Montana F., Pagani L. (eds.). *Lexicon of Greek Grammarians of Antiquity*. Leiden, Brill, 2015. – https://doi.org/10.1163/2451-9278_Orion_it [дата обращения: 13 октября 2025].
- Cameron Al. 2016. *Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy*. New York, Oxford University Press, xi+359.
- Cameron Al. 1982. The Empress and the Poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II. In: *Later Greek Literature*. Cambridge, Cambridge University Press: 217–290.
- Cramer J.A. (ed.). 1835–1837. *Anecdota Graeca e codicibus manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium*. 4 vols. Oxford, University Press.
- Garzya A. 1967. Per la tradizione manoscritta degli excerpta di Orione. In: *Le parole e le idee*. 9: 216–221.
- Holum K.G. 1982. *Theodosian Empresses: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. Berkeley; Los Angeles; London, University of California Press, 326.
- Hunger H. 1978. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. München, Beck, xx+528.
- Hunger H. 1961. Katalog der griechischen Handschriften der österreichischen Nationalbibliothek. Museion: Veröffentlichungen der österreichischen Nationalbibliothek, n.s., 4. Reihe, Veröffentlichungen der Handschriftensammlung. T. 1: Codices historici. Codices philosophici et philologici. Vienna, George Plachner Verlag, xxi+503.
- Hunt E.D. 1982. *Holy Land Pilgrimage in the Later Roman Empire, AD 312–460*. Oxford, Clarendon Press, X+269.
- Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. 1980. *The Prosopography of the Later Roman Empire*, vol. 2 (AD 395–527). Cambridge, Cambridge University Press, 1342.
- Kaster R.A. 1988. *Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 525.
- Kröhnert O. 1897. *Canonesne poetarum scriptorem artificum per antiquitatem fuerunt?* Diss. Regimonti, ex officina Leupoldiana, 86.
- Laniado A. 2005. La carrière d'un notable de Gaza d'après son oraison funebre. In: Saliou C. (ed.). *Gaza dans l'antiquité Tardive. Archeologie, rhétorique et histoire*. Salerno, Helios: 221–239.
- Levine L. 1975. *Caesarea under Roman Rule*. Leiden, Brill, 297.
- Micciarelli Collesi A.M. 1970. Nuovi 'excerpta' dall' 'Etimologico' di Orione. In: *Byzantion*. 40: 517–542.
- Micciarelli Collesi A.M. 1970a. Per la tradizione manoscritta degli excerpta di Orione. In: *Bolletino della Badia greca di Grottaferrata*. 24: 107–113.
- Miguélez Caverio L. 2008. *Poems in Context: Greek Poetry in the Egyptian Thebaid, 200–600 AD*. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 453.
- Montanari F., Matthaios S., Rengakos A. 2015. *Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship*. 2 vol. Leiden; Boston, Brill, 1504.
- Montanari F., Pagani L. (eds.). 2011. *From Scholars to Scholia: Chapters in the History of Ancient Greek Scholarship*. Berlin, De Gruyter, xi+205.
- Orionis Grammatici Caesareensis Antholognomici tituli octo. 1839. In: *Coniectanea critica scripsit F.G. Schneidewin. Insunt Orionis Thebani antholognomici tituli 8. Nunc primum ex codice Bibliothecae Palatinae vindobonensis editi*. Göttingen: 33–58.
- Orionis Thebani Antholognomicum. 1857. Ed. Mennecii. In: *Stobaei florilegium*, т. 4. Lipsiae, Teubner: 290–296.
- Orionis Thebani Etymologicon. 1820. Eds. Larcher P.-H., Sturz F.W., Peyron A. Lipsiae, apud I.A.G. Weigel, viii+255.
- Piccione R.M. 2002. In margine a una recente edizione dell'«Antholognomicon» di Orione. In: *Medioevo greco*. 2: 141–153.
- Reitzenstein R. 1897. *Geschichte der griechischen Etymologika: Ein Beitrag zur Geschichte der Philologie in Alexandria und Byzanz*. Leipzig, Teubner, 424.
- Sideras A. 1991. 25 unedierte byzantinische Grabreden. Thessaloniki, Paratērētēs, 406.
- von Christ W. 1924. *Geschichte der griechischen Literatur, Handbuch der Altertumswissenschaft*, 7, 2. Teil, Die nachklassische Periode der griechischen Literatur, 2. Hälfte, von 100 his 530 nach Christus, umgearbeitet von W. Schmid, O. Stahlin. Munich, Beck, 600.

- Wendel C. 1939. Orion. In: *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: neue Bearbeitung*. Band XVIII, Halbband 35, Olympia–Orpheus. Stuttgart, Alfred Druckenmüller Verlag: 1083–1087.
- Wilson N.G. 1996. *Scholars of Byzantium*. Cambridge (Mass.), Duckworth, 286.

References

- Aleksandrova T.L. 2017. Imperatrix Afinaida-Evdokiya: put' k tronu [Empress Afinaida-Evdokia: Go to the throne]. V: Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of History, Philology, Culture]. 1(55): 75–87.
- Bolgova A.M. 2016. Kesarijskaya hristianskaya shkola III – nachala VII vv. [Caesarean Christian School of the 3rd – Early 7th Centuries A.D.]. V: Rossiya v global'nom mire [Russia in the Global World]. 9(32): 473–479.
- Eliseeva O.N., Bolgova A.M. 2012. Grammatiki vysshih shkol pozdneantichnogo Vostoka [Grammarians of the Higher Schools of the Late Antique East]. V: Nauchnye vedomosti BelGU. Istoriya. Politologiya [BelSU Scientific Bulletin. History. Political Science]. 13(132): 32–39.
- Kobzeva A.V., Bolgov N.N. 2022. Ioann Malala i izmenenie istoricheskogo soznaniya v Rannej Vizantii [John Malalas and the Change of Historical Consciousness in Early Byzantium]. Belgorod, Epicentr, 464 p.
- Vashcheva I.Yu. 2005. Kesariya Palestinskaya v III – pervoj polovine VII v. [Caesarea of Palestine in the 3rd – First Half of the 7th Century.]. V: Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya Istoriya [Bulletin of the N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. History Series]. Vyp. 1 (4). Nizhnij Novgorod: 13–25.
- Alpers K. 2010. *Das Attizistische Lexikon Des Oros*. Berlin, Walter de Gruyter, 288.
- Antonella I. 2015. Orion. In: Montanari F., Montana F., Pagani L. (eds.). *Lexicon of Greek Grammarians of Antiquity*. Leiden, Brill, 2015. – https://doi.org/10.1163/2451-9278_Orion_it [дата обращения: 13 октября 2025].
- Cameron Al. 2016. *Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy*. New York, Oxford University Press, xi+359.
- Cameron Al. 1982. The Empress and the Poet: Paganism and Politics at the Court of Theodosius II. In: *Later Greek Literature*. Cambridge, Cambridge University Press: 217–290.
- Cramer J.A. (ed.). 1835-1837. *Anecdota Graeca e codicibus manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium*. 4 vols. Oxford, University Press.
- Garzya A. 1967. Per la tradizione manoscritta degli excerpta di Orione. In: *Le parole e le idee*. 9: 216–221.
- Holum K.G. 1982. *Theodosian Emperors: Women and Imperial Dominion in Late Antiquity*. Berkeley; Los Angeles; London, University of California Press, 326.
- Hunger H. 1978. *Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner*. München, Beck, xx+528.
- Hunger H. 1961. Katalog der griechischen Handschriften der österreichischen Nationalbibliothek. Museion: Veröffentlichungen der österreichischen Nationalbibliothek, n.s., 4. Reihe, Veröffentlichungen der Handschriftensammlung. T. 1: Codices historici. Codices philosophici et philologici. Vienna, George Plachner Verlag, xxi+503.
- Hunt E.D. 1982. *Holy Land Pilgrimage in the Later Roman Empire, AD 312–460*. Oxford, Clarendon Press, X+269.
- Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. 1980. *The Prosopography of the Later Roman Empire*, vol. 2 (AD 395–527). Cambridge, Cambridge University Press, 1342.
- Kaster R.A. 1988. *Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 525.
- Kröhnert O. 1897. Canonesne poetarum scriptorem artificum per antiquitatem fuerunt? Diss. Regimonti, ex officina Leupoldiana, 86.
- Laniado A. 2005. La carrière d'un notable de Gaza d'après son oraison funebre. In: Saliou C. (ed.). *Gaza dans l'antiquité Tardive. Archeologie, rhétorique et histoire*. Salerno, Helios: 221–239.
- Levine L. 1975. *Caesarea under Roman Rule*. Leiden, Brill, 297.
- Micciarelli Collesi A.M. 1970. Nuovi 'excerpta' dall' 'Etimologico' di Orione. In: *Byzantion*. 40: 517–542.
- Micciarelli Collesi A.M. 1970a. Per la tradizione manoscritta degli excerpta di Orione. In: *Bollettino della Badia greca di Grottaferrata*. 24: 107–113.
- Miguélez Caverio L. 2008. *Poems in Context: Greek Poetry in the Egyptian Thebaid, 200–600 AD*. Berlin; New York, Walter de Gruyter, 453.
- Montanari F., Matthaios S., Rengakos A. 2015. *Brill's Companion to Ancient Greek Scholarship*. 2 vol. Leiden; Boston, Brill, 1504.
- Montanari F., Pagani L. (eds.). 2011. *From Scholars to Scholia: Chapters in the History of Ancient Greek Scholarship*. Berlin, De Gruyter, xi+205.



- Orionis Grammatici Caesareensis Antholognomici tituli octo. 1839. In: *Coniectanea critica scripsit F.G. Schneidewin. Insunt Orionis Thebani antholognomici tituli 8. Nunc primum ex codice Bibliothecae Palatinae vindobonensis editi*. Göttingen: 33–58.
- Orionis Thebani Antholognomicum. 1857. Ed. Mennecii. In: *Stobaei florilegium*, т. 4. Lipsiae, Teubner: 290–296.
- Orionis Thebani Etymologicon. 1820. Eds. Larcher P.-H., Sturz F.W., Peyron A. Lipsiae, apud I.A.G. Weigel, viii+255.
- Piccione R.M. 2002. In margine a una recente edizione dell'«Antholognomicon» di Orione. In: *Medioevo greco*. 2: 141–153.
- Reitzenstein R. 1897. Geschichte der griechischen Etymologika: Ein Beitrag zur Geschichte der Philologie in Alexandria und Byzanz. Leipzig, Teubner, 424.
- Sideras A. 1991. 25 unedierte byzantinische Grabreden. Thessaloniki, Paratērētēs, 406.
- von Christ W. 1924. Geschichte der griechischen Literatur, Handbuch der Altertumswissenschaft, 7, 2. Teil, Die nachklassische Periode der griechischen Literatur, 2. Hälfte, von 100 his 530 nach Christus, umgearbeitet von W. Schmid, O. Stahlin. Munich, Beck, 600.
- Wendel C. 1939. Orion. In: *Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: neue Bearbeitung*. Band XVIII, Halbband 35, Olympia–Orpheus. Stuttgart, Alfred Druckenmüller Verlag: 1083–1087.
- Wilson N.G. 1996. *Scholars of Byzantium*. Cambridge (Mass.), Duckworth, 286.

Конфликт интересов: о вероятном конфликте интересов не заявлялось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest was reported.

Поступила в редакцию 13.10.2025

Received 13.10.2025

Поступила после рецензирования 28.11.2025

Revised 28.11.2025


Принята к публикации 30.11.2025

Accepted 30.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Арисланов Богдан Станиславович, аспирант кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0009-0006-9021-4396](https://orcid.org/0009-0006-9021-4396)


Bogdan S. Arislanov, Postgraduate Student of the Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Болгов Николай Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ истории Византии и Причерноморья, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия; профессор кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-0478-5565](https://orcid.org/0000-0003-0478-5565)

Nikolay N. Bolgov, Doctor of Sciences in History, Professor, Chief Researcher, Research Institute of the History of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia; Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Болгова Анна Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-8510-093X](https://orcid.org/0000-0001-8510-093X)

Anna M. Bolgova, Candidate of Sciences in Pedagogy, Associate Professor, Department of General History, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(564.3)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-865-870

EDN JWCSMX

Оригинальное исследование

К вопросу о датировке первого восточного похода Иоанна II Комнина

Аветисян В.Г.

Российско-армянский (Славянский) университет,

Армения, Ереван 0051, ул. О. Эмина, 123

E-mail: vahe.avetisyan@rau.am

Аннотация. Восточным походам в Киликию и Антиохию Иоанна II Комнина (1118–1143 гг.) посвящены множество исследований, в которых рассматриваются ход и последствия этих событий, однако точная датировка первого похода императора остается под вопросом. Несмотря на обилие сведений об этом походе в греческих, армянских, латинских, сирийских и арабских источниках, многие детали военной кампании остаются неясными. Удивительно, но столь удачное для Византии предприятие описано в греческих источниках весьма поверхностно, хотя в результате Византийская империя принудила армянских князей Киликии и крестоносцев Антиохии и Эдессы признать имперский суверенитет. Решение задачи усложняется еще и тем, что предшествующие походу события в Киликии и Антиохии тоже не имеют четкую хронологию. Мы попытаемся внести ясность в события 1130–1137 гг.

Ключевые слова: Византия, Антиохийское княжество, Киликийская Армения, Иоанн II Комнин, Раймунд де Пуатье, Левон I Рубенид

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Аветисян В.Г. 2025. К вопросу о датировке первого восточного похода Иоанна II Комнина. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 865–870. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-865-870. EDN: JWCSMX

On the Question of Dating the First Eastern Campaign of John II Comnenus

Vahe G. Avetisyan

Russian-Armenian (Slavic) University,

123 O. Emin St., Yerevan 0051, Armenia

E-mail: vahe.avetisyan@rau.am

Abstract. The paper is focused on the activities of John II Comnenus, Byzantine emperor from 1118 to 1143 also known as “John the Good”. His eastern campaigns in Cilicia and Antioch – Byzantine have been the subject of numerous studies addressing their course and consequences. However, the precise dating of the emperor’s first campaign remains disputed. Although Greek, Armenian, Latin, Syrian, and Arabic sources provide substantial information, many aspects of the campaign are still unclear. Strikingly, Greek accounts describe this highly successful enterprise only briefly, despite its significant outcome: the Byzantine Empire compelled the Armenian princes of Cilicia, as well as the crusaders of Antioch and Edessa, to recognize imperial sovereignty. The difficulty of establishing a reliable chronology is further compounded by the lack of clarity surrounding the preceding events in Cilicia and Antioch. Using the methods of content analysis and comparative historical analysis, we will try to shed light on the developments of the years 1130–1137.

Keywords: Byzantium, Principality of Antioch, Cilician Armenia, John II Comnenus, Raymond de Poitiers, Levon I Rubenid

Funding: the work was carried out without external sources of funding.



For citation: Avetisyan V.G. 2025. On the Question of Dating the First Eastern Campaign of John II Comnenus. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 865–870 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-865-870. EDN: JWCSMX

Введение

С конца XIX века в историографии сформировались две точки зрения относительно начала первого восточного похода императора Иоанна Комнина. Согласно первой версии, основанной на типиконе из монастыря Пантократора (где сообщается о смерти Никифора Вриена в 1136 году – мужа Анны Комнины и участника данного похода), вероятной датой начала похода считается 1135/1136 год [Каждан, 1965, р. 14–16; Анна Комнина, 1965, прим. 19, с. 439–440; Kurtz, 1907, s. 85; Gautier, 1969, p. 251–252]. Сторонники второй версии чаще датируют кампанию 1136/1137 годом, основываясь на общем анализе греческих, ассирийских, латинских, арабских источников, хотя в них также отсутствуют конкретные сведения и детали о подготовке и начале византийской военной операции [Gelzer, 1897, s. 1022; Chalandon, 1912, p. 112; Runcima, 1952, p. 212; Ostrogorsky, 1963, s. 313]. Похоже, к такой позиции склоняется и А. Бозоян, подробно разобравший вопрос [Բոզոյան, 1988, էջ 102–109, 111–112]. Его исследование делает излишним повторное обращение к общеизвестным подходам, поэтому мы рассмотрим вопрос с позиции взаимоотношений государств крестоносцев, Киликийской Армении и Византии.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является подготовка и начальный этап похода императора Иоанна Комнина в 1136–1137 гг. на Восток.

Методами исследования являются метод контент-анализа (анализ содержания источников), а также сравнительно-исторический.

Результаты и их обсуждение

В Киликии и Антиохии знали о готовящемся византийском предприятии. Так, по словам хронистов Иоанна Киннама и Никиты Хониата, непосредственно перед этим князь Киликии Левон I Рубенид был вовлечен в территориальные споры с принцем Антиохии Раймундом де Пуатье, во время которого последний пленил Левона. Франки его освободили только накануне экспедиции, столкнувшись с опасностью, нависшей над Антиохией и Киликией. В сложившейся ситуации Левон принёс клятву дружбы принцу Антиохии и согласился присоединиться к Раймунду в борьбе с Византией. Князь Киликии также успел захватить ряд византийских поселений в Исаврии и осадил Селевкию, что вызвало желание у императора наказать Левона и стало одной из причин восточного похода [Ἰωάννης Κίνναμος, 1836, Σ. 16–17; Νικήτας Χωνιάτης, 1835, Σ. 29–30].

Точно неизвестно, когда произошел конфликт между Левоном и Раймундом, но, по нашему мнению, это происходило в период между весной и осенью 1136 года. В частности, Раймунд Пуатье стал принцем Антиохии по благословению нового патриарха города Рауля де Домфрона, который в 1135 году все еще упоминается как епископ Маместии, следовательно, выбран патриархом Антиохии в конце 1135 или в начале 1136 годов [Mas Latrie, 1894, p. 193; Rey, 1900–1901, p. 133–135; Hamilton, 1984, No. 28, 1–22]. Раймунд де Пуатье же прибыл в Антиохию из Франции только после назначения Рауля патриархом, то есть он не мог оказаться в Антиохии ранее весны 1136 года [Аветисян, 2022 (2023), с. 5–10].

Левон, по всей вероятности, воспользовался временными трудностями Антиохии и напал на пограничные замки, но после утверждения Раймунда на антиохийском престоле конфликт разгорелся с новой силой, и в результате князь Киликии был взят в плен.

Что касается захваченных Левом византийских территорий в Исаурии, то не исключено нападение на них до конфликта с Антиохией или же параллельно с ним, так как у князя после возвращения в Киликию на это просто не остались бы времени и средств: в лучшем случае он смог бы организовать превентивные меры против продвижения византийских войск и осадить Селевкию в соответствии с условиями договора с Раймундом [Аветисян, 2022 (2023), с. 9].

Ввиду этого важность приобретают сведения «Анонимной ассирийской хроники», согласно которой Раймунд освободил Левона уже после начала византийской кампании, а про выступления против императора ничего не говорится: «...Пока он был заключен в Антиохии, греческие войска достигли ворот Киликии. ...Когда принц Антиохии Пуатье ...отпустил Левона, ...тот явился к императору, умоляя его. Но тот приковал его в цепи и вместе с детьми и родственниками отправил в Константинополь» [Անանի Եղիսացի, 1982, էջ, 80].

Продолжая свои сообщения о триумфальном шествии византийского императора, «Анонимная хроника» сообщает еще об одном примечательном событии: «Император..., достигнув ворот Киликии, отправил послов к франкам и сообщил им, что послушные и благожелательные к нему князья должны явиться, чтобы оказать почести... Владыки Антиохии и Эдессы пришли приветствовать императора, которого встретили около Тарса» [Անանի Եղիսացի, 1982, էջ, 80]. Все эти события в источнике датированы 1446 годом по селевкийскому летоисчислению (октябрь 1134 – октябрь 1135 гг.) [Անանի Եղիսացի, 1982, էջ, 79]. Вероятнее всего, автор хроники допустил ошибку как минимум на год, поскольку, как уже было сказано, Раймун де Пуатье стал принцем Антиохии не раньше весны 1136 года, следовательно, встреча с императором Иоанном II в Тарсе имела место либо в самом конце 1136 года, либо в начале 1137 года, когда византийская армия уже точно владела Равнинной Киликией, а князь Левон I потерпел окончательное поражение.

Такой ход событий частично подтверждает и сообщение Иоанна Киннама: «Армянин Левуний... решил осадить и Селевкию. Узнав о том, царь ...пошел против него. ...И по другой причине он направился в Киликию. Когда правитель Антиохии Боэмунд умер, начальники той страны ...говорили царю, что если ... дочь Боэмунда взять замуж за младшего царского сына Мануила, власть над Антиохией ... будет принадлежать ему. Но еще не успел он вступить в Киликию, как антиохийцы ... вместо друзей и союзников явились злейшими ему врагами. ... Они признали нужным присоединить к себе и Левуния. И так, выведши из тюрьмы этого человека, ... и взяв с него клятву, что он будет их другом и союзником против царя, они освободили его» [Ιωάννης Κίνναμος, Σ. 16].

Несомненно, переговоры о возможном брачном союзе Мануила и принцессы Констанции велись до начала 1136 года, но, когда император готовился к отъезду в Антиохию, до него дошли вести о прибытии Раймунда де Пуатье. Скорее всего, в Антиохии действовали разные партии и в конце концов победили сторонники латинской ориентации. Получив известие об этом, император инициировал большой поход в Киликию и Антиохию, чтобы наказать и Левона, и Раймунда. Это в очередной раз говорит в пользу того, что правители Антиохии и Эдессы представились Иоанну II Комнину в Тарсе зимой 1136–1137 годов, если такой визит вообще состоялся.

О переговорах франкских князей с императором Византии в Константинополе упоминается и у Ибн аль-Асира. В 531 году от хиджры (с 29 сентября 1136 года по 18 сентября 1137 года) он сообщает, что император, собрав армию, плывет в Атталию (Антакья), затем осаждают Nikeю (он ошибочно пишет о Селевкий). В месяце зу-л-каада (с 21 июля – по 19 августа 1137 г.) император овладел Антиохией. Поводом большого похода, по источнику, стали просьбы франков, прибывших в Константинополь, о помощи против атабека Мосула и Алеппо Имада ад-Дина Зенги [Ibn al-Athir, p. 115].

В первоисточнике аль-Асира, в «Дамасских хрониках» Ибн аль-Каланиси нет упоминаний об этих переговорах, хотя всю остальную информацию аль-Асир заимствовал у него. Разница еще и в некоторых деталях о начале похода. Так, согласно «Дамасским хроникам», император вышел из Константинополя в месяце зу-л-каада 530 года (начинается 1 августа 1136 г.) или же в первый день месяца мухаррама 531 года (14 сентября 1136 г.).



Он добрался до Анталии и находился там до 10 апреля 1137 года, пока не прибыли его корабли, тяжело груженные провизией, деньгами и военным снаряжением. Затем он осадил Никею (ошибка по поводу Селевкии) и захватил город. После этого император завладел всеми основными крепостями и городами Киликии и в середине августа осадил Антиохию [Ибн-Каланиси, 2009, с. 170]. Трудно представить ожидание в течение шести месяцев в Анталии и столь быстрый переход через Киликию к Антиохии, тем более что византийцам оказывали сопротивление в Киликии. Значит, уже в конце 1136 года некоторые важные пункты в регионе должны были перейти под контроль византийцев, а весной 1137 года они получили дополнительные силы и продолжили наступление.

Гийом Тирский как защитник и главный хронист франков избегает упоминаний о договоренностях с Византией и об их нарушениях, но подтверждает информацию о разладе между франками и византийцами по поводу женитьбы Раймунда с Констанцией: «...с того момента, как он (Иоанн Комнин) узнал, что Раймунд был призван и граждане передали ему Антиохию и отдали в жены дочь принца Боэмунда, он решил прибыть в Антиохию, весьма возмущенный тем, что без его ведома и повеления они осмелились отдать в жены ее и подчинить город чужой власти, не посоветовавшись с ним» [Willermi Tyrensis, Lib. XIV, cap. XXIV, p. 641]. К сожалению, у Гийома Тирского тоже отсутствует четкая датировка.

В контексте начала византийского похода в Киликию важность приобретает сообщение продолжателя Матфея Урхаеци – иерея Григория, который пишет, что в период между февралем 1136 и февралем 1137 годов султан Мухаммед Данишменд (1134–1142 гг.) во время жатвы напал на город Кесун. На шестой день осады, в пятницу – в день Страстей нашего Спасителя, город был спасен, так как император ромеев откликнулся на мольбу князя и пришел на помощь. В то же время Иоанн подошел к Антиохии, упразднил власть князя Левона и увез его на греческую землю [Ushnrafnu Plnhuylgh, 1991, էջ 402–404]. А. Бозоян правильно указал на ошибку Ф. Шаландона по поводу «Святой пятницы», верно заметив, что здесь речь идет не столько о Великой пятнице перед Пасхой (9 апреля 1137 г.), а использована просто аллегория на страдания Христа перед распятием в пятницу [Բոզոյան, էջ 109–111; Chalandon, p. 112]. Нападение Мухаммеда Данишменда на Кесун, без сомнений, произошло в самом конце лета или осенью 1136 года, и доказательством этому служит фраза «в период жатвы».

Тем не менее в данном абзаце автором излагается история почти в полтора года, не позволяя нам составить четкую хронологию происходивших событий. Во-первых, сам император не участвовал в походе на Кесун, об этом какие-либо свидетельства отсутствуют: по всей видимости, только некоторые византийские отряды двинулись в направлении города в помощь осажденным. Во-вторых, Антиохии Иоанн Комнин достиг только летом 1137 года, а поход в целом завершился через год, летом 1138 года.

Выводы

Сопоставляя приведенные данные, можно заключить, что до середины 1136 года велись переговоры между Иоанном II Комниным и представителями франкских государств о помощи в борьбе против мусульман, а союз должен был быть закреплен браком Мануила с антиохийской принцессой Констанцией. Однако пролатинская партия Антиохии во главе с новым патриархом Раулем Домфроном неожиданно ее выдает замуж за Раймунда де Пуатье. Оказавшись перед свершившимся фактом, император Иоанн Комнин намеревается силой овладеть Киликией и Антиохией и наказать антивизантийских князей этих государств, хотя планы общего выступления против атабека Зенги не были отменены. Слухи о продвижении византийских войск вынуждают Раймунда освободить находящегося в плену правителя Киликии Левона, который безуспешно пытался противостоять натиску византийцев. К зиме 1136–1137 гг. имперские войска уже успели овладеть Селевкией и частью Киликии. Весной 1137 года византийский флот доставляет новые подкрепления императору, вследствие чего Иоанн Комнин занимает остальные города Киликии, а в августе достигает ворот Антиохии.

Список литературы

- Аветисян В. Г. 2022 (2023). Проблема хронологии конфликта между Антиохийским Принципатом и Киликийским Княжеством 1130–36 гг. *Caucaso-Caspica* – VII: 5–10.
- Анна Комнина. 1965. *Алексиада*. Комм. Я.Н. Любарского. Москва, Наука, 688 с.
- Ибн-Каланиси. 2009. *Дамасские хроники крестоносцев*. Под ред. Гамильтон Гибб. Москва, ЗАО Центрполиграф, 253 с.
- Каждан А.П. 1963. Еще раз о Киннаме и Никите Хониате. *Byzantinoslavica* (BS). V. XXIV/1. Praha: 4–31.
- Chalandon F. 1912. *Les Comnène, Les Comnène, Études sur l'empire Byzantin au XI et au XII siècles*, Jean II Comnène (1118–1143), et Manuel I Comnène, (1143–1180). Paris, A. Picard et fils-New York, Burt Franklin, 709.
- Extrait de la du chronique Kamel-Altevarykh d'Ibn al-Athîr. 1872. *Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux*. T. 1. Paris, Publ. par les soins de l'Académie des inscriptions et belles-lettres: 187–709.
- Gautier Paul. 1969. *L'obituaire du typikon du Pantokrator*. *Revue des études byzantines*. T. 27: 235–262.
- Gelzer H. 1897. *Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. Geschichte der byzantinischen Literatur*. 2 Aufl. Krumbacher K., München, 1193.
- Hamilton B. 1984. *Ralph of Domfront, patriarch of Antioch (1135–1140)*. *Nottingham Medieval Studies*. No. 28. University of Nottingham: 1–22.
- Ιωάννης Κίνναμος. 1836. *Ιστορίαν βιβλία*. Ioannis Kinnami. *Rerum ab Ioannes et Alexio Comnenis Gestarum*. Ed. A. Meineke. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Bonn, Impensis Ed. Weberi, 409.
- Kurtz Ed. 1907. "Unedierte Texte aus der Zeit des Kaisers Johannes Komnenos". *Byzantinischen Zeitschrift*. Band 16(1): 69–119.
- Mas Latrie de L. 1894. *Les patriarches latins d'Antioche*. *Revue de l'Orient latin*. No. 2: 192–206.
- Νικήτας Χωνιάτης. 1835. *Ιστορία*. Nicetae Choniatae. *Historia*. Ed. Immanuel Bekker. *Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae*. Bonn, Impensis Ed. Weberi, 974.
- Ostrogorsky G. 1963. *Geschichte des byzantinischen Staates*. München, Beck, XXXI, 514.
- Rey E. 1900–1901. *Les dignitaires de la principauté d'Antioche*. *Revue de l'Orient latin*. No. 8: 116–157.
- Runciman S. 1952. *A History of the Crusades and the Frankish East*. V. 2. Cambridge, University Press, 523.
- Willermi Tyrensis Archiepiscopi *Historia rerum in partibus transmarinis gestarum*. 1844. *Recueil des historiens des croisades. Historia occidentaux*. T. 1. I^{re} partie. Paris, Imprimerie Royale, 1185.
- Անանուն Եղեասցի. 1982. Ժամանակագրություն. Թարգ. և ծանոթ. Լ. Հ. Տեր-Պետրոսյան. Օտար աղբյուրները Հայաստանի և հայերի մասին. Հ. 12. Ասորական աղբյուրներ. Գիրք Բ. Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ, 268.
- Բոգոյան Ա. Ա. 1988. Բյուզանդիայի արևելյան քաղաքականությունը և Կիլիկյան Հայաստանը. Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ, 288.
- Մատթեոս Ուռհայեցի 1991. Ժամանակագրություն. Գրաբար Մ. Մելիք-Աղամյան և Ն. Տեր-Մելիքյան, աշխարհ. թարգ. և ծանոթ. Հ. Ս. Բարթիկյան. Երևան, ԵՊՀ, 538.

References

- Avetisyan V.G. 2022 (2023). Problema khronologii konflikta mezhdru Antiokhiyskim Printsipatom i Kilikiyskim Knyazhestvom 1130–36 gg. [The Problem of the Chronology of the Conflict between the Antiochian Principate and the Cilician Principality in 1130–36]. *Caucaso-Caspica* – VII: 5–10.
- Anna Komnina. 1965. *Aleksiada*. Komm. Â.N. Lûbarskogo. Moscow, Nauka, 688.
- Ibn-Kalanisi. 2009. *Damasskiye khroniki krestonostsev* [The Damascus Chronicles of the Crusaders]. Pod red. Gamil'ton Gibb. Moscow, ZAO Tsentrpoligraf, 253.
- Kazhdan A. P. 1963. Yeshche raz o Kinname i Nikite Khoniata [Once again about Kinnam and Niketas Choniates]. *Byzantinoslavica* (BS). V. XXIV/1. Praha: 4–31.
- Chalandon F. 1912. *Les Comnène, Les Comnène, Études sur l'empire Bizantin au XI et au XII siècles*, Jean II Comnène (1118–1143), et Manuel I Comnène, (1143–1180). Paris, A. Picard et fils-New York, Burt Franklin, 709.
- Extrait de la du chronique Kamel-Altevarykh d'Ibn al-Athîr. 1872. *Recueil des historiens des croisades. Historiens orientaux*. T. 1. Paris, Publ. par les soins de l'Académie des inscriptions et belles-lettres: 187–709.
- Gautier Paul. 1969. *L'obituaire du typikon du Pantokrator*. *Revue des études byzantines*. T. 27: 235–262.



- Gelzer H. 1897. Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte. Geschichte der byzantinischen Literatur. 2 Aufl. Krumbacher K., München, 1193.
- Hamilton B. 1984. Ralph of Domfront, patriarch of Antioch (1135–1140). Nottingham Medieval Studies. No. 28. University of Nottingham: 1–22.
- Ιωάννης Κίνναμος. 1836. Ιστορίαν βιβλία. Ioannis Kinnami. Rerum ab Ioannes et Alexio Comnenis Gestarum. Ed. A. Meineke. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonn, Impensis Ed. Weberi, 409.
- Kurtz Ed. 1907. "Unedierte Texte aus der Zeit des Kaisers Johannes Komnenos". Byzantinischen Zeitschrift. Band 16(1): 69–119.
- Mas Latrie de L. 1894. Les patriarches latins d'Antioche. Revue de l'Orient latin. No. 2: 192–206.
- Νικήτας Χωνιάτης. 1835. Ιστορία. Nicetae Choniatae. Historia. Ed. Immanuel Bekker. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Bonn, Impensis Ed. Weberi, 974.
- Ostrogorsky G. 1963. Geschichte des byzantinischen Staates. München, Beck, XXXI, 514.
- Rey E. 1900–1901. Les dignitaires de la principauté d'Antioche. Revue de l'Orient latin. No. 8: 116–157.
- Runciman S. 1952. A History of the Crusades and the Frankish East. V. 2. Cambridge, University Press, 523.
- Willermi Tyrensis Archiepiscopi Historia rerum in partibus transmarinis gestarum. 1844. Recueil des historiens des croisades. Historia occidentaux. T. 1. I^{re} partie. Paris, Imprimerie Royale, 1185.
- Bozoyan A.A. 1988. Byuzandiayi arevelyan k'aghak'akanut'yuny yev Kilikyan Hayastany [The Eastern Policy of Byzantium and Cilician Armenia]. Yerevan, HSSH GA, 288 (in Armenian).
- Ananun Yedesats'i. 1982. Zhamanakagrut'yun [Chronology]. T'arg. yev tsanot'. L.H. Ter-Petrosyan. Otar aghbyurnery Hayastani yev hayeri masin. H. 12. Asorakan aghbyurner. Girk' B. Yerevan, HSSH GA, 268 (in Armenian).
- Matt'eos Urrhayets'i 1991. Zhamanakagrut'iwn [Chronology]. Grabar M. Melik'-Adamyan yev N. Ter-Melik'yan, ashkharh. t'arg. yev tsanot'. H.S. Bart'ikyan. Yerevan, YePH, 538 (in Armenian).

Конфликт интересов: о вероятном конфликте интересов не заявлялось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest was reported.

Поступила в редакцию 31.07.2025

Received 31.07.2025

Поступила после рецензирования 02.10.2025

Revised 02.10.2025

Принята к публикации 04.10.2025


Accepted 04.10.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Аветисян Ваэ Гагикович, кандидат исторических наук, преподаватель, Институт востоковедения, Российско-армянский (Славянский) университет, г. Ереван, Армения

Vahe G. Avetisyan, Candidate of Sciences in History, Lecturer, Institute of Oriental Studies, Russian-Armenian (Slavic) University, Yerevan, Armenia

 [ORCID: 0009-0007-1702-7057](https://orcid.org/0009-0007-1702-7057)

УДК 94(495).03

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-871-880

EDN JXZNMN

Оригинальное исследование

Византийское Содружество наций: критика концепции Д.Д. Оболенского

Бараненко П.А. Севастопольский государственный университет,
Россия, 299053, Севастополь, ул. Университетская, д. 33Email: pavelnichey@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья является продолжением серии публикаций, посвященных исследованию фронтальной политики Византийской империи в период правления Македонской династии в IX–XI веках, важной частью которой являлись взаимоотношения с соседними полузависимыми княжествами и народами. Центральное место в историографии этого вопроса занимает концепция Д.Д. Оболенского. В статье проводится попытка критической оценки данной концепции, основываясь на анализе письменных источников того периода. Установлено, что, несмотря на представления ромеев о своих соседях, степень субъектности порубежных княжеств и народов отличалась от региона к региону и зависела от целого ряда факторов: географии, истории региона, наличия альтернативного полюса силы и взаимных экономических интересов. В политической плоскости православная вера и титулярная политика имели второстепенное значение, а приравнение «духовных сыновей» к вассалам императора выглядит излишне надуманным.

Ключевые слова: Византия, Византийское содружество наций, буферные государства, Македонская династия, ромейская «ойкумена», Первое Болгарское царство, Константин VII Багрянородный

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Бараненко П.А. 2025. Византийское Содружество наций: критика концепции Д.Д. Оболенского. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 871–880. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-871-880. EDN: JXZNMN

The Byzantine Commonwealth: A Critique of D.D. Obolensky's Concept

Baranenko P.A. Sevastopol State University,
33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, RussiaEmail: pavelnichey@yandex.ru

Abstract. This article continues a series of publications devoted to the study of the frontier policy of the Byzantine Empire during the reign of the Macedonian Dynasty in the 9th–11th centuries, an important part of which was the relationship with neighboring semi-independent principalities and peoples. The central place in the historiography of this issue is occupied by the concept of D. D. Obolensky. The paper attempts to critically evaluate this concept based on an analysis of written sources from that period. It has been established that despite the ideas of the Romans about their neighbors, the degree of subjectivity of the border principalities and peoples differed from region to region and depended on a number of factors – geography, history of the region, the presence of an alternative pole of power, and mutual economic interests. On the political plane, the Orthodox faith and titular politics were of secondary importance, and equating "spiritual sons" with the vassals of the emperor looks unnecessarily far-fetched.



Keywords: Byzantium, the Byzantine Commonwealth of Nations, the buffer states, the Macedonian dynasty, the Roman “ecumene”, the First Bulgarian Empire, Konstantin VII Porphyrogenitos

Funding: The work was carried out without external sources of funding.

For citation: Baranenko P.A. 2025. The Byzantine Commonwealth: A Critique of D.D. Obolensky's Concept. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 871–880 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-871-880. EDN: JXZNMN

Введение

На протяжении всей своей истории Византийская империя представляла собой сложное политическое образование, объединявшее под единой светской и церковной властью разные народы. Она оказала решающее влияние на этнонациональный и политический генезис многих ныне существующих государств на Балканах, Ближнем Востоке и в Восточной Европе. Все это стало следствием масштабных этнических процессов, протекавших на территории империи в VII–XIV веках, когда в пределы Ромейского государства устремились потоки «варваров». Причем не всегда это происходило по инициативе последних. Уже к IX веку в изначально коренных землях империи преобладало не ромейское население. Тем не менее пришлые народы подвергались ромеизации, однако везде с разным успехом. Помимо этого, императоры Аморийской и Македонской династий в рамках геополитического противостояния с западными «императорами» развернули активную миссионерскую деятельность, которая оказала значительное цивилизационное влияние на многие народы Восточной Европы.

Сложная, порой запутанная политика василевсов создавала у историков нового и новейшего времени соблазн искать в ней глобальный замысел или вписать систему взаимоотношений империи и ее соседей в IX–XI веках (и позднее) в современные нам политические конструкции.

Традиционным для византинистов является рассмотрение ее истории через призму окружения со всех сторон враждебно настроенными народами. Это справедливо абсолютно для каждого периода истории империи, кроме, пожалуй, самых ранних лет ее существования. Попытки выйти за пределы этой парадигмы обречены на провал, поскольку они противоречили бы реальному положению вещей. Однако обречены не потому, что ромеи были злыми или нетерпимыми, а потому что глобальные процессы – как климатические, так и социально-экономические, – толкали народы Европы и Азии к поиску комфортных мест проживания и жизнедеятельности. В этой связи особенный интерес представляют славяно-византийские взаимоотношения на Балканах в IX–XI веках, поскольку они оказали решающее влияние на все последующие эпохи. Помимо этого, византийское политическое и культурное влияние в самых разных проявлениях обнаруживает себя на широких просторах от Италии до Кавказа. Сами же внешнеполитические направления в IX–XI веках можно условно разделить на восточное, западное или итальянское, балканское и северопричерноморское направления. Такое разделение принято нами и обосновано в ряде предшествующих и планируемых статей (см.: Бараненко П.А., Хапаев В.В. «Буферные государства» как инструмент внешней политики Византии в Италии в IX–середине XI века (по данным вещественных и письменных источников). С. 6–15; Бараненко П.А., Хапаев В.В. «Буферные государства» как инструмент внешней политики Византии на Востоке в XI–XII веках. С. 20–29; Бараненко П.А. «Буферные государства» и балканский фронт в внешней политике Византии в IX–XI веках 2024. С. 10–20.). Среди концепций, посвященных политике и дипломатии Византийской империи, особое место занимает Византийское Содружество Д.Д. Оболенского.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает трактовка внешнеполитической стратегии Византийской империи в IX–XI веках в рамках концепции Д.Д. Оболенского о Византийском Содружестве наций. Проблема, которая заключена в объекте исследования, состоит в

необъективности части трактовок, применяемых упомянутым исследователем. Раскрытие проблематики осуществляется с помощью привлечения актуальных исследований и обращения к письменным источникам. В основе работы лежат историко-критический и сравнительно-исторический методы, позволяющие с помощью сопоставления данных, приводимых в византийских и иноземных источниках, дать объективную оценку внешнеполитической стратегии империи. В исследовании применяются общенаучные и специальные исторические методы.

Результаты и их обсуждение

Концепция Д.Д. Оболенского

А что же такое «Византийское Содружество», концепцию которого предложил Д.Д. Оболенский [Оболенский, 1998, с. 79]? По версии автора – это конгломерат полузависимых пограничных с империей государств. Д.Д. Оболенский ставит акцент именно на представлениях ромеев о своих соседях, при этом пренебрегая геополитическим фактором и реальным положением вещей, так как статус лимитрофа (буферного государства) предполагает обоюдное признание своей роли как со стороны самой подчиненной земли, так и со стороны доминиона, в роли которого выступает Византийская империя.

Концепция Д.Д. Оболенского основана на византийском представлении о положении соседних государств и народов относительно империи. Ключевой тезис, вокруг которого выстраивается фактаж исследователя, основывается именно на использовании имперской титулатуры в отношении иностранных государей. Это позволяет Д.Д. Оболенскому ставить в один ряд правителей, например, Болгарии и Руси. Данный тезис, равно как и его критика, являются центральной темой настоящей работы.

Использование имперской титулатуры в отношении правителей подобных государств не может восприниматься как априорное доказательство их лимитрофного статуса, поскольку (это видно на примере итальянских княжеств) важно также соотношение силы ромейского государства с альтернативным полюсом силы, равно как и паритет силы Византии и потенциального лимитрофа [Бараненко, Хапаев, 2024, с. 9–13].

Добавим сюда свидетельство из переписки между Василием I (867–886) и Людовиком II Немецким (843–876), где западный «император» критикует ромейское мировоззрение, основанное на пренебрежительном отношении к иностранной титулатуре и игнорировании реальной политической ситуации [Хроники Италии, 2020, с. 435–439]. Соответственно, например, ни Болгарское царство, ни Древнерусское государство не могут однозначно восприниматься как подчиненные ромеям.

Культурная самоидентификация ромеев

Одним из краеугольных камней в истории Византии, который должен быть положен в основу всякой концепции, является самосознание ее титульного народа – грекоязычных ромеев. Этническое самосознание жителей империи сформировалось не сразу. Это особенно важно в силу того, что мировоззрение византийцев складывалось из двух составляющих: ойкумены, то есть их собственной цивилизации, и варварского мира, имевшего в той или иной степени отношение к их цивилизации [Литаврин, 1976, с. 198–217]. На протяжении всей своей истории коренные жители империи упорно называли себя «ромеями» и сторонились эллинской самоидентификации.

Термин «ромей» в этот период нес в себе скорее политический и конфессиональный смысл. Народы империи были связаны единым средством коммуникации – греческим языком. К IX веку в Анатолии других языков уже не существовало, кроме самых восточных ее краев, где проживали армяне, арабы, лазы и другие народности [Speros Vryonis, 1971, p. 42–55]. Ромей был носителем двух ключевых атрибутов, отличавших его от неромеев, – православной веры и греческого языка. Этническое значение этот термин начинает приобретать значительно

позднее – на рубеже XI–XII веков, когда территории империи значительно сократились под натиском турок-сельджуков [Литаврин, 1976, с. 206–208].

На протяжении IX–XI веков православие стало основным инструментом «мягкой силы» Византийской империи, как в рамках внутренней ассимиляции негреческих народов, так и на внешнеполитическом контуре. И если во внутренней политике эта практика имела успех, то за пределами Романии результаты были неоднозначными. Так, в IX веке ромеи добились определенных успехов в христианизации славян Пелопоннеса [Свод древнейших письменных известий о славянах..., 1995, с. 329–331], а также народов горной Таврики [Сорочан, 2013, с. 136; Айбабин, 2021, с. 88, 91]. Важно также подчеркнуть, что процесс ассимиляции этих народов протекал с разной скоростью и последствиями. В обоих случаях весомую роль сыграла феодальная администрация, которая стала катализатором интеграции народов, проживавших на территории империи [История Севастополя, 2021, с. 434, 448–449]. Однако в обоих случаях у местных народов не было весомой альтернативы, какая, например, была у жителей Южной Италии.

Ромеи и соседние народы

В этой связи периодическая нелояльность западных «буферных» князей полностью укладывается в существовавшие тогда общественно-политические тенденции. Имевшая место, по крайней мере в западноевропейских государствах, точка зрения была вновь озвучена уже Лиутпрандом Кремонским в беседе с императором Никифором II Фокой (963–969) со ссылкой все на того же Людовика II. Здесь мы находим и спор о равенстве правителей франков и ромеев, территориальные претензии и даже переменную лояльность порубежных князей [Лиутпранд Кремонский, 2006, с. 125–148]. Во время этих переговоров Никифор II Фока явно характеризует лангобардских князей как своих подданных, которые восстали против него, следовательно, должны быть усмирены ромейским войском. Контраргумент Лиутпранда основывался на том, что князья Капуи и Беневенто *«принадлежат к высшей знати и являются вассалами»* западного «императора» [Лиутпранд Кремонский, 2006, с. 136–137]. В самом деле, субъектность лангобардских князей стала одним из ключевых вопросов обеспечения безопасности ромейских владений в Италии. Однако прочного контроля над регионом ромеи добиться в IX–XI веках так и не смогли. Все попытки установить свою власть над землями, где уже проживали лангобарды, а не греки, терпели крах [Бараненко, Хапаев, 2024, с. 9–15].

Мы неслучайно сделали акцент именно на итальянском направлении: оно иллюстрирует, что всякая сфера влияния имеет свои границы и ограничения по степени субъектности. Помимо геополитического фактора, который в данном случае играл большую роль, важным также представляется нетерпимость лангобардов к грекам. В источниках это отмечается в связи с захватом Беневента стратигом Симбастицием в 892–895 гг. [Хроники Италии, 2020, с. 470]. Преодолеть эту нетерпимость так и не удалось, что объясняется сохранением латинских епархий в лангобардских княжествах. Насколько можно судить по отрывочным данным, попыток изменить данную ситуацию ромеями не предпринималось [Курышева, 2004, с. 203–208; Charanis, 1946, р. 74–86]. Религия в IX–XI веках имела ключевое значение для формирования самосознания и идеологии как у ромеев [Хапаев, 2024, с. 251], так и у их соседей.

Центральное место в вопросе христианизации других народов занимает северо-западный (балканский) фронт империи, которому также большое внимание уделяет Д.Д. Оболенский. Активизация миссионерской и политико-дипломатической деятельности византийских императоров на данном направлении происходит ближе к середине IX века. Связано это, прежде всего, с укреплением Болгарского царства, которое в условиях генезиса славяно-болгарской народности стало на путь объединения под своей властью всех славянских племен на Балканах [Литаврин, 1999, с. 336–340]. Несомненно, Болгарское царство воспринималось ромеями как конкурирующее. Поэтому утверждение Д.Д. Оболенского, что болгары стали вассалами империи после принятия христианства, весьма сомнительно [Оболенский, 1998, с. 190].

Нам известны мотивы болгарских князей и царей. Князь Борис, выбирая между западным и восточным христианством, отдавал предпочтение тому варианту, при котором он смог бы организовать на болгарских землях автокефальную церковь. Впрочем, окончательно осуществить это смог лишь Симеон, добившийся от ромеев и царского титула, и отдельного патриархата для Болгарии [Бараненко, Хапаев, 2024, с. 10–20].

Дополнительным свидетельством выступает трактат Константина VII Багрянородного «Об управлении империей», где Хорватия и Сербия описаны так, как если бы императору необходимо было обосновать, почему именно ромеи претендуют на эти земли: *«Знай, что архонт Хорватии ... никогда не подчинялся архонту Болгарии»* [Константин Багрянородный, 1989, с. 139]. Интересно, что правителей обеих стран Константин VII помещает в один ранг. Но это не должно вводить нас в заблуждение относительно статуса Болгарского царства, будто бы равного Хорватскому княжеству. В главе, посвященной хорватам, Константин VII прямо указывает на их нейтральный статус; пишет, что они не собираются воевать за пределами своих земель, то есть не могут быть привлечены против болгар [Константин Багрянородный, 1989, с. 137–139].

В отношениях с сербами ситуация складывалась несколько иначе. Однако и здесь император в конце добавляет: *«Знай, что архонт Сербии ... по-рабски подчинен василевсу ромеев и никогда не был подвластен архонту Болгарии»* [Константин Багрянородный, 1989, с. 149]. Вот эта «рабская подчиненность», о которой говорит император, является прямым следствием разрушительных войн Симеона, войска которого полностью razорили Сербию [Константин Багрянородный, 1989, с. 145–149].

Подобных замечаний нет в главах, посвященных Захлумью (глава 33), Тревунии (глава 34), Дукле (глава 35) и Пагании (глава 36), которые находились под прочным внешнеполитическим контролем империи и рассматриваются автором лишь с точки зрения их истории и находящихся там укреплений. Данные обстоятельства прямо свидетельствуют о разной степени зависимости славянских княжеств от ромеев. А приписываемые им звания не могут служить объективным доказательством их статуса.

Малые княжества Далмации (Захлумье, Тревуния, Пагания и Дукля) попадают под зависимость от империи, вероятно, в те же годы, когда была организована фема Далмация, поскольку именно к этому моменту относится также свидетельство о повторном крещении местных славян [Продолжатель Феофана, 2009, с. 183–184].

Однако, в отличие от Италии, в IX–X веках мы не находим здесь свидетельств о неповиновении, что связано как раз с отсутствием альтернативного полюса силы (каким могла быть Болгария, но ее от Далмации отделяла Сербия). С другой стороны, все эти народы были напрямую связаны с адриатической торговлей, осуществляемой из Рагузы, а потому союзнические отношения с империей в период ее могущества вполне логичны. Более того, местные князья получали щедрые подарки из Константинополя, отказываться от которых явно было не в их интересах. Они могли лишь конкурировать между собой в попытках заполучить более щедрое вознаграждение за свою «лояльность». Так поступил, например, захлумский жупан Михаил, который из ревности к особенному положению сербов натравил на последних болгарского царя Симеона, в результате чего Сербия оказалась опустошена [Константин Багрянородный, 1989, с. 145].

Константин VII был осведомлен об откровенно предательском поступке жупана [Константин Багрянородный, 1989, с. 145], однако не сообщает, понес ли захлумский правитель наказание за это.

Соперничество между Болгарией и Византией за Балканский регион подтверждает П. Стефенсон. Правда, он склонен отдавать византийцам лишь второе место в этом соперничестве, по крайней мере в отношении рубежа IX–X веков. В то же время британский ученый выдвигает смелую гипотезу о том, что царь Симеон планировал объединить под своей властью Балканы и не был заинтересован в создании совместного ромейско-болгарского

государства. На это, по его мнению, указывают масштабные строительные проекты Симеона в Преславе [Stephenson, 2000, p. 18].

Отметим также, что переписка патриарха Николая Мистика с Симеоном, где последний называется «духовным сыном», явно указывает, что это не более чем дипломатическая уловка и свойственная ромеям форма обращения. Переоценивать такие речевые обороты не стоит – ровно так же константинопольский патриарх обращался к архиепископу Болгарии Иоанну Экзарху (893–917) [Nicholas I, 1973, p. 17, 21, 27, 39, 43]. Подобные эпитеты отсылают к тому, что оба болгарских деятеля получили образование в столице Византийской империи, а апелляция к вере – единственный рычаг для сдерживания агрессии [Златарски, 1927, с. 379; Продолжатель Феофана, 2008, с. 243].

Еще одна интересная мысль, связанная с соглашением между Николаем Мистиком и тогда еще князем Симеоном, заключается в возобновлении дани в пользу Болгарского царства [Stephenson, 2000, p. 22]. Необыкновенная щедрость ромеев на подарки и подати соседним народам была вполне меркантильным расчетом, поскольку потраченные деньги возвращались в империю благодаря ее транзитному статусу на торговых маршрутах. Ключевыми стратегическими пунктами здесь являлись Рагуза для западнобалканских славян [Константин Багрянородный, 1989, с. 145], Фессалоника для славян Македонии и через них Болгарского царства [Две византийские хроники X века, 1959, с. 162–163, 168], а Херсон – в отношении степных народов [Хапаев, 2016, с. 292–300]. На протяжении IX–XI веков мы наблюдаем последовательные действия по укреплению этих стратегически важных для торговли городов. Для Болгарского царства, по мнению П. Стефенсона, и в особенности в период правления Симеона становится важным укрепление собственных торговых маршрутов, а также захват Via Egnatia – старого торгового пути, проходившего через Диррахий, Фессалонику и заканчивавшийся в Константинополе [Stephenson, 2000, p. 20–21]. Эта гипотеза интересна, хоть и требует дополнительных доказательств.

Для нас важно, что взаимоотношения между Болгарией и Византией в указанную эпоху были скорее конкурирующими, и интерпретация их через подавление нерадивого вассала и наделение Болгарского царства таким статусом представляется надуманным. Более того, столетия взаимной вражды привели к тому, что даже в XI веке, после полного покорения ромеями Балкан, между титульным народом империи и болгарами продолжала существовать нетерпимость [Theophylacte d'Achrida, 1986, p. 242, 292, 294, 382–384].

В политической плоскости на это указывают исторические вставки Константина VII Багрянородного в каждом разделе о славянских территориях на Балканах, упоминавшего, что некогда эти земли принадлежали римлянам, а затем ромеям. Очевидно, что поскольку к середине X века между двумя самыми крупными государствами на Балканах установился мир и развивалась торговля, давать подобные комментарии относительно Болгарии было бы не вполне логично.

В X веке политическая диспозиция на севере Балкан изменилась. Болгария при царе Петре I (927–969) после разрушительных войн заняла относительно нейтральное положение, а ромеи ввиду успехов на восточных рубежах постепенно усиливались. Однако к этому времени на Балканском и Северопричерноморском направлениях начали активно действовать русичи, которых Д.Д. Оболенский чуть ли не с середины IX века, то есть первых русско-византийских контактов, помещает в статус подданных императора с византийской точки зрения [Оболенский, 1989, с. 37–39].

Подтверждения в источниках IX–X веков этому нет. Наоборот, учитывая страх перед неизвестным и далеким народом, который с 860 года испытывали ромеи, обозрение Константином VII северного внешнеполитического направления позволяет предположить, что долгое время ромеи просто не имели конкретного плана взаимодействия с Русью. Все сводится к обычному сдерживанию «росов» с помощью печенегов [Константин Багрянородный, 1989, с. 37–39]. Политика христианизации и связывания торгово-экономическими отношениями, примененная в отношении Руси, не была для Византии чем-то новым. С ее помощью ромеи

выстаивали систему безопасности на всех своих границах. При этом транслируемое посредством христианизации культурное влияние не вызывает сомнений.

В рамках своей концепции Д.Д. Оболенский ставит в один ряд вассальной зависимости от Константинополя правителей алан, абазгов, болгарских царей и армянских князей. Хотя на середину X – начало XI века приходится зенит могущества ромеев при Македонской династии, непонятно, как титул «духовного сына» может ставить в один ряд правителей разных стран [Оболенский, 1998, с. 175–190].

Вышеназванные правители находились на разной степени удаления от Константинополя, в разных геополитических условиях и никак не могут считаться вассалами империи. Исходя из концепции Оболенского, непонятно, зачем императору Никифору I Фоке было организовывать поход русичей против Болгарского царства, если оно было вассалом империи.

Непонятно также, почему автор считает, что буферная зона между империей и Степью переместилась севернее именно после смерти царя Симеона в 927 году [Оболенский, 1998, с. 190–191]. В действительности с 934 года империя начинает подвергаться нападениям мадьяр, несмотря на то что их кочевья и владения ромеев были отделены друг от друга Болгарией [Продолжатель Феофана, 2009, с. 261]. Учитывая, что к тому времени будущие венгры уже переселились за Карпаты, оба балканских государства оказались не готовы к такому развитию событий. По этому поводу П. Стефенсон справедливо отмечает, что болгары и ромеи после них для обороны от задунайских кочевников использовали старые укрепления вдоль дельты реки, тогда как западный рубеж от нападений не был защищен [Stephenson, 2000, p. 38–45]. В этой связи ромеи начали активную дипломатическую работу по восстановлению хороших отношений с мадьярами. В 948 и 952 годах их вожди были крещены в Константинополе [John Skylitzes, 2010, p. 231].

Северная политика империи рассматривается Д.Д. Оболенским выборочно и несистемно, хотя из трактата Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» видно, что у ромеев было определенное представление о взаимодействии с разными народами – от хорватов на западе до хазар, алан и армян на востоке. Если балканские народы рассматриваются как стародавние подданные, то для народов Причерноморских степей характерна скорее риторика о необходимости сраживать их друг с другом, но никак не формировать какой-либо политический альянс или конгломерат. Для северного фронта империи характерно последовательное сраживание народов друг с другом и система «сдержек и противовесов», которая была формализована порфирородным императором [Хапаев, 2016, с. 278–284]. В этой системе каждому народу отводилось свое место: аланы противопоставлялись хазарам, печенегам – русичам. И такая расстановка вовсе не считалась незыблемой догмой.

Из всех «вассалов», которых упоминает Д.Д. Оболенский, наибольший интерес вызывают армяне. На протяжении IX–XI веков между ромеями и армянами в самом деле сложились особые взаимоотношения, основанные на глубокой взаимной этнополитической интеграции. Пожалуй, здесь действительно сформировалась сфера ромейского политического и культурного влияния, плавно переходящего в определенную степень политической зависимости.

Большую роль в этой интеграции сыграло то, что основатель Македонской династии имел армянские корни [Продолжатель Феофана, 2009, с. 140–141, 157]. При нем и его преемниках происходило постепенное продвижение ромеев на восток. Внутренние армянские процессы побуждали мелких князей переходить под власть империи, за что они получали щедрые награды. Уже во второй половине X века армяне ставились имперскими политиками и военачальниками на один уровень с ромеями, что мы видим из описания Никифором II Фокой процесса комплектования войск [Никифор II Фока, 2005, с. 5]. Косвенно это подтверждается также и тем, что именно армянские гарнизоны стали размещать в ключевых точках на Западе – на границе с Болгарией и в Калабрии [Oikonomides, 1972, p. 346].

Кроме того, в IX–X веках отмечались попытки преодоления разногласий в вопросах веры. После возобновления контактов между патриархом Фотием (858–867, 877–886) и армянским католикосом Захарием (855–876) наметился определенный прогресс, который

отразился на решениях Ширакского собора 862 года [Shepard, 2008, p. 351]. Однако никакой церковной унии не случилось. Новая попытка была предпринята уже патриархом Николаем Мистиком и католикосом Иованесом Драсханакертци. Происходили эти переговоры в условиях внутренней нестабильности и внешней напряжённости вокруг Армении [Юзбашян, 1988, с. 106–113]. Эти переговоры тоже не дали результатов и сошли на нет после смерти церковных деятелей. По свидетельству самого Иованеса, армянские князья признавали себя подданными императора, поскольку это сулило им прямую экономическую выгоду от транзитной торговли между ромеями и арабами [Иованнес Драсханакертци, 2011, с. 83].

В X веке Константин VII Багрянородный четко обосновал претензии Византии на Армянское царство. С одной стороны, в историю о происхождении Василия I помещается легенда о корнях, восходящих к династии Аршакидов (I–V вв.) [Продолжатель Феофана, 2009, с. 140–141, 157]. С другой стороны, император четко определил необходимость контроля над рядом крепостей возле о. Ван для обеспечения безопасности внутренних имперских территорий [Константин Багрянородный, 1989, с. 189–193].

Как видно на примере армян, сближению их с Византией способствовала отнюдь не православная вера (они придерживались другого течения в христианстве), а прямая политическая и экономическая выгода. На рубеже IX–X веков, пока центральная власть в Багдаде еще окончательно не ослабла, Армения занимала выгодное положение в торговых отношениях ромеев с Востоком. Впоследствии империя перешла к более глубокой интеграции и присоединению армянских княжеств, не в последнюю очередь ввиду намеченных Константином VII Багрянородным стратегических целей. При этом церковная уния между греческой и армянской церквями так и не состоялась.

Заключение

Таким образом, вопреки теории Д.Д. Оболенского о Византийском Содружестве, степень политического и культурного влияния ромеев на соседние народы различалась. Она находилась в прямой зависимости от географической удаленности конкретного народа, проживания этого народа на исторических землях ромеев, наличия альтернативного полюса силы и взаимных экономических интересов. Православная вера и титулярная политика византийских императоров могут рассматриваться как дополнительные факторы, способствовавшие укреплению взаимосвязей, но не их формированию. Таким образом, трактовка сферы влияния Византийской империи через призму некоего умозрительного надгосударственного образования представляется весьма сомнительной. Несмотря на то, что культурное влияние ромеев на окружающие их народы неоспоримо. В заключение также важно отметить, что нами была рассмотрена лишь часть примеров различного влияния Византии на соседние народы. Данная тематика представляется нам достаточной обширной и не может быть полностью раскрыта в одной статье, а потому была рассмотрена лишь в первом приближении на самых «ярких примерах».

Список источников

- Иованнес Драсханакертци. История Армении. 2011. Пер. М.О. Дарбинян-Меликян. Москва, Союз армян России, 336 с.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. 1989. Текст, перевод, комментарий. Под ред. Г.Г. Литаврина. Москва, Наука, 501 с.
- Никифор II Фока. Стратегика. 2005. Пер. со среднегреч. и комм. А.К. Нефёдкина. Санкт-Петербург, Алетейя, 288 с.
- Об областях римской империи, сочинение Константина Багрянородного. Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. 1858. 3. Москва, 32 с.
- Продолжатель Феофана Жизнеописания византийских царей. Изд. подготовил Любарский Я.Н. 2009. Санкт-Петербург, Алетейя, 400 с.
- Хроники Италии. 2020. Перевод с лат. и комм. И.В. Дьяконова. Москва, Х94 «5Р5Ь»–«Русская панорама», 616 с.

- John Skylitzes A Synopsis of Byzantine History 811–1057. Transl. by John Wortley. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 492 p.
- Theophylacte d'Achrida. Lettres. Intr., text, comm. et notes P. Gautier. Thessalonique: Association de Recherchers Byzantines, 1986. 632 p.

Список литературы

- Айбабин А.И. 2021. Об освоении греческого языка готами и аланами Горного Крыма. *Античная древность и средние века*. Т. 49: 79–96.
- Бараненко П.А. 2024. «Буферные государства» и балканский фронтир во внешней политике Византии в IX–XI веках. *Современная научная мысль*. 4: 10–20.
- Бараненко П.А., Хапаев В.В. 2024. «Буферные государства» как инструмент внешней политики Византии в Италии в IX – середине XI века (по данным вещественных и письменных источников). *Современная научная мысль*. 6: 6–15.
- Бараненко П.А., Хапаев В.В. 2023. «Буферные государства» как инструмент внешней политики Византии на Востоке в XI–XII веках. *Современная научная мысль*. 2: 20–29.
- История Севастополя в трех томах. 2021. Том I. Юго-западный Крым с древнейших времен до 1774 года. Москва, Издательство «ИстЛит», 688 с.
- Каждан А.П. 1974. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. Москва, Издательство «Наука», 293 с.
- Курышева М.А. 2004. Регионы и периферия Византийской империи. Южная Италия и Сицилия. *Православная энциклопедия*. Т. VIII: 203–208.
- Литаврин Г.Г. 1999. Византия и Славяне. Санкт-Петербург, Издательство «Алетейя», 604 с.
- Оболенский Д.Д. 1998. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов. Москва, Янус-К, 655 с.
- Сорочан С.Б. 2005. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Часть 1–2. Отв. ред. Г.Ю. Ивакин. Харьков: «Майдан», 1648 с.
- Хапаев В.В. 2016. Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X – первая половина XI века). Симферополь, Н. Орианда, 572 с.
- Хапаев В.В. 2024. Эволюция темы патриотизма в Византийской империи VI–X вв. *Вестник Литературного института имени А.М. Горького*. 2–3: 245–254.
- Юзбашян К.Н. 1988. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия. IX–XI вв. Москва, Издательство «Наука», 305 с.
- Charanis P. On the Question of the Hellenization of Sicily and Southern Italy during the Middle Ages. *The American Historical Review*. Vol. 52. No. 1 (Oct., 1946). P. 74–86.
- Oikonomides N. Les listes de preseance byzantines des Ixe et Xe siecles. Introduction, texte, traduction et commentaire. Paris: Centre National de la Recherche Scientique, 1972. 403 p.
- Speros Vryonis, Jr. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1971. 282 p.
- Stephenson P. Byzantium's Balkan Frontier. A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 366 p.

References

- Aibabin A.I. 2021. Ob osvoenii grecheskogo iazyka gotami i alanami Gornogo Kryma [How the Goths and Alans of the Mountainous Crimea Assimilated Greek Language]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49: 79–96. doi: 10.15826/adsv.2021.49.006
- Baranenko P.A. 2024. «Bufernye gosudarstva» i balkanskij frontir vo vneshnej politike Vizantii v IX–XI vekah [«Buffer States» and the Balkan Frontier in the Foreign Policy of Byzantium in the IX–XI Centuries]. *Scientific Journal of History, Economics and Law Research*. Moscow, Helri. 4: 10–20. doi: 10.24412/2308-264X-2024-4-10-20
- Baranenko P.A., Khapaev V.V. 2024. «Bufernye gosudarstva» kak instrument vneshnej politiki Vizantii v Italii v IX – seredine XI veka (po dannym veshhestvennyh i pis'mennyh istochnikov) [«Buffer States» as an Instrument of Byzantine Foreign Policy in Italy in the 9 – mid-11th Centuries]. *Scientific Journal of History, Economics and Law Research*. Moscow, Helri. 6: 6–15. doi: 10.24412/2308-264X-2024-6-6-15



- Baranenko P.A., Khapaev V.V. 2023. «Bufernye gosudarstva» kak instrument vneshnej politiki Vizantii na Vostoke v XI–XII vekah [«Buffer States» as a Instrument of Byzantium Foreign Policy in the East during 11th – 12th Centuries]. *Scientific Journal of History, Economics and Law Research*. Moscow, Helri, 2: 20–29. doi: 10.24412/2308-264X-2023-2-20-29
- Istorija Sevastopolja v treh tomah. 2021. Tom I. Jugo-zapadnyj Krym s drevnejshih vremen do 1774 goda [The History of Sevastopol in Three Volumes. Volume I. South-Western Crimea from Ancient Times to 1774]. Moscow, Izdatel'stvo "IstLit", 688 p.
- Kazhdan A.P. 1974. Social'nyj sostav gospodstvujushhego klassa Vizantii XI–XII vv. [The Social Composition of the Ruling Class of Byzantium of the XI–XII Centuries]. Moscow, Izdatel'stvo «Nauka», 293 p.
- Kuryшева M.A. 2004. Regiony i periferija Vizantijskoj imperii. Juzhnaja Italija i Sicilija [Regions and the Periphery of the Byzantine Empire. Southern Italy and Sicily]. *Pravoslavnaja jenciklopedija*. T. VIII: 203–208.
- Litavrin G.G. 1999. Vizantija i Slavjane [Byzantium and the Slavs]. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo «Aletejja», 604 p.
- Obolenskij D.D. 1998. Vizantijskoe Sodruzhestvo Nacij. Shest' vizantijskih portretov [The Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine Portraits]. Moscow? Janus-K, 655 p.
- Sorochan S.B. 2005. Vizantijskij Herson (vtoraja polovina VI – pervaja polovina X vv.). Očerki istorii i kul'tury. Chast' 1–2 [Byzantine Kherson (the Second Half of the Sixth and the First Half of the Tenth Centuries). Essays on History and Culture. Part 1–2]. Otv. red. G.Ju. Ivakin. Har'kov, «Majdan», 1648 p.
- Khapaev V.V. 2016. Vizantijskij Herson na rubezhe tysjacheletij (vtoraja polovina H – pervaja polovina XI veka) [Byzantine Kherson at the Turn of the Millennium (Second Half of the Tenth – First Half of the Eleventh Century)]. Simferopol', N. Orianda, 572 p.
- Khapaev V.V. 2024. Jevoljucija temy patriotizma v Vizantijskoj imperii VI–X vv. [The Evolution of the Theme of Patriotism in the Byzantine Empire of the VI–X Centuries]. *Vestnik Literaturnogo instituta imeni A.M. Gor'kogo*. 2–3: 245–254.
- Juzbashjan K.N. 1988. Armjanskije gosudarstva jepohi Bagratidov i Vizantija. IX–XI vv. [The Armenian States of the Bagratid Era and Byzantium. IX–XI Centuries]. Moscow, Izdatel'stvo «Nauka», 305 p.
- Charanis P. On the Question of the Hellenization of Sicily and Southern Italy during the Middle Ages. *The American Historical Review*. Vol. 52. No. 1 (Oct., 1946). P. 74–86.
- Oikonomides N. Les listes de preseance byzantines des Ixe et Xe siecles. Introduction, texte, traduction et commentaire. Paris: Centre National de la Recherche Scientique, 1972. 403 p.
- Speros Vryonis, Jr. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley and Los Angeles, University of California Press, 1971. 282 p.
- Stephenson P. Byzantium's Balkan Frontier. A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 366 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 17.05.2025

Received 17.05.2025

Поступила после рецензирования 20.09.2025

Revised 20.09.2025

Принята к публикации 22.09.2025

Accepted 22.09.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бараненко Павел Андреевич, аспирант кафедры «Всеобщая история и мировая культура», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

Pavel A. Baranenko, Postgraduate Student of the Department of General History and World Culture, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

 [ORCID: 0009-0006-3400-9451](https://orcid.org/0009-0006-3400-9451)

УДК 930.25

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-881-888

EDN KLYDYI

Оригинальное исследование

О.О. Крюгер – второй заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета ЛГУ (1938 г.)

Нефёдкин А.К. Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85E-mail: centmilhist@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена Отто Оскаровичу Крюгеру (1893–1967) – известному ленинградскому папирологу и эпиграфисту довоенного периода. В XXI веке в отечественной исторической науке наблюдается рост интереса к историографии. В отдельных статьях освещается научная и административная деятельность О.О. Крюгера, работавшего в различных ленинградских учреждениях. Однако лишь однажды мемуарист В.Н. Дариенко упоминает о том, что он заведовал кафедрой Ленинградского государственного университета (2002). В статье рассматривается деятельность О.О. Крюгера в ЛГУ. С помощью историко-биографического метода в статье реконструируется жизнь и деятельность О.О. Крюгера. На основе архивных документов установлено, что О.О. Крюгер недолгое время заведовал кафедрой истории Древнего мира исторического факультета Ленинградского государственного университета. Автор приходит к выводу, что О.О. Крюгер стоял у истоков советской папирологии, однако в силу сложных жизненных обстоятельств он не смог создать свою научную школу и у него не было известных учеников.

Ключевые слова: О.О. Крюгер, ЛГУ, исторический факультет, кафедра истории древнего мира

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Нефёдкин А.К. 2025. О.О. Крюгер – второй заведующий кафедрой истории древнего мира исторического факультета ЛГУ (1938 г.). *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 881–888. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-881-888. EDN: KLYDYI

O.O. Krueger, the Second Head of the Ancient World History Department at the Historical Faculty of Leningrad State University (1938)

Alexander K. Nefedkin Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, RussiaE-mail: centmilhist@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to Otto Oskarovich Krueger (1893–1967), a well-known Leningrad papyrologist and epigrapher who worked before the Second World War. In the 21st century, the Russian historical science is experiencing an increased interest in historiography. The academic and administrative activities of O.O. Krueger, who worked in various Leningrad institutions, have already been addressed in some articles. However, only once does the memoirist V.N. Darienko mention that he headed a department at Leningrad State University (2002). This line of O.O. Krueger's activity is discussed in the article. His life and work are reconstructed using the method of historical biography. Based on archival documents, it has been established that O.O. Krueger was in charge of the Department of Ancient World History at the Faculty of History at Leningrad State University for a very short time. The author concludes that O.O. Krueger stood at the origins of Soviet papyrology, but due to difficult life circumstances, he was unable to create his own scientific school, and he had no famous students.

Keywords: O.O. Krueger, Leningrad State University, Historical Faculty, Department of Ancient World History

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Nefedkin A.K. 2025. O.O. Krueger, the Second Head of the Ancient World History Department at the Historical Faculty of Leningrad State University (1938). *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 881–888 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-881-888. EDN: KLYDYI

Введение

Имя ленинградского папиролога и эпиграфиста Отто Оскаровича Крюгера (31.10.1893–12.04.1967) было хорошо известно отечественным антиковедам довоенного времени. Нельзя сказать, что и позднее О.О. Крюгер (далее – О.О.) был вовсе позабыт. Папиролог И.Ф. Фихман [1967] (1921–2011), занимавшийся с О.О. в аспирантуре Ленинградского отделения Института истории во второй половине 1950-х гг., составил о нем краткий некролог (на русском языке появился в 1967 г.); херсонский историк В.Н. Дариенко [2002], школьный ученик О.О., опубликовал в 2002 г. мемуарную статью о своих встречах с О.О. в Казахстане в 1940-х гг. и позднее. Статьи петербургских археологов Ю.А. Виноградова [2013; 2023] и И.Л. Тихонова [2022] рассматривают научную деятельность О.О. в ГАИМК. Также в интернете можно найти несколько компилятивных заметок об О.О. Однако лишь В.Н. Дариенко [2022, с. 116] однажды упоминает о том, что его учитель был «заведующим кафедрой Ленинградского университета», не называя, впрочем, само название кафедры. Данному сюжету и будет посвящена настоящая статья.



О.О. Крюгер (конец 1950-х – начало 1960-х гг.)
O.O. Krueger (late 1950s – early 1960s)

Объект и методы исследования

Объектом исследования является биография антиковеда.

Метод исследования – метод исторической биографии.

Результаты и их обсуждение

Стоит кратко напомнить биографию О.О.⁶⁵ Он родился в Москве в семье оперного музыканта, обрусевшего немца (ум. 1895), который приехал в Россию из Германии в 1883 г., и учительницы музыки средней школы (ум. 1933). После смерти мужа в 1899 г. мать переехала в столицу. В 1913 г. О.О. закончил Петершуле в Санкт-Петербурге с золотой медалью. В том же году он поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где изучал классическую филологию у известных антиковедов С.А. Жебелевой, Ф.Ф. Зелинского, М.И. Ростовцева. Научным руководителем О.О. стал папиролог Г.Ф. Церетели (1870–1939), в семинаре которого он занимался, а выпускная работа его была посвящена античной папирологии. После окончания университета с декабря 1918 по декабрь 1920 г. О.О. оставался при кафедре классической филологии Факультета общественных наук Петроградского университета для подготовки к преподавательской деятельности – в то время своеобразный вид аспирантуры. Затем с 1921 г. он стал внештатным научным сотрудником первой категории Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ. Одновременно в 1918–1929 гг. и позднее, в 1933–1938 гг., служил хранителем папирусов и нумизматики в Эрмитаже, где с 1933 г. возглавлял отделение античных колоний Северного Причерноморья.

В 1920–1930-х гг. основным местом работы для О.О. стала Государственная академия материальной культуры (ГАИМК) в Ленинграде. В 1920–1937 гг. он работал на полставки научным сотрудником по изучению эпиграфических памятников. Здесь с 1930 г. он руководил группой по изучению сельского хозяйства Северного Причерноморья, с 1932 г. возглавлял отдел кадров, а в сентябре 1936 – июне 1937 г. даже исполнял обязанности председателя всей академии. В 1933–1935 гг. О.О. возглавлял Керченскую экспедицию ГАИМК. В мае 1936–1938 г. О.О. был также сотрудником сектора истории древнего мира в Ленинградском отделении Института истории АН СССР.

Научная работа О.О. достаточно полно описана в его характеристике, подписанной в конце 1937 г. заместителем директора Института истории материальной культуры, известным археологом М.И. Артамоновым (1898–1972):

ХАРАКТЕРИСТИКА.

КРЮГЕР Отто Оскарович является одним из лучших в СССР специалистов в области папирологии. В 1918 г. он издал и комментировал известный «Медицинский папирус Музея Александра I»; в 1925 г. Крюгер вместе с Церетели осуществил предприятие крупного научного значения, выпустив I том сборника *Раругi russischer und georgischer Sammlung*, впервые опубликовав ряд литературных текстов, хранившихся в библиотеках Музее изобразительных искусств, Государственного Эрмитажа, Академии наук [Zereteli, Krueger, 1925].

В 1929 г. был выпущен уже единолично Крюгером второй том, где Крюгер опубликовал ряд важных исторических текстов Птоломеевской и Римской эпохи Труд Крюгера [Kryuger, 1929] встретил одобрительные отзывы виднейших мировых папирологов, как напр. Bell'a, Wilcken'a и др.

В последние годы О.О. Крюгер переключается на историческую тематику, напечатав ряд крупных статей по истории древнего мира: «Движение рабов до-эллинистического Египта», напечат. в Известиях ГАИМК'а 1933 г., «Движение рабов II и I вв. до нашей эры в Риме, как

⁶⁵ Материалы по биографии взяты из личного дела О.О. Крюгера ЛГУ: Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1. Опись дел по личному составу за 1917–1941 гг. Св. 49. Д. 1580. Л. 1–36, а также из уже упомянутых статей [Фихман 1967; Дариенко 2002; Виноградов 2013, 2023].



начальный этап революции рабов» (напечат. в Известиях ГАИМК за 1934 г.), «Сельскохозяйственное производство эллинистического Египта» (напечат. в Известиях ГАИМК'а в 1935 г.). В этих статьях Крюгер показал себя хорошим знатоком источников и истории эллинистического Египта⁶⁶.

Далее Крюгер редактировал русский перевод Аппиана, напечатал в русской и иностранной печати ряд мелких статей по эпиграфике: «Надгробие Леокса, сына Молпагора», «Эпиграфические мелочи», «О Фиванском восстании 88 г. до н. э.», ряд рецензий. Одновременно с исследовательской Крюгер вел и ведет большую педагогическую работу в Университете, Институте Крупской и других высших учебных заведениях Ленинграда.

С 7/IX 1936 г. по 5/VI-37 г. Крюгер исполнял обязанности Председателя Академии истории материальной культуры им. Н.Я. Марра до момента ее реорганизации.

Тов. Крюгер О.О. является кандидатом ВКП(б), активно участвует в партийной и политической работе.

Дирекция и общественность поддерживают ходатайство о присвоении т. Крюгеру О.О. ученого звания профессора истории рабовладельческого общества и ученой степени доктора исторических наук (древняя история)

Зам. Директора ИИМК (Артамонов)

Секретарь Парткома (Тимофеев)

Председатель МК (В. Миханкова)⁶⁷.

В 1920-е гг. О.О. занимался публикацией и исследованием документов греческой папирологии и эпиграфики, Его работы были оценены немецкими коллегами: в 1927 г. он был избран членом-корреспондентом Германского археологического института. Также вместе с коллегами по ГАИМК О.О. занимался переводами «Гражданских войн» Аппиана [1935], переведя части второй и третьей книги и вместе с С.А. Жебелевым редактируя это издание.

Молодой О.О. вполне «вписался» в структуру нового советского общества. Из-за чего резко разошелся со своим учителем Г.Ф. Церетели, не принявшим новую власть [Виноградов, 2023: 363, примеч. 6]. Комсомольцем он не был, но в апреле 1931 г. стал кандидатом в члены ВКП(б), посещал политические кружки, участвовал в чистке ГАИМК от нежелательных элементов в 1930 г. Восприняв марксистско-ленинские схемы общественного развития, он активно внедрял их в изучение античности.

11 января 1938 г. утвержден Высшей аттестационной комиссией в ученой степени доктора исторических наук без защиты диссертации и в ученом звании профессора кафедры истории рабовладельческого общества ГАИМК.

Параллельно с научной работой О.О., как и другие ученые того времени, вел активную преподавательскую работу. В 1920-е гг. он преподавал латынь в Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена, а в 1931–1933 гг. – тут же немецкий язык, будучи заведующим кафедрой немецкого языка. В 1932–1933 и в 1935–1938 гг. О.О. заведовал кафедрой истории древнего мира Пединститута им. М.Н. Покровского. Он также преподавал историю в Ленинградском отделении Коммунистической академии, в Военно-морском училище им. Ф.Э. Дзержинского, Высшей школе профдвижения им. М.И. Калинина и др.

В ЛГУ О.О. начал преподавать в 1926–1930 гг., где, будучи сверхштатным доцентом кафедры классической филологии факультета языкознания и материальной культуры, вел «Введение в греческую папирологию и греческую папирографию», эпиграфику, семинар по римской истории. После выделения из ЛГУ гуманитарных дисциплин в отдельный Ленинградский государственный историко-(философско)-лингвистический институт (ЛИЛИ/ЛИФЛИ), в 1930–1932 и в 1934–1937 гг. О.О. стал уже штатным профессором,

⁶⁶ Работы О. О. Крюгера см.: Крюгер 1921, 1925, 1934а-д, 1935; Kruger, 1925.

⁶⁷ Объединенный архив СПбГУ. Ф. 1. Опись дел по личному составу за 1917-1941 гг. Св. 49. Д. 1580. Л. 24-24об.

руководил кафедрами античной филологии (1930/1931 уч. г.) и греческого языка и литературы (1931/1932 уч. г.), преподавал классические языки и античное источниковедение.

В 1934 г. во время набора кадров для кафедры истории древнего мира вновь открывающегося исторического факультета ЛГУ первый заведующий кафедрой С.И. Ковалев (1886–1960) привлек к преподаванию и О.О., своего коллегу по Ямфаку, ГАИМК и ЛИФЛИ. С сентября 1934 г. О.О. стал внештатным профессором кафедры истории древнего мира, в сентябре 1936 – сентябре 1938 г. – штатным (на полставки по совместительству в 1938 г.). Он читал курс источниковедения и преподавал древние языки, проводил семинары по папирологии и эпиграфике. Аспирантов у О.О. не было, лишь в августе-сентябре 1938 г. планировалось принять одного.

После ареста С.И. Ковалева с 15 июня 1938 г. О.О. был назначен временно исполняющим обязанности заведующего кафедрой, в должности оставался до сентября. Это назначение О.О. не случайно. Он был не только партийным марксистом, но и имел опыт руководства кафедрой на Ямфаке, а в марте 1935 г. был и. о. заведующего античной кафедрой в отсутствие С.И. Ковалева, пробыв при этом в отпуске с 1 июля по 1 сентября. О.О. заведовал кафедрой две недели июня и, возможно, в сентябре. Однако приказом директора ЛГУ от 7 октября О.О. был уволен за «отсутствием штатной единицы» с 1 сентября. Данная формулировка увольнения не была уникальной: по той же причине факультет тогда же покинуло еще четыре историка: новист В.В. Бирюкович (1895–1954), востоковед П.П. Иванов (1893–1942), русист А.В. Предтеченский (1893–1966), историк-марксист М.И. Юраго (1905 – после 1963). Вероятно, истинной причиной для увольнения потенциального заведующего были следующие события – сигналы о грядущем: арест 25 июня 1938 г. жены О.О. Крюгера О.А. Гесс (1893–1943), а сам О.О. был исключен из кандидатов в члены партии [Виноградов, 2023, с. 365, 368].

5 ноября того же года и сам О.О. был арестован по одному с С.И. Ковалевым делу «Ленинградского меньшевистского центра». На следствии О.О. был обвинен в участии в националистической немецкой организации «Ферейн» (в действительности – культурно-просветительское общество), что признавал и сам обвиняемый, бывший членом этого общества в 1919–1920 гг., но другие обвинения О.О. отвергал, несмотря на побои следователя. По постановлению Особого совещания при НКВД от 10 ноября в 1939 г. О.О. был выслан в Казахстан на 5 лет, однако освобожден лишь через 15 лет.

В ссылке О.О. жил в бараке на 33-й точке в 3-х км от станции Шортанды, а с 1948 г. – на самой станции и в селе Новокубанка Акмолинской области, где учительствовал, преподавая «неидеологические» дисциплины: математику, физику, астрономию. Естественно, в ссылке О.О. не мог вести научную работу как вследствие отсутствия нормальных условий существования, так и из-за отсутствия необходимой литературы, которую, впрочем, ему прислали коллеги, в первую очередь С.Я. Лурье [Дариенко, 2002, с. 121].

О.О. вернулся из ссылки в Ленинград лишь в 1955 г. Он был реабилитирован 2 февраля 1957 г. за отсутствием состава преступления. Несмотря на пошатнувшееся здоровье и возраст, О.О. активно приступает к научной деятельности: редактирует переводы своих коллег М.Е. Сергеев (Арриана, 1962 г., Варрона, 1963 г.) и Г.А. Стратановского (Страбона, 1964 г.), пишет ряд статей и рецензий по папирологии и эпиграфике [Крюгер, 1961–1965, 1962, 1963].

Возвратился О.О. и в ЛГУ, где стал профессором кафедры классической филологии филфака (1957–1964 гг.). Здесь он читал курс по римской истории, вел спецсеминар по греческому автору. Филолог-классик А.К. Гаврилов, будучи студентом филфака, посещал спецсеминар у О.О. 4 декабря 2024 г. он так вспоминал о своем общении с О.О.: «Я не могу рассказать ничего сверх редких частных впечатлений. Никаких сведений и связей в семье у меня нет. Он был как мастодонт среди каких-то варваров, как остаток великого недавнего прошлого. Когда им [студентам – А.Н.] задавалось домашнее чтение, то надо было готовить 5 книг любого историка, по месту из каждой. Да, он рассказывал, как учился у Ростовцева, у Жебелёва и т. д. Кроме того, попал в страшную политическую ситуацию. Ведь немцы были то друзья закадычные, то враги, и это каждый день менялось. Вот он и оказался в этом. В общем,



у него была такая желчь и презрительное отношение к окружающему его. Ну вот с современной ему молодежи ему было скучно. Мы с ним вдвоём читали Менандра, а я потом решил сделать перевод. И это вызвало у него полное отрицание, что ничего из того, чему он меня учил, там не было отражено. И, думаю, что он был прав. Для меня это были первые тексты, а мне просто нравилось, что можно какие-то реплики высказывать, а уклона к искусству Менандра никакого. Это не значит, что он плохо ко мне относился. И сейчас так бывает, что [есть] курс, с которым ничего общего. Он был прекрасный знаток. Аристид Иванович [Доватур] относился к нему как к старшему товарищу, нам его представил, позвал в кружок. Это было событие. Он рассказал нам о старой жизни. Так что он был крупным явлением среди всеобщего развала. Патриарх среди руин. Это всё, что я могу сказать» (записала магистрантка Ю. Исмаилова).

Заключение

О.О. стоял у истоков советской папирологии, однако в силу тяжелых жизненных обстоятельств ему не удалось создать свою научную школу, не было у него и известных учеников. В последние два года жизни здоровье О.О. ухудшилось, он прекратил преподавание и скончался на 74-м году жизни после длительной болезни 12 апреля 1967 г. [Фихман, 1967, с. 171].

Список источников

- Личное дело О.О. Крюгера, 1938 г. В: ОАУ, ф. 1, опись дел по личному составу за 1917–1941 гг. Св. 49. Д. 1580. Л. 1–36.
Аппиан. 1935. Гражданские войны. Пер. с греч. под ред. С.А. Жебелева, О.О. Крюгера (Известия ГАИМК. Вып. 129). Ленинград, ОГИЗ, 351.

Список литературы

- Виноградов Ю.А. 2013. Отто Оскарович Крюгер. В: *Академическая археология на берегах Невы*. Санкт-Петербург, Д. Буланин: 23.
Виноградов Ю.А. 2023. Отто Оскарович Крюгер: Эскиз к портрету ученого. В: *Археологические вести*. Вып. 41: 361–372.
Дариенко В.Н. 2002. Президент ГАИМК в ссылке (заметки к биографии советского папиролога). В: *Південний архів*. Історичні науки. Вип. 9: 112–130.
Крюгер О.О. 1921. Надгробие Леокса, сына Молпагора. В: *Известия РАИМК*. 1921. Т. 1: 41–50.
Крюгер О.О. 1925. Эпиграфические мелочи (греческие надписи из Ольвии). В: *Известия РАИМК*. Т. 4: 81–96.
Крюгер О.О. 1934а. Папирологические заметки. В: *Проблемы истории докапиталистических обществ*. 9–10: 204–210.
Крюгер О.О. 1934б. Рабские восстания II–I вв. до н. э. как начальный этап революции рабов. В: *Известия ГАИМК*. Вып. 76: 111–131.
Крюгер О.О. 1934в. Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций. В: *Сборник к 50-летию со дня смерти Карла Маркса* (Известия ГАИМК. Вып. 90). Москва, Ленинград, ГАИМК: 378–400.
Крюгер О.О. 1934 г. Эллинизм (социально-экономический очерк). В: *Проблемы истории докапиталистических обществ*. 11–12: 181–201.
Крюгер О.О. 1934д. Движение античных рабов в доэллинистическую эпоху. В: Богаевский Б.Л., Жебелев С.А., Ковалев С.И., Крюгер О.О., Тюменев А.И., Шмидт Р.В. *Из истории античного общества* (Известия ГАИМК. Вып. 101). Москва, Ленинград, ГАИМК: 116–138.
Крюгер О.О. 1935. Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте. В: Альтман М.С., Граков Б.Н., Крюгер О.О., Ляковский С.А., Шмидт Р.В. *Из истории материального производства античного мира*. Отв. ред. С.И. Ковалев (Известия ГАИМК. Вып. 108). Москва, Ленинград ГАИМК: 7–114.
Крюгер О.О. 1961–1965. Неизданные папирусы и другие тексты Государственного Эрмитажа. В: *Вестник древней истории*. 1961. 2: 97–102; 1964. 2: 118–128; 1965. 2: 103–106.

- Крюгер О.О. 1962. Арриан и его труд «Поход Александра». В: Арриан. *Поход Александра*. Пер. с древнегреч. М.Е. Сергеенко. Москва, Ленинград, Издательство АН СССР: 5–44.
- Крюгер О.О. 1963. Затворники в птолемеевском Египте. В: *Проблемы социально-экономической истории древнего мира: Сборник памяти академика А.И. Тюменева*. Пред. ред. колл. В.В. Струве. Москва, Ленинград, Издательство АН СССР: 248–254.
- Крюгер О.О., Церетели Г.Ф. 1918. Медицинский папирус Музея Александра III в Москве. В: *Известия РАН*. 1918. Серия 6. 18: 1261–1278.
- Тихонов И.Л. 2022. Отзыв О.О. Крюгера на рукопись С.А. Жебелева «История Русского археологического общества за третью четверть века своего существования». В: *Мнемон*. Вып. 22. 1–2: 222–228.
- Фихман И.Ф. 1967. Отто Оскарович Крюгер (1893–1967). В: *Вестник древней истории*. 3: 170–171.
- Kryuger O. 1925. Zum Thebanischen Aufstand von 88 v. Chr. In: *Raccolta di scritti in onore di Giacomo Lumbroso (1844–1925)*. Milano: 316–318.
- Kryuger O. 1929. Papyri russisher und georgischer Sammlungen. Bd. II: Ptolemaische und fruhromische Texte. Tiflis, Universitaets Lithographie, 1232.
- Zereteli G., Krueger O. 1925. Papyri russisher und georgischer Sammlungen. Bd. I: Literarische Texte. Tiflis, Universitaets Lithographie, 1232.

References

- Vinogradov Yu.A. 2013. Otto Oskarovich Kryuger [Otto Oskarovich Krueger]. V: *Akademicheskaya arheologiya na beregah Nevy* [Academic Archaeology on the Banks of the Neva]. Saint Petersburg, D. Bulanin, 2013: 23.
- Vinogradov Yu.A. 2023. Otto Oskarovich Kryuger: Eskiz k portretu uchenogo [Otto Oskarovich Krueger: Sketch to Portrait of a Scientist]. In: *Arheologicheskie vesti* [Archaeological news]. Vyp. 41: 361–372.
- Darienko V.N. 2002. Prezident GAIMK v ssylke (zametki k biografii sovetskogo papirologa) [The President of GAIMK in Exile (Notes on the Biography of a Soviet Papyrologist)]. In: *Pivdennij arhiv. Istorichni nauki* [Southern Archive. Historical Sciences]. T. 9: 112–130.
- Kryuger O.O. 1921. Nadgrobie Leoksa, syna Molpagora [Tombstone of Leox, son of Molpagoras]. In: *Izvestiya RAIMK* [News of RAIMK – Russian Academy of the History of Material Culture]. 1921. T. 1: 41–50.
- Kryuger O.O. 1925. Epigraficheskie melochi (grecheskie nadpisi iz Ol'vii) [Epigraphic Trivia (Greek Inscriptions from Olbia)]. V: *Izvestiya RAIMK* [News of RAIMK]. T. 4: 81–96.
- Kryuger O.O. 1934a. Papirologicheskie zametki [Papyrological Notes]. V: *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of the History of Pre-Capitalist Societies]. 1934. 9 10: 204–210.
- Kryuger O.O. 1934b. Rabskie vosstaniya II I vv. do n. e. kak nachal'nyj etap revolyucii rabov [Slave Revolts of the 2nd-1st Centuries BC as the Initial Stage of the Slave Revolution]. V: *Izvestiya GAIMK* [News of GAIMK – State Academy of the History of Material Culture]. Vyp. 76: 111–131.
- Kryuger O.O. 1934v. Karl Marks i problemy istorii dokapitalisticheskikh formacij [Karl Marx and the Problems of the History of Pre-Capitalist Formations]. V: *Sbornik k 50-letiyu so dnya smerti Karla Marksa* [A Collection for the 50th Anniversary of Karl Marx's Death]. (Izvestiya GAIMK. Vyp. 90 [News of GAIMK]). Moscow, Leningrad, GAIMK: 378–400.
- Kryuger O.O. 1934g. Ellinizm (social'no-ekonomicheskij ocherk) [Hellenism (Socio-Economic Essay)]. V: *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of the History of Pre-Capitalist Societies]. 11–12: 181–201.
- Kryuger O.O. 1934d. Dvizhenie antichnyh rabov v doellinisticheskuyu epohu [Movement of Ancient Slaves in the Pre-Hellenistic Era]. V: *Bogaevskij B.L., Zhebelev S.A., Kovalev S.I., Kryuger O.O., Tyumenev A.I., Shmidt R.V. Iz istorii antichnogo obshchestva* [From the History of Ancient Society]. (Izvestiya GAIMK. Vyp. 101 [News of GAIMK]). Moscow, Leningrad, GAIMK: 116–138.
- Kryuger O.O. 1935. Sel'skohozyajstvennoe proizvodstvo v ellinisticheskom Egipte [Agricultural Production in Hellenistic Egypt]. V: *Al'tman M.S., Grakov B.N., Kryuger O.O., Lyaskovskij S.A., Shmidt R.V. Iz istorii material'nogo proizvodstva antichnogo mira* [From the History of Material Production in the Ancient World]. Otv. red. S. I. Kovalev (Izvestiya GAIMK. Vyp. 108 [News of GAIMK]). Moscow, Leningrad, GAIMK: 7–114.



- Kryuger O.O. 1961–1965. Neizdannye papirusy i drugie teksty Gosudarstvennogo Ermitazha [Unpublished Papyri and Other Texts from the State Hermitage Museum]. V: Vestnik drevnei istorii [Herald of Ancient History]. 1961. 2: 97–102; 1964. 2: 118–128; 1965. 2: 103–106.
- Kryuger O.O. 1962. Arrian i ego trud «Pohod Aleksandra» [Arrian and his Work "The Campaign of Alexander"]. V: Arrian. Pohod Aleksandra [Arrian. Alexander's Campaign]. Per. s drevnegrech. M.E. Sergeenko. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR: 5–44.
- Kryuger O.O. 1963. Zatvorniki v ptolemeevskom Egipte [Recluses in Ptolemaic Egypt]. V: Problemy social'no-ekonomicheskoy istorii drevnego mira: Sbornik pamyati akademika A.I. Tyumeneva [Problems of the Socio-Economic History of the Ancient World: A Collection in Memory of Academician A.I. Tyumenev]. Pred. red. koll. V.V. Struve. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR: 248–254.
- Kryuger O.O., Cereteli G.F. 1918. Medicinskij papirus Muzeya Aleksandra III v Moskve [Medical Papyrus from the Alexander III Museum in Moscow]. V: Izvestiya RAN [Izvestia of the Russian Academy of Sciences]. 1918. Seriya 6. 18: 1261–1278.
- Tihonov I.L. 2022. Otzyv O.O. Kryugera na rukopis' S.A. Zhebeleva «Istoriya Russkogo arheologicheskogo obshchestva za tret'yu chetvert' veka svoego sushchestvovaniya» [Review by O.O. Kruger of S.A. Zhebelev's Manuscript "History of the Russian Archaeological Society for the Third Quarter of a Century of Its Existence"]. V: Mnemon [Mnemon]. Vyp. 22. 1–2: 222–228.
- Fihman I.F. 1967. Otto Oskarovich Kryuger (1893–1967) [Otto Oskarovich Kruger (1893–1967)]. In: Vestnik drevnei istorii [Herald of Ancient History] 3: 170–171.
- Kryuger O. 1925. Zum Thebanischen Aufstand von 88 v. Chr. In: *Raccolta di scritti in onore di Giacomo Lumbroso (1844–1925)*. Milano: 316–318.
- Kryuger O. 1929. Papyri russisher und georgischer Sammlungen. Bd. II: Ptolemaische und fruhromische Texte. Tiflis, Universitaets Lithographie, 1232.
- Zereteli G., Krueger O. 1925. Papyri russisher und georgischer Sammlungen. Bd. I: Literarische Texte. Tiflis, Universitaets Lithographie, 1232.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.10.2025

Received 01.10.2025

Поступила после рецензирования 27.11.2025

Revised 27.11.2025

Принята к публикации 30.11.2025

Accepted 30.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Нефёдкин Александр Константинович, доктор исторических наук, заведующий лабораторией исторической антропологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9033-6864](https://orcid.org/0000-0002-9033-6864)

Alexander K. Nefedkin, Doctor of Sciences in History, Head of the Laboratory of Historical Anthropology, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

УДК 94(495)01

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-889-900

EDN LPFSHY

Оригинальное исследование

Позднеантичный город Китей и его исследования к середине 2020-х гг.

Ермолин С.А. Институт археологии РАН, Отдел сохранения археологического наследия,
Россия, 117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19E-mail: ermolinsa@mail.ru

Аннотация. Работа представляет собой характеристику слоя и находок позднеантичного времени в Китее – важнейшем городе юго-восточного Боспора. Основной вклад в его изучение внесла экспедиция Е.А. Молева (1970/1974–2017). С начала 1990-х гг. были пересмотрены датировки более ранних памятников, а новые работы позволили представить позднеантичный период в городе в целом. Предпринято описание раскопок I, II, III, IV, где были сделаны позднеантичные находки и установлен позднеантичный слой. Также сделано описание основного материала на главной части китейского некрополя, включая его юго-западный участок (раскопки В.А. Хршановского). Особо выделен северный участок некрополя у сопки Джурга Оба (раскопки А.Л. Ермолина). Делается вывод, что позднеантичный период истории и материальной культуры Китея выглядит столь весомо, что город может считаться эталонным памятником на Европейском Боспоре для этого периода (помимо Тиритаки). С 2023 г. работы на памятнике не ведутся, что создает возможность для некоторых исторических обобщений.

Ключевые слова: Китей, Боспор, раскопки, Е.А. Молев, поздняя античность

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Ермолин С.А. 2025. Позднеантичный город Китей и его исследования к середине 2020-х гг. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 889–900. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-889-900. EDN: LPFSHY

Late Antique Town Kyta and its Research up to the Mid-2020s

Semyon A. Ermolin Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences,
Department of Archaeological Heritage Preservation,
19 Dm. Ulyanov St., Moscow 11729, RussiaE-mail: ermolinsa@mail.ru

Abstract. The paper describes the characteristics of the layer and finds from the Late Antique period in Kyta, the most important city in the southeastern Bosphorus. The expedition led by E.A. Molev (1970/1974–2017) made a major contribution to its study. Since the early 1990s, dating of earlier sites has been revised, and new dates have allowed us to understand the Late Antique period in the city as a whole. A description of excavations I, II, III, and IV, where Late Antique finds were made and the Late Antique layer was established, is provided. A description of the primary material from the main part of the Kyta's necropolis, including its southwestern section (excavations by V.A. Khrshanovsky), is also undertaken. The northern section of the necropolis near the Dzhurga Oba hill (excavations by A.L. Ermolin) is particularly highlighted. It is concluded that the late antique period of Kyta's material culture is so significant that the city can be considered a benchmark site in the European Bosphorus for this period (aside from Tiritaka). Since 2023, work on the site has been suspended, allowing for some historical generalizations.



Keywords: Kyta, Bosphorus, excavations, E.A. Molev, late antiquity

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Ermolin S.A. 2025. Late Antique Town Kyta and its Research up to the Mid-2020s. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 889–900 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-889-900. EDN: LPFSHY

Введение

Среди городов европейской части Боспора выделяется город на юго-востоке Керченского полуострова – Китей, расположенный западнее мыса Такиль, фланкирующего юго-западный вход в Керченский пролив. Материал позднеантичного времени встречается здесь с начала археологического изучения [Молев, Сазанов, 1991, с. 63].

Однако история как самих исследований, так и главным образом датировок и исторических интерпретаций этого материала была весьма сложной. С 30-х по 80-е годы XX в. существование данного периода на Боспоре отрицалось, так как считалось, что весь Боспор погиб в ходе гуннского нашествия 370-х гг. Однако и до 1930-х гг., и с начала 1990-х материал IV–VI вв. вполне определенно имелся, что позволило передатировать и выстроить в единую систему хронологию позднеантичного Боспора. Однако для каждого из городов такая работа еще не проделана.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает боспорский город Китей и его материальная культура, которая позволяет сделать выводы о содержании позднеантичного периода его истории. Также дан очерк истории исследования городища и некрополя. Основываясь на методологических принципах объективности и историзма, в работе применялись методы контент-анализа содержания источников, историко-генетический для показа истоков изучаемых явлений, а также метод анализа и синтеза.

Результаты и их обсуждение

Китей в 1820 г. был первоначально исследован Полем Дюбрюксом, который составил план городища [Дюбрюкс, 1858, с. 69]. В 1918 г. городище было окончательно отождествлено с Китеем благодаря находке надписи на культовом столе.

В 1927–1929 гг. Китей исследовал Ю.Ю. Марти. Раскопки проводились как на городище, так и на северной части некрополя – участке Джурга Оба. После этих раскопок Марти определил хронологические рамки существования Китея по полученному им материалу с V в. до н. э. до VI в. [Марти, 1928, с. 8].

В 1957 г. на Китее работал отряд Боспорской экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Н.С. Беловой [Белова, 1961, с. 83–90]. Был выявлен слой пожара, по которому гибель города была датирована IV в. в связи с гуннским нашествием.

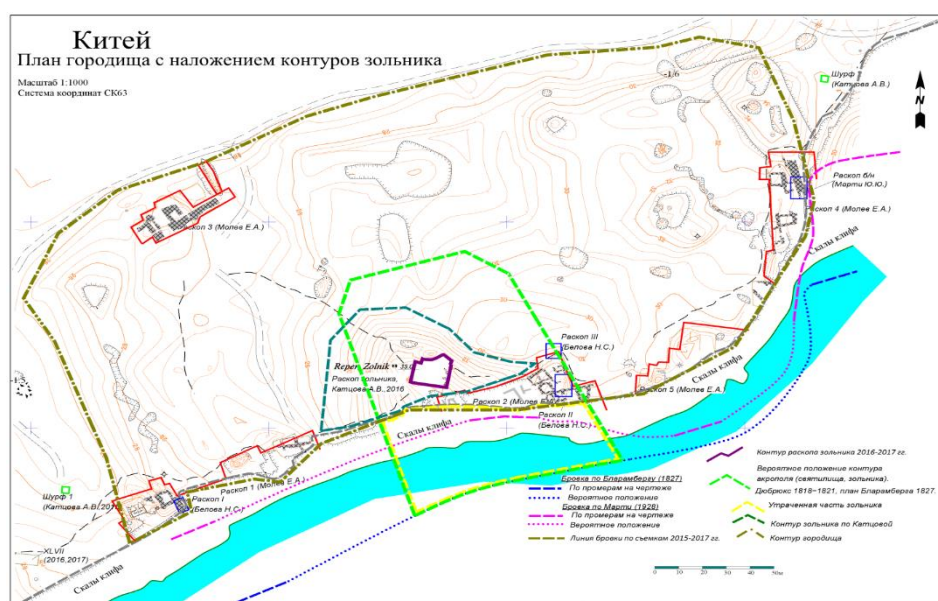
С 1970 по 1973 гг. раскопки Китея проводила С.С. Бессонова. В 1974 г. ту же экспедицию возглавил Е.А. Молев (до 1978 г. – сотрудник Керченского музея, далее – Белгородского пединститута, а с 1992 – Нижегородского университета). При этом после перерыва 1996–2004 гг., во второй период работ, с 2005 г. частью экспедиции стал отряд БелГУ во главе с Н.Н. Болговым [Болгов, 2020, с. 49–58]. Последний сезон молевской экспедиции состоялся в 2017 г.

Параллельно, в 2015 г. были проведены первые разведочные работы на городище новой Китейской экспедиции Государственного Эрмитажа (СПб.) во главе с А.В. Катцовой, а с 2016 г. начались ее полноценные раскопки на зольнике. С 2019 г. белгородский отряд молевской экспедиции вошел в состав экспедиции Эрмитажа. В целом последний на данное время полевой сезон состоялся в 2022 г., после чего территория городища вошла в охранную зону Крымского моста, и дальнейшие работы стали невозможны.

Позднеантичный материал сделал Китей со временем одним из базовых памятников Боспора данного времени. Однако история его выявления и признания растянулась на длительное время.

Наиболее полное описание истории исследования Китея дается в трехтомнике Е.А. Молева «Боспорский город Китей», где подводятся итоги всего исследования городища. В первом томе (2010) даны подробные описания раскопов, в том числе и с материалом и постройками последней фазы жизни Китея [Молев, 2010]. Второй том вышел в 2016 г. [Молев, Молева, 2016]. Результаты последних работ опубликованы в 2022 г. [Молев, Молева, 2022]. Именно в 3 томе проведено выделение слоев по хронологии по каждому из раскопов. Большое внимание позднему Китею уделил в своих работах и Н.Н. Болгов [Болгов, 1996, с. 52–54; Болгов, 2021, с. 153–156, 253–238]. Единственная специальная статья о позднеантичном Китее вышла в 1991 г. [Молев, Сазанов, 1991]. Накопившийся к настоящему времени материал нуждается в новом обобщении.

Городище представляет собой вытянутый в широтном направлении прямоугольник, южная часть которого выходит ныне на высокий (до 30 м) обрыв и в значительной мере обрушилась в море в результате абразии. Раскопками 1957, 1970–2022 гг. был сформирован план городища. Раскоп I охватил юго-западную прибрежную часть от стены внутрь города. Раскоп II исследовал сакральную часть, район святилищ к востоку от зольника (опять-таки на современном берегу) – топографической доминанты городища. Раскоп III (единственный не прибрежный) открыл северную стену и Северные ворота. Раскоп IV сосредоточен на помещениях, примыкающих к восточной стене с внутренней ее стороны. Раскоп V расположен юго-западнее четвертого по обрывистому берегу. Эрмитажная экспедиция в 2016 г. начала раскопки на вершине зольника; этот участок можно назвать раскопом VI. Наконец, локальный эпизод с раскопками Н.В. Кузиной (ННГУ) с открытым листом, но без экспедиции (2019–2022), охватил участок между раскопами V и II и условно может быть назван раскопом VII.



Китей. План городища [Молев, Молева, 2022, с. 13]

Kyta. Site plan [Molev, Moleva, 2022, p. 13]

История определения и изучения позднеантичного слоя на городище непростая. Хотя этот слой расположен сверху, совершенно очевидно, что на любом античном памятнике первые штыки перемешаны и в наибольшей степени разрушены, в том числе из-за антропогенного воздействия новейшего времени. Но для Китея, как и для других городов Боспора, проблема осложняется спецификой датировок, которые до конца 1980-х гг. подгонялись под концепцию гуннского разгрома. Поэтому появление позднеантичного слоя на Китее происходило сначала через отдельные вещи, далее через передатировки уже известного материала и, наконец, путем сложения общей картины в результате новых работ.

В 1957 г. в юго-западной приморской части города был заложен *раскоп I* с жилыми и хозяйственными постройками. Место для первого раскопа было выбрано с учетом лучшей сохранности западной стены. Отсюда и далее работы на раскопе велись вдоль берега в направлении центра города, нося охранно-спасательный характер в силу абразии берега. В последующие годы вплоть до 2021 г. различные исследованные участки охватили почти весь берег между западной стеной и зольником. Был зафиксирован достаточно определенный слой конца IV – 2-й четверти VI вв. [Молев, Сазанов, 1991, с. 63]. Архитектурные сооружения существовали здесь до VI в. [Молев, 1991, с. 5]. В ранних публикациях датировки были иными, но в 1991 г. была сделана передатировка и попытка выделения всего слоя на раскопе. Более системно слой описан в 2022 г. [Молев, Молева, 2022, с. 14–15]. Несмотря на то, что слой в значительной мере перемешан, в нем преобладают материалы III–V вв.; также встречаются отдельные предметы VI в. Из отдельных вещей наиболее важны фрагмент краснолаковой тарелки типа LRC с крестом (470–580 гг.), донце стеклянного канфара III–IV вв. Отдельные позднеантичные предметы найдены и в слое 2 римского времени (I–III вв.): два донца с крестами LRC (VI в.) и донце со штампом в виде бегущего зайца (V–VI вв.) [Молев, Молева, 2022, с. 17]. Отмечается факт работ по укреплению города в III–VI вв., что свидетельствует о разорении части города врагами [Молев, Молева, 2022, с. 41].

Раскоп II начал исследоваться на отдельных участках еще в 1957 г., но системно – уже в 1970-е гг.: когда за ним закрепился этот номер. Это территория, прилегающая к зольнику (культовому холму в центре городища) с востока, площадью 326,5 кв. м [Молева, 1989, с. 70]. На ней работы продолжались до 2015 г. силами экспедиции Е.А. Молева, а в 2020–2021 гг. новую прирезку к раскопу с восточной стороны сделала Н.В. Кузина. В целом раскоп II представляет собой более широкий участок, по форме близкий к квадрату, а не только узкую полосу вдоль берега.

Уже в ранних отчетах и публикациях отмечалось наличие позднеантичного слоя, первоначально датированного III–IV вв., мощностью в 9 штыков. Но уже тогда отдельные находки датировались и началом V в. [Молев, 1990, с. 2]. Под кладкой 11 были найдены поздние монеты и фрагменты керамики IV в. [Молев, 1994, с. 201]. Есть обломки стекла с синими каплями, надежно датируемые V в. [Молев, 1991, с. 6].

В дальнейшем как новые материалы, так и передатировки прежних позволили передатировать позднеантичный слой на V–VI вв. Описание первого (верхнего) слоя было сделано в 2022 г. и датировано по большинству материалов III–V вв. [Молев, Молева, 2022, с. 42–70]. Это остатки помещений А, В, Г, Д, Ж, З, И, составлявших единый комплекс восточной ограды зольного холма, а также кладки 87 и вымостки 89. Слой сильно перемешан. Слой в целом имеет мощность от 0,5 до 1,6 м.

В начале 90-х гг. были открыты фрагменты амфор V в., христианская лампада V–VI вв. [Молев, Сазанов, 1991, с. 64], а также слой пожара, датируемый ныне 2-й четвертью VI в. [Молев, Сазанов, 1991, с. 64]. В помещении А, датируемом концом III в., были открыты целиком сохранившиеся две амфоры IV в. Полукруглое сакральное помещение Г просуществовало до конца истории города [Молев, Молева, 2022, с. 57]. Помещение В датируется началом IV в.; во дворе помещения найдены позднеримская монета V в. и фрагменты донца краснолаковой чаши со штампованным крестом IV–VI вв., стенка сосуда с каплями синего стекла V в., что говорит о перестройке в позднеримский период [Молев, Молева, 2022, с. 63–64, 108–109]. Помещение 3 функционировало в конце III–V вв. При разборе печи 103 в помещении И был найден клад из 111 позднебоспорских монет, последняя – 336 г. [Молев, Молева, 2022, с. 69]. До конца IV в. функционировало сооружение 65.

Центральная часть участка святилищ в позднеантичный период оказалась заброшенной [Молева, 1999, с. 125; Молева, 2002, с. 17, 19–22, 76, 95–96; Молева, 2002а, с. 188]. По итогам работ 2008–2011 гг. было установлено, что северо-восточный участок раскопа также имеет позднеантичные материалы [Молев, Молева, 2014, с. 102–114].

На *III раскопе* (северная стена города с Пантикапейскими воротами), единственном, не выходящем к морю, активные работы велись во 2-й половине 80-х и начале 90-х гг. В верхнем слое имела керамика III–IV вв. [Молев, 1986, с. 3]. Более важное значение имел шурф 2 в восточной части раскопа (2008 г.). Выделенный в шурфе первый слой датирован 2-й пол. III – сер. VI в.) [Молев, Молева, 2022, с. 119–122]. Материал – позднебоспорские амфоры, краснолаковые тарелки типа С (470–580 гг.), стенки сосудов с каплями синего стекла (V в.).

На восточном участке крепостной стены и прилегающих участках (*раскоп IV*) работы носили наиболее сложный характер, так как здесь наиболее быстро идет абразия, разрушившая за последнее столетие южный участок восточной крепостной стены. В целом раскоп вытянут в меридиональном направлении вдоль обрыва, но в северной своей части в 2021–2022 гг. получил расширение на запад.

Самые активные работы велись здесь в 1980-е – 1-й половине 1990-х гг. В 1986 г. здесь был открыт позднеантичный комплекс, где исследовалось помещение с тарапаном и амфорами конца V – 3-й четв. VI вв. [Молев, 1986, с. 5]. В слое найден золотой солид Юстиниана I [Молев, 1990, с. 114–115; Молев, Молева, 2022, с. 348]. Также есть фрагменты краснолаковых блюд с крестами, 12 лампад [Молев, 2004, с. 408–412]. 23 фрагмента сосудов с каплями синего стекла (16 – на IV раскопе) надежно датируются V в. [Молев, 2020, с. 6–21].

Помещение Г (кладки 40, 42, 43) функционировало до сер. VI в. как домашняя винодельня [Молев, 1986, с. 6].

В 1993 г. было раскопано помещение 3, полностью сгоревшее в результате локального пожара. Находки: бронзовый перстень с инкрустацией, позднебоспорская амфора, пифос, девятирожковый светильник, миска со штампованным крестом, позднебоспорская монета. Эта «мастерская» площадью ок. 30 кв. м. датируется V – началом VI вв. [Молев, Молева, 1994, с. 265].

Работы 2016–2017 гг. на южном участке раскопа IV на площади 82 кв. м (помещения К и Л) дали замечательные находки – ритуальное блюдо с вырезанным от руки на дне крестом с голубками (сграффито) конца V – начала VI вв. [Молев, Молева, 2017, с. 222–227; Молев, Молева, 2022, с. 140]. Там же был найден второй золотой солид Юстиниана, дающий надежную датировку VI в. [Молев, Молева, 2022, с. 144, 348]. Есть донце краснолаковой тарелки с клеймом в виде головы собаки (VI в.). Верхний слой в целом датирован концом III – VI вв. [Молев, Молева, 2022, с. 128–130].

Раскоп V, призванный обнаружить круглое здание («театр») на юго-востоке городища, известное по ранним планам, не выполнил эту задачу, так как здание скорее всего стало жертвой абразии. Соответственно, позднеантичный слой здесь не установлен.

С 2016 г. начались раскопки на основной (верхней) части зольника, который, в продолжение общей исторической нумерации раскопов, можно назвать *раскопом VI*. Работы продолжались до 2022 г. включительно (за исключением сезона 2020 г.) [Катцова, 2020, с. 27–48]. Специальная публикация, посвященная позднеантичному периоду на зольнике, вышла лишь одна [Катцова, 2022, с. 54–60]. Новейшими работами установлено, что если северо-восточный участок зольника вплоть до VI в. по-прежнему оставался сакральным пространством, то западная его часть использовалась преимущественно для хозяйственных целей, что свидетельствует о смене функционального назначения этой части объекта в позднеантичное время.

Работы Н.В. Кузиной на участке между раскопами V и II (условно *раскоп VII*) пока не опубликованы.

Обследование территории за городскими стенами, проделанное в 2019 г. А.В. Катцовой, показало, что часть городской территории выходила за пределы стен в северном и западном направлениях [Катцова, 2020, с. 27–48], но не в восточном, образуя своеобразный «посад», в том числе и в позднеантичное время.

В целом в данный период жизнь продолжалась в восточной, центральной и западной приморских частях городища. Вероятно, в VI в. в городе был размещен византийский гарнизон [Молев, 2000, с. 44]. Последний период истории города был относительно мирным, а гибель его, по мнению Е.А. Молева, была вызвана обезвоживанием района [Молев, 1985, с. 61].

Некрополь. Некрополь Китея за многие столетия постепенно заполнил территорию ближней хоры к северо-востоку, северу и юго-западу от городища. Северной границей некрополя является цепь сопков Джурга Оба. Позднеантичные склепы Китея у северной границы его некрополя впервые были открыты Ю.Ю. Марти в 1920-е гг. В 1959 г. их описал В.Ф. Гайдукевич [Гайдукевич, 1959, с. 223–238]. С 1989 по 2022 г. главные работы на основной территории некрополя были выполнены В.А. Хршановским. В 2001–2009 гг. на северном участке Джурга Оба работала Керченская охранный экспедиция А.Л. Ермолина.

По погребальным комплексам можно установить, что некрополь в целом существовал как минимум до конца V в., а по отдельным погребениям – до конца VI в. [Хршановский, 1998, с. 104].

Еще В.Ф. Гайдукевич отмечал, что все известные к его времени склепы использовались многократно, быть может, до V в. [Гайдукевич, 1959, с. 236]. Это особенно важно, так как современные датировки доводят существование склепов до 2-й пол. V – VI вв. [Гайдукевич, 1959, с. 237].

С 1989 по 2008 г. на некрополе Китея работала экспедиция ГМИР (СПб.) во главе с В.А. Хршановским. Позднеантичные слои были в центре внимания археологов в силу естественных причин (расположение слоев). В силу же специализации экспедиции основное внимание ученых привлекли вопросы эволюции религиозной жизни и духовной культуры. С 2009 г. работы продолжила та же экспедиция, но под эгидой БФ «Деметра». Несмотря на смену «вывески», характер работ не претерпел изменений. С 2014 г. изменилось основное место работ: вместо внутренней территории к северо-востоку от городища они сосредоточились теперь на юго-западном участке некрополя, в зоне интенсивной береговой абразии. Начальник экспедиции В.А. Хршановский стал работать от Института археологии РАН (Москва). Последний сезон состоялся в 2022 г., а в дальнейшем территория памятника вошла в полосу отчуждения Крымского моста.

На юго-западном участке некрополя спасательные работы начались ещё в 1992 г. исследованием грабительских шурфов. До 2009 г. здесь были заложены пять раскопов (XXIII, XXV, XXXIII, XXXIII-A, XL), в которых открыты три монументальных склепа, сложенных из блоков и плит известняка (№ 141, 206, 300), один грунтовый склеп (№ 344), около 40 грунтовых и плитовых могил, а также многочисленные остатки тризн [Хршановский, 2017, с. 208–228; Хршановский, 2018, с. 249–258; Хршановский, 2013, с. 491–496; Хршановский, 2000, с. 248].

Работами с 2009 г. были заложены два новых раскопа (XLVI, XLVII), в которых обнаружены закрытые комплексы. Это позволило датировать материалы временем от 2-й пол. IV – начала III вв. до н. э. до конца III – IV вв.

Полностью раскопанный склеп № 344 дал погребальную культуру, идентичную ранее выявленной в центральной части некрополя Китея в склепах № 263, 265, 269. Датировка – IV век. Склеп № 145 может быть датирован 1-й пол. V в. [Хршановский, 1996, с. 73; Хршановский, 1998а, с. 80–81]. Склеп № 206 на раскопе 23 использовался как сакральное место для жертвоприношений и тризн. Датировка – III–IV вв. [Тульпе, Хршановский, 1999, с. 78–82]. Склеп № 265 датируется 2-й пол. IV в. [Хршановский, 2001, с. 138–141]. Склеп № 263 дал: золотые пронизи, бляшки, ряд бронзовых украшений, железных изделий, позднебоспорские монеты, фрагменты стекла, золотой перстень с сердоликовой вставкой, фрагменты погребального венка из золотой фольги. Склеп № 269: индикация желтого металла с оттиском головы императора (Максимиана?): 1-я треть IV в. [Хршановский, 2002а, с. 313–323]. Склеп № 314 содержит материалы 2-й пол. III – нач. V вв. [Хршановский, 2002, с. 144–145].

В целом В.А. Хршановский делает вывод о том, что время возникновения и функционирования грунтового некрополя к юго-западу от Китейского городища (западнее раскопа I) – конец III – IV вв. [Ханутина, Хршановский, 2009, с. 58–65].

Материалы позднеантичного времени, полученные вплоть до последнего сезона работ, регулярно публиковались [Павличенко, Хршановский, 2020, с. 289–306; Хршановский, 2020, с. 407–425]. Есть и публикации, близкие к итоговым [Ханутина, Хршановский, 2021, с. 117–136; Хршановский, 2023, с. 154, 168].

С 2001 по 2009 г. раскопки участка **Джурга Оба** велись Керченской охранно-археологической экспедицией под руководством А.Л. Ермолина. В работах принимали участие студенты Дрогобычского университета им. Ивана Франко и БелГУ во главе с М.Л. Рябцевой (сезоны 2006–2009).

В ходе работ были повторно исследованы склепы №№ 1–5, описанные В.Ф. Гайдукевичем, а также еще 40 вновь выявленных грунтовых склепов и 22 грунтовые и подбойные могилы. Некрополь в целом может занимать около 20 га, где может находиться от 200 до 500 склепов семейного типа.

О присутствии готов на некрополе можно судить по украшениям, характерным для готского женского костюма [Ермолин, 2007, с. 92–97; Ермолин, 2009, с. 206–220; Ермолин, 2009а, с. 166–178], а также мечам-скрамасаксам в склепе № 7 [Ермолин, 2003, с. 8–42]. После захоронения непосредственно у склепа проходила погребальная тризна. Центральной частью тризны был жертвенник в виде небольшого каменного корыта [Ермолин, 2004, с. 11–37] с отверстием в середине, около которого разводился огонь. В погребально-поминальный обряд входило и захоронение коней или головы коней со шкурой и нижними частями ног [Ермолин, 2003, с. 22].

Склеп № 1 использовался до IV в. Склеп № 3 дал блюдо со штампованным крестом с расширяющимся перекрестьем. Еще одно дно со штампом – четырехлопастной розеткой. Дата – 2-я пол. V в. (у Гайдукевича – IV в.) [Гайдукевич, 1959, с. 230]. В засыпи склепа – многочисленные обломки мрамора со следами букв. Склеп № 4 датируется фрагментами стекла с синими каплями. Это V в., а не IV [Гайдукевич, 1959, с. 232]. Склеп № 5 дал краснолаковое блюдо с многолинейным гребенчатым орнаментом. Дата – 2-я пол. V в. (у Гайдукевича – IV в.) [Гайдукевич, 1959, с. 235]. Грунтовый склеп № 6 расположен несколько южнее прочих, у основания кургана Джурга Оба. Среди инвентаря – две золотые бусины, стакан, целый стеклянный шарообразный кувшин. Датирующий материал – краснолаковая тарелка с энгифическим крестом на дне. Есть фрагменты еще одной тарелки со штампом в виде сосуда или корзины. Дата – 2-я пол. V в. Неразграбленные богатые женские захоронения открыты в склепах № 29 и № 40, соответственно, в 2007 и 2008 гг. Наконец, в 2009 г. были открыты погребения готского круга в земляных склепах с богатым инвентарем [Ермолин, 2013–2014, S. 352–361].

Участок Джурга Оба прекращает свое существование при нападении тюркютов в 570-е гг.; более поздних захоронений на этой площади нет.

Заключение

Сезоны 2023 и 2024 г. были последними, когда Китейское городище посещалось специалистами, и даже проводились некоторые работы силами студентов по расчистке раскопов от сезонной растительности (во главе с Н.Н. Болговым). С 2025 г. исчезла легальная возможность и для этого, так как памятник вошел в территорию с особым режимом близ Керченского пролива. В исследованиях Китея наступил перерыв на неопределенное время. Это дает возможность еще раз взглянуть на позднеантичный период его истории на основании результатов раскопок его соответствующего слоя и отдельных находок на городище и на некрополе. Исходя из проанализированного материала Китей может претендовать на роль эталонного памятника позднеантичного времени на Европейском Боспоре (помимо Тиритаки, уже имеющей такую характеристику).

Благодарности

Автор выражает искреннюю благодарность всем руководителям археологических работ в Китее, прежде всего Евгению Александровичу Молеву (1947–2021) и Наталье Владимировне Молевой, а также своему научному руководителю Николаю Николаевичу Болгову и всем участникам раскопок на городище и некрополе, чьим трудом открылись страницы истории этого города.

Список литературы

- Белова Н.С. 1961. Археологические разведки в Китее. *Краткие сообщения Института археологии*. Вып. 83: 83–90.
- Болгов Н.Н. 2020. Белгородцы в Китее. *Иресиона. Античный мир и его наследие*. Вып. VII. Материалы Круглого стола к 50-летию Китейской археологической экспедиции. Белгород: 49–58.
- Болгов Н.Н. 1996. Закат античного Боспора. Очерк истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV–V вв.). Белгород, 180.
- Болгов Н.Н. 2021. Северное Причерноморье от античности к Средневековью (2-я пол. III – 1-я пол. VII вв.). Белгород, 516.
- Гайдукевич В.Ф. 1959. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х гг. *Материалы и исследования по археологии*. 69: 223–238.
- Дюбрюкс П.И. 1858. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского от входа в пролив близ Еникальского маяка до горы Опук включительно при Черном море. *Записки Одесского общества истории и древностей*. 4, отд. 1. Одесса: 3–83.
- Ермолин А.Л. 2007. Богатое женское захоронение в склепе № 29 некрополя Джурга Оба. *Музейні читання*. Київ: 92–97.
- Ермолин А.Л. 2009. Десять лет работы Керченской охранно-археологической экспедиции. *Фортеця. Збірник заповідника Тустань. На пошану Михайла Рожка*. Львів: 206–220.
- Ермолин А.Л. 2009а. Исследования некрополя Джурга-Оба на Керченском полуострове. *Северное и Западное Причерноморье в античную эпоху и средневековье*. Симферополь: 166–178.
- Ермолин О.Л. 2003. Археологічні дослідження античного некрополя Джурга-Оба (Керч) в 2002 р. *Дрогобицький краєзнавчий збірник*. Вип. VII. Дрогобич: 8–42.
- Ермолин О.Л. 2004. Археологічні дослідження античного некрополя Джурга-Оба (Керч) в 2003 р. *Дрогобицький краєзнавчий збірник*. Вип. VIII. Дрогобич: 11–37.
- Катцова А.В. 2022. Западный склон Китейского зольника: к вопросу об использовании насыпи в позднеантичное время. *Археология и история Боспора*. Вып. IV. Симферополь, Антиква: 54–60.
- Катцова А.В. 2020. Пять лет Китейской экспедиции Государственного Эрмитажа. *Иресиона. Античный мир и его наследие*. Выпуск VII. Материалы Круглого стола к 50-летию Китейской археологической экспедиции. Белгород: 27–48.
- Марти Ю.Ю. 1929. Раскопки городища Китэя в 1928 г. Симферополь, 28.
- Молев Е.А. 1985. Археологические исследования Китэя в 1970–1983 гг. *Археологические памятники Юго-Восточной Европы*. Курск: 40–67.
- Молев Е.А. 2010. Боспорский город Китей. Симферополь; Керчь, 316.
- Молев Е.А. 1990. Монеты из раскопок городища и некрополя Китэя (раскопки 1970–1987 гг.). *Античный мир и археология*. № 7. Саратов: 111–121.
- Молев Е.А. 2000. Основные этапы истории Китэя. *Таманская старина*. Вып. 3. СПб.: 42–45.
- Молев Е.А. 1986. Раскопки Китейской экспедиции в 1986 г. Архив ИА НАНУ. № 22043, 28.
- Молев Е.А. 1990. Раскопки Китейской экспедиции в 1990 г. Архив ИА НАНУ. № 24077, 32.
- Молев Е.А. 1991. Раскопки Китейской экспедиции в 1991 г. Архив ИА НАНУ. № 24632. 38.
- Молев Е.А. 1997. Раскопки Китэя. *Археологические исследования в Крыму*. 1994. Симферополь: 259.
- Молев Е.А. 2020. Стекланные изделия из раскопок Китэя 1970–2017 гг. *Иресиона. Античный мир и его наследие*. Вып. VII. Материалы Круглого стола к 50-летию Китейской археологической экспедиции. Белгород: 6–21.
- Молев Е.А. 2004. Фрагменты стекланных сосудов из раскопок Китэя. *Боспорские исследования*. V: 408–412.
- Молев Е.А., Молева Н.В. 2016. Боспорский город Китей. Часть II. Симферополь; Керчь, 452.
- Молев Е.А., Молева Н.В. 2022. Боспорский город Китей. Часть III. Нижний Новгород, 454.
- Молев Е.А., Молева Н.В. 2017. Красноглиняное лощеное блюдо с крестом из раскопок Китэя в 2016 г. *История и археология Крыма*. V. Симферополь: 222–227.
- Молев Е.А., Молева Н.В. 1994. Раскопки Китэя. *Археологические исследования в Крыму*. 1993. Симферополь: 191–193.
- Молев Е.А., Молева Н.В. 2014. Северо-восточный участок центрального святилища Китэя по материалам раскопок 2008–2011 гг. *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 4: 102–114.
- Молев Е.А., Сазанов А.В. 1991. Позднеантичные материалы из раскопок Китэя. *Вопросы истории и археологии*. Воронеж; Белгород: 63–73.

- Молева Н.В. 1999а. Некоторые итоги археологических исследований Китейского святилища. *Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира*. Санкт-Петербург: 121–125.
- Молева Н.В. 1989. О культовой принадлежности Китейского зольника. *Скифия и Боспор*. Новочеркасск: 70–71.
- Молева Н.В. 2002а. Обряд жертвоприношений в Китейском святилище. *Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья*. Керчь: 188–192.
- Молева Н.В. 2002. Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, ННГУ, 132.
- Павличенко Н.А., Хршановский В.А. 2020. Керамические клейма из позднеантичного некрополя Китея. *Древности Боспора*. Т. 25: 289–306.
- Тулупе И.А., Хршановский В.А. 1999. Позднеримский погребально-поминальный комплекс в прибрежной зоне некрополя Китея. *Боспорский город Нимфей*. СПб.: 78–82.
- Ханутина З.В., Хршановский В.А. 2009. Погребальный комплекс гуннского времени из некрополя Китея. *Боспорский феномен: искусство на периферии античного мира*. СПб.: 58–69.
- Ханутина З.В., Хршановский В.А. 2021. Позднеантичный некрополь боспорского города Китей. *Pontica et Caucasia II. Interdisciplinary research on the antiquity of the Black Sea*. Warsaw: 117–136.
- Хршановский В.А. 2001. Вырубной склеп позднеримского времени на некрополе Китея. *Ольвия та античний світ*. Киев: 138–141.
- Хршановский В.А. 2002. Вырубной склеп с полуциркульным сводом на некрополе Китея. *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища*. Ч. 1. СПб.: 139–145.
- Хршановский В.А. 2000. Жертвоприношение в погребально-поминальной обрядности Европейского Боспора II в. до н. э. – IV в. н. э. (по материалам археологических раскопок некрополей Илурата и Китея). *Жертвоприношение*. СПб.: 241–252.
- Хршановский В.А. 2017. Между готами и гуннами. Новые материалы к истории Европейского Боспора IV в. (по результатам раскопок некрополя Китея в 2009–2016 гг.). *Боспорские исследования*. XXXV: 208–228.
- Хршановский В.А. 1998. Некрополи Илурата и Китея. Археологическая экспедиция ГМИР 1968–1998 (предварительные итоги). *Боспорское царство как историко-культурный феномен*. СПб.: 102–105.
- Хршановский В.А. 2018. Некрополи Китейской равнины. *Боспорский феномен. Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира*. Ч. 1. СПб.: 249–258.
- Хршановский В.А. 1998а. Новый памятник гуннской эпохи из некрополя Китея. *Ювелирное искусство и материальная культура*. СПб.: 80–81.
- Хршановский В.А. 2013. Перстень с раннехристианской геммой из некрополя Китея (к истории распространения христианства на Боспоре). *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории*. Керчь: 491–496.
- Хршановский В.А. 2002а. Погребальные комплексы IV в. н. э. на некрополе Китея. *Боспорские исследования*. II. Симферополь: 313–323.
- Хршановский В.А. 1996. Погребения гуннского времени на некрополях Илурата и Китея. *Проблемы археологии и истории Боспора*. Керчь: 73–76.
- Хршановский В.А. 2023. Позднеантичные ритуальные комплексы в юго-западном предместье Китея. *Археология и история Боспора*. Симферополь: 154–168.
- Хршановский В.А. 2020. Позднеантичные ритуальные ямы на юго-западном участке некрополя Китея. *Древности Боспора*. Т. 25: 407–425.
- Ermolin A. 2013–2014. Das Gold der Nekropole von Džurg-Oba. *Die Krim: Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, LVR-LandesMuseum: 352–361.

References

- Belova N.S. 1961. Arheologicheskie razvedki v Kitee [Archaeological Surveys in Kyta]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. Vyp. 83: 83–90.
- Bolgov N.N. 1996. Zakat antichnogo Bospora. Ocherk istorii Bosporskogo gosudarstva pozdneantichnogo vremeni (IV–V vv.) [The Decline of the Ancient Bosporus. An Essay on the History of the Bosporan State in Late Antiquity (4th – 5th Centuries)]. Belgorod, 180.
- Bolgov N.N. 2020. Belgorodcy v Kitee [Belgorod Residents in Kyta]. *Iresiona. Antichnyj mir i ego nasledie*. Vyp. VII. *Materialy Kruglogo stola k 50-letiyu Kitejskoj arheologicheskoy ekspedicii* [Iresion. The Ancient World and Its Heritage. Issue VII. Proceedings of the Round Table for the 50th Anniversary of the Kitea Archaeological Expedition]. Belgorod: 49–58.



- Bolgov N.N. 2021. Severnoe Prichernomor'e ot antichnosti k Srednevekov'yu (2-ya pol. III – 1-ya pol. VII vv.) [The Northern Black Sea Region from Antiquity to the Middle Ages (2nd Half of the 3rd – 1st Half of the 7th Centuries)]. Belgorod, 516.
- Gajdukevich V.F. 1959. Nekropoli nekotoryh bosporskih gorodov (po materialam raskopok 1930-h gg.) [Necropolises of Some Bosporean Cities (Based on Excavations of the 1930s)]. *Materialy i issledovaniya po arheologii* [Materials and Research in Archaeology]. № 69: 223–238.
- Dyubryuks P.I. 1858. Opisanie razvalin i sledov drevnih gorodov i ukreplenij, nekogda sushchestvoval'shikh na evropejskom beregu Bosfora Kimmerijskogo ot vhoda v proliv bliz Enikal'skogo mayaka do gory Opuk vkl'yuchitel'no pri Chernom more [Description of the Ruins and Traces of Ancient Cities and Fortifications That Once Existed on the European Shore of the Cimmerian Bosphorus from the Entrance to the Strait Near the Yenikale Lighthouse to Mount Opuk, Inclusive, on the Black Sea]. *Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej* [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities]. № 4, otd. 1. Odessa: 3–83.
- Ermolin A.L. 2007. Bogatoe zhenskoe zahoronenie v sklepe № 29 nekropolya Dzhurga Oba [A Rich Female Burial in Crypt No. 29 of the Dzhurga Oba Necropolis]. *Muzejni chitannya* [Museum Readings]. Kïv: 92–97.
- Ermolin A.L. 2009. Desyat' let raboty Kerchenskoj ohranno-arheologicheskoy ekspedicii [Ten Years of Work Kerch Security and Archaeological Expedition. Fortress]. *Fortecya. Zbirnik zapovidnika Tustan'. Na poshanu Mihajla Rozhka* [Zbirnik of the Tustan Nature Reserve. For Mikhailo Rozhok]. L'viv: 206–220.
- Ermolin A.L. 2009a. Issledovaniya nekropolya Dzhurga-Oba na Kerchenskom poluostrove [Research of the Dzhurga-Oba necropolis on the Kerch Peninsula]. *Severnoe i Zapadnoe Prichernomor'e v antichnuyu epokhu i srednevekov'e* [Northern and Western Black Sea Region in Ancient Times and the Middle Ages]. Simferopol': 166–178.
- Ermolin O.L. 2003. Arheologichni doslidzhennya antichnogo nekropolya Dzhurga-Oba (Kerch) v 2002 r. [Archaeological Investigations of the Ancient Necropolis of Dzhurga-Oba (Kerch) in 2002]. *Drogobic'kij kraeznavchij zbirnik* [Drogobitsky Regional Collection]. Vip. VII. Drogobich: 8–42.
- Ermolin O.L. 2004. Arheologichni doslidzhennya antichnogo nekropolya Dzhurga-Oba (Kerch) v 2003 r. [Archaeological Research of the Ancient Necropolis of Dzhurga-Oba (Kerch) in 2003]. *Drogobic'kij kraeznavchij zbirnik* [Drogobitsky Regional Collection]. Vip. VIII. Drogobich: 11–37.
- Katcova A.V. 2020. Pyat' let Kitejskoj ekspedicii Gosudarstvennogo Ermitazha [Five Years of the Kyta Expedition of the State Hermitage Museum]. *Iresiona. Antichnyj mir i ego nasledie. Vypusk VII. Materialy Kruglogo stola k 50-letiyu Kitejskoj arheologicheskoy ekspedicii* [Iresion. The Ancient World and Its Heritage. Issue VII. Proceedings of the Round Table for the 50th Anniversary of the Kitey Archaeological Expedition]. Belgorod: 27–48.
- Katcova A.V. 2022. Zapadnyj sklon Kitejskogo zol'nika: k voprosu ob ispol'zovanii nasypi v pozdneantichnoe vremya [The Western Slope of the Kitey Ash Pit: On the Use of the Mound in Late Antiquity]. *Arheologiya i istoriya Bospora* [Archaeology and History of the Bosporus]. Vyp. IV. Simferopol', Antikva: 54–60.
- Marti Yu.Yu. 1929. Raskopki gorodishcha Kiteya v 1928 g. [Excavations of the Kyta Settlement in 1928]. Simferopol', 28.
- Molev E.A. 1985. Arheologicheskie issledovaniya Kiteya v 1970–1983 gg. [Arheological Studies of Kyta in 1970–1983]. *Arheologicheskie pamyatniki Yugo-Vostochnoj Evropy* [Archaeological Monuments of South-Eastern Europe]. Kursk: 40–67.
- Molev E.A. 1986. Raskopki Kitejskoj ekspedicii v 1986 g. [Excavations of the Kyta Expedition in 1986]. Arhiv IA NANU [Archives of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine]. № 22043, 28.
- Molev E.A. 1990. Monety iz raskopok gorodishcha i nekropolya Kiteya (raskopki 1970–1987 gg.) [Coins from Excavations of the Fortress and Necropolis of Kitei (Excavations 1970–1987)]. *Antichnyj mir i arheologiya* [The Classical World and Archaeology]. № 7. Saratov: 111–121.
- Molev E.A. 1990. Raskopki Kitejskoj ekspedicii v 1990 g. [Excavations of the Kyta Expedition in 1990]. Arhiv IA NANU [Archives of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine]. № 24077, 32.
- Molev E.A. 1991. Raskopki Kitejskoj ekspedicii v 1991 g. [Excavations of the Kyta Expedition in 1991]. Arhiv IA NANU [Archives of the Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine]. № 24632, 38.
- Molev E.A. 1997. Raskopki Kiteya [Excavations of Kyta]. *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu* [Archaeological research in Crimea. 1994]. Simferopol': 259.

- Molev E.A. 2000. Osnovnye etapy istorii Kiteya [The Main Stages of Kitei History]. *Tamanskaya starina* [Taman Antiquity]. Vyp. 3. SPb.: 42–45.
- Molev E.A. 2004. Fragmenty steklyannykh sosudov iz raskopok Kiteya [Fragments of Glass Vessels from Excavations at Kyta]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies]. V: 408–412.
- Molev E.A. 2010. Bosporskij gorod Kitej [The Bosporan City of Kyta]. Simferopol'; Kerch', 316.
- Molev E.A. 2020. Steklyannye izdeliya iz raskopok Kiteya 1970–2017 gg. [Glass Items from the Excavations of Kyta 1970–2017]. Iresiona. Antichnyj mir i ego nasledie. Vyp. VII. Materialy Kruglogo stola k 50-letiyu Kitejskoj arheologicheskoy ekspedicii [Iresion. The Ancient World and Its Heritage. Issue VII. Proceedings of the Round Table for the 50th Anniversary of the Kitaeum Archaeological Expedition]. Belgorod: 6–21.
- Molev E.A., Moleva N.V. 1994. Raskopki Kiteya [Excavations of Kyta]. *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1993* [Archaeological Research in Crimea. 1993]. Simferopol': 191–193.
- Molev E.A., Moleva N.V. 2014. Severo-vostochnyj uchastok central'nogo svyatilishcha Kiteya po materialam raskopok 2008–2011 gg. [The Northeastern Sector of the Central Sanctuary of Kyta Based on Excavations of 2008–2011]. *Vestnik RUDN. Seriya: Vseobshchaya istoriya* [RUDN University Bulletin. Series: General History]. 4: 102–114.
- Molev E.A., Moleva N.V. 2016. Bosporskij gorod Kitej [The Bosporan City of Kyta]. Chast' II. Simferopol'; Kerch', 452.
- Molev E.A., Moleva N.V. 2017. Krasnoglinyanoe lozhchenoe blyudo s krestom iz raskopok Kiteya v 2016 g. [A Red Clay Burnished Dish with a Cross from Excavations at Kyta in 2016]. *Istoriya i arheologiya Kryma* [History and Archaeology of Crimea]. V. Simferopol': 222–227.
- Molev E.A., Moleva N.V. 2022. Bosporskij gorod Kitej [The Bosporan City of Kyta]. Chast' III. Nizhnij Novgorod, 454.
- Molev E.A., Sazanov A.V. 1991. Pozdneantichnye materialy iz raskopok Kiteya [Late Antique Materials from Excavations of Kyta]. *Voprosy istorii i arheologii* [Questions of History and Archaeology]. Voronezh; Belgorod: 63–73.
- Moleva N.V. 1989. O kul'tovoj prinalozhnosti Kitejskogo zol'nika [On the Cult Affiliation of the Kyta Ash Pit]. *Skifiya i Bospor* [Scythia and the Bosphorus]. Novocherkassk: 70–71.
- Moleva N.V. 1999a. Nekotorye itogi arheologicheskikh issledovanij Kitejskogo svyatilishcha [Some Results of Archaeological Research of the Kyta Sanctuary]. *Bosporskij fenomen: grecheskaya kul'tura na periferii antichnogo mira* [The Bosporan Phenomenon: Greek Culture on the Periphery of the Classical World]. SPb.: 121–125.
- Moleva N.V. 2002. Ocherki sakral'noj zhizni Bospora [Essays on the Sacred Life of the Bosphorus]. N. Novgorod, NNGU, 132.
- Moleva N.V. 2002a. Obryad zhertvoprinoshenij v Kitejskom svyatilishche [Sacrificial Rite at the Kytean Sanctuary]. *Bospor Kimmerijskij, Pont i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya* [The Cimmerian Bosphorus, Pontus, and the Barbarian World in Antiquity and the Middle Ages]. Kerch': 188–192.
- Pavlichenko N.A., Hrshanovskij V.A. 2020. Keramicheskie klejma iz pozdneantichnogo nekropolja Kiteya [Ceramic Stamps from the Late Antique Necropolis of Kyta]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus]. T. 25: 289–306.
- Tul'pe I.A., Hrshanovskij V.A. 1999. Pozdnerimskij pogrebal'no-pominal'nyj kompleks v pribrezhnoj zone nekropolja Kiteya [Late Roman Burial and Memorial Complex in the Coastal Zone of the Kyta Necropolis]. *Bosporskij gorod Nimfej* [The Bosporan City of Nymphaeum]. Sankt Petersburg: 78–82.
- Hanutina Z.V., Hrshanovskij V.A. 2009. Pogrebal'nyj kompleks gunnskogo vremeni iz nekropolja Kiteya [Funeral Complex of the Hunnic Period from the Kyta Necropolis]. *Bosporskij fenomen: iskusstvo na periferii antichnogo mira* [Bosporan Phenomenon: Art on the Periphery of the Ancient World]. SPb.: 58–69.
- Hanutina Z.V., Hrshanovskij V.A. 2021. Pozdneantichnyj nekropol' bosporskogo goroda Kitej [Late Antique Necropolis of the Bosporan City of Kyta]. *Pontica et Caucasica II. Interdisciplinary research on the antiquity of the Black Sea*. Warsaw: 117–136.
- Hrshanovskij V.A. 1996. Pogrebeniya gunnskogo vremeni na nekropoljah Ilurata i Kiteya [Hunnic Burials at the Ilurat and Kyta Necropolises]. *Problemy arheologii i istorii Bospora* [Problems of Bosporan Archeology and History]. Kerch': 73–76.
- Hrshanovskij V.A. 1998. Nekropoli Ilurata i Kiteya. Arheologicheskaya ekspediciya GMIR 1968–1998 (predvaritel'nye itogi) [Necropoleis of Ilurat and Kyta. Archaeological Expedition of the State Museum of Archaeology and Reconstruction 1968–1998 (Preliminary Results)]. *Bosporskoe carstvo kak istoriko-kul'turnyj fenomen* [The Bosporan Kingdom as a Historical and Cultural Phenomenon]. SPb.: 102–105.



- Hrshansovskij V.A. 1998a. Novyj pamyatnik gunnskoj epohi iz nekropolya Kiteya [New Monument of the Hunnic Era from the Kyta Necropolis]. *Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura* [Jewelry Art and Material Culture]. SPb.: 80–81.
- Hrshansovskij V.A. 2000. Zhertvoprinoshenie v pogrebal'no-pominal'noj obryadnosti Evropejskogo Bospora II v. do n. e. – IV v. n. e. (po materialam arheologicheskikh raskopok nekropolej Ilurata i Kiteya) [Sacrifice in the Funerary and Memorial Rites of the European Bosphorus from the 2nd Century BC to the 4th Century AD (Based on Archaeological Excavations of the Necropolises of Ilurat and Kyta)]. *Zhertvoprinoshenie* [Sacrifice]. SPb.: 241–252.
- Hrshansovskij V.A. 2001. Vyrubnoj sklep pozdnerimskogo vremeni na nekropole Kiteya [A Cut-Out Crypt of the Late Roman Period in the Necropolis of Kyta]. *Ol'viya ta antichnij svit* [Olbia and the Ancient World]. Kiev: 138–141.
- Hrshansovskij V.A. 2002. Vyrubnoj sklep s polucirkul'nym svodom na nekropole Kiteya [A Cut-Out Crypt with a Semicircular Vault in the Necropolis of Kyta]. *Bosporskij fenomen: pogrebal'nye pamyatniki i svyatilishcha* [Bosporan Phenomenon: Burial Monuments and Sanctuaries]. Ch. 1. SPb.: 139–145.
- Hrshansovskij V.A. 2002a. Pogrebal'nye komplekсы IV v. n. e. na nekropole Kiteya [Funeral Complexes of the 4th Century AD at the Kyta Necropolis]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies]. II. Simferopol': 313–323.
- Hrshansovskij V.A. 2013. Persten' s rannekhristsianskoj gemmoj iz nekropolya Kiteya (k istorii rasprostraneniya hristianstva na Bospore) [Ring with an Early Christian Gem from the Kyta Necropolis (Towards the History of the Spread of Christianity in the Bosphorus)]. *Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Arheologicheskij ob'ekt v kontekste istorii* [The Cimmerian and Barbarian World of Bosphorus in Antiquity and the Middle Ages. An Archaeological Site in the Context of History]. Kerch': 491–496.
- Hrshansovskij V.A. 2017. Mezhdru gotami i gunnami. Novye materialy k istorii Evropejskogo Bospora IV v. (po rezul'tatam raskopok nekropolya Kiteya v 2009–2016 gg.) [Between the Goths and the Huns. New Materials on the History of the European Bosphorus of the 4th Century (Based on the Results of Excavations of the Kyta Necropolis in 2009–2016)]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies]. XXXV: 208–228.
- Hrshansovskij V.A. 2018. Nekropoli Kitejskoj ravnyiny [Necropoleis of the Kitaeum Plain]. *Bosporskij fenomen. Obshchee i osobennoe v istoriko-kul'turnom prostranstve antichnogo mira* [The Bosporan Phenomenon. The General and the Specific in the Historical and Cultural Space of the Ancient World]. Ch. 1. SPb.: 249–258.
- Hrshansovskij V.A. 2020. Pozdneantichnye ritual'nye yamy na yugo-zapadnom uchastke nekropolya Kiteya [Late Antique Ritual Pits in the Southwestern Section of the Kyta Necropolis]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporan Empire]. T. 25: 407–425.
- Hrshansovskij V.A. 2023. Pozdneantichnye ritual'nye komplekсы v yugo-zapadnom predmest'e Kiteya [Late Antique Ritual Complexes in the Southwestern Suburbs of Kyta]. *Arheologiya i istoriya Bospora* [Archeology and History of the Bosporan Empire]. Simferopol': 154–168.
- Ermolin A. 2013–2014. Das Gold der Nekropole von Džurg-Oba. *Die Krim: Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten*. Bonn, LVR-LandesMuseum: 352–361.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest was reported.

Поступила в редакцию 01.10.2025

Поступила после рецензирования 21.10.2025

Принята к публикации 23.10.2025

Received 01.10.2025

Revised 21.10.2025

Accepted 23.10.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ермолин Семен Александрович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия, Институт археологии РАН, г. Москва, Россия

[ORCID: 0009-0001-4804-8965](https://orcid.org/0009-0001-4804-8965)

INFORMATION ABOUT OF THE AUTHOR

Semyon A. Ermolin, Candidate of Sciences in History, Junior Researcher, Department of Preservation of Archaeological Heritage, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 93/94

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-901-913

EDN LXGPBE

Оригинальное исследование

К вопросу о роли польских экстремистских сил в радикализации ишутинцев как факторе покушения Д. Каракозова на Александра II

Дюков С.В. 

Независимый исследователь,

г. Краснодар, Россия

E-mail: dser70@yandex.ru

Аннотация. В череде террористических актов, которые происходили в Российской империи начиная со второй половины XIX века, выстрел Д.В. Каракозова 4 апреля 1866 г. в императора Александра II привлекает не очень пристальное внимание современных исследователей. Во-первых, он окончился без ожидаемого результата для самого нападавшего и группы, к которой он принадлежал. Его, безусловно, затмил и теракт 1881 г., оборвавший жизнь императора, и многочисленные теракты начала XX в., достигавшие своей цели для революционеров-террористов. Во-вторых, сама организация ишутинцев, по мнению многих историков, ничем особым не отметилась, кроме того, что в нее входил террорист Каракозов, существовала короткое время и вскоре после теракта была ликвидирована. Данный террористический акт, обстоятельства его совершения еще не слишком хорошо изучены. Задача исследования заключается в рассмотрении влияния польского революционного и национально-освободительного подполья на русский революционный кружок ишутинцев, что в конечном итоге и могло привести к покушению на императора. Исключительная и единственная цель исследования состоит в установлении истинного характера связи польского и русского подполья и факта эволюции влияния польских экстремистских сил на ишутинцев-худяковцев. Сделан вывод о достаточно противоречивой кадровой политике царской власти в отношении нахождения лиц польской национальности и католического вероисповедания на важнейших руководящих должностях в период острых и напряженных отношений, связанных с Царством Польским.

Ключевые слова: император Александр II, Дмитрий Каракозов, покушение, польский сепаратизм, польские революционеры, терроризм, организация ишутинцев, «Европейский комитет»

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Дюков С.В. 2025. К вопросу о роли польских экстремистских сил в радикализации ишутинцев как факторе покушения Д. Каракозова на Александра II. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 901–913. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-901-913. EDN: LXGPBE



On the Role of Polish Extremist Forces in the Radicalization of Ishutin's Supporters as a Factor in D. Karakozov's Attempted Assassination of Alexander II

Sergey V. Dyukov 

Independent researcher,
Krasnodar, Russia

E-mail: dser70@yandex.ru

Abstract. In a series of terrorist acts that were occurring in the Russian Empire in the second half of the 19th century and further on, D.V. Karakozov's shooting at Emperor Alexander II on April 4, 1866 does not appear to arouse the attention of modern researchers. Firstly, because it did not end up with the result that was expected by the attacker and the group to which he belonged. In this sense, the event was certainly overshadowed by the terrorist attack of 1881, which ended the life of the emperor, and the numerous terrorist attacks of the early 20th century, when revolutionary terrorists achieved their goals. Secondly, the Ishutin organization itself, according to many historians, was not marked by anything special, except that it included terrorist Karakozov. The organization existed for a short time, and was liquidated shortly after the terrorist attack. This terrorist act and the circumstances of its commission are still poorly understood. The article examines the influence of the Polish revolutionary and national liberation underground on Ishutin's revolutionary group. The aim of the work is to establish the true nature of the connection between the Polish and Russian underground and the evolution of the influence exerted by Polish extremists on the groups of N. Ishutin and I. Khudyakov. The research methods included general scientific methods, historical-systemic and problem-chronological methods. The conclusion is drawn about the rather contradictory personnel policy of the tsarist government regarding the presence of Polish nationals of Catholic faith in important leadership positions during the period of acute and tense relations associated with the Kingdom of Poland.

Keywords: Emperor Alexander II, Dmitry Karakozov, assassination attempt, Polish separatism, Polish revolutionaries, terrorism, organization of Ishutin residents, "The European Committee"

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Dyukov S.V. 2025. On the Role of Polish Extremist Forces in the Radicalization of Ishutin's Supporters as a Factor in D. Karakozov's Attempted Assassination of Alexander II. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 901–913 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-901-913. EDN: LXGPBE

Введение

Г.В. Синцов, А.В. Первушкин подчеркнули, что террористический акт организации ишутинцев явился первым ярким проявлением политического экстремизма в Российской империи [Синцов, Первушкин, 2019, с. 26]. А.В. Маньков определил выстрел Дмитрия Каракозова в качестве акта «предреволюционного терроризма» и индивидуальной активности [Маньков, 2017, с. 95]. К.Д. Ляшенко изобразил Каракозова как «безалаберного», плохо подготовившегося неудачника, но высокоидейного борца с царизмом [Ляшенко, 2016, с. 257–260]. О том, что Каракозов проявил исключительно собственную инициативу вопреки воле товарищей, пишут также П.А. Кошель [Кошель, 1995, с. 31] и М. Стариков [Стариков, 2021]. В сложившейся историографии Каракозов действительно чаще всего предстает героем-одиночкой, который на свой страх и риск пошел против воли товарищей и избрал столь радикальный метод борьбы с царским самодержавием. Лишь немногие исследователи покушения допускали, что его выбрали на роль исполнителя и контролировали его. Так, историк раннего послереволюционного периода А.А. Шилов, в восторженных тонах описывая качества Каракозова, все же замечал, что тот мог быть лишь орудием для исполнения замысла [Шилов, 1919, с. 34]. Больше же количество исследователей повторяет

ту линию защиты арестованных по делу Каракозова, которая позволила многим его соратникам избежать сколько-нибудь серьезного наказания. Эта удобная линия защиты для преступников сводилась к тому, что террориста специально никто на цареубийство не посылал, а лишь могли догадываться, для чего тот едет в Санкт-Петербург из Москвы и зачем купил пистолет. С него якобы взяли честное слово, что он не будет стрелять в Александра II, его пытались остановить, навести полицию на его след, но не успели и т. д. Такого же мнения придерживался историк А.А. Корнилов. В своей книге он считал товарищей Каракозова вполне безобидными носителями «коммунистической пропаганды», ни в коей мере не стремившихся к цареубийству, а самого террориста назвал «по-видимому, ненормальным человеком» [Корнилов, 1918, с. 2]. Однако С.Е. Майшев отмечает, что к покушению на Александра II привело именно такое, слишком поверхностное отношение органов государственной безопасности к революционерам как к «мальчишкам, начитавшимся западных утопий» [Майшев, 2016, с. 16]. С.В. Меркулов, В.Г. Храпченков считают именно ишутинцев первой террористической организацией в России [Меркулов, Храпченков, 2019, с. 153–154]. Многие лица, связанные с тайной революционной организацией ишутинцев-худяковцев, не получив должного наказания от действующей власти или вовсе ушедшие от него, в дальнейшем продолжили свой революционный путь. И хотя, например, советский и российский историк Н.А. Троицкий считал, что следствие носило крайне жестокий характер и велось «таким образом, чтобы подвести под смертную казнь как можно большее число обвиняемых» [Троицкий, 1978, с. 72], в итоге из всей многочисленной группы ишутинцев-худяковцев был казнен только один Дмитрий Каракозов.

Объект и методы исследования

В деле Каракозова, согласно официальным отчетам следствия, было много лиц польской национальности, а также лиц, тесно с ними связанных. Хотя после покушения 1866 г. следствие и суд установили лишь некоторую связь польских и русских революционеров в деле Каракозова, есть все основания полагать, что роль польского подполья в подготовке террористического акта полностью все еще не изучена. Объектом исследования стали некоторые обстоятельства, предшествовавшие террористическому акту 4 апреля 1866 г. против императора, а именно – активные взаимоотношения польских экстремистско-сепаратистских сил и русской тайной организации ишутинцев-худяковцев. Вызывает большой интерес эволюция взаимодействия польских экстремистских сил с русским революционным подпольем, а также установление истинного иерархического характера этого взаимодействия, что несомненно повлияло на радикализацию взглядов членов тайного ишутинского общества и способствовало осуществлению покушения на императора. Источниковой основой исследования явились материалы стенографического отчета по делу Каракозова, материалы архивов, мемуары. В исследовании применялись такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобщение и систематизация, а также специальные исторические методы: историко-системный, проблемно-хронологический, контент-анализ (при изучении мемуарных источников).

Результаты и их обсуждение

Кружок ишутинцев возник в 1863 г. в Москве. Назван по имени руководителя Н.А. Ишутина (1840–1879), который был двоюродным братом Каракозова. Следует заметить, что различные революционные образования стали усиленно появляться с началом польского восстания 1863 г. Первоначально ничем особенным ишутинцы не занимались, основной целью была пропаганда социалистических идей. Они также сочувственно относились к польскому национально-освободительному движению и выступали за федерализацию и отделение Польши от России. В дальнейшем ишутинцы, прежде всего В.Н. Шаганов, начинают



налаживать связи с поляками. Именно ему незадолго до покушения поляки передадут яд. В конце 1864 г. ишутинцы устраивают побег из пересыльной тюрьмы поляку-арестанту, одному из руководителей польского восстания в Царстве Польском, Ярославу Домбровскому. В 1865 г. кружок принимает незатейливое название «Организация». Вероятно, прошедшие проверку удачным освобождением Домбровского, ишутинцы вызвали к себе большее доверие среди польского революционного подполья, поэтому в июне 1865 г. для знакомства с Ишутиным из столицы в Москву прибыл И.А. Худяков, имевший в Санкт-Петербурге еще более значимые связи с польскими революционными силами, чем ишутинцы. С этого момента начинается ускоренная радикализация ишутинцев. Именно после визита Худякова в Москву в их среде появляются первые разговоры о цареубийстве. С ишутинцами-худяковцами была тесно связана польская агентура [Назаревский, 1910, с. 145]. По делу Каракозова упоминаются поляки Маевский, Домбровский, Оржеховский, Маркс, Верницкий, Адамович, Шостакович и др. Поляк Болеслав Трусов, обращаясь к Максимилиану Марксу с пожеланием достать яд стрихнин для ишутинцев, говорил тому, что русским надо помочь сделать «маленькую революцию» [Покушение Каракозова, 1930, с. 165]. Кроме этого, поляки через ишутинцев распространяли поддельные кредитные билеты, ввозимые из-за границы. Ишутинцы разменивали их, а настоящие деньги передавались полякам.

Из «Отчета о действиях III отделения Его Императорского Величества канцелярии и Корпуса жандармов за 1866 год» следовало, что русские члены тайного общества при подготовке покушения действовали «под влиянием и для цели польской пропаганды»⁶⁸. Должного понимания этого факта суд по делу Каракозова не отразил в своем окончательном решении. Во многом этому способствовали действия самой полиции, как будет отмечено ниже. Большое количество польских агентов, преступников остались без ее внимания, а некоторые наказания, согласно приговорам, могут вызвать лишь недоумение. Так, срок заключения упомянутого Болеслава Трусова, занимавшегося снабжением ишутинцев ядовитыми веществами в целях революционной террористической деятельности, составил лишь восемь месяцев.

С.А. Мулина и польский историк Веслав Цабан подвергли критике позицию советского историка Н.П. Митиной [Митина, 1966]. Под особенный удар их критики попал С.Ф. Коваль [Коваль, 1966]. С.А. Мулина и В. Цабан считают польско-российские революционные связи 60-х гг. XIX в., в отличие от советских ученых, слишком преувеличенными. Рассматривая деятельность польских доносчиков – Станислава Крупского, Антония Бонасевича, Генриха Вашкевича, Александра Водзынского, они пишут, что исследователи «не всегда критически относились к содержанию доносов и, вслед за жандармами, зачастую излишне преувеличивали развитие заговорщической деятельности, в том числе и среди польских ссыльных» [Мулина, Цабан, 2020, с. 31]. Можно было бы принять точку зрения данных авторов о несерьезности этих доносов и показаний, если бы ключевые предупреждения в них, а именно восстание поляков в Сибири и покушение на императора, абсолютно не подтвердились. Доносы действительно не всегда отличались большой точностью, например, в части подробных деталей и способа покушения на Александра II, но не верить осведомителям абсолютно, как показало развитие событий, было нельзя. Более того, важнейшая деталь, раскрытая в самом исследовании С.А. Мулиной и В. Цабана, будто бы осталась за пределами их собственного внимания. А ведь эта деталь чрезвычайно убедительно доказывает связь польских экстремистов с ишутинцами-худяковцами. Она подтверждает существование четкого и выделенного вектора влияния, помимо иных, направленного из Сибири в главные города страны – Санкт-Петербург и Москву. Так, по показаниям Антония Бонасевича, польские заговорщики при подготовке восстания в Сибири должны были взаимодействовать с обществом «Ад» [Мулина, Цабан, 2020, с. 34], или, другими словами,

⁶⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. Оп. 223. Д. 31. Л. 115.

использовать его в своих целях. Специальное и наиболее законспирированное подразделение организации ишутинцев-худяковцев под названием «Ад» было создано с целью царевбийства и ликвидации ставших неудобными членов тайного общества. В данном случае трудно заподозрить Бонасевича в донесении ложных сведений, т. к. само это название первоначально даже среди некоторых ишутинцев (Мотков, Юрасов и др.) вызвало бурю эмоций и насмешек. То есть оно было абсолютно уникально и непривычно, а значит, и случайное совпадение в показаниях Бонасевича совершенно исключается – ему от каких-то лиц столь странное название было достоверно известно. Наивно думать, что Бонасевич, находясь в Сибири, чудом смог это название выдумать. Таким образом, характеризуя взгляды советских историков на развитие польского экстремизма в Сибири и взаимодействие польских сил с русским подпольем как слишком большое преувеличение, уважаемые исследователи С.А. Мулина и В. Цабан, напротив, скорее склонны излишне преуменьшать эти феномены. Член тайного общества Н.П. Странден заявлял, что в Москве название «Ад» возникло после возвращения Ишутина из Санкт-Петербурга и встреч его с Худяковым, который перед этим в течение 1865 г. имел многократные контакты с поляками, в том числе беглыми из Сибири. У Худякова были связи в Тобольске [Покушение Каракозова, 1928, с. 55]. Он, уроженец Тобольской губернии, еще с детских лет питал особые симпатии к польскому национально-освободительному движению. Частыми гостями в доме его отца были ссыльные поляки, сосланные в Сибирь после восстания 1830–1831 гг. В Санкт-Петербурге Ишутин также получил от Худякова сведения о некоем Европейском Комитете, целью которого было «истребление царских фамилий» [Покушение Каракозова, 1928, с. 27].

Работа советского историка Н.П. Митиной – это яркое подтверждение того, что в советский период взаимодействие польских и русских революционеров середины XIX века характеризовалось как уже сложившийся прочный союз подчеркнуто равноправных сил в борьбе с самодержавием. Союз этот брал свое начало с восстания декабристов. В советской историографии отмечалось, что царское правительство «как огня боялось его» [Митина, 1966, с. 8]. На самом же деле есть все признаки того, что правительство как раз не придавало особого значения этому союзу, как и не видело особой угрозы со стороны русских революционеров. Оно до преступления 4 апреля 1866 г. опасалось крайних проявлений именно польского сепаратистского движения, актов польского революционного терроризма. Не случайно Александр II сразу же после неудачного выстрела в него Дмитрия Каракозова спросил террориста, поляк ли он. И получив ответ, что он русский, был крайне удивлен и подавлен [Татищев, 1903, с. 4–5]. Этот факт красноречиво говорит о том, что царское правительство никак не ждало удара со стороны русских революционеров, полагая, что русский человек точно не сможет убить русского императора. Чуть более чем через год на Александра II, находящегося с визитом в Париже, будет совершено покушение Антония Березовского, сына обедневшего польского шляхтича, также неудавшееся, но подтвердившее обоснованность ожидания крайне большой опасности для императора со стороны поляков. В конце концов финальную точку в жизни императора Александра II поставит именно поляк И. Гриневецкий 1 марта 1881 г.

Однако и весной 1866 г. польские революционеры, в подавляющем большинстве своем – реваншисты и сепаратисты, отнюдь не были абсолютно ни при чем. Многие ускользнули от внимания следователей, многое осталось без должной оценки. Есть все основания полагать, что связь польских и русских революционеров была намного теснее, но вовсе не равноправных сил, как это было принято считать.

4 апреля 1866 г., когда Александр II, завершая привычную прогулку в Летнем саду, уже собирался покинуть его, из толпы собравшихся посмотреть на императора раздался выстрел. Император не пострадал. Согласно официальной версии террористу помешал точно выстрелить оказавшийся рядом простой мастер из крестьян Осип Комиссаров, который толкнул руку Каракозова снизу вверх, поэтому пуля прошла выше головы царя. Свидетелем этого подвига Комиссарова оказался генерал-адъютант Э.И. Тотлебен, тоже гулявший в

Летнем саду. Сам же Каракозов на первом своем допросе признался, что никто не мешал ему выстрелить. Комиссарова во время судебного процесса он не мог вспомнить, хотя они стояли рядом. Чем же явилась эта неудавшаяся террористическая атака на государя – одним из актов гибридной войны, по мнению И.А. Ананских с коллегами [Ананских и др., 2021], или все же спонтанным порывом революционера-одиночки? И кем был покушавшийся: героическим борцом за освобождение народа от царского гнета или манипулируемым наркозависимым орудием (у Каракозова при задержании были обнаружены 8 доз морфия), умышленно подведенным к той черте, за которой неминуемо последует выстрел в императора?

Вызывают большой интерес воспоминания П.А. Черевина, члена следственной комиссии по делу Каракозова. Он писал, что Александр II сам выхватил двустольный пистолет из рук террориста [Черевин, 1918, с. 2]. То есть у преступника была еще возможность произвести выстрел из второго ствола, он был заряжен. Также Черевин не верил, что Комиссаров действительно спас императора, толкнув руку Каракозова: «предполагать, что преступник преднамеренно не сознавался, что ему толкнули руку, нет причины» [Черевин, 1918, с. 4]. Следует отметить, что П.А. Черевин был назначен из Санкт-Петербурга в Москву ввиду недостаточной эффективности московских следователей. Спустя годы в своих воспоминаниях обвинял членов Московской комиссии не только в нерасторопности и некомпетентности, но и едва ли не в пособничестве преступникам: «Вопросные пункты писались как будто нарочно, чтобы дать арестованному средство и возможность увернуться» [Черевин, 1918, с. 26]. Аресты поляков Маевского, Маркса и др. прибывшим в Москву из столицы Черевиным должны были согласовываться с московским генерал-губернатором князем Долгоруковым, который на эти действия несколько дней не давал согласия. Примечательно, что на арест и обыски других лиц он давал согласие. Черевин утверждал, что «по тупоумию московской полиции» многие документы, которые могли бы пролить свет и установить большее участие и вину поляков Маевского и Барановского в деле Каракозова, те успели уничтожить с помощью провизора Ланггауза [Черевин, 1918, с. 31].

Черевину все-таки удалось получить признание галицкого поляка М. Маркса о том, что он знал о готовящемся покушении ишутинцев, что оно было очень желанным для поляков, и яд он передавал В.Н. Шаганову в целях подготовки к покушению на императора [Черевин, 1918, с. 33]. Своеобразное наказание конкретно этот польский преступник, который к тому же успел отметиться в восстании 1863 г., все же получил. Оно заключалось в том, что он был лишен всех прав и отправлен в ссылку в Сибирь, где жил в нескольких городах почти свободно с 1867 г. Уже через 12 лет ему вернули все права и разрешение жить повсеместно, кроме Москвы и Санкт-Петербурга.

Проследим хронологически некоторые события 1864–1866 гг., связанные с польским революционным национально-освободительным подпольем и обществом ишутинцев-худяковцев:

1864 г. В апреле, после подавления основной волны польского восстания, партия ссыльных поляков прибыла в Сибирь. Пять человек, находясь в каторжно-пересыльной тюрьме Тобольской губернии, составили высший орган власти, именуемый «Национальная власть» («Władza narodowa»). Они же стали инициаторами создания тайного «Товарищества взаимной помощи». В это тайное общество должны были входить представители всех прибывающих новых партий ссыльных, а также уже находящиеся в тюрьме. Они обязались и после прибытия в места ссылок оставаться членами общества, уплачивать членские взносы и исполнять все распоряжения «Национальной власти». В высший орган власти входил Зигмунд Минейко. Секретарем был Ф. Зенкович, у которого были списки всех следовавших в Сибирь лиц. Примечательно, что в это время тобольским губернатором являлся поляк А.И. Деспот-Зенович, старавшийся во всем покровительствовать осужденным и прибывающим в Сибирь полякам.

18–21 октября 1864 г., Енисейск – в письме виленскому генерал-губернатору М.Н. Муравьеву анонимный автор сообщал, что ссыльные поляки открыто желали смерти царю, называли год революции – 1866 69.

Тобольский губернатор Деспот-Зенович в донесении анонимного автора прямо назывался организатором польского заговора 70.

Члены тайного польского товарищества обязались иметь скрытные отличительные знаки, чтобы определять друг друга [Митина, 1966, с. 57]. Одной из задач организации была вербовка русских для своих целей [Митина, 1966, с. 59]. По показаниям Генриха Вашкевича, ближайшего соратника Минейко, у них было хорошо налажено письменное сообщение с Санкт-Петербургом посредством врача Поцелуевского (это показание особенно важно в контексте связей Худякова с поляками). Вашкевич утверждал, что общество вспомоществования носило декоративный характер, истинной целью которого была подготовка вооруженных восстаний. С этой же целью создавались и различные предприятия. Так, например, в Томской тюрьме для прикрытия революционной деятельности была создана мастерская головных уборов. В дальнейшем, приблизительно через полтора года, по польскому образцу общество вспомоществования будет создано ишутинцами. Как писала Э.С. Виленская, в квартире студента А.Н. Колачевского на улице Малой Бронной произошло первое собрание «Общества взаимного вспомоществования, где тот зачитывал предполагаемый устав этой организации» [Виленская, 1965, с. 392].

1865 г. Для эффективной координации действий с центральными городами России, с эмиграцией и Царством Польским в мае 1865 г. Польский комитет определил, что Минейко, Окинчиц, Вашкевич должны покинуть Сибирь и следовать в Москву и Санкт-Петербург.

15 мая 1865 г. Минейко, Окинчиц, Вашкевич бежали, а вернее, вполне спокойно под другими именами покинули Сибирь и отправились в Санкт-Петербург. По сообщению Вашкевича, у них были явные адреса в Санкт-Петербурге и Москве, в основном студентов Петербургского и Московского университетов. Минейко, Окинчиц, Вашкевич доставили в Санкт-Петербург сведения о революционном подполье в Сибири и указания о дальнейших действиях [Митина, 1966, с. 81]. Генрих Вашкевич летом неоднократно встречался с Худяковым до отъезда того в Женеву. Э.С. Виленская указывает также на знакомство Худякова с руководителем Санкт-Петербургского польского подполья, неким паном Станиславом (настоящее имя не раскрыто) [Виленская, 1969]. В Москве Минейко, Окинчиц и Вашкевич имели общение с членом польской московской организации Шостаковичем. Цель преследовалась одна – уничтожение царя. А значит, необходим был подбор исполнителей. Внимание поляков в этом вопросе скорее всего пало на ишутинцев потому, что они уже подтвердили свою преданность им и способность действовать, устроив побег Домбровскому. У Худякова же в Санкт-Петербурге оказался не слишком велик выбор кандидатов, поэтому в июне 1865 г. он отправился (был направлен) в Москву налаживать связь с Ишутинным. Здесь можно уточнить мнение А.В. Манькова [Маньков, 2018, с. 88], который считал, что это ишутинцы создали свой филиал в Санкт-Петербурге, в том смысле, что инициатива исходила явно не от них. После знакомства Худякова с Ишутинным в среде московских подпольщиков появляется рассказ про некий «Европейский Комитет», который оказывает покровительство революционным партиям и ставит своей целью ликвидацию монархий. Ишутинец П.Д. Ермолов подтвердил, что прямой целью появилась ликвидация императора, что разговоры о цареубийстве впервые возникли именно «по поводу Европейского Комитета» [Покушение Каракозова, 1928, с. 75]. Каракозов также подтверждал это. Он указал, что идея цареубийства вместе с разговором о «Европейском комитете» озвучивалась Худяковым на собрании членов ишутинского кружка в Москве [Покушение Каракозова, 1928, с. 46]. Таким образом, впервые эти мысли стали озвучиваться летом 1865 г. [Покушение Каракозова, 1928,

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2 а. Д. 705. Л. 9–11.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 38. Д. 136. Л. 48–49.



с. 70]. После знакомства с Худяковым Ишутин несколько раз совершал ответные поездки в Санкт-Петербург. В июле 1865 г. Ишутин привез деньги Худякову для поездки за границу. Худяков в августе – ноябре 1865 г. был за границей. После этой поездки, по словам Ишутина, уверял его в том, что им поступили субсидии 5 000 рублей.

После визита Ишутина в Санкт-Петербург к Худякову в самом конце 1865 г. и его возвращения в Москву циркуляция идеи царубийства и его способов заметно усилилась. Вероятнее всего, такая радикализация произошла на фоне информации о столь высоком покровительстве и крупном денежном поступлении от манящего и загадочного «Европейского комитета». На суде Ишутин будет приписывать первенство появления идеи царубийства себе, скорее всего, выгораживая Худякова, а значит, и тех, кто за Худяковым стоял и его курировал [Покушение Каракозова, 1928, с. 71]. Хотя более других с польским подпольем и зарубежными революционными агентами контактировал именно Худяков. И он же, умело лавируя в судебном процессе, в том числе и отрицая свой рассказ Ишутину про «Европейский революционный комитет», смог избежать самой негативной для себя участи: «Если бы не ненависть к комиссии, то, кажется, я сознался бы во всем, что могло вести меня одного на виселицу» [Худяков, 1882, с. 139]. Большую роль в том, что Худяков избежал смертной казни, сыграл его адвокат Виктор Гаевский, бывший западником и сыном П.И. Гаевского, имевшего польское происхождение выпускника Полоцкой иезуитской академии, подчинявшейся римско-католической церкви. Некоторые исследователи считают, что «Европейский революционный комитет» выглядит похожим на тот эмигрантский центр, органом которого молодая эмиграция стремилась сделать герценовский «Колокол», а некоторые видят в его качестве «прообраз бакунинской организации, действовавшей внутри I Интернационала» [Щербакова, 2008, с. 75]. Версии эти кажутся весьма неправдоподобными, так как, со слов Никольского, известно, что сам Худяков, принесший вест о «Европейском комитете» ишутинцам, отзывался о российских политических эмигрантах пренебрежительно. Называл их людьми «незначительными, даже жалкими» [Покушение Каракозова, 1928, с. 56]. Бакунин же в то время вообще не стоял на тех позициях, которые возникли у ишутинцев после встречи их с Худяковым. Его взгляды на революционную борьбу в 1865 г. отличались гораздо большей мягкостью, чем у ишутинцев-худяковцев в этот же период. В. Кириллов считал миф о «Европейском революционный комитете» выдумкой склонного к фантазированию М. Элпидина, чтобы произвести впечатление на Худякова во время их встречи за границей [Кириллов, 2014]. Непонятно, однако, зачем Элпидину это было нужно? Кириллов посчитал это все несерьезной игрой в мистификацию.

Не только радикализация взглядов ишутинцев, но и организационная составляющая их деятельности со второй половины 1865 г. все более начинает походить на польскую модель организации подпольной деятельности, это заимствование проявилось даже в названии.

1866 г. В начале 1866 года по польскому образцу ишутинцы создают ОВВ – «Общество взаимного вспомоществования». ОВВ должно было получить официальное разрешение, но под вывеской взаимопомощи действовать тайно и проводить свои тайные мероприятия. Из допроса О.В. Малинина, члена «Организации» и кассира ОВВ: «определенной цели на собраниях наших не было высказано; единства цели у членов общества не было» [Покушение Каракозова, 1930, с. 9]. Малинин пояснил, что ОВВ было организовано в январе 1866 года [Покушение Каракозова, 1930, с. 15]. В это же время внутри «Организации» появляется террористическое ядро, названное «Адом», в которое, согласно обвинительным актам, входили Ишутин, Каракозов, Странден, Ермолов, Загибалов, Юрасов и некоторые другие участники. Целями «Ада», помимо убийства царя, были контроль за членами «Организации», устранение неудобных революционному правительству лиц в случае революции. А тем временем в феврале в Сибири тобольский губернатор, поляк-католик Деспот-Зенович, вместе с другим поляком-католиком Юлием Олендзским инспектирует ссыльных поляков, что может, по мнению царского правительства, выявить в польской среде противоправительственные настроения и замыслы. Затем Деспот-Зенович пишет докладную

записку еще одному католику, генерал-губернатору Западной Сибири Дюгамелю, женатому на польке. Конечно же, в своем письме Деспот-Зенович опровергает все вероятные факты заговорщической деятельности среди ссыльных. Более того, он не видит ничего предосудительного в том, что, например, у задержанного беглого поляка было при себе огнестрельное оружие и топографические карты: «Найденный при нем револьвер не служит доказательством ничего особенного, так как всякий бежавший обыкновенно запасается каким-нибудь оружием. Даже и карты, отысканные у какого-нибудь, может быть, очень образованного человека, не служат еще положительным признаком ничего подозрительного, потому что очень естественна в таком человеке любознательность к ознакомлению с той местностью, в которую он выслан»⁷¹. Вызывает большое удивление, как можно было при таких умозаключениях и выводах продолжать считать его благонадежным чиновником и доверять его сообщениям об отсутствии на вверенной ему территории тайной организации поляков. После неудачного покушения Каракозова Деспот-Зенович был сильно напуган, запретил пускать к себе в дом лиц своей национальности. В Тобольске к тому же прошел слух, что посягнувший на жизнь императора тоже был поляком. Далее, вглубь Сибири, были немедленно отправлены те поляки, которых Деспот-Зенович намеревался оставить в Тобольске под своим попечением. До этого теракта поляки из ранних партий ссыльных, среди которых был и Зигмунд Минейко, были оставлены в Тобольске под предлогом болезни. Причем медицинские документы подписывались тоже врачами-поляками. Очевидно, Деспот-Зенович прекрасно осознавал очень большую связь между бежавшими ссыльными, многим из которых он покровительствовал, и покушением на императора.

Примечательно, что Худяков стал заниматься вербовкой потенциальных исполнителей покушения на императора как раз после неоднократных встреч с бежавшими из Сибири поляками. Худяков был определен основным связующим элементом между польскими экстремистами, Санкт-Петербургскими и московскими членами подпольных организаций [Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917, 1976, с. 187]. Поэтому весьма странно считать Каракозова случайным террористом, тем более что деньги для покупки пистолета давал ему Худяков. Именно после визита Худякова в Москву поиском кандидатов на роль цареубийцы занялись ишутинцы. Так, кроме Каракозова, кандидатура поляка Игнатия Корево прошла отбор. Он привлек внимание тем, что сразу заявил о готовности убить царя, якобы такое поручение дал ему отец перед своей смертью. Скорее всего, такое демонстрируемое, почти фанатичное желание Корево было оценено соответствующим образом, и он, согласно его показаниям [Клеверский, 1926, с. 105–106], ожидал, когда поступит сигнал к действию, его поставили как бы в очередь и сказали ждать, когда поступит приказ.

А вот как описывал Г.А. Лопатин (1845–1918) личную попытку Худякова сделать его одним из кандидатов на роль цареубийцы: «Когда же я вернулся назад в Петербург, заговорщики считали дело близким к развязке, к началу конца, а потому хлопотали о практических частностях и считали неблагоприятным тратить драгоценные минуты на вербовку таких личностей, приобретение которых требовало времени и усилий. А я казался ему именно таким человеком, как он объяснял позже». Дело в том, что Лопатин сразу же без колебаний и в резкой форме воспротивился идее цареубийства, что заставило Худякова «бросить дальнейшее нащупывание» [Лопатин, 1922, с. 76]. Кроме того, Худяков позднее объяснил Лопатину, что тот обладал вдобавок еще и веселым характером, поэтому не внушал большого доверия. Тем не менее после многочисленных арестов Худяков все же поручил Лопатину, так как больше почти никого, незаподозренного властью, на свободе не оставалось, быть своего рода координатором, перехватывать письма, временно обрывать конспиративные связи, а затем возобновить их, когда потребуется. Для нас важно в словах Лопатина то, что Худяков, тесно связанный с польскими экстремистскими силами, лично участвовал в

⁷¹ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 13. Д. 18486. Л. 117–120.



вербовке, отбирая потенциального исполнителя теракта. Действительно, веселый и остроумный Лопатин был полной противоположностью того же Каракозова. Видимо, типаж угрюмого, достаточно легко внушаемого Каракозова посчитали более подходящим. К тому же Худяков был уверен в Каракозове как в отличном стрелке и не ожидал, что он может промахнуться [Богучарский, 1912, с. 55].

Заключение

Роль Польского комитета в жизни тайной организации ишутинцев скорее носила характер кураторства. Польский комитет генерировал основные задачи и цели. В то время как для русской части революционного подполья едва ли могла стать самостоятельной и первостепенной важностью, например, задача освобождения польских ссыльных и добывание для этого денежных средств. Со временем организация ишутинцев стала почти точной копией польского тайного сообщества. Было скопировано даже название для прикрытия противозаконной деятельности – «Общество взаимного вспомоществования», но находились ишутинцы-худяковцы в фактически подчиненном польскому Комитету состоянии. Одной из главных задач польской организации была вербовка русских, использование их в своих целях. Это прослеживается в структуре, в хронологическом порядке возникновения и развития польского и русского подпольного движения начала 1860-х, в задачах, в том числе в обналичивании фальшивых кредитных билетов. Таким образом, покушение на императора весной 1866 г. тщательно подготавливалось, его убийство должно было совпасть по времени с восстанием поляков в Сибири. Не последнюю роль в активности польских экстремистских образований в этом отдаленном от столиц регионе играла не лучшая кадровая политика самой царской власти относительно высокопоставленных лиц Сибири в 1860-х годах. Неудачный, как оказалось, выбор кандидатуры на роль исполнителя теракта нарушил планы польского революционного подполья. Восстание поляков в Сибири состоялось позднее, летом 1866 г., в очень усеченном варианте по предполагаемому количеству участников и уже не могло принести тот же эффект, как если бы царь был убит.

Существовал ли на самом деле «Европейский революционный комитет» и кто в него входил – до сих пор является неразрешенной загадкой. Есть основания полагать, что Польский комитет вполне мог умышленно позиционировать себя под этой вывеской. Очевидно, что словосочетание «Европейский комитет» действовало на сознание некоторых ишутинцев почти магически и поднимало их самооценку как соучастников чего-то грандиозного. Среди тех, чье сознание будоражили мысли о нем, были и Каракозов с Ишутиным. Поляки, говоря о своей организации как о «Европейском комитете», не слишком бы лукавили, так как в подавляющем своем большинстве считали себя, а не русских частью просвещенной Европы. Впрочем, русским революционерам знать о том, что «Европейский комитет» на самом деле «Польский комитет», было, по мнению самих поляков, ни к чему, потому что это серьезным образом затруднило бы вербовку среди русских.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. Оп. 223. Д. 31. Л. 115.
ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 705. Л. 9–11.
ГА РФ. Ф. 109. Оп. 38. Д. 136. Л. 48–49.
Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 13. Д. 18486. Л. 117.

Список литературы

Ананских И.А., Булатов В.И., Литвинов Н.Д. и др. 2021. Покушение Д. Каракозова на Александра II как спецоперация гибридной войны. Юридическая наука: история и современность, 7: 65–104.
Богучарский В.Я. 1912. Активное народничество семидесятых годов. Москва, М. и С. Сабашниковы, 384 с.
Виленская Э.С. 1965. Революционное подполье в России. Москва, Наука, 487 с.

- Виленская Э.С. 1969. Худяков. Москва, Молодая гвардия, 175 с.
- Герман Александрович Лопатин. 1922. (1845–1918) Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. Петроград, Государственное издательство, 139 с.
- Записки П.А. Черевина. 1918. (Новые материалы по делу каракозовцев). Кострома, Издание Костромского научного общества по изучению местного края, 60 с.
- Кириллов В. 2014. ЕРК (Европейский революционный комитет). Версии мифа. Родина, 4: 71–73.
- Клевенский М.М. 1926. Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. Красный архив, 4 (17): 91–137.
- Коваль С.Ф. 1966. За правду и волю. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 192 с.
- Корнилов А.А. 1918. Курс истории России XIX в. Т. 3. Москва, 331 с.
- Кошель П.А. 1995. История российского терроризма. Москва, Голос, 249 с.
- Ляшенко Л.Д. 2016. Декабристы и народники: судьбы и драмы русских революционеров. Москва, Вече, 445 с.
- Майшев С.Е. 2016. Возникновение политического терроризма в Российской Империи во второй половине XIX века, KANT, 1(18): 14–19.
- Маньков А.В. 2017. К вопросу об истории терроризма: истоки, становление и эволюция в России, Вестник Чувашии, 2: 93–98.
- Маньков А.В. 2018. Терроризм в России: исторические аспекты (вторая половина XIX – начало XX века), Вестник Чувашии, 4: 84–100.
- Меркулов С.В., Храпченков В.Г. 2019. Зарождение и распространение экстремизма в России: историко-философский аспект, Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири, 2(2): 152–158.
- Митина Н.П. 1966. Во глубине сибирских руд: К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте. Москва, Наука, 144 с.
- Мулина С.А., Цабан В. 2020. «Неудачные агенты»: практика доноительства в среде ссыльных участников Январского восстания. Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки», Т. 7. 2(26): 31–38. doi: 10.24147/2312-1300.2020.7(2).31-38
- Назаревский В.В. 1910. Царствование императора Александра II: 1855–1881. Москва, 156 с.
- Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917. 1976. Москва, Наука, 605 с.
- Покушение Каракозова. 1928: стенографический отчет по делу Каракозова, Худякова, Ишутина и др. Т. 1. Москва, Ленинград, Изд-во Центархива РСФСР, 317 с.
- Покушение Каракозова. 1930: стенографический отчет по делу Каракозова, Худякова, Ишутина и др. Т. 2. Москва, Ленинград, Изд-во Центархива РСФСР, 383 с.
- Синцов Г.В., Первушкин А.В. 2019. Экстремизм в Российской империи: причины зарождения, Вестник Пензенского государственного университета, 1(25): 25–29.
- Стариков М. 2021. Покушения на Александра II. Электронный ресурс URL: https://factruz.ru/history_mistery_2/assassination-alexander2/ (дата обращения 25.04.2025)
- Татищев С.С. 1903. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 2. Санкт-Петербург, 734 с.
- Троицкий Н.А. 1978. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. Москва, Мысль, 335 с.
- Худяков И.А. 1882. Опыт автобиографии. Женева, Вольная русская типография, 184 с.
- Шилов А.А. 1919. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года. Петроград, Государственное издательство, 46 с.
- Щербакова Е.И. 2008. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). Москва, Новый хронограф, 224 с.

References

- Ananskih I.A., Bulatov V.I., Litvinov N.D. i dr. 2021. Pokushenie D. Karakozova na Aleksandra II kak specoperacija gibrinnoj vojny [D. Karakozov's Assassination Attempt on Alexander II as a Special Hybrid War Operation]. Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost'. 7: 65–104.
- Bogucharskij V.Ja. 1912. Aktivnoe narodnichestvo semidesjatyh godov [The Active Populism of the Seventies]. Moscow, M. i S. Sabashnikovy. 384 p.
- Vilenskaja Je.S. 1965. Revoljucionnoe podpol'e v Rossii [The Revolutionary Underground in Russia]. Moscow, Nauka, 487 p.
- Vilenskaja Je.S. 1969. Hudjakov [Khudyakov]. Moscow, Molodaja gvardija, 175 p.
- German Aleksandrovich Lopatin. 1922. (1845–1918) Avtobiografija. Pokazanija i pis'ma. Stat'i i stihotvorenija. Bibliografija [German Alexandrovich Lopatin. (1845–1918). An Autobiography.



- Testimonies and Letters. Articles and Poems. Bibliography]. Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 139 p.
- Zapiski P.A. Cherevina. 1918. (Novye materialy po delu karakozovcev) [Notes by P.A. Cherevin. New Materials on the Karakozov Case]. Kostroma, Izdanie Kostromskogo nauchnogo obshhestva po izucheniju mestnogo kraja, 60 p.
- Kirillov V. 2014. ERK (Evropejskij revolyucionnyj komitet). Versii mifa [ERC (European Revolutionary Committee). Versions of the Myth]. Rodina, 4: 71–73.
- Klevenskij M.M. 1926. Pokushenie Karakozova 4 aprelja 1866 g. [The Assassination of Karakozov on April 4, 1866]. Krasnyj arhiv, 4 (17): 91–137.
- Koval' S.F. 1966. Za pravdu i volju [For Truth and Freedom]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 192 p.
- Kornilov A.A. 1918. Kurs istorii Rossii XIX v. [The Course of the History of Russia in the 19th Century]. T. 3. Moscow, 331 p.
- Koshel' P.A. 1995. Istorija rossijskogo terrorizma [The History of Russian Terrorism]. Moscow, Golos, 249 p.
- Ljashenko L.D. 2016. Dekabristy i narodniki: sud'by i dramy russkikh revolyucionerov [Decembrists and Narodniks: the Fates and Dramas of Russian Revolutionaries]. Moscow, Veche, 445 p.
- Majshev S.E. 2016. Vozniknovenie politicheskogo terrorizma v Rossijskoj Imperii vo vtoroj polovine XIX veka [The Emergence of Political Terrorism in the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century], KANT, 1(18): 14–19.
- Man'kov A.V. 2017. K voprosu ob istorii terrorizma: istoki, stanovlenie i jevoljucija v Rossii [On the History of Terrorism: Origins, Formation and Evolution in Russia]. Vestnik Chuvashskogo universiteta, 2: 93–98.
- Man'kov A.V. 2018. Terrorizm v Rossii: istoricheskie aspekty (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [Terrorism in Russia: Historical Aspects (Second Half of the 19th – Early 20th Century)], Vestnik Chuvashskogo universiteta, 4: 84–100.
- Merkulov S.V., Hrapchenkov V.G. 2019. Zarozhdenie i rasprostranenie jekstremizma v Rossii: istoriko-filosofskij aspekt [The Emergence and Spread of Extremism in Russia: A Historical and Philosophical Perspective], Voenno-pravovye i humanitarnye nauki Sibiri, 2(2): 152–158.
- Mitina N.P. 1966. Vo glubine sibirskih rud: K stoletiju vosstaniya pol'skikh ssyl'nyh na Krugobajkal'skom trakte [In the Depths of Siberian Ores: On the Centenary of the Uprising of Polish Exiles on the Circum-Baikal Tract]. Moscow, Nauka, 144 p.
- Mulina S.A., Caban V. 2020. «Neudachnye agenty»: praktika donositel'stva v srede ssyl'nyh uchastnikov Janvar'skogo vosstaniya ["Unsuccessful Agents": The Practice of Denunciation Among the Exiled Participants of the January Uprising] Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki», T. 7, 2(26): 31–38. doi: 10.24147/2312-1300.2020.7(2). 31–38
- Nazarevskij V.V. 1910. Carstvovanie imperatora Aleksandra II: 1855–1881 [The Reign of Emperor Alexander II: 1855–1881]. Moscow, 156 p.
- Ocherki revolyucionnyh svyazej narodov Rossii i Pol'shi 1815–1917 [Essays on the Revolutionary Relations between the Peoples of Russia and Poland, 1815–1917]. 1976. Moscow, Nauka, 605 p.
- Pokushenie Karakozova. 1928: stenograficheskij otchet po delu Karakozova, Hudjakova, Ishutina i dr. [The Assassination of Karakozov: Verbatim Report on the Case of Karakozov, Khudyakov, Ishutin, and Others]. T. 1. Moscow, Leningrad, Izd-vo Centrarchiva RSFSR, 317 p.
- Pokushenie Karakozova. 1930: stenograficheskij otchet po delu Karakozova, Hudjakova, Ishutina i dr. [The Assassination of Karakozov: Verbatim Report on the Case of Karakozov, Khudyakov, Ishutin, and Others]. T. 2. Moscow, Leningrad, Izd-vo Centrarchiva RSFSR, 383 p.
- Sincov G.V., Pervushkin A.V. 2019. Jekstremizm v Rossijskoj imperii: prichiny zarozhdeniya [Extremism in the Russian Empire: The Causes of its Origin], Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta, 1 (25): 25–29.
- Starikov M. 2021. Pokusheniya na Aleksandra II [The Assassination of Alexander II] Available at: https://factruiz.ru/history_mystery_2/assassination-alexander2/ (accessed 24 April 2025)
- Tatishhev S.S. 1903. Imperator Aleksandr II, ego zhizn' i carstvovanie [Emperor Alexander II, His Life and Reign]. T. 2. Saint Petersburg, 734 p.
- Troickij N.A. 1978. Bezumstvo hrabryh. Russkie revolyucionery i karatel'naja politika carizma. 1866–1882 gg. [The Madness of the Brave. Russian Revolutionaries and the Tsarist Penal Policy. 1866–1882]. Moscow, Mysl', 335 p.
- Hudjakov I.A. 1882. Opyt avtobiografii [The Autobiography Experience]. Zheneva, Vol'naja russkaja tipografija [Free Russian Printing House], 184 p.



Shilov A.A. 1919. Karakozov i pokushenie 4 aprilja 1866 goda [Karakozov and the Assassination Attempt on April 4, 1866]. Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 46 p.

Shherbakova E.I. 2008. «Otshhepency». Put' k terrorizmu (60–80-e gody XIX veka) ["Renegades." The Path to Terrorism (60–80-ies of the XIX Century)]. Moscow, Novyj hronograf, 224 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.04.2025

Received 22.04.2025

Поступила после рецензирования 28.08.2025

Revised 28.08.2025

Принята к публикации 30.08.2025


Accepted 30.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дюков Сергей Викторович, независимый исследователь, г. Краснодар, Россия

Sergey V. Dyukov, Independent Researcher, Krasnodar, Russia

 [ORCID: 0009-0000-3787-886X](https://orcid.org/0009-0000-3787-886X)



УДК 94:659.1:[67+63](575)"189/190"
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-914-928
EDN OMPAZJ
Оригинальное исследование

Реклама как индикатор развития предпринимательства в Средней Азии в конце XIX – начале XX века: промышленность и сельское хозяйство

Абдрахманов К.А.¹ , Ефименко М.Н.² 

¹⁾ Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19;

²⁾ Оренбургская духовная семинария,
Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 17

E-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru, efimenkom@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает развитие предпринимательства в сфере промышленности и сельского хозяйства на территории Средней Азии в конце XIX – начале XX в. в отражении рекламной продукции. Цель исследования – выявить специфику организации инновационных отраслей экономики в регионе, используя информационный потенциал рекламы. Содержательно-визуальная часть объявлений позволила понять, что наиболее популярными у коммерсантов различных этносов и конфессий направлениями инвестиций являлись легкая и пищевая промышленность. Детальная фиксация в объявлениях технических параметров того или иного производства позволила рассмотреть влияние научно-технической мысли на оснащение промышленных объектов. Указанные в рекламе адреса предприятий позволили сделать вывод о том, что флагманом промышленной модернизации экономики Средней Азии стал Русский Туркестан с его мощнейшими торгово-промышленными центрами – Ташкентом и Самаркандом.

Ключевые слова: реклама, промышленность, переработка хлопка, сельское хозяйство, Средняя Азия, заводы, модернизация экономики, высокотехнологичное производство

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Абдрахманов К.А., Ефименко М.Н. 2025. Реклама как индикатор развития предпринимательства в Средней Азии в конце XIX – начале XX века: промышленность и сельское хозяйство. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 914–928. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-914-928. EDN: OMPAZJ

Advertising as an Indicator of Entrepreneurship Development in Central Asia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Industry and Agriculture

Konstantin A. Abdrakhmanov ¹ , Marina N. Efimenko ² 

¹⁾ Orenburg State Pedagogical University,
19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, Russia;

²⁾ Orenburg Theological Seminary,
17 Chelyuskintsev St., Orenburg 460014, Russia

E-mail: kostya.abdrakhmanov@mail.ru, efimenkom@mail.ru

Abstract. The article examines the development of entrepreneurship in the industrial and agricultural sectors in Central Asia in the late 19th – early 20th centuries as reflected in advertising. The aim of the study is to

identify the specifics of the organization of innovative sectors of the region's economy, using the informational potential of advertising. The visual content of the advertisements made it possible to understand that the most popular investment sectors for businessmen of various ethnic groups and faiths were clothing and footwear industry and the food industry. Detailed recording of technical parameters of specific enterprises in advertisements made it possible to examine the influence of scientific and technological knowledge on the equipment of industrial facilities. The addresses of enterprises in advertisements led to the conclusion that Russian Turkestan, with its two powerful hubs of trade and industry, Tashkent and Samarkand, was the flagship of the industrial modernization of Central Asia's economy.

Keywords: advertising, industry, cotton processing, agriculture, Central Asia, factories, economic modernization, high-tech manufacturing

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Abdrakhmanov K.A., Efimenko M.N. 2025. Advertising as an Indicator of Entrepreneurship Development in Central Asia in the Late 19th and Early 20th Centuries: Industry and Agriculture. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 914–928 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-914-928. EDN: OMPAZJ

Введение

Статья является сюжетным продолжением исследования специфики коммерческой рекламы в Средней Азии рубежа XIX–XX в., реализованного авторами в предыдущей работе.

С конца 60-х – начала 70-х гг. XIX в. началось активное освоение российским купеческим капиталом экономического пространства ханств Средней Азии. Аграрный характер экономики региона, обусловленный низким уровнем развития производства и благоприятным климатом, объективно направил внимание инвесторов в область сельского хозяйства и легкой промышленности. Традиционной сельскохозяйственной культурой, практически одинаково распространенной на всей территории Средней Азии, был хлопок. Видный специалист в области метеорологии и ирригации профессор А.И. Воейков подчеркнул высокую пригодность территории Туркестана для выращивания больших объемов хлопчатника. «Почва и климат очень благоприятны для хлопка. Лето теплее, солнечного света и тепла больше, чем под экватором», – сказано в работе ученого [Воейков, 1884, с. 1].

Власти империи и бизнес были одинаково заинтересованы в том, чтобы сделать Среднюю Азию в целом и Туркестан в частности основной сырьевой базой для стремительно развивавшейся российской текстильной промышленности. А.И. Воейков подтвердил перспективность этого плана, но обозначил, что для его успеха необходимо тесное сотрудничество государства и частного сектора. «Хлопководство в Туркестанском крае способно к очень большому развитию, так что оно могло бы обеспечить Россию нужным количеством хлопка и дать возможность вывоза хлопка, пряжи и тканей. Но для быстрого развития хлопководства нужна совместная работа правительства и частных лиц», – считал А.И. Воейков [Воейков, 1884, с. 3]. Предпринимателям, решившимся на развитие хлопковой промышленности в Средней Азии, потребовались бы значительные капиталовложения и административная поддержка для полномасштабной модернизации существовавшего архаичного производства натурально-кустарного уровня. Организаторам хлопкового дела требовалось возвести хлопкоперерабатывающие заводы, оснастить их передовым высокопроизводительным оборудованием, набрать штат сотрудников для нового производства, выстроить логистику и обеспечить бесперебойную поставку сырья, что в условиях ограниченного масштаба посевных площадей представлялось серьезной проблемой. Следовательно, создание в регионе хлопковой промышленности автоматически стимулировало развитие смежного аграрного сектора, специализировавшегося на выращивании хлопчатника. А.И. Добросмыслов объяснил



натуральный характер разведения хлопка в Туркестане: «Посевы хлопка производятся в Туркестанском крае с давних времен, но они были небольшие, в пределах местных нужд, а в продажу поступали только небольшие излишки. Развитию хлопководства препятствовало, с одной стороны, отсутствие путей сообщения, а с другой – малоценность местного хлопка», – отмечено в источнике [Добросмыслов, 1912, с. 389–390]. В конечном итоге активная совместная деятельность предпринимательского сообщества и имперских властей по модернизации аграрного сектора Средней Азии смогла обеспечить массовые поставки хлопка на российские фабрики. «Образование собственной сырьевой базы дало мощный толчок развитию российской текстильной промышленности, которая росла главным образом за счет местного хлопка», – сказано в исследовании С.Н. Брежневой и О.А. Богдановой [Брежнева, Богданова, 2023, с. 48].

Производство хлопка на территории Средней Азии в конце XIX – начале XX в. хоть и являлось самым масштабным, наукоемким и популярным у коммерсантов видом производства, но было далеко не единственным инновационным направлением промышленности в регионе. Благодаря оформлению в имперских протекторатах полноценных капиталистических отношений, там развивались шелководство, мукомольное дело, производство строительных материалов, пищевая и химическая промышленность [Добросмыслов, 1912, с. 365–398]. Высокая конкуренция даже в передовых отраслях промышленности, возникшая в силу включения автохтонного азиатского купечества в эти направления бизнеса, подразумевала использование предпринимателями рекламы для наиболее эффективного продвижения на рынке своей продукции. Серьезный уровень конкуренции в хлопковой промышленности подтверждает динамика стоимости очистки сырья на специализированных заводах. Так, в Наманганском уезде в начале 90-х гг. XIX в. очистка одного пуда хлопка обходилась заказчику в 14 коп. [Резник, 1903, с. 151]. В начале XX в. процесс значительно подешевел – до 7–8 коп. за пуд, а отдельные предприятия вообще снизили цену до 5–6 коп. [Резник, 1903, с. 151]. Как указал источник, «на понижение цены повлияло, конечно, количество заводов...» [Резник, 1903, с. 151–152].

Объект и методы исследования

В данной работе объектом исследования является реклама промышленных фирм, расположенных как на территории Средней Азии, так и за ее пределами, но ориентированных на освоение рынка этого региона. Кроме этого, рассматривается реклама технологического оборудования, предназначенного для оснащения наукоемких производств в Средней Азии, для обеспечения сельскохозяйственных работ, а также реклама соответствующих услуг по доставке, монтажу и настройке сложных электрических и паровых машин.

Так как исследование сосредоточено не только на текстовой, но и на визуальной части рекламной продукции, то источниками были выбраны хорошо иллюстрированные многостраничные издания информационно-справочного характера [Гейер, 1901; Гейер, 1908; Гейер, 1909; Дмитриев-Мамонов, 1913]. Сведения о влиянии природно-климатических условий Средней Азии на развитие в регионе сельского хозяйства были получены из ежегодных обзоров отдельных азиатских областей [Ежегодник Ферганской области, 1903; Адрес-справочник Туркестанского края, 1910]. В этих же сборниках представлены статистика и география по различным отраслям промышленности.

Анализ историографии вопроса показал, что наиболее тематически близкими данной работе являются исследования Хисамутдинова А.А. и Гао Мингью [Хисамутдинов, Гао Мингью, 2019; Хисамутдинов, Гао Мингью, 2023]. Авторы изучили функционирование рекламы российских предпринимателей в Китае начала XX в. Интерпретируя рекламу в качестве источника, ученые в одной из работ рассмотрели особенности предпринимательских практик российских купцов в Китае, то есть в иноэтничной и

инокультурной среде [Хисамутдинов, Гао Мингью, 2023]. Ряд исследований среднеазиатской тематики, несмотря на явно косвенное отношение к поднятой в нашей работе проблеме, предлагает важные сведения об аграрном секторе Средней Азии, речь о котором пойдет в контексте рассмотрения профильной рекламной продукции. Эти работы освещают подробности функционирования хлопкового рынка Средней Азии, акцентируя внимание на правовом обеспечении производства и торговли хлопком, вопросах логистики [Брежнева, Богданова, 2023; Почекаев, 2024], техническом оснащении предприятий и конкретных владельцах бизнеса [Шайдуров, 2023]. Статья В.А. Масловой демонстрирует оценку российской общественностью проблем сельского хозяйства Туркестанского края в конце XIX – начале XX в. [Маслова, 2025]. Рассуждения авторов публикаций в либеральной прессе, проанализированные в ее работе, содержат интересные природно-климатические и техническо-правовые аспекты развития растениеводства и животноводства в Туркестане.

Несмотря на приоритет информационно-экономической составляющей, реклама представляется несколько более сложным явлением, чем элементарный механизм освоения рынка. Причины и особенности появления рекламы, ее виды, варианты распространения, их эффективность, а также способы воздействия на аудиторию делают рекламу историко-культурным и социально-психологическим феноменом. В силу этого для изучения рекламы применялся набор классических общеисторических методов: проблемно-хронологический, историко-генетический и системный. Для анализа текстовой части рекламных объявлений использовался герменевтический метод. Кроме стандартного набора научных методов, априори присутствующих в историческом исследовании, также были использованы специализированные приемы изучения визуальных источников. Метод обнаружения объектов позволил выявить наиболее примечательные в визуальном плане варианты рекламы. Метод классификации изображений применялся для понимания функциональных задач представленных в объявлениях технических устройств. Контент-анализ помог раскрыть цель снабжения объявлений богатым иллюстративным рядом [Веселкова, 2017, с. 313]. С помощью семиотического анализа сделана попытка понять систему размещения текста и изображений на рекламном носителе, значение определенных символов и рассмотреть в структуре объявлений наличие практического смысла [Вдовина, 2012, с. 21–22].

Результаты и их обсуждение

Как уже было сказано, для Средней Азии конца 80-х гг. XIX – начала XX в. хлопковая промышленность стала наиболее массовой из инновационных отраслей экономики. Например, в одной только Ферганской области в 1902 г. действовало 104 хлопкоочистительных заводов [Ферганская область..., 1903, с. 4], хотя в 1880 г. их было всего 2 [Дмитриев-Мамонов, 1903, с. 86]. Рекламные объявления купеческих фирм подчеркивали, прежде всего, техническое оснащение, масштаб и период существования производства. Одним из крупнейших игроков хлопкового рынка в Средней Азии являлся торговый дом «Братья Вадьяевы» (рис 1). Реклама отчетливо показывает значительный масштаб производства и географию деятельности этой фирмы. В производственном процессе участвовали 11 хлопкоочистительных заводов, 7 из которых были собственные, а 4 – арендованные [Гейер, 1908, с. 36]. Собственные предприятия действовали в Коканде, Новом Маргелане, Андижане, Ассаке, Чусте, Шарихане и Тюря-Кургане. Арендованные мощности размещались также в Чусте, Намангане, Старом Маргелане и на станции Федченко [Гейер, 1908, с. 36]. Объявление стандартно подчеркивало технологичность производства. В производственном процессе участвовали 4 коконосушилки «с котлами для парки коконов», а все заводы предпринимателей были «европейского образца», оснащенные «паровыми машинами и нефтемоторами» [Гейер, 1908, с. 36].

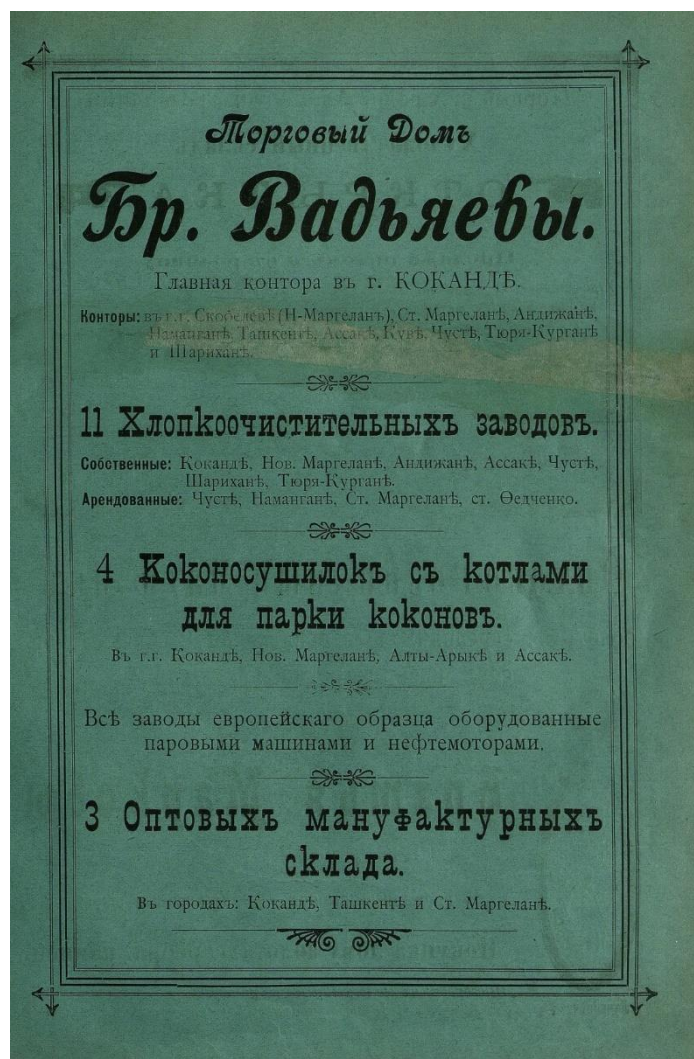


Рис. 1. Реклама торгового дома братьев Вадьяевых [Гейер, 1908, с. 36]
Fig. 1. Advertisement for the trading house of the Vadyaev brothers [Geyer, 1908, p. 36]

В этом же издании разместил рекламу своей фирмы крупный среднеазиатский промышленник из еврейской среды – Рафаэль Шаломович Потеляхов (рис. 2). Объявление Р.Ш. Потеляхова обращает на себя внимание практически идентичным рекламе братьев Вадьяевых оформлением. Характер информации, структура объявления, декор, шрифты и размер объявления позволяют предположить, что обе фирмы воспользовались услугами одних и тех же специалистов по печатной рекламе. В сборнике работ теоретиков рекламного дела конца XIX–XX в. показано, что уже в этот период сформировались профессиональные кадры создателей рекламы, которые воспринимали свое ремесло как искусство [Забытая реклама, 2014, с. 8] и, следовательно, предлагали клиентам продукт высокого качества. Поэтому возможное обращение двух крупнейших производителей хлопка в Средней Азии к одним и тем же специалистам по рекламе является вполне закономерным. В рекламе Р.Ш. Потеляхова, как и в объявлении братьев Вадьяевых, было указано общее количество хлопкоочистительных заводов – 15 с разделением на собственные и арендованные [Гейер, 1908, с. 18]. Также были конкретизированы их географическая локализация и техническое оснащение («3 коконосушилок с котлами для парки кокон») [Гейер, 1908, с. 18]. Важным отличием этой рекламы от объявления конкурирующей фирмы была информация про общий годовой объем обработки хлопка, который в 1907 г. составил 2 миллиона пудов сырца [Гейер, 1908, с. 18].

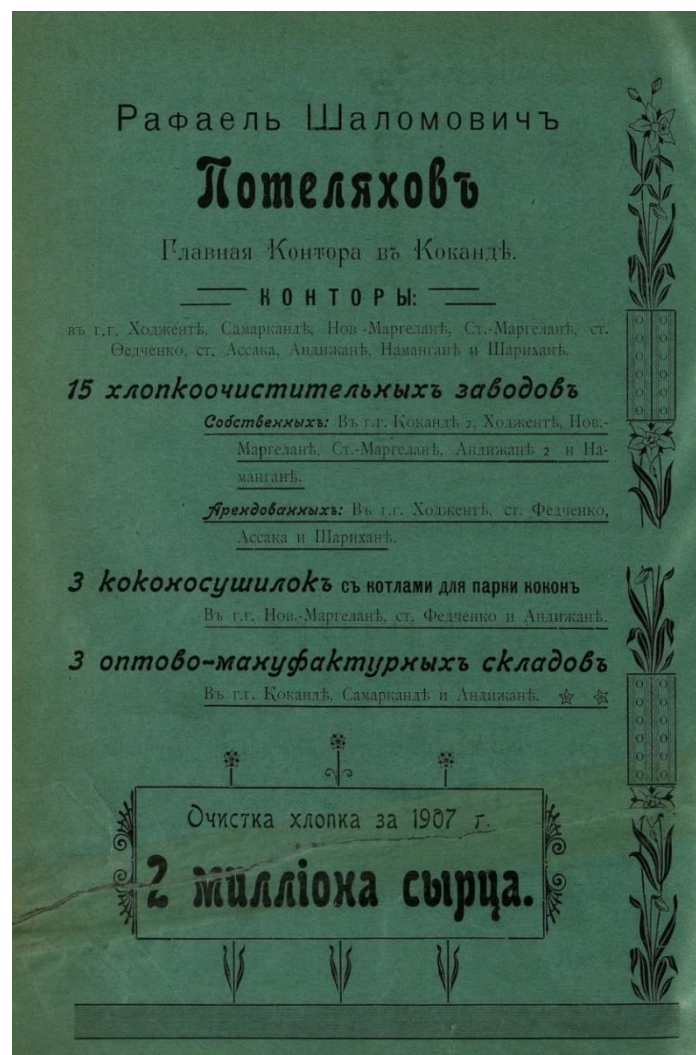


Рис. 2. Реклама фирмы Р.Ш. Потеляхова [Гейер, 1908, с. 18]
Fig. 2. Advertisement for R.Sh. Potelyakhov's firm [Geyer, 1908, p. 18]

Несколькими хлопкоочистительными заводами владел торговый дом, принадлежавший крупным татарским купцам из г. Троицка Оренбургской губернии – братьям Яушевым [Гибадуллина, 2025, с. 97]. Их предприятия располагались в Пекентской волости и рядом со станцией Келес Ташкентской железной дороги. Согласно объявлению, сырье на заводы поступало с собственных хлопковых плантаций (рис. 3) [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 24]. Заслуживает внимания и оформление рекламы фирмы Яушевых. Это объявление, не перегруженное декоративными элементами в виде узоров, фигурных рамок и проч., тем не менее содержало весьма примечательный отличительный элемент – изображение бога Гермеса и жезла золотой кадуцей [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 24]. Скорее всего, появление изображения Гермеса на коммерческом продукте никак не связано с интересом российских купцов к античной мифологии, а продиктовано желанием предпринимателей привлечь деловую удачу с помощью символа, так как одной из функций древнегреческого божества была забота о торговом успехе. Стоит сказать, что реклама торгового дома купцов Яушевых вообще отличалась оригинальностью дизайна. Одно из объявлений, содержательно идентичное выше рассмотренному, было декорировано не абстрактным узорчатым орнаментом, а украшено хорошо прорисованными цветами, в которых без труда можно было узнать нарциссы [Гейер, 1908, с. 8].



Рис. 3. Реклама торгового дома «Братья Яушевы» [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 24]
Fig. 3. Advertisement for the trading house of the Yaushev brothers [Dmitriev-Mamonov, 1913, p. 24]

Активно размещал рекламу в информационно-справочных изданиях достаточно крупный игрок на хлопковом рынке Средней Азии – торговый дом «Юсуф Давыдов», принадлежавший семье бухарских евреев [Шайдуров, 2023, с. 423]. Стандартно оформленная для богатого коммерсанта, то есть объемная, яркая и информативная, реклама этой фирмы была представлена сразу в нескольких изданиях [Гейер, 1908, с. 43; Гейер, 1909, с. 404; Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 26].

Помимо крупных торгово-промышленных предприятий и богатых купцов, хлопковый бизнес привлекал большое количество менее состоятельных коммерсантов. «С 1890 года и началась, так сказать, “хлопковая горячка”, стали строить заводы кроме крупных фирм и мелкие предприниматели, как из русских, так и из туземцев», – подтверждает повышенный спрос на хлопковый бизнес источник [Резник, 1903, с. 123]. Конечно, масштабы дела мелких и средних предпринимателей значительно уступали возможностям вышеперечисленных хлопковых магнатов. Простота оформления и размер объявлений этих предпринимателей подчеркивали их достаточно скромное финансовое положение. Владельцы небольших хлопкоочистительных предприятий, желая сэкономить средства, не размещали в рекламе подробные сведения о своем бизнесе, а информировали заинтересованных лиц лишь о наличии у них соответствующего производства. Так, Товарищество «Черкес, Сквирский и К°» указало в рекламе, что владеет хлопкоочистительным заводом в Новой Бухаре [Гейер, 1908, с. 82]. Прямо на этой же странице разместились реклама хлопкоочистительного предприятия Моисея Флаксмана в той же Новой Бухаре [Гейер, 1908, с. 82]. Среднеазиатский предприниматель Баратбай Исабас также указал в объявлении, что является собственником

хлопкоочистительного и маслобойного заводов в Ходженте [Гейер, 1908, с. 86]. Столь же лаконичное объявление о работе в Намангане хлопкоочистительного предприятия разместил коммерсант Карахан Батир Тюраев [Гейер, 1908, с. 53]. Рядом с этим объявлением разместилась реклама производства Хасана Хайдарова в Мерве и парового хлопкоочистительного завода Мыркамыла Мушинбаева в Андижане [Гейер, 1908, с. 53]. Неброское объявление, заключенное в рамку, сформированную прямыми линиями, о деятельности своего завода в Андижане опубликовал Ахмедбек Хаджи Тимирбеков [Гейер, 1908, с. 49]. Кроме сжатой текстовой части, недостаток финансов у собственников одного-двух небольших предприятий выдавал и размер объявлений. Реклама мелких хлопкопромышленников никогда не занимала отдельную страницу, а тем более весь разворот книги. Информация такого формата размещалась на одной странице в количестве от 6 до 10 объявлений [Гейер, 1908, с. 49, 53, 82, 86, 88].

В редких случаях небогатые владельцы одного хлопкоочистительного завода расширяли текстовую часть рекламы. Например, про завод М.А. Зайдель, кроме того, что он находился в Самарканде, было сказано, что на нем осуществляется очистка, прессовка, покупка и продажа хлопка «американских и местных семян» [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 28]. Ишанхан Мусаханов в очень скромном по объему объявлении описал подробности технического оснащения своего завода в Намангане. Производственные мощности его предприятия составляли 2 двигателя, один из которых работал на нефтяном топливе, а другой – на силе воды, 12 джинов и 1 гидравлический пресс [Гейер, 1908, с. 47]. Под этой рекламой было напечатано очень небольшое объявление об услугах хлопкоочистительного производства Нурдина Муллы Ниритдина в Намангане [Гейер, 1908, с. 47]. Неоднократно встречающееся совместное размещение однотипной информации позволяет предположить, что издатели имели определенное представление о тематической систематизации рекламной продукции. Рассмотренные сведения позволяют понять, что характер рекламы отчетливо сигнализировал о финансовых возможностях владельцев хлопкообрабатывающих заводов и демонстрировал статус конкретного коммерсанта в торгово-промышленном мире Средней Азии конца XIX–XX в.

Безусловно, хлопковая промышленность являлась локомотивом капиталистической модернизации экономики Средней Азии в силу своей массовости, капиталоемкости и технологичности, однако многие крупные коммерсанты старались диверсифицировать бизнес, направляя средства в том числе и в пищевое производство. Отдельные же предприниматели специализировались исключительно на пищевой отрасли экономики. Реклама пищевого характера показывает, как в Средней Азии развивалось передовое мукомольное производство. А.И. Добросмыслов указал, что до проникновения в Ташкент российских купеческих капиталов мукомольное производство в городе было представлено примитивными малопроизводительными водяными мельницами: «До прихода в край русских в Ташкенте были только водяные мельницы сартовского типа, устраиваемые, обыкновенно, на небольших арыках» [Добросмыслов, 1912, с. 385].

Коммерсант М.С. Гукасов указал, что его мельница в Самарканде оснащена фарфоровыми вальцовками и американскими турбинами. Также в объявлении был привычно обозначен срок существования фирмы с 1888 г. [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 12]. В рекламе вальцовой мельницы и макаронной фабрики, принадлежавших А.Т. Мирошниченко, подчеркивалось первенство в открытии предприятий подобного типа в Туркестане. В оформлении объявления присутствовали изображения различных наград, которыми продукция была удостоена в Ташкенте (1890), Самарканде (1894) и Нижнем Новгороде (1896) [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 17]. Предприниматель Б.А. Газаров воздержался от демонстрации в объявлении технических подробностей работы своей вальцовой мельницы, но указал адрес магазина, предлагавшего ее продукцию: г. Самарканд, Катта-Курганская улица [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 18]. Товарищество «Антонов и К°» располагало в Мерве маслобойным заводом и паровой мельницей. Реклама предлагала клиентам продажу



«всех сортов масла и жмыхов во всяком количестве» [Гейер, 1908, с. 46]. В Мерве также действовало «Мукомольное торгово-промышленное и механическое товарищество. Ф. Наумов и К°». Производственными активами фирмы являлись маслобойня, паровая мельница и слесарно-механическая мастерская [Гейер, 1908, с. 46]. Торговому дому «Братья О.А. и К. Аветисовы в Мерве» кроме вальцовой мукомольной мельницы и маслобойного завода принадлежала еще и «конфетная фабрика» [Гейер, 1908, с. 46].

Стоит сказать, что создание парового мукомольного производства обходилось организаторам очень дорого. К сожалению, в рассмотренных объявлениях не указан суточный объем выработки муки, поэтому у нас нет возможности определить даже приблизительную стоимость строительства какой-либо из этих мельниц. Однако оценить объем инвестиций в данное направление бизнеса можно на примере организации мукомольного производства в Ташкенте. Небольшая паровая мельница российского купца Павлова, построенная в 1899 г. и рассчитанная на помол до 200 пудов зерна в сутки, обошлась коммерсанту в 20 тыс. руб. [Добросмыслов, 1912, с. 386]. В свою очередь, высокопроизводительный мельничный комплекс туркестанского мукомольного товарищества, запущенный в 1909 г., стоил колоссальные 300 тыс. руб. Максимальная нагрузка производства достигала 5 тыс. пудов зерна в сутки [Добросмыслов, 1912, с. 386]. Стоит отметить, что столь серьезная сумма являлась вполне актуальной для начала XX в. Посетив Челябинск как раз в 1909 г., бывший член II Государственной думы И.В. Жилкин обратил внимание на излишнюю популярность в челябинских деловых кругах мукомольного дела при явном несоответствии финансовых возможностей многих предпринимателей сложности бизнеса [Антипин, 2014, с. 133]. «Купцов как эпидемия охватила. Чуть у кого заведется тысяч 60–70, начинают воздвигать мельницу. А нужно на нее самое меньшее тысяч 250», – записал И.В. Жилкин [Весновский, 1909, с. 24].

В конце XIX – начале XX в. инновационные направления коммерции, организованные на территории Средней Азии, также были представлены химическим производством. Основным активом предпринимателей в этом сегменте промышленности являлись мыловаренные заводы. Судя по рекламе, мыловаренные предприятия потомственного почетного гражданина Рафаэля Шаломовича Потеляхова действовали в Коканде и Драгомирово⁷² [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 542]. Примечательным в объемном, красочно оформленном объявлении Р.Ш. Потеляхова является то, что предприниматель постарался описать в нем практически весь свой разнопрофильный бизнес. Кроме мыловаренного производства в рекламе упоминается маслобойное дело, паровая мельница в Андижане, паровая табачная фабрика в Коканде и коконосушильни, расположенные в нескольких населенных пунктах Средней Азии [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 542]. Полученная из рекламы информация раскрывает стремление Р.Ш. Потеляхова к новаторству, так как он активно инвестировал в основные передовые направления коммерции. В начале XX в. в крупнейших городах Средней Азии производилась и более сложная в производственно-технологическом плане, чем мыло, химическая продукция. Торговый дом «Никита Пугасов с сыновьями» предлагал покупателям масляные краски и олифу, произведенные на собственной паровой фабрике в Ташкенте [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 552].

Активное строительство бизнесом производственных мощностей, торговых площадок, ресурсно-сырьевых и инфраструктурных объектов потребовало огромного количества качественных строительных материалов. Следовательно, реагируя на спрос, предприниматели организовали соответствующее производство. В конце XIX – начале XX в. в Средней Азии, как и в метрополии, производственные помещения, предназначенные для монтажа крупногабаритного тяжеловесного оборудования, возводили из прочных несгораемых материалов – камня и кирпича. На территории Туркестана крупным производителем кирпича

⁷² Основанный в 1896 г. населенный пункт был назван в честь генерал-майора русской армии Михаила Ивановича Драгомирова. Сейчас поселок городского типа Мехрабад в Джаббар-Расуловском районе Согдийской области Республики Таджикистан.

являлся «Русский кирпичный завод А.И. Панафутина», основанный в Самарканде в 1894 г. [Справочник и адрес-календарь, 1899, с. 26]. Реклама доводила до сведения потенциальных клиентов, что «на заводе имеется непрерывно действующая печь собственной системы» [Справочник и адрес-календарь, 1899, с. 26]. В объявлении был напечатан привлекательный для потребителя рекламный лозунг: «наименьшие цены при наилучшем качестве кирпича» [Справочник и адрес-календарь, 1899, с. 26]. В другом объявлении А.И. Панафутин подчеркнул значительные производственные возможности своего предприятия, указав, что завод выпускает 4 млн шт. кирпичей в год [Гейер, 1901, с. 313]. Кроме предприятия А.И. Панафутина, в Ташкенте действовал кирпично-обжигательный завод наследниц Е.И. Ильина. Их реклама сообщала клиентам, что благодаря применению печей «Гофманской» системы на заводе «выделяется кирпич разных сортов лучших качеств» [Гейер, 1909, с. 391].

Многие производители строительных материалов не открывали на территории Средней Азии полноценное производство, а предпочитали завозить товар из России и реализовывать его через склады готовой продукции. Как правило, эти фирмы имели в крупнейших городах региона свои представительства, где клиенты могли оформить заказы на изготовление и доставку интересующих их строительных материалов. М.С. Строганов представлял в Ташкенте Товарищество Сызранского асфальтового завода. В рекламе была перечислена номенклатура продукции этого предприятия и указан перечень выполняемых по требованию заказчика строительно-монтажных работ. Фирма специализировалась на производстве асфальта, гудрона, цемента, мостовой гранитной плитки и толя⁷³ [Гейер, 1908, с. 64]. Специалисты товарищества могли выполнить работы по настилке мостовых, тротуаров и пола. Также клиенты могли заказать монтаж резервуаров, бассейнов, выгребных ям, канализации, колодцев и переездов через арыки [Гейер, 1908, с. 64]. Представительство «для Туркестанского края» Сызранско-Печерского общества предлагало клиентам асфальт и гудрон, а также «исполнение асфальтных работ» [Гейер, 1909, с. 401].

Крайне интересную информацию предлагает реклама строительной продукции московского общества И.С. Осовецкий и уже упомянутого общества Сызранско-Печерской асфальтовой и горной промышленности. Судя по тексту объявления, представлять интересы этих компаний на территории всей Средней Азии было поручено женщине – Феодоре Андреевне Овсянниковой [Гейер, 1901, с. 12]. Территориально представительство главного доверенного лица располагалось в Ташкенте как столице Туркестанского генерал-губернаторства, откуда Ф.А. Овсянникова контролировала деятельность управляющих другими филиалами. Огромная ценность таких объявлений как исторического источника заключается в том, что, помимо сведений о специализации бизнеса, из них можно узнать о личностях среднеазиатских агентов торгово-промышленных предприятий, действовавших в Средней Азии. Так, в подчинении у Ф.А. Овсянниковой было несколько агентов, работавших в разных городах региона. Интересы нанимателей в Ташкенте представлял Гавриил Михайлович Михайлов, в Коканде – Дмитрий Александрович Преображенский, в Андижане – Григорий Иванович Сахаров, в Асхабаде – Николай Николаевич Ищенко, в Самарканде – Аршак Макарович Уреглянц, в Верном – Иван Егорович Зубарев [Гейер, 1901, с. 12].

Коммерции советник Г.В. Дюршмидт имел конторы и склады в Ташкенте, Коканде, Самарканде, Андижане, Верном и других городах, через которые реализовывал разнообразную строительную продукцию. Дилер предлагал портландцемент марки «Сокол» производства вольского завода предпринимателя Д.Б. Зейферта, асфальт и гудрон Сызранско-Печерского общества, оцинкованное кровельное железо акционерного общества «Кровля» и наследников графа П.П. Шувалова [Дмитриев-Мамонов, 1913, с. 71]. Характерной особенностью рекламы строительных материалов являлось ограниченное использование либо полное отсутствие в объявлениях каких-либо изображений. Минимальное применение

⁷³ Кровельный и гидроизоляционный материал.

крупных фигурных шрифтов позволяло вместить детальную информацию о фирме, ее собственниках и продукции. Получается, что эти рекламодатели при размещении объявлений делали ставку на информационную составляющую, а не на визуальный эффект.

Многофакторные модернизационные процессы, протекавшие в Средней Азии в конце XIX–XX в. и затронувшие в первую очередь торговлю, промышленность, сельское хозяйство, также отразились на образе жизни и потребностях местного и приезжего населения. В силу этого качественные износостойкие строительные материалы были востребованы не только при реализации проектов промышленного значения, но и применялись для возведения жилых домов и создания коммунальной инфраструктуры. Преображение городского пространства Средней Азии в соответствии с представлениями о комфорте приезжих и автохтонных состоятельных слоев населения, требовавшее применения большого количества строительных материалов, показано в ташкентском сатирическом журнале. В жалобе самаркандского обывателя на качество дорожного покрытия в отдельных частях города показан размах строительства, организованного в интересах местного богатого купечества: «Ежели которые в экипажах ездят, так у них и дома во весь квартал, и тротуары бревнами и кирпичом заваливают. Нашему-то брату и приходится по лужам бродить» [Туркестанский скорпион, 1907, с. 9].

Активное строительство в городах Средней Азии разнопрофильных промышленных объектов сформировало высокий спрос на современное технологическое оборудование. Для оснащения хлопкоочистительных заводов, мукомольных мельниц, химического и строительного производства требовались паровые двигатели, электрогенераторы, осветительные приборы, прессовое оборудование, котлы, насосные станции, станки и многие другие технические новшества. В условиях конкурентной борьбы предприятия, специализировавшиеся на производстве высокотехнологического оборудования, посредством рекламы сообщали клиентам о преимуществах своих предложений. Реклама этой продукции, не относившейся к товарам массового потребления, была адресована, прежде всего, крупным корпоративным клиентам – акционерным обществам, торговым домам, товариществам и другим юридическим лицам.

Так же как и производители строительных материалов, изготовители технологического оборудования редко открывали в городах Средней Азии полноценное производство, а действовали на рынке через сеть представительств и оптово-розничных складов. Так, желающим приобрести керосиновые, бензо-керосиновые и газовые двигатели фирмы «Отто Дейтц» следовало обращаться к представителю завода Артуру Шуберту, возглавлявшему представительство в Самарканде [Справочник и адрес-календарь..., 1899, с. 24]. Владелец саратовского технического бюро В.А. Антонов открыл филиалы организации в Туркестане и Закаспийской области. Предприниматель предлагал заказчикам обеспечить поставку горизонтальных нефтяных двигателей завода «Сотрудник» и изготовить металлические колеса для водяных мельниц, гидравлические хлопковые прессы и трансмиссии «по собственным чертежам и моделям» [Гейер, 1908, с. 12]. Недостатком этой рекламы являлось отсутствие адреса среднеазиатских представительств фирмы Антонова. Для связи с ним были указаны только контакты в Саратове. Оформить заказ можно было, лично посетив центральный офис по адресу Саратов, ул. Московская, д. 44 или отправив телеграмму «Технику Антонову». Для того чтобы иногородних клиентов, не имевших возможности приехать в Саратов, не останавливал дистанционный формат общения, В.А. Антонов опубликовал в рекламе мотивирующее послание: «На все запросы отвечаю немедленно» [Гейер, 1908, с. 12]. Возможно, что указание на оперативность обработки всех обращений В.А. Антонов оставил, ориентируясь на негативный опыт кого-нибудь из коллег, потерявших клиентов из-за того, что потенциальные заказчики либо вообще не получали обратную связь, либо ответ шел слишком долго.

Размышляя о причинах отказа собственников таких предприятий от открытия на территории Средней Азии полноценного производства высокотехнологичного оборудования,

можно предположить, что сами владельцы могли сомневаться в возможности организации на новом месте промышленных площадей, аналогичных действующим в России, без ограничения их функционала. Преимущество городов коренной империи перед среднеазиатскими заключалось в наличии всей необходимой для эффективной работы сложного производства инфраструктуры. Во всех крупных торгово-промышленных центрах России располагалось литейное и механическое производство, разветвленная железнодорожная сеть облегчала доставку импортного обрабатывающего оборудования, а учебные заведения готовили необходимые в промышленности технические кадры.

Многие фирмы предлагали заказчикам широкий набор интеллектуальных (проектно-сметных, конструкторских и изыскательных) услуг и инженерно-технических работ. Такая реклама, как правило, не выделялась яркостью оформления, а использовала пространство носителя для подробного описания технических возможностей рекламодателя. Например, Туркестанское техническое трудовое товарищество могло обеспечить полное «механическое оборудование заводов и фабрик» [Гейер, 1908, с. 25]. Также контора проводила грунтовые, межевые, землеустроительные и шоссейные работы, занималась монтажом подъездных путей [Гейер, 1908, с. 25]. Квалифицированные бухгалтерские и инженерно-технические кадры предприятия отвечали за подготовку проектов и смет на ирригационные и прочие сооружения. Уникальной можно считать рекламу ташкентского технического бюро «Инженер». В небольшом по объему (менее половины страницы) объявлении, проектно-техническая организация предлагала оборудование «под ключ» хлопкоочистительных, рисоочистительных, маслобойных и пивоваренных заводов, мельниц и других промышленных объектов [Гейер, 1908, с. 25]. Самым интересным, на наш взгляд, является предложение полного пакета услуг по монтажу электрического освещения на крупном производстве с указанием его общей стоимости и содержания. За 3 300 руб. клиент получал «устройство электрического освещения на 80 ламп по 25 свечей и 2 дуговых фонаря по 1 700 свечей, включая двигатель “Колумбия”, динамо машину, монтаж, полную установку и проводку» [Гейер, 1908, с. 25].

Подобного рода реклама показывает, что в конце XIX – начале XX в. организаторы промышленного производства в Средней Азии могли без труда найти исполнителей всех видов интеллектуально и технически сложных работ. Проектно-строительные организации были готовы реализовать проект любой сложности – от стадии котлована до полного запуска производства. В свою очередь, изготовители строительных материалов, технического оборудования и исполнители проектно-монтажных работ не имели недостатка в клиентах. Крупные фирмы активно открывали в Средней Азии инновационные предприятия, стоившие сотни тысяч рублей. Например, к 1910 г. в Ташкенте заработала огромная скотобойня, на строительство которой ушло 400 тыс. рублей. В описании этого промышленного гиганта сказано: «Бойня оборудована по последнему слову техники и не уступает лучшим бойням в городах Европейской России» [Адрес-справочник, 1910, с. 75].

Заключение

Резюмируя результаты исследования, становится видно, что анализ рекламы позволил рассмотреть модернизацию экономики Средней Азии в конце XIX – начале XX в., максимально затронувшую промышленность и аграрный сектор. Содержание рекламных объявлений показало, что инновационные для Средней Азии сферы промышленности развивались неравномерно. Наиболее массово в крупнейших городах региона возводились предприятия легкой промышленности, специализировавшиеся на переработке хлопка. Это было связано с тем, что культура хлопчатника имела широкое распространение на всей территории Средней Азии в силу природно-климатических условий местности и в российско-азиатских экономических связях носила характер основного предмета обмена. Как для российских, так и для азиатских предпринимателей хлопковый бизнес представлялся наиболее выгодным и быстро реализуемым делом, так как местное население имело многовековой опыт

выращивания этой культуры, а применение передовых агротехнологий позволило расширить посевные площади хлопчатника и повысить его урожайность. Соответственно, на месте выращивания хлопка создавалась высокотехнологичная перерабатывающая база.

Наряду с легкой промышленностью в этот период получило широкое распространение и пищевое производство, представленное паровыми и водяными мукомольными мельницами, скотобойнями, рисоочистительными и маслобойными заводами. Масштабное строительство по всей Средней Азии промышленных объектов, дорожно-транспортной инфраструктуры, коммунального и жилого фонда потребовало организации производства строительных материалов. По сравнению с легкой и пищевой промышленностью, тяжелая отрасль экономики (литейные и механосборочные мощности) и прочее высокотехнологичное производство имели в Средней Азии весьма ограниченное распространение. Несмотря на это, Ташкент и Самарканд являлись центрами оказания проектно-инженерных услуг и работ по строительству и оснащению любого высокотехнологичного промышленного производства. Подрядные организации могли разработать проект, составить смету, закупить, смонтировать и запустить завезенное из России и Европы передовое оборудование.

Список источников

- Адрес-справочник Туркестанского края с иллюстрациями, календарем на 1910 г., картой края и объявлениями. 1910. Ташкент, Сырдарьинский областной статистический комитет, 208 с.
- Весновский В.А. 1909. Карманный справочник «Весь Челябинск» и его окрестности. Челябинск, Типография Л.Б. Бреслиной, 138 с.
- Воейков А.И. 1884. Хлопковый комитет: хлопководство в Туркестанском крае и условия его развития. Санкт-Петербург, Типография В. Киршбаума, 4 с.
- Гейер И.И. 1901. Путеводитель по Туркестану (с двумя картами и одним портретом). Изд. I. Ташкент, Типо-литография В.М. Ильина, 316 с.
- Гейер И.И. 1908. Весь Русский Туркестан. Ташкент, Туркестанское товарищество печатного дела, 435 с.
- Гейер И.И. 1909. Туркестан. Изд. второе, исправленное и дополненное автором. Ташкент, Туркестанское товарищество печатного дела, 406 с.
- Дмитриев-Мамонов А.И. 1913. Путеводитель по Туркестану и железным дорогам Средне-Азиатской и Ташкентской. Изд. 6. Санкт-Петербург, Типография И. Шурухта, 552 с.
- Дмитриев-Мамонов А.И. 1903. Путеводитель по Туркестану и среднеазиатской железной дороге с историческим очерком сооружения и эксплуатации Закаспийской военной железной дороги и очерком сооружения Оренбург-Ташкентской железной дороги. Санкт-Петербург, Типография Исихора Гольдберга, 448 с.
- Добросмыслов А.И. 1912. Ташкент в прошлом и настоящем: исторический очерк. Ташкент, Электропаровая типо-литография О.А. Порцева, 520 с.
- Резник П. 1903. Хлопководство в Наманганском уезде 1880–1901 г. *Ежегодник Ферганской области*, 2. Новый Маргелан, Типография Ферганского областного управления, 119–159.
- Справочник и адрес-календарь Самаркандской области. Издание Самаркандского областного статистического комитета. 1899. Самарканд, Типография Белобородова, 294 с.
- Туркестанский скорпион*. 1907. 2: 15 с.
- Ферганская область в 1902 году. 1903. *Ежегодник Ферганской области*, 2. Новый Маргелан, Типография Ферганского областного управления, 1–19.

Список литературы

- Антипин Н.А. 2014. Мельница А.В. Кузнецова в г. Челябинске (110 лет со времени строительства). Календарь замечательных и памятных дат. Челябинская область. 2014. Челябинск: 130–136.
- Брежнева С.Н., Богданова О.А. 2023. «Белое золото» Туркестанского генерал-губернаторства (попытки решения проблем хлопководства в начале XX века). *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*, 1(45): 45–60. URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/4_45_2023.pdf. doi: 10.32516/2303-9922.2023.45.4.

- Вдовина Т.В. 2012. Визуальные исследования: основные методологические подходы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 1: 16–26.
- Веселкова Н.В. 2017. Методологические ориентиры визуальных исследований. *Документ. Архив. История. Современность*, 17: 303–323.
- Гибадуллина Э.М. 2025. Специфика предпринимательских практик татарского купечества г. Троицка Оренбургской губернии в условиях модернизации России (60-е гг. XIX – начало XX века). *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*, 1(53): 83–106. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/53/6_53_2025.pdf. doi: 10.32516/2303-9922.2025.53.6.
- Забывтая реклама. Труды отечественных теоретиков рекламы конца XIX – начала XX в. Н. Плиский, А. Веригин, Н. Верховой, А. Ратнер. 2014. / авторы-составители А.А. Степанов, А.Е. Якимов. Санкт-Петербург, ИД «РИАЛ ПРОНТО», ООО «Книжный Дом»: 100 с.
- Маслова В.А. 2025. Положение сельского хозяйства в Туркестанском генерал-губернаторстве в освещении либеральных журналов Российской империи в 1894–1917 гг. *Via in Tempore. История. Политология*, т. 52, 1: 155–164.
- Почкаев Р.Ю. 2024. Бухарский эмират и Хивинское ханство на российском хлопковом рынке (правовые аспекты). *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, т. 15, 3(137). URL: <https://history.jes.su/s207987840031016-6-1/>. doi: 10.18254/S207987840031016-6.
- Хисамутдинов А.А., Гао Мингъю. 2023. История российского предпринимательства в Китае первой половины XX века в зеркале рекламы. *Историко-экономические исследования*, т. 24, 4: 611–630.
- Хисамутдинов А.А., Гао Мингъю. 2019. Купи-продай: история развития русской рекламы в Китае в первой половине XX века. Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 151 с.
- Шайдунов В.Н. 2023. Предпринимательство бухарских евреев в зеркале экономической модернизации Центральной Азии в начале XX в. (на примере торгового дома «Юсуф Давыдов»). *СибСкрипт*, т. 25, 3(97): 416–432.

References

- Antipin N.A. 2014. A.V. Kuznetsov's Mill in Chelyabinsk (110 Years since Construction). *Kalendar' zamechatel'nykh i pamyatnykh dat. Chelyabinskaya oblast'. 2014* [Calendar of Remarkable and Memorable Dates. Chelyabinsk Oblast. 2014]. Chelyabinsk: 130–136 (in Russian).
- Brezhneva S.N., Bogdanova O.A. 2023. The “White Gold” of Turkestan Governorate-General (Solving the Problems of Cotton Growing in Early XX Century). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 1(45): 45–60 (in Russian). URL: http://vestospu.ru/archive/2023/articles/4_45_2023.pdf. doi: 10.32516/2303-9922.2023.45.4
- Vdovina T.V. 2012. Visual Studies: Basic Methods of Research. *RUDN Journal of Sociology*, 1: 16–26 (in Russian).
- Veselkova N.V. 2017. Methodological Guidelines of Visual Studies. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity], 17: 303–323 (in Russian).
- Gibadullina E.M. Specifics of the Entrepreneurial Practices of the Tatar Merchants of the City of Troitsk, Orenburg Province, in the Context of Russia's Modernization (the 60-s of the XIX – Early XX Century). *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 1(53): 83–106 (in Russian). URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/53/6_53_2025.pdf. doi: 10.32516/2303-9922.2025.53.6.
- Zabytaya reklama. Trudy otechestvennykh teoretikov reklamy kontsa XIX – nachala XX v. N. Pliskiy, A. Verigin, N. Verkhovoy, A. Ratner [Forgotten Advertising. Works of Russian Advertising Theorists of the Late 19th – Early 20th Centuries. N. Pliskiy, A. Verigin, N. Verkhovoy, A. Ratner]. 2014. Avtory-sostaviteli A.A. Stepanov, A.E. Yakimov. Sankt-Peterburg, ID «RIAL PRONTO», ООО «Knizhnyy Dom», 100 p.
- Maslova V.A. 2025. Agricultural Situation in the Turkestan General Governorate in the Coverage of Liberal Magazines of the Russian Empire in 1894–1917. *Via in Tempore. History and Political Science*, 52(1): 155–164 (in Russian).
- Pochekaev R. Yu. 2024. Emirate of Bukhara and Khanate of Khiva on the Russian Cotton Trade Market: Legal Aspects. *ISTORIYA*, vol. 15, 3(137) (in Russian). URL: <https://history.jes.su/s207987840031016-6-1/>. doi: 10.18254/S207987840031016-6.



- Khisamutdinov A.A., Gao Mingyue. 2023. History of Russian Entrepreneurship in China the First Half of the XX Century in the Mirror of Advertising. *Journal of Economic History and History of Economics*, vol. 24, 4: 611–630 (in Russian).
- Khisamutdinov A.A., Gao Mingyue. 2019. Kupi-proday: istoriya razvitiya russkoy reklamy v Kitae v pervoy polovine XX veka [Buy and Sell: The History of the Development of Russian Advertising in China in the First Half of the 20th Century]. Vladivostok, Dal'nevostochnyy federal'nyy universitet, 151 p.
- Shaidurov V.N. 2023. Entrepreneurship of Bukharan Jews during Economic Modernization of Central Asia in the Early XX Century: Yusuf Davydov Trading House. *SibScript*, vol. 25, 3(97): 416–432 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 31.08.2025

Received 31.08.2025

Поступила после рецензирования 05.11.2025

Revised 05.11.2025


Принята к публикации 07.11.2025

Accepted 07.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Абдрахманов Константин Алексеевич, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9469-7694](https://orcid.org/0000-0001-9469-7694)

Konstantin A. Abdrakhmanov, Doctor of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia

Ефименко Марина Николаевна, доктор философских наук, профессор, проректор по научной работе, Оренбургская духовная семинария, г. Оренбург, Россия

 [ORCID: 0009-0006-7216-927X](https://orcid.org/0009-0006-7216-927X)

Marina N. Efimenko, Doctor of Sciences in Philosophy, Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Orenburg Theological Seminary, Orenburg, Russia

УДК 94(470.324)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-929-935

EDN OWZZOS

Оригинальное исследование

Развитие винокуренного производства в Воронежской губернии в начале XX в.

Перепелицын И.А. Воронежский государственный педагогический университет,
Россия, 394043, г. Воронеж, ул. Ленина, 86E-mail: iap98@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается состояние винокуренного производства в Воронежской губернии в позднеимперский период. Уделено внимание выяснению масштабов и объемов производства, географии размещения винокуренных заводов. Показано, что им, имевшим сравнительно небольшую численность, принадлежала значительная доля в общегубернском промышленном производстве. Среди владельцев винокурен значились представители различных социальных групп, в том числе высших слоев дворянства и купечества. Стимулирующими факторами для развития винокуренного производства в губернии выступали наличие исходного сырья, устойчивый спрос на спиртовую продукцию, распространение сети железных дорог. В винокуренном деле протекали разнообразные процессы, связанные с концентрацией производства, внедрением новой техники и усовершенствованием технологий, усилением значения незернового сырья, прежде всего картофеля.

Ключевые слова: Воронежская губерния, промышленность, винокурение, винокуренные заводы, производство спирта, масштабы производства

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Перепелицын И.А. 2025. Развитие винокуренного производства в Воронежской губернии в начале XX в. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 929–935. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-929-935. EDN: OWZZOS

Development of Distilling Production in the Voronezh Province at the Beginning of the 20th Century

Ivan A. Perepelitsyn Voronezh State Pedagogical University,
86 Lenin St., Voronezh 394043, RussiaF-mail: iap98@mail.ru

Abstract. This article examines the state of distilling in the Voronezh Province at the beginning of the 20th century. Distilling was considered as one of the most profitable industries, attracting capital and arousing increased attention from both the state and entrepreneurs. The Voronezh Province possessed the necessary conditions for the development of distilling: a requisite raw material base of grain and non-grain origin, labor resources, previously accumulated experience and traditions, and an expanding railway network. This article explores quantitative indicators and the specific features of distilling development in the province, identifying changes in the number and output of distilleries, their technical and technological equipment, and their distribution by district. The findings show that despite their relatively small numbers, these distilleries played a significant role in the region's industrial structure in terms of output. Distilleries were owned by representatives of various social groups, including nobles and merchants. The distilling industry saw a concentration of production, the introduction of new equipment and modern technologies, and a significant increase in the role of potatoes as a primary raw material.



Keywords: Voronezh province, industry, distilling, distilleries, alcohol production, production scale

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Perepelitsyn I.A. 2025. Development of Distilling Production in the Voronezh Province at the Beginning of the 20th Century. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 929–935 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-929-935. EDN: OWZZOS

Введение

Воронежская губерния в начале XX в. продолжала оставаться типично аграрным регионом Российской империи. Тем не менее в ней, как и во всей стране, осуществлялись в определенных масштабах процессы индустриализации. Особенно это касалось тех отраслей, которые были напрямую задействованы в переработке сельскохозяйственной продукции. К их числу относилось винокуренное производство, позволявшее обеспечивать высокую доходность предприятиям отрасли, прежде всего за счет высоких цен и устойчивого спроса на спиртовую продукцию и сравнительно небольших затрат на доступное сырье. Государство, учитывая финансово-экономическую и социальную значимость данной отрасли, уделяло повышенное внимание ее регламентации и регулированию, в разное время применяя откупную, акцизную системы, вводя и отменяя винную монополию. В Воронежской губернии имелись необходимые условия для устойчивого развития винокурения, поскольку она располагала большими сырьевыми и трудовыми ресурсами, требуемыми капиталами, накопленным в предшествующий период опытом промышленного производства спирта, в ней постепенно улучшалась транспортная инфраструктура. Эти обстоятельства обуславливали высокую долю винокурения в объемах выработки промышленности Воронежской губернии. Изучение процессов, происходивших в винокуренном производстве, позволяет глубже понять содержание и особенности социально-экономического развития региона.

Объект и методы исследования

В качестве объекта изучения в настоящей статье выступает история винокуренного производства Воронежской губернии, занимавшего значимое место в промышленности региона поздней имперской эпохи. Статья подготовлена в соответствии с требованиями принципов научной объективности, системности и историзма. Работа со статистическими материалами, отражающими эволюцию винокуренного дела, потребовала использования количественных методов. Широко применялись следующие методы: проблемно-хронологический метод, позволявший последовательно выделять в полученной информации основные аспекты развития винокурения; метод диахронного анализа был необходим для выстраивания по времени процессов, происходивших в винокурении; историко-сравнительный метод, дававший возможность сопоставлять с целью выявления общего и особенного показатели винокуренного производства применительно к разным временным отрезкам, уездам, по отношению к промышленности губернии.

Проблемы истории российского винокурения привлекали внимание отечественных исследователей. Общая характеристика возникновения и развития винокуренного производства в России в широком историческом контексте представлена в труде В.В. Похлёбкина [Похлёбкин, 2023], книге С.А. Рогатко [Рогатко, 2014]. Традиции российского винокурения и основные направления его эволюции в XVI–XVIII вв. освещались в статье Н.Е. Горюшкиной и А.А. Колупаева [Горюшкина, Колупаев, 2022], а во второй половине XIX в. – в монографии Н.Е. Горюшкиной [Горюшкина, 2022]. Нормативно-правовая регламентация винокуренного производства рассматривалась И.О. Ворониной [Воронина, 2013], Р.В. Федосеевым [Федосеев, 2020]. При этом региональные особенности развития винокурения, в частности в Воронежской губернии, нуждаются в дополнительном изучении.

Результаты и их обсуждение

К началу XX в. в Воронежской губернии сложились прочные традиции производства спирта, сформировалась необходимая материально-техническая база, выстроены устойчивые торгово-закупочные, снабженческо-сбытовые связи [Перепелицын, 2025]. Современники хорошо понимали и признавали значение винокуренного производства. «Первое место в губернии в области обрабатывающей промышленности принадлежит сахароварению и винокурению. Эти отрасли служат значительным подспорьем для местного населения, давая ему возможность для сбыта хлеба на винокуренные заводы, доставляя заработки окрестному населению и снабжая его бардою для откорма скота»⁷⁴, – отмечалось в одном из обзоров Воронежской губернии.

Следует отметить, что в рамках реформы С.Ю. Витте с 1895 г. в регионах страны поэтапно вновь стала вводиться винная монополия, соответственно, происходили изменения в правовом регулировании производства и продажи спирта и другой алкогольной продукции [Фридман, 2005]. На рубеже XIX–XX вв. в Воронежской губернии наблюдалась определенная стабилизация численности винокуренных заводов. В 1899 г. регионе было зафиксировано 28 винокуренных заводов, что составляло 0,6 % всех промышленных предприятий, на которых 1 172 рабочих (7,1 %) произвели продукции на 3 411 795 руб. (17,0 %) [Памятная книжка Воронежской губернии. 1901 г., 1901, с. 84–87]. В среднем на одну винокурню приходилось 121 850 руб. выработки. Действовавший водочный завод при 22 рабочих давал продукции на 71 000 руб. Спустя два года, в 1901 г., на 27 заводах (0,5 %), емкость квасильных чанов которых составляла 232 045 ведер, было выкурено при 1 082 рабочих 75 175 819 градусов безводного спирта, сумма производства составила 2 029 981 руб. (в среднем 75 184,5 руб. на одно предприятие), причем фиксировалось снижение выработки по сравнению с 1900 г. на 1 711 227 руб. [Памятная книжка Воронежской губернии. 1903 г., 1903, с. 20–22, 95]. Среди самых крупных предприятий выделялись два завода в Воронеже с производством 150 000 руб. при 63 рабочих, заводы в Валуйках (65 600 руб., 30 рабочих) и Боброве (45 000 руб., 30 рабочих). Принадлежавшие купчихе А.С. Хвошинской в Воронеже винокуренный завод располагался в слободе Чижевке, а спиртоочистительный завод – на Тулиновской улице.

От года к году численность винокурен претерпевала незначительные изменения, сумма выработки также не оставалась постоянной. Так, в 1902 г. в Воронежской губернии действовал 31 винокуренный завод (0,7 % всех заводов губернии) и при 1 199 рабочих (7,2 % рабочих губернии) производил продукции на 1 665 432 руб. (8,5 % всей выработки; в среднем 53 723,6 руб. на одно предприятие) [Памятная книжка Воронежской губернии. 1904 г., 1904, с. 22–25, 80]. Больше всего винокурен фиксировалось в Бобровском (6) и Острогожском (5) уездах. В 1903 г. число заводов равнялось 32 (0,6 % всех заводов), выработали они продукции на 1 484 174 руб. (7,0 % промышленного объема губернии, в среднем 46 380,4 руб. на завод), задействовали 1 232 рабочих (5,3 %) [Памятная книжка Воронежской губернии. 1905 г., 1905, с. 23–26, 92]. Как видим, в этот период происходило сокращение производительности винокуренных заводов, уменьшался также их удельный вес в общем промышленном производстве губернии.

В 1906 г. статистикой было учтено в губернии 29 винокуренных заводов или на 2 меньше, чем в 1905 г. (0,6 % всех заводов), на них трудилось 1 233 рабочих (6,7 %), сумма производства составляла 1 472 973 руб. (6,3 %) [Памятная книжка Воронежской губернии на 1908 г., 1908, с. 30–34, 101]. В среднем на один завод приходилось 50 792,2 руб. выработки. Выделялся винокуренный завод в Воронеже, в котором 22 работника производили продукции на 240 000 руб., отмечалось наличие в Валуйках казенного винного склада. Емкость квасильных чанов заводов оценивалась в 201 170 ведер, было выкурено 71 012 640 градусов безводного спирта (на 9 315 024 градуса больше по отношению к 1905 г.).

Балтийско-Эстонское общество винокуров в г. Юрьеве Лифлянской губернии в 1910 г. опубликовало «Адресную книгу всех винокуренных заводов Российской империи». В книгу были включены винокуренные и дрожжево-винокуренные заводы Воронежской губернии, их оказалось

⁷⁴ Государственный архив Воронежской области. Ф. И-6. Оп. 5. Д. 59. Л. 10.



26. Обращает на себя внимание факт, что сразу у 6 заводов были указаны в качестве почтовых адресов железнодорожные станции Юго-Восточной железной дороги: Анна, Абрамовка, Сомово, Голофеевка, Роговое, Тулиново. Как видим, удобные пути сообщения оказывали стимулирующее воздействие на развитие и географию винокуренных заводов, располагавшихся в непосредственной близости от железнодорожных станций. В качестве владельцев Ильменского № 10 завода (г. Новохоперск, почтово-телеграфное отделение) значились великие князья [Адресная книга всех винокуренных заводов в Российской империи, 1910, с. 63–64]. Известно также, что владелицей Аннинского винокуренного завода № 3 являлась княгиня Н.А. Барятинская; винокуренный завод № 26 в селе Марки Острогожского уезда принадлежал дворянину В.И. Станкевичу; Краснянский винокуренный завод № 51 в Новохоперском уезде (основанный еще в 1790 г. А.Н. Шемякиным) являлся собственностью дворян Раевских (сначала полковника Н.Н. Раевского 3-го, затем – его сына генерал-майора М.Н. Раевского, вдовы Михаила Николаевича Марии Григорьевны, в девичестве княжны Гагариной, и их старшей дочери Марии Михайловны Плаутиной). Приведенные данные подтверждают вывод известного отечественного историка А.П. Карелина об активном участии представителей дворянства в создании и функционировании промышленных предприятий, а также «о тесной связи предпринимательской деятельности основной массы «благородных» фабрикантов и заводчиков с сельским хозяйством, с владением земель» [Корелин, 1979, с. 109–111]. Ново-Берлинский дрожжево-винокуренный завод № 13 в Воронеже принадлежал купцу И.Я. Берлину и находился в аренде у купцов М.И. Потапова и А.Г. Просвиркина (в 1913 г. завод станет акционерным обществом). Моклокский винокуренный завод № 8 в Воронежском уезде числился за А.С. Хвоцинской, которая вела активную предпринимательскую деятельность, содержала в Воронеже более десяти трактирных заведений [Меньшикова, 2025, с. 182].

Спустя несколько лет показатели, характеризующие винокуренное производство, выросли. В 1912 г. в губернии действовало 36 предприятий данного профиля, включая дрожжево-винокуренный и спиртоочистительный заводы в Воронеже, всего вырабатывавших спирта на 8 667 611 руб. при 1 628 рабочих [Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 г., 1914, с. 29–32, 90–97]. По отношению к общегубернским данным по промышленности это составляло соответственно 0,6 %, 25,9 %, 7,2 %. Теперь на одно предприятие приходилось в среднем уже 240 767,0 руб. выработки.

В 1914 г. было зафиксировано 37 винокуренных заводов (0,5 % всех предприятий), производивших продукции на 10 871 727 руб. (23,4 %) при 1 372 рабочих (6,0 %) [Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г., 1916, с. IV–XI]. В среднем на один завод приходилось 293 830,5 руб. выработки. Винокурни располагались почти исключительно в уездах (лишь в самом Воронеже продолжал действовать спиртоочистительный (45 000 руб. выработки, 28 рабочих) и дрожжево-винокуренный (308 398 руб., 145 рабочих) заводы), при этом они были зафиксированы во всех уездах, исключая Богучарский, в городах, кроме Воронежа, не оказалось ни одного завода. Дополнительно стоит отметить, что в Валуйках работал казенный винный склад (837 003 руб. производства, 46 рабочих). Водочные заводы отсутствовали.

Объемы производимого на заводах спирта в натуральном исчислении колебались от года к году. Судя по имеющимся данным, в Воронежской губернии в сезоне 1910–1911 гг. было винокурено 2 220 234 ведер спирта (в ведрах 40°, по учету контрольного снаряда), 1911–1912 гг. – 1 610 740 (72,5 % от показателя 1910–1911 гг.), 1912–1913 гг. – 2 273 355 (102,4 %), 1913–1914 гг. – 2 570 845 (115,8 %), 1914–1915 гг. – 1 093 535 (49,3 %) [Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств, 1917, с. 182–183]. Как видим, в предвоенный период максимальный уровень производства спирта был достигнут в год, непосредственно предшествовавший войне, к тому же 1913 г. характеризовался хорошим урожаем сельскохозяйственных культур, используемых в винокурении. Резкий спад производства спирта в сезоне 1914–1915 гг. объяснялся тем обстоятельством, что хозяйственная деятельность осуществлялась тогда в условиях Первой мировой войны, после начала которой в России был введен сухой закон. Доля произведенного в Воронежской

губернии спирта составляла в 1910–1911 гг. 10,8 % выкуренной продукции в 6 губерниях Центрально-земледельческой области (Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская), в 1911–1912 гг. – 8,2 %, в 1912–1913 гг. – 11,2 %, в 1913–1914 гг. – 11,1 %, в 1914–1915 гг. – 9,7 % [Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств, 1917, с. 176–177, 182–183]. Как видим, на воронежских заводах выкуривалось около десятой части спирта данного региона.

Важной тенденцией в развитии винокуренной промышленности, отмеченной современниками и исследователями, стало значительное усиление в пореформенный период и в начале XX в. роли картофеля, используемого в качестве сырья для производства спирта. Так, если в 1863 г. на винокуренных заводах губернии было переработано 4 251,0 тыс. пудов зерна и 9 тыс. пудов картофеля [Гришин, 1967, с. 66] (в 472,3 раза меньше), то в 1910–1911 гг. соответственно 425,2 тыс. пудов и 4 357,2 тыс. пудов (в 10,2 раза больше), в 1911–1912 гг. – 469,2 тыс. пудов и 2 831,2 тыс. пудов (в 6,0 раз больше), в 1912–1913 гг. – 995,9 тыс. пудов и 3 313,9 тыс. пудов (в 3,3 раза больше), в 1913–1914 гг. – 1 127,6 тыс. пудов и 4 026,6 тыс. пудов (в 3,6 раза больше), в 1914–1915 гг. – 201,6 тыс. пудов и 2 477,9 тыс. пудов (в 12,3 раза больше) [Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств, 1917, с. 182–183]. Среди перекуривавшихся хлебных припасов наибольшую долю имели солод, рожь, просяная мука, кукуруза. Вытеснение в производстве спирта картофелем зерновых продуктов имело положительное значение, поскольку «картофельное винокурение высвободило для страны миллионы тонн хлеба» [Горюшкина, 2011, с. 49].

Как уже отмечалось, на винокурнях в основном использовалось местное сырье, закупаемое на рынках губернии. При этом те или иные винокуренные заводы могли иметь собственные пашенные угодья, площадь которых незначительно изменялась и составляла в 1910–1911 гг. 69 064 дес., в 1911–1912 гг. – 65 818 дес., в 1912–1913 гг. – 67 261 дес., в 1913–1914 гг. – 67 180 дес., в 1914–1915 гг. – 66 503 дес. [Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств, 1917, с. 182–183]. Это позволяло предпринимателям гарантированно обеспечивать производство определенным объемом сырьевых продуктов. Отмечалось внимание предпринимателей к получению картофеля, использовавшегося для надобностей винокурения. Так, на землях винокуренных заводов посевы картофеля составляли в 1911 г. 4 193 дес., а сборы этой культуры – 2 331 тыс. пудов, в 1912 г. соответственно 4 063 дес. и 2 800 тыс. пудов (рост урожая на 20,1 % по отношению к предыдущему году), в 1913 г. – 4 211 дес. и 2 729 тыс. пудов (сокращение на 2,5 %), в 1914 г. – 4 451 дес. и 4 191 тыс. пудов (рост на 52,6 %), в 1915 г. – 2 261 дес. и 1 507 тыс. пудов (сокращение на 64,0 %) [Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств, 1917, с. 182–183].

Заключение

Винокурение являлось одной из самых доходных и высокопроизводительных отраслей промышленности, занимало в начале XX в. важное место в социально-экономическом развитии Воронежской губернии. Винокурни потребляли значительные объемы произведенного в регионе хлебного и незернового сырья, обеспечивали занятость части местного населения и его дополнительный заработок, приносили прибыли как своим владельцам, так и поступления в бюджет страны. Продукция винокурения находила устойчивый сбыт в регионе и далеко за его пределами. Приведенные в статье показатели свидетельствуют, что к началу Первой мировой войны численность предприятий винокурения Воронежской губернии продолжала оставаться относительно небольшой, хотя и несколько выросла по сравнению с предыдущими годами, достигнув уровня 36–37 заводов. При этом удалось преодолеть имевший место в первые годы XX в. спад объемов выпускавшегося спирта (в денежном исчислении). В предвоенные годы наблюдался значительный рост валовой продукции винокурения и ее доли в общегубернском промышленном производстве, а также производственной мощности заводов отрасли. Если в первые годы XX в. продукция

винокурения составляла 6,3–8,5 % промышленного производства губернии, то в 1912–1914 гг. – около четверти (23,4–25,9 %). На одно предприятие в 1914 г. стало приходиться в 3,9 раза больше выработки, чем в 1901 г.; в 5,4 раза больше по отношению к 1902 г.; в 6,3 раза – к 1903 г.; в 5,8 раза – к 1906 г. Очевидно, что в винокурении происходила концентрация производства, при этом число занятых в отрасли рабочих увеличивалось не столь стремительно (по отношению к данным 1901 г. – в 1,5 раза в 1912 г. и в 1,3 раза в 1914 г.). Среди владельцев винокуренных предприятий фигурировали состоятельные лица, в том числе представители дворянства и купечества. Они были способны осуществлять техническое перевооружение винокуренных заводов, расположение которых стало тяготеть к железнодорожным путям.

Список источников

- Адресная книга всех винокуренных заводов в Российской империи. Юрьев, 1910.
Государственный архив Воронежской области. Ф. И-6. Канцелярия Воронежского губернатора. Оп. 5. Д. 59. Обзор Воронежской губернии за 1895 год.
Памятная книжка Воронежской губернии на 1908 г. Воронеж, 1908. Отдел II. Статистический.
Памятная книжка Воронежской губернии на 1914 г. Воронеж, 1914. Отдел II. Статистический.
Памятная книжка Воронежской губернии на 1916 г. Воронеж, 1916. Отдел II. Статистический.
Памятная книжка Воронежской губернии. 1901 г. Воронеж, 1901. Отдел II. Статистический.
Памятная книжка Воронежской губернии. 1903 г. Воронеж, 1903. Отдел II. Статистический.
Памятная книжка Воронежской губернии. 1904 г. Воронеж, 1904. Отдел II. Статистический.
Памятная книжка Воронежской губернии. 1905 г. Воронеж, 1905. Отдел II. Статистический.
Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-й. Петроград, 1917.

Список литературы

- Воронина И.О. 2013. Государственно-правовое регулирование производства и продажи алкоголя в России: историко-правовой аспект. *Вестник Тюменского государственного университета*, 3: 192–198.
Горюшкина Н.Е. 2011. Винокуренное производство в великороссийских губерниях в пореформенный период (1863–1894 гг.). *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 5(11): 45–49.
Горюшкина Н.Е. 2022. Винокуренное производство в акцизной России (1863–1894 гг.). Курск, ЮЗГУ, 126 с.
Горюшкина Н.Е., Колупаев А.А. 2022. Основные тенденции развития винокуренного производства в России (XVI–XVIII века). *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право*, 12(5): 136–146.
Гришин Г.Т. 1967. Воронежская губерния. Экономическая география. Воронеж, Издательство Воронежского университета, 261 с.
Корелин А.П. 1979. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративные организации. Москва, Наука, 304 с.
Меньшикова Е.Н. 2025. Воронежские купчихи в предпринимательской деятельности на рынке услуг во второй половине XIX – начале XX века. В кн.: Воронежский край в истории России: люди, события, достижения (к 300-летию образования Воронежской губернии): материалы Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 26 мая 2025 года. Воронеж, Воронежский государственный педагогический университет: 178–185.
Перепелицын И.А. 2025. Масштабы винокурения Воронежской губернии во второй половине XIX в. *Известия Воронежского государственного педагогического университета*, 3(308): 142–145.
Похлёбкин В.В. 2023. История водки. XIV–XX вв. Москва, Эксмо, 320 с.
Рогатко С.А. 2014. История продовольствия России с древних времен до 1917 г. (Историко-экономический взгляд на агропромышленное развитие Российской империи). Москва, Русская панорама, 1024 с.
Федосеев Р.В. 2020. Правовые основы винокуренного производства во второй половине XIX века и их влияние на дворянское винокурение. *Социальные нормы и практики*, 1(3): 36–43.
Фридман М.И. 2005. Винная монополия в России. Москва, О-во купцов и промышленников России, 555, [3].

References

- Voronina I.O. 2013. Gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie proizvodstva i prodazhi alkogolya v Rossii: istoriko-pravovoy aspekt [State and Legal Regulation of the Production and Sale of Alcohol in Russia: Historical and Legal Aspects]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3: 192–198.
- Goryushkina N.E. 2011. Vinokurennoe proizvodstvo v velikorossiyskikh guberniyakh v poreformenny period (1863–1894 gg.) [Distilling Production in the Great Russian Provinces in the Post-Reform Period (1863–1894)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 5(11): 45–49.
- Goryushkina N.E. 2022. Vinokurennoe proizvodstvo v aktsiznoy Rossii (1863–1894 gg.) [Distillery Production in Excise Russia (1863–1894)]. Kursk, YuZGU, 126 p.
- Goryushkina N.E., Kolupaev A.A. 2022. Osnovnye tendentsii razvitiya vinokurennoy proizvodstva v Rossii (XVI–XVIII veka) [The Main Trends in the Development of Distilling Production in Russia (16th–18th Centuries)]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya i pravo*, 12(5): 136–146.
- Grishin G.T. 1967. Voronezhskaya guberniya. Ekonomicheskaya geografiya [Voronezh Governorate. Economic Geography]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 261 p.
- Korelin A.P. 1979. Dvoryanstvo v poreformennoy Rossii. 1861–1904 gg. Sostav, chislennost', korporativnye organizatsii [The Nobility in Post-Reform Russia, 1861–1904. Composition, Number, and Corporate Organizations]. Moscow, Nauka, 304 p.
- Men'shikova E.N. 2025. Voronezhskie kupchiki v predprinimatel'skoy deyatel'nosti na rynke uslug vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Voronezh Merchant Women in Entrepreneurial Activity in the Services Market in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In: *Voronezhskiy kray v istorii Rossii: lyudi, sobytiya, dostizheniya (k 300-letiyu obrazovaniya Voronezhskoy gubernii): materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Voronezh, 26 maya 2025 goda* [The Voronezh Region in Russian History: People, Events, Achievements (on the 300th Anniversary of the Formation of the Voronezh Governorate): Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Voronezh, May 26, 2025]. Voronezh, Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet: 178–185.
- Perepelitsyn I.A. 2025. Masshtaby vinokureniya Voronezhskoy gubernii vo vtoroy polovine XIX v. [The Scale of Distillation in the Voronezh Province in the Second Half of the 19th Century]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 3(308): 142–145.
- Pokhlebin V.V. 2023. Istoriya vodki. XIV–XX vv. [History of Vodka. 14th–20th Centuries]. Moscow, Eksmo, 320 p.
- Rogatko S.A. 2014. Istoriya prodovol'stviya Rossii s drevnikh vremen do 1917 g. (Istoriko-ekonomicheskiy vzglyad na agropromyshlennoe razvitie Rossiyskoy imperii) [History of Food in Russia from Ancient Times to 1917 (A Historical and Economic Perspective on the Agro-Industrial Development of the Russian Empire)]. Moscow, Russkaya panorama, 1024 p.
- Fedoseev R.V. 2020. Pravovye osnovy vinokurennoy proizvodstva vo vtoroy polovine XIX veka i ikh vliyanie na dvoryanskoe vinokurennoye [The Legal Basis for Distilling in the Second Half of the 19th Century and its Impact on Noble Distilling]. *Sotsial'nye normy i praktiki*, 1(3): 36–43.
- Fridman M.I. 2005. Vinnaya monopoliya v Rossii [Wine Monopoly in Russia]. Moscow, O-vo kuptsov i promyshlennikov Rossii, 555, [3].

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.10.2025

Received 27.10.2025

Поступила после рецензирования 06.11.2025

Revised 06.11.2025

Принята к публикации 08.11.2025

Accepted 08.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Перепелицын Иван Александрович, аспирант кафедры истории России, Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия

Ivan A. Perepelitsyn, Postgraduate Student, Department of Russian History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

[ORCID: 0009-0003-6193-6662](https://orcid.org/0009-0003-6193-6662)



УДК 94(47).08

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-936-947

EDN PCWSDL

Оригинальное исследование

Деятельность органов местного самоуправления по размещению военнопленных на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны

Сергиенко М.А. , Галушко И.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: sergienko@bsuedu.ru, galushko@bsuedu.ru

Аннотация. В статье рассматривается деятельность органов местного самоуправления на территории Курской губернии по содержанию военнопленных в годы Первой мировой войны. Обобщается управленческая практика органов местного самоуправления в исследуемой сфере. Анализируются механизмы и результаты деятельности органов земского самоуправления по устройству военнопленных на территории Курской губернии. Определяются функции органов местного самоуправления по размещению военнопленных на территории губернии. Характеризуются особенности работы по привлечению военнопленных к сельскохозяйственным работам. Выявляются проблемы, связанные с организацией труда военнопленных, особенности их содержания. Формулируются выводы относительно эффективности и специфики деятельности органов местного самоуправления по размещению военнопленных на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, органы местного самоуправления, городская дума, городская управа, земства, Курская губерния, военнопленные

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Сергиенко М.А., Галушко И.Г. 2025. Деятельность органов местного самоуправления по размещению военнопленных на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 936–947. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-936-947. EDN: PCWSDL

Activities of Local Self-Government Bodies on the Placement of Prisoners of War in the Kursk Province during the First World War

Marina A. Sergienko , Inna G. Galushko

Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: sergienko@bsuedu.ru, galushko@bsuedu.ru

Abstract. The article examines the activities of local self-government bodies in the Kursk province in keeping prisoners of war (POWs) during World War I. The article summarizes the management practice of local governments in the field under study. The authors analyze the mechanisms and results of the activities of zemstvo self-government bodies for the placement of POWs in the territory of the Kursk province and determine their functions. Characteristic features of the activities aimed at involving POWs in agricultural works are characterized. The study reveals problems related to the organization of POW labor and their living conditions.

Conclusions are drawn regarding the effectiveness and specifics of local governments' actions for the placement of prisoners of war in the territory of Kursk province during the First World War.

Keywords: World War I, local governments, city Duma, city council, zemstvo authorities, Kursk province, prisoners of war (POWs)

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Sergienko M.A., Galushko I.G. 2025. Activities of Local Self-Government Bodies on the Placement of Prisoners of War in the Kursk Province during the First World War. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 936–947 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-936-947. EDN: PCWXDL

Введение

С началом Первой мировой войны Российской империи потребовалась перестройка функционирования всего хозяйственного механизма. Промышленная деятельность сосредоточилась на военном производстве, что негативно сказалось на нуждах гражданского населения. Экономика страны не была подготовлена к ведению затяжной войны, изнурительной кампании. Планы мобилизации важнейших хозяйственных отраслей разрабатывались схематично, без надлежащих оценок реальных возможностей перестройки экономики. Война привела к повсеместному временному сокращению посевных площадей основных продовольственных зерновых культур. Это особенно задело помещичьи хозяйства, являвшиеся, как правило, товарными. Несомненно, заметное сокращение посевных площадей помещичьих хозяйств не могло не отразиться на их экономическом потенциале. В этой связи наиболее остро стояла проблема обеспечения помещичьих хозяйств рабочей силой. В связи с этим правительством было принято решение направить к выполнению сельскохозяйственных работ военнопленных, прибывающих на территорию Российской империи.

Объект и методы исследования

Объектом исследования является деятельность органов местного самоуправления по устройству военнопленных на юге Курской губернии в годы Первой мировой войны.

Методологическую основу исследования составили: общенаучный метод анализа, статистический метод, системный подход, а также принципы объективности и историзма.

Источниковая база исследования представлена материалами фондов Государственного архива Белгородской области, а также Государственного архива Курской области и опубликованными источниками.

Различные аспекты, связанные с размещением военнопленных на территории Курской губернии, рассматривались в работах А.Н. Курцева [Курцев, 1997], Ф.А. Гаврикова [Гавриков, 2022; Гавриков, 2023], Г.А. Салтык [Салтык, 2015]. При этом авторы уделяли внимание отдельным аспектам организации жизни городов в военных условиях, мерам помощи, оказываемым беженцам и военнопленным. Таким образом, требуется освещение региональной специфики, связанной с деятельностью органов местного самоуправления по реализации правительственной политики в сфере размещения военнопленных на территории юга Курской губернии в годы Первой мировой войны. Научная новизна работы определяется также введением в научный оборот новых архивных документов.

Результаты и их обсуждение

За годы Первой мировой войны в России было мобилизовано в армию 15–16 млн человек, что примерно составило 9 % населения страны [Массовые источники..., 1976, с. 140]. По мнению В.И. Бовыкина: «В аграрной стране, которой была Россия, мобилизация ударила, прежде всего, по деревне. При преобладании на сельскохозяйственных работах живой рабочей



силы уход миллионов здоровых мужчин на фронт привел к сокращению посевных площадей в 1915 г. на 20 %» [Бовыкин, 1988, с. 94]. В результате упали валовые сборы всех хлебов и картофеля, исчислявшиеся в 1909–1915 гг. в среднем 7 млрд пудов, до 5,1 млрд пудов в 1916 г. [Яковлев, 1993, с. 229].

В марте 1915 г. только при падении Перемышля в плен попали 9 генералов, 2,5 тыс. офицеров, 120 тыс. солдат австро-венгерской армии [Яковлев, 1993, с. 229]. В.С. Васюков отмечает, что: «Брусиловский прорыв за первые сутки наступления дал 900 офицеров и свыше сорока тысяч пленных солдат, на 5 день это число возросло до 1 240 и 71 тыс. соответственно» [Васюков, 1966, с. 136]. Эти события привели к тому, что появилась возможность использовать здоровых военнопленных на сельскохозяйственных работах. В этом в первую очередь были заинтересованы земледельцы, так как одной из важных проблем, остро вставших перед помещичьим хозяйством в годы Первой мировой войны, была проблема обеспечения рабочей силой. Изъятие половины лучших работников явилось одной из наиболее важнейших причин, вызвавших глубокое расстройство сельского хозяйства.

В начале 1915 г. в связи с развитием экономического кризиса проблема рабочей силы в сельском хозяйстве стала первоочередной. «В связи с этим правительство принимает решение направить на сельскохозяйственные работы военнопленных. Первоначальным нарядом Министерства земледелия в 32 губерниях на сельскохозяйственные работы было направлено 163 тыс. военнопленных за счет боевых поступлений. Позднее эти же губернии получили еще 77 тыс., что в сумме составило 240 тыс. военнопленных» [Первая мировая война, 1994, с. 234].

Основными структурами, ведавшими военнопленными, были специальные отделы штабов фронтов, округов и Главного управления Генерального штаба (ГУГШ). «К январю 1916 г., когда положение в сельском хозяйстве ухудшается, в ГУГШ стали поступать многочисленные ходатайства земских управ об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» [Чериминский, 1951, с. 27]. В связи с этим «Особым совещанием при Военном министерстве с 15 января 1916 г. все наличное число военнопленных перевели в распоряжение Министерства земледелия. С этого времени данное министерство заведовало отправкой пленных в распоряжение земских управ» [Сергиенко, 2012].

В конце марта 1917 г. расширился круг организаций, занимавшихся пленными. К ним добавилось управление, заведующее содержанием и эвакуацией военнопленных в пределах Кавказского военного округа. В июле при уточнении предметов ведения отделов Управления дежурного генерала Штаба Верховного Главнокомандующего в составе организационного отдела было объявлено отделение о военных и трофеях, а инспекторского – отделение переписки по запросам об участии военнопленных.

В первый год войны заметно сократилось предложение на рынке рабочей силы, а на втором и особенно на третьем году понятие о таком рынке становится все более условным [Чериминский, 1951, с. 92]. «Обычный добровольный наем уступил место различным способам вербовки или различным формам принудительного труда. Уменьшение рабочих рук помещики старались покрывать рабочей силой военнопленных. Они использовали свое господствующее положение в стране для того, чтобы обеспечить направление большей части военнопленных на сельскохозяйственные работы. Следует сказать, что с возрастанием размеров хозяйства росла и доля военнопленных в общем числе наемных годовых и срочных рабочих у помещиков. В низших группах хозяйств (с посевом до 50 десятин) пленные составляли от 12,3 до 18,7 % всей наемной рабочей силы, в высших группах (с посевом от 500 десятин и более) их было около трети, и только у наиболее крупных помещиков эта доля несколько менее 27,4 %» [Чериминский, 1951, с. 97].

«По данным двух специальных анкет экономического отдела и медико-статистического бюро Всероссийского земского союза, собранных относительно 153 963 военнопленных, в нечерноземной полосе Европейской России работали в 1916 г. 17 883 чел., или 11,6 %, остальные 136 080 чел., или 88,6 %, приходились на черноземную полосу» [Лященко, 1950, с. 166]. Противоречивое влияние принудительного труда военнопленных на положение сельского хозяйства состояло в том, что, с одной стороны, рабочая сила пленных заменяла

убывших в армию мужчин, с другой – давление на уровень заработной платы вызвало отлив рабочей силы сельского хозяйства, усиливая и без того острую нехватку рабочих рук.

Между министрами шли постоянные споры о распределении трудовых ресурсов – военнопленных. «Межведомственная неразбериха проводилась подчас к тому, что один и тот же отряд рабочей силы формально числился за несколькими министерствами. Заполучив однажды работников, ведомство стремилось удержать их, «отбивалось» от посягательств других министерств. Распределение военнопленных по ведомствам показывает, что в течение двух военных лет самый значительный их контингент поступил в распоряжение Министерства земледелия. Оно оказалось в самом выгодном положении, получив 57,3 % всех военнопленных, тогда как промышленность и железнодорожный транспорт получили вместе только 30,5 %» [Анфимов, 1962, с. 98].

«Вся масса состоящих на сельскохозяйственных работах военнопленных была сосредоточена в тридцати восьми губерниях России. В Европейской части (главным образом, в Бессарабии до восточной границы Области Войска Донского и от Черного и Азовского морей до северной границы Ростовской губернии), далее идет центр южнее Москвы (Тульская, Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Рязанская, Пензенская губернии), южная часть Поволжья (Симбирская, Самарская, Саратовская, Астраханская губернии) и Северокавказские губернии (Ставропольская, Кубанская область); в Азиатской России – Томская и Тобольская губернии и Степная область. Меньше военнопленных находилось в Московском районе, и почти совершенно не было их в районе севернее Москвы» [Экономическое положение России..., 1961, с. 65]. Основанием для такого распределения военнопленных послужила необходимость обеспечить рабочей силой наиболее хлебоборозные районы и в первую очередь те части черноземной и степной полосы Европейской России, которые находились в непосредственной близости к фронту и где массы населения отвлекались от своих хозяйств на окопные работы и вообще по обслуживанию действующей армии.

Согласно обязательному постановлению главного начальника снабжения армии юго-западного фронта, все германские и австро-венгерские подданные, числящиеся на действительной службе, считались военнопленными и подлежали немедленному аресту⁷⁵. Запасные чины также признавались пленными, высылались из местностей Европейской России и Кавказа в Вятскую, Вологодскую, Оренбургскую губернии и из Сибири в Якутскую область. Арестованные с уликами шпионства придавались суду, а арестованные лишь по подозрению в шпионстве, но без определенных улик, немедленно высылались в указанные выше губернии. Мирно занимающиеся и находящиеся вне всякого подозрения австрийцы и германцы могли оставаться на своих местах и пользоваться покровительством российских законов⁷⁶.

Политика в отношении военнопленных определялась такими факторами, как их национальная принадлежность, звание, условие пленения. На территории России находились военнопленные: венгры, австрийцы, немцы, чехи, словаки, поляки, представители других национальностей. К лицам немецкой, австрийской и венгерской национальностей проявлялось более жесткое отношение. Это было связано с тем, что представители данных наций чаще других совершали побеги, диверсии, уклонялись от работ.

Военнопленные, отпущенные Военным ведомством в распоряжение гражданских властей для исполнения тех или иных работ, обязаны были беспрекословно подчиняться приставленной к ним страже и исполнять все установленные требования в отношении порядка содержания, продолжительности рабочего времени и прочего. Виновные же в неисполнении подвергались аресту при тюрьме сроком до трех месяцев⁷⁷.

Например, в мае 1915 г. в Новооскольскую земскую управу из Курской губернской земской управы поступил циркуляр, в котором говорилось о том, что «Новооскольская

⁷⁵ Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 101. Оп. 1. Д. 103. Л. 6.

⁷⁶ ГАБО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 103. Л. 9.

⁷⁷ ГАБО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 103. Л. 60.



уездная земская управа должна принять на себя всю ответственность по содержанию военнопленных согласно Высочайше утвержденным правилам»⁷⁸.

Курская губерния по количеству взятых в армию на одно хозяйство занимала одно из первых мест по России [Головин, 2001, с. 111]. «К 1915 г. дефицит рабочих рук в сельском хозяйстве Курской губернии ощущался не остро, поэтому уездные земские управы поначалу отказывались брать на себя обязательства и ручательства по надзору, содержанию и приему военнопленных. Мотивами к этому послужила большая перегруженность малочисленного количества земских служащих, на которых могли бы возложить работы по содержанию военнопленных, текущими обязанностями» [Сергиенко, 2012]. Кроме того, земские управы сообщали, что для содержания военнопленных до их отправки к земледельцам не имелось подходящих помещений. Ограниченное количество медицинского персонала и санитарная помощь не могла быть оказана надлежащим образом⁷⁹.

Однако осенью 1916 г. был объявлен новый призыв – около двух миллионов человек для пополнения понесенных потерь в России. Следовательно, положение в сельском хозяйстве ухудшается, и в Главное управление Генерального штаба поступают многочисленные ходатайства земских управ об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы. Это было связано с тем, что в уездные управы поступало множество аналогичных прошений от земледельцев. Так, например, землевладелец Александр Федорович Иваницкий-Василенко направлял в Новооскольскую уездную земскую управу ходатайство с просьбой выделить ему военнопленных для сельскохозяйственных работ⁸⁰.

Нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве обратила на себя внимание императора. На Особом межведомственном совещании при Военном министерстве было принято постановление: «... все наличное число трудоспособных военнопленных предоставить в распоряжение Министерства Земледелия для обращения их на сельскохозяйственные работы... Военный министр, придавая огромное значение этому вопросу, приказал обратить особое внимание на то, чтобы ни один военнопленный, сколько-нибудь трудоспособный, не оставался бы в лагере без назначения и все были бы отданы сельским хозяевам...»⁸¹.

Также ужесточался режим работы военнопленных. Всякие отказы от работы надлежало карать дисциплинарными мерами. «Что касается до больных военнопленных, то возвращению в распоряжение Военного ведомства подлежат из них лишь те, кои в виду своего болезненного состояния окончательно непригодны даже к полевым работам, остальные же заболевшие военнопленные подлежат отправлению в лечебные заведения и возвращаются, по выздоровлению, в распоряжение работодателей, у коих они заболели»⁸².

Поток военнопленных, прибывающих на территорию Курской губернии, вызвал проблему учета и контроля этой массы. Во-первых, это было вызвано опасностью возникновения эпидемий различных инфекционных заболеваний. Поэтому уездные земские управы, в частности Новооскольская, обязаны были собирать сведения о количестве военнопленных, которые назначались на уезд и действительно в него поступали, и как распределялись по территории уезда. Кроме того, на каждого военнопленного в отдельности должна была заводиться регистрационная карточка для того, чтобы Штаб округа мог своевременно выдавать справки о месте нахождения того или иного пленного, но уездные воинские начальники и заведующие военнопленными не всегда своевременно выполняли данные обязательства. Для пресечения подобных явлений Штаб Округа применял дисциплинарные взыскания.

Хотя в течение 1915–1916 гг. земледельцы Курской губернии и получили 7 тыс. военнопленных, но к 1917 г. по-прежнему ощущалась потребность в рабочих руках, главным

⁷⁸ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 11. Л. 234.

⁷⁹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 11. Л. 662.

⁸⁰ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 264.

⁸¹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. 172.

⁸² ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. 175.

образом для ухода за домашним скотом⁸³. «Эта работа могла выполняться военнопленными, которые не были годны для фабричных, заводских и особенно рудниковых работ. Поэтому в это время признается желательным шире использовались контингент слабосильных пленных. Такие военнопленные могли быть обращены на работы лишь в том случае, если они были признаны врачом способными выполнять не требующие силы работы и сами этого пожелали. Причем эти пленные содержались на особом учете, так как работа должна была укрепить их силы, после чего они могли быть использованы по нарядам ГУГШ» [Сергиенко, 2012].

Уже в марте 1917 г. министр земледелия Шингарев порекомендовал «военнопленных, ожидающих отправки на работу или вышедших из лечебных заведений, употреблять для огородных работ в городах и отпускать этих пленных городским управам и огородникам – арендаторам городских земель»⁸⁴.

Несмотря на все меры предосторожности, неоднократно наблюдались случаи побега военнопленных с сельскохозяйственных работ. В Штаб округа поступали сведения, что в результате нарушения частными лицами порядка содержания пленных часть их пользуется полной свободой вплоть до разгуливания по улицам в штатской одежде. Так, «... на одном из медицинских пунктов был случай побега трех военнопленных, работавших там в качестве прислуги и воспользовавшихся для побега тем обстоятельством, что они были одеты администрацией пункта в русскую одежду защитного цвета с кокардой Красного Креста на фуражке...»⁸⁵. Неоднократно совершались побеги и из частных хозяйств.

«12 февраля 1916 г. около часа дня из экономии братьев Пантелеймона и Николая Пантелеймоновичей Дерябиных при слободе Серебрянке Слоновской волости бежал с сельскохозяйственных работ военный австриец Отто Кротофель, за коим были посланы в погоню управляющий экономии служащий в ней крестьянин Перелюков и рабочий Григорий Сурначев, которые в пяти верстах от экономии по дороге на Новый Оскол догнали Кротофеля, пытавшегося оказать им сопротивление...»⁸⁶. Это был не единственный случай побега. Участвовавшие побеги заставляли усиливать охрану и ограничивать возможности передвижения пленных. Такие действия пленных были следствием ухудшения положения в сельском хозяйстве. Это подстегивало землевладельцев к более жесткому режиму содержания военнопленных.

Одной из форм распределения была заявка отдельных землевладельцев. Другой формой являлось распределение их через губернские и уездные земства, получавшие военнопленных из лагерей большими партиями по несколько тысяч человек. Эти военнопленные распределялись, главным образом, по частновладельческим хозяйствам и частично – по хозяйствам зажиточных крестьян, что вызывало возмущение остальных. При необходимости военнопленные отзывались правительством, прежде всего из крестьянских хозяйств.

«В октябре 1916 г. орловский губернатор А.В. Арапов извещал министра земледелия А.А. Бобринского, что "неравномерное" отношение к нуждам крупных землевладельцев и крестьян "вызывало ропот и сильное недовольство" среди последних, а в одном из уездов – "открытое возмущение, грозившее перейти в массовый беспорядок"» [Экономическое положение России..., 1967, с. 52].

Китанина Т.М. отмечает, что «В 1916 г. в крестьянских хозяйствах в наличии было 19,6 тыс. человек, тогда как в частновладельческих хозяйствах – 22, 7 тыс., что в процентном отношении к общему числу работников составляло соответственно 1,1 и 20,8 %» [Китанина, 1985, с. 58]. С точки зрения экономической эффективности, малопродуктивный труд военнопленных не мог восполнить потерь в живой рабочей силе, вызванных мобилизацией. Тем не менее это был один из видов весьма существенной помощи помещичьему землевладению в условиях военной обстановки.

⁸³ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 22. Л. 662.

⁸⁴ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 22. Л. 230.

⁸⁵ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 22. Л. 553.

⁸⁶ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.



Во всеподданнейшей записке, датированной маем 1916 г., Б.В. Штюмер назвал «заведование военнопленными... чрезвычайным бременем для губернского управления» и высказался за необходимость строжайших карательных мер» [Китанина, 1985, с. 55]. На совещании губернаторов центральных губерний в мае – июне 1916 г. вопрос о положении военнопленных подвергся специальному обсуждению. Совещание признало законным применение к военнопленным телесных наказаний за отказ от сельскохозяйственных и прочих работ. Поэтому в июле 1916 г. было предложено «всем начальникам полиции принимать самые энергичные меры к тому, чтобы военнопленные, в особенности немецкой и мадьярской национальности, работающие в местах, расположенных у железнодорожных линий, находились под действительным надзором...»⁸⁷.

В связи с обострившейся нуждой в рабочих руках на заводских предприятиях, работающих на оборону, и в связи с завершением периода полевых работ в сельском хозяйстве в январе 1916 г. военный министр направил губернаторам телеграммы с просьбой выяснить, какое количество военнопленных из состоящих на сельскохозяйственных работах необходимо сельским хозяевам на осеннее и зимнее время, а также о возвращении остальных в распоряжение Военного ведомства.

Военный министр потребовал срочного возвращения 30 % общего числа состоящих на сельскохозяйственных работах военнопленных, признавая промедление опасным интересам обороны⁸⁸. Земским управам было предложено немедленно возвратит Военному ведомству всех военнопленных из крестьянских хозяйств, а также тех военнопленных, которые использовались управами в качестве лакеев, кучеров, поваров и вообще прислуги.

Так, например, 30 мая 1916 г. землевладелец Я.И. Шевцов и А.И. Шевцов направили ходатайство в Курскую губернскую земскую управу об отпуске для предстоящей уборки хлебов 60 человек военнопленных. Из телеграммы в Новооскольскую земскую управу от 4 июня 1916 г. следовало, что в распоряжение землевладельца Огурцова поступало 30 человек военнопленных на станции Н. Оскол⁸⁹. Земская управа со своей стороны подтвердила нужду в рабочих руках и поддерживала данные ходатайства⁹⁰.

24 июня 1916 г. всем земским управам и полицейским исправникам Курской губернии поступило распоряжение губернатора о том, что в целях достижения скорейшего удовлетворения ходатайств об отпуске военнопленных на работы в сельское хозяйство частные промышленные предприятия, желающие получить в свое распоряжение военнопленных, подавали впредь заявление непосредственно в Штаб подлежащего военного округа, своевременно минуя промежуточные инстанции, как то губернатора, фабричных инспекторов и соответствующих им должностных лиц, не испрашивая предварительного разрешения Главного управления Генерального штаба⁹¹.

Одновременно происходило освобождение части военнопленных по состоянию здоровья. Такие пленные проходили освидетельствование комиссией врачей на предмет причисления к категории инвалидов. В случае признания их таковыми они направлялись на сборный пункт инвалидов в Москву. «Обмену подлежали все тяжело раненые и больные, увечья и болезни которых делают их длительно или навсегда неспособными к строевой службе, а офицеров и унтер-офицеров также годными к обучению молодых солдат и канцелярской службе...»⁹². Право на отправку давала частичная или полная потеря одной или нескольких конечностей, потеря зрения, окончательный или обширный паралич, повреждение мозга с тяжелыми последствиями и другие заболевания, обуславливающие непригодность означенных лиц для строевой службы, для обучения войск и для службы в штабах.

⁸⁷ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 171.

⁸⁸ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 11. Л. 203.

⁸⁹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 11. Л. 28.

⁹⁰ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 11. Л. 26.

⁹¹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 11. Л. 31.

⁹² ГАБО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 28. Л. 73.

Необходимо отметить, что по понятным причинам данная категория военнопленных не могла использоваться для работ в промышленности и сельском хозяйстве.

В июне 1916 г. последовало ходатайство Правления Союза об отпуске военнопленных из Чешско-Словацкой стрелковой бригады. Это осуществили, но с некоторыми условиями, так как тех военнопленных, которые работали для нужд обороны и сельскохозяйственных работ, снимали с работ только по замене другими военнопленными, «производить такую замену в кратчайшие сроки. Отправляемым в Киев нижним чином необходимо было предоставлять обмундирование, выдав им недостающие у них вещи, и заменить пришедшие в негодность»⁹³.

В ноябре 1916 г. ГУГШ уведомил командующих войсками, что от обязательных работ освобождались унтер-офицеры, в марте 1917 г. они снова были привлечены к работам⁹⁴. Это произошло потому, что правительства Австро-Венгрии и Германии, вопреки заключенному с Россией соглашению о непривлечении к принудительным работам военнопленных унтер-офицеров, нарушали его. Солнцева С.А. отмечает, что «...30 июня 1917 г. военный министр утвердил «Правила, устанавливающие особые льготы для военнопленных чехов, словаков и поляков» [Солнцева, 2000, с. 101]. Согласно им, «указанным категориям пленных разрешались обмен письмами между лагерями и переписка с соответствующими национальными организациями, создание класса взаимопомощи библиотек и т. п.» [Солнцева, 2000, с. 103]. Офицерам и лицам интеллигентных профессий предоставлялось право проживания на частных квартирах.

В связи с изменением ситуации в стране в июле 1917 г. министр земледелия В.М. Чернов издал инструкцию земельным комитетам о порядке регулирования земельных отношений [Экономическое положение..., 1988, с. 288]. Первый параграф данной инструкции касался распределения военнопленных. Чернов признавал право распределения военнопленных за волостными продовольственными комитетами, которые были компетентными в данном вопросе. В целях наилучшего использования труда военнопленных было предложено образовать артели, которые должны были находиться в распоряжении волостных и сельских комитетов. Особенно необходимым признавалось использование труда военнопленных для обработки или уборки полей, взятых у частных владельцев, которые не в состоянии их обработать или убрать.

С установлением в стране Советской власти использование труда военнопленных не прекращалось, хотя и произошли существенные изменения. Декретом Совнаркома от 25 июня 1918 г. была образована Центральная коллегия по делам пленных и беженцев⁹⁵. В это время был поднят вопрос о военнопленных, находящихся в частновладельческих хозяйствах. Решено было в предприятиях и заводах, работающих на оборону и для армии, оставить то количество военнопленных, которое обслуживало предприятия до сего времени. Владельцы данных предприятий должны были ежемесячно доплачивать за каждого военнопленного по 30 руб. на организацию помощи в обработке полей и мелких хозяйствах⁹⁶. На заседании Новооскольского уисполкома 27 июня 1918 г. было решено $\frac{1}{4}$ часть военнопленных оставить, а $\frac{3}{4}$ передать в распоряжение уездного Продовольственного комитета для равномерного распределения их по волостным Продкомитетам с целью передачи в наиболее нуждающиеся мелкие хозяйства⁹⁷.

В отношении отказа пленных от работ положение осталось прежним. В этом случае принимались самые энергичные меры к тому, чтобы военнопленные не прогуливались без дела по деревням и городам. Если же пленные отказывались от работ, не желая подчиняться хозяевам, то они передавались в распоряжение начальника гарнизона.

В 1917 г. был поднят вопрос о принятии военнопленных в русское подданство⁹⁸. Согласно Брестскому мирному договору, каждая сторона должна была возместить издержки на содержание

⁹³ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 28. Л. 361.

⁹⁴ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 639.

⁹⁵ ГАБО. Ф. Р. – 528. Оп. 1. Д. 21. Л. 6.

⁹⁶ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 4. Л. 41.

⁹⁷ Там же. Л. 37.

⁹⁸ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 18. Л. 27.



военнопленных. Плата производилась отдельными взносами за каждые 50 тыс. человек. Вследствие этого возникала возможность злоупотребления для избавления своего государства от расходов. Переход в русское подданство предоставлялся на рассмотрение местных Советов.

Нельзя сказать, что огромное количество военнопленных пожелало принять советское гражданство, но такие случаи были. Так, например, делопроизводитель Городского Подотдела В.М. Безгребельный в своем докладе заведующему Новооскольским отделом управления в частности отметил, что в русское подданство был принят военнопленный австриец гражданин Дьяковский⁹⁹.

В 1918 г. начался активный процесс отправки беженцев на родину, что повлекло за собой определенные трудности. Всю массу пленных невозможно было отправить сразу, из-за чего они скапливались в губернских городах. Вследствие этого в ноябре 1918 г. была временно приостановлена отправка пленных до того, как к этому представится возможность.

По приказу главного начальника снабжения армии Юго-Западного фронта «...все военные и гражданские правительственные учреждения, в распоряжении которых находились военнопленные, были обязаны пересматривать у них одежду и обувь...»¹⁰⁰. Тем, чья одежда изнашивалась, выделяли штаны, белье и прочее из поношенного, но годного. Землевладельцы получали необходимую пленным одежду и обувь от уездных земских управ, или же им разрешалось приобрести вещи на деньги, причитающиеся уплатой управе за службу пленных.

Необходимо отметить, что одежда и обувь военнопленных находились не в лучшем состоянии. Так, один из землевладельцев Новооскольского уезда сообщал, что у него имелось два военнопленных, из которых хорват 40 лет имел единственные старые, изношенные ботинки, порванные, чинившиеся уже неоднократно, имел единственные чулки и единственные брюки. Второй военнопленный имел тоже одни ботинки, сильно поношенные, всего одни чулки и единственные порванные и заплатаанные брюки¹⁰¹.

Такое положение, особенно в зимние месяцы, вызывало большое количество заболевших ревматизмом и простудными заболеваниями. Это увеличивало процент нетрудоспособных пленных.

Заключение

Военные действия, на фронтах приводящие к пленению большого количества неприятеля и увеличению численности мобилизованных в армию, привели к ужесточению режима содержания военнопленных. Хотя пленные и обеспечивались всем необходимым, но не всегда их обмундирование, условия труда были приемлемыми. На территории Курской губернии условия содержания военнопленных соответствовали мировым нормативно-правовым актам, изданным в этой области. Постепенно происходило включение массы пленных не только в экономическую, но и в политическую жизнь страны. Понятие «плен» к находившимся в стране неприятельским военнопленным все более размывалось, пока не исчерпало себя полностью.

Список источников

- Государственный архив Белгородской области (ГАБО). Ф. 101. Помощник начальника губернского жандармского управления в Белгородском, Грайворонском, Корочанском, Старооскольском и Новооскольском уездах. Оп. 1. Д. 103.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 11.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 18.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 21.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 22.
- ГАБО. Ф. 21. Новооскольская уездная земская управа. Оп. 1. Д. 28.

⁹⁹ ГАБО. Ф. Р. – 388. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

¹⁰⁰ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21. Л. 217.

¹⁰¹ ГАБО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 28. Л. 311.

ГАБО. Ф. Р. – 528. Новооскольский исполнительный комитет уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 1. Д. 21.

ГАБО. Ф. Р. – 388. Новооскольский уездный отдел управления. Оп. 1. Д. 1.

Список литературы

- Анфимов А.М. 1962. Российская деревня в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). Москва, Соцэкгиз, 383 с.
- Бовыкин В.И. 1988. Россия накануне великих свершений. К изуч. соц.-экон. предпосылок Великой Окт. соц. революции. Москва, Наука, 151 с.
- Васюков В.С. 1966. Внешняя политика Временного правительства. Москва, Мысль, 496 с.
- Гавриков Ф.А. 2022. Главы городов Черноземья в годы Первой мировой войны. *Ученые записки. Электронный журнал Курского государственного университета*. 2 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glavy-gorodov-chnozemya-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/viewer> (дата обращения: 01.08.2025)
- Гавриков Ф.А. 2022. Организация жизни городов Курской губернии в условиях Первой мировой войны. *Современная научная мысль*. 2: 53–59.
- Гавриков Ф.А. 2022. Роль городов Курской губернии в организации размещения больных и раненых воинов, беженцев и военнопленных, а также помощи фронту и семьям призванных во время Первой мировой войны. *Современная научная мысль*. 4: 53–59.
- Головин Н.И. 2001. Военные усилия России в мировой войне. Москва, Кучково поле, 434 с.
- Китанина Т.М. 1985. Война, хлеб и революция. Ленинград, Наука: Ленингр. отд-ние, 384 с.
- Курцев А.Н. 1997. Беженцы I мировой войны в Курской губернии: 1914–1917. В: Курские тетради: Курск и куряне глазами ученых. Курск, Б.и.: 33–64.
- Лященко П.И. 1950. История народного хозяйства СССР. Ленинград, Гос. изд-во полит. лит., 656 с.
- Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. 1979. Отв. ред. И.Д. Ковальченко. Москва, Наука, 415 с.
- Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории: Сб. ст. 1994. Отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. Москва, Наука, 302 с.
- Салтык Г.А. 2015. Военный шпионаж в российской провинции в годы Первой мировой войны. По материалам Государственного архива Курской области. В: Первая мировая: Неоконченная война: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. «Проблемы поиска и публикации российских и зарубежных источников о Первой мировой войне 1914–1918 гг. на современном этапе развития исторической науки». Москва, 18 июня 2014 г. Отв. ред. Е.И. Пивовар; сост. И.А. Анфертьев. Москва, РГГУ: 205–224.
- Сергиенко М.А. 2012. Военнопленные на юге Курской губернии в годы Первой мировой войны. *Летопись Белогорья*. 23 августа. Режим доступа: <https://belstory.ru/goroda/belgorod/voennoplenne-na-yuge-kurskoj-gubernii-v-god-pervoy-mirovoy-voyn.html> (дата обращения: 25.11.2025)
- Солнцева С.А. 2000. Военнопленные в годы первой мировой войны. *Вопросы истории*. 4–5: 98–105.
- Черменский Е.Д. 1951. Россия в период империалистической войны и второй буржуазно-демократической революции (1914 – март 1917 гг.). Москва, «Правда», 39 с.
- Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. 1967. Ч. 3: Сельское хозяйство и крестьянство. Под. ред. Анфимова. Москва, Ленинград, Изд-во Акад. наук СССР, 540 с.
- Яковлев Н.Н. 1993. 1 августа 1914 г. Москва, Мол. Гвардия, 239 с.

References

- Anfimov A.M. 1962. Rossiyskaya derevnya v gody pervoy mirovoy voyny (1914–1917 gg.) [The Russian Village during the First World War (1914–1917)]. Moscow, Sotsekgiz, 383 p.
- Bovykin V.I. 1988. Rossiya nakanune velikikh sversheniy. K izuch. sots.-ekon. predposylok Velikoy Okt. sots. revolyutsii [Russia on the Eve of Great Achievements]. Moscow, Nauka, 151 p.
- Vasyukov V.S. 1966. Vneshnyaya politika Vremennogo pravitel'stva [Foreign Policy of the Provisional Government]. Moscow, Mysl', 496 s.
- Gavrikov F.A. 2022. Glavy gorodov Chernozem'ya v gody Pervoy mirovoy voyny [Heads of the Cities of the Black Earth Region during the First World War]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy zhurnal Kurskogo*



- gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes. Electronic Journal of Kursk State University]. 2(62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glavy-gorodov-chernozemya-v-gody-pervoy-mirovoy-voyny/viewer> (data obrashcheniya: 01.08.2025)
- Gavrikov F.A. 2022. Organizatsiya zhizni gorodov Kurskoy gubernii v usloviyakh Pervoy mirovoy voyny [Organization of Life in the Cities of the Kursk Province during the First World War]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern Scientific Thought]. 2: 53–59.
- Gavrikov F.A. 2022. Rol' gorodov Kurskoy gubernii v organizatsii razmeshcheniya bol'nykh i ranenyykh voynov, bezhentsov i voennoplennyykh, a takzhe pomoshchi frontu i sem'yam prizvannykh vo vremya Pervoy mirovoy voyny [The Role of the Cities of Kursk Province in Organizing the Accommodation of Sick and Wounded Soldiers, Refugees and Prisoners of War, as well as Assistance to the Front and the Families of those Called up during the First World War]. *Sovremennaya nauchnaya mysl'* [Modern Scientific Thought]. 4: 53–59.
- Golovin. N.I. 2001. Voennye usiliya Rossii v mirovoy voyne [Russia's Military Efforts in the World War]. Moscow, Kuchkovo pole, 434 p.
- Kitanina T.M. 1985. Voyna, khleb i revolyutsiya [War, Bread and Revolution]. Leningrad, Nauka: Leningr. otd-nie, 384 p.
- Kurtsev A.N. 1997. Bezhentsy I mirovoy voyny v Kurskoy gubernii: 1914–1917 [Refugees of World War I in Kursk Province: 1914–1917]. V: Kurskie tetradi: Kursk i kuryane glazami uchenykh [In: Kursk Notebooks: Kursk and the Kursk People through the Eyes of Scientists]. Kursk, B.i.: 33–64.
- Lyashchenko P.I. 1950. Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR [History of the National Economy of the USSR]. Leningrad, Gos. izd-vo polit. lit., 656 p.
- Massovye istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii perioda kapitalizma [Mass Sources on the Socio-Economic History of Russia during the Period of Capitalism]. 1979. Otv. red. I.D. Koval'chenko. Moscow, Nauka, 415 p.
- Pervaya mirovaya voyna: Diskussionnye problemy istorii [The First World War: Controversial Problems of History: Collection of Articles]: Sb. st. 1994. Otv. red. Yu.A. Pisarev, V.L. Mal'kov. Moscow, Nauka, 302 p.
- Saltyk G.A. 2015. Voennyi shpionazh v rossiyskoy provintsii v gody Pervoy mirovoy voyny. Po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Kurskoy oblasti [Military Espionage in the Russian Provinces during the First World War. Based on Materials from the State Archives of the Kursk Region]. V: Pervaya mirovaya: Neokonchennaya voyna: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu nachala Pervoy mirovoy voyny 1914–1918 gg. «Problemy poiska i publikatsii rossiyskikh i zarubezhnykh istochnikov o Pervoy mirovoy voyne 1914–1918 gg. na sovremennom etape razvitiya istoricheskoy nauki» [In: The First World: The Unfinished War: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Outbreak of the First World War 1914–1918. "Problems of Searching and Publishing Russian and Foreign Sources on the First World War 1914–1918 at the Present Stage of Development of Historical Science"]. Moscow, 18 iyunya 2014 g. Otv. red. E.I. Pivovarov; sost. I.A. Anfert'ev. Moskva, RGGU: 205–224.
- Sergienko M.A. 2012. Voennoplennyye na yuge Kurskoy gubernii v gody Pervoy mirovoy voyny [Prisoners of War in the South of Kursk Province during the First World War]. *Letopis' Belgor'ya*. 23 avgusta. Rezhim dostupa: <https://belstory.ru/goroda/belgorod/voennoplenne-na-yuge-kurskoy-gubernii-v-god-pervoy-mirovoy-voyn.html> (data obrashcheniya: 25.11.2025)
- Solntseva S.A. 2000. Voennoplennyye v gody pervoy mirovoy voyny [Prisoners of War during the First World War]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 4–5: 98–105.
- Cheriminskiy E.D. 1951. Rossiya v period imperialisticheskoy voyny i vtoroy burzhuazno-demokraticeskoy revolyutsii (1914 – mart 1917 gg.) [Russia during the Imperialist War and the Second Bourgeois-Democratic Revolution (1914 – March 1917)]. Moscow, «Pravda», 39 p.
- Ekonomicheskoe polozhenie Rossii nakanune Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii [The Economic Situation of Russia on the Eve of the Great October Socialist Revolution]. 1967. Ch. 3: Sel'skoe khozyaystvo i krest'yanstvo [Part 3: Agriculture and the Peasantry]. Pod. red. Anfimova. Moskva, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 540 p.
- Yakovlev N.N. 1993. 1 avgusta 1914 g. [August 1, 1914] Moscow, Mol. Gvardiya, 239 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.



Поступила в редакцию 14.08.2025

Поступила после рецензирования 04.09.2025

Принята к публикации 06.09.2025

Received 14.08.2025

Revised 04.09.2025

Accepted 06.09.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сергиенко Марина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0001-9142-9926](https://orcid.org/0000-0001-9142-9926)

Галушко Инна Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0002-3547-8560](https://orcid.org/0000-0002-3547-8560)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Marina A. Sergienko, Candidate of Sciences in History, Associate Professor, Head of the Department of Russian History and Records Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Inna G. Galushko, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History and Records Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia



УДК 351.746:94(470)
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-948-963
EDN PGCCUD
Оригинальное исследование

Отечественная историография органов госбезопасности России 1917–1922 гг.: общероссийский и региональный аспекты (на примере губерний Верхневолжья)

Чудакова М.С.¹ , Тумаков Д.В.^{1, 2}

¹⁾ Ярославский государственный медицинский университет,
Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Революционная, д. 5;

²⁾ Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова,
Россия, 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14
E-mail: marichud@rambler.ru, denistumakov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена тому, как изучали деятельность органов государственной безопасности Российской империи, Российской республики периода Временного правительства и Советского государства отечественные историки на протяжении XX и начала XXI века. Авторами настоящего исследования были проанализированы наиболее типичные научные статьи и монографии дореволюционного, советского и современного периодов, вышедшие из-под пера как кадровых работников отечественных спецслужб, так и гражданских историков. Не обойдены вниманием авторов статьи и многочисленные сборники документов, вышедшие как в советский период, так и в постсоветские десятилетия. В публикации проводится прямая взаимосвязь между социально-экономическими и политическими переменами, происходившими в нашей стране в годы Февральской и Октябрьской революций, а также Гражданской войны, и изменениями оценок деятельности спецслужб в отечественной историографии. Авторами статьи был сделан вывод, что в структуре, компетенции, формах и методах работы российских и советских спецслужб в 1917–1922 гг. присутствовали как преемственность, так и некоторые различия.

Ключевые слова: органы государственной безопасности, спецслужбы, Российская империя, Советское государство, историки, историография

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Чудакова М.С., Тумаков Д.В. 2025. Отечественная историография органов госбезопасности России 1917–1922 гг.: общероссийский и региональный аспекты (на примере губерний Верхневолжья). *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 948–963. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-948-963. EDN: PGCCUD

Domestic Historiography of the Russian State Security Agencies in 1917–1922: National and Regional Aspects (Based on the Provinces of the Upper Volga Region)

Marina S. Chudakova¹ , Denis V. Tumakov^{1, 2}

¹⁾ Yaroslavl State Medical University,
5 Revolutsionnaya St., Yaroslavl 150000, Russia;

²⁾ P.G. Demidov Yaroslavl State University,
14 Sovetskaya St., Yaroslavl 150003, Russia

E-mail: marichud@rambler.ru, denistumakov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the activities of the state security agencies in the Russian Empire, the Russian Republic during the period of the Provisional Government, and the Soviet state by Russian historians

throughout the 20th and early 21st centuries. The authors have analyzed the most typical scientific articles and monographs from the pre-revolutionary, Soviet, and modern periods, written by career employees of the Russian special services and civilian historians. The authors have also paid attention to numerous collections of documents published both during the Soviet period and in the post-Soviet decades. The paper establishes a direct relationship between the socio-economic and political changes that took place in our country during the February and October Revolutions, as well as the Civil War, and the changes in the assessments of the activities of special services in Russian historiography. The authors of the article conclude that the structure, competence, forms, and methods used by Russian and Soviet intelligence agencies in 1917–1922 were both similar and different.

Keywords: state security agencies, special services, Russian Empire, Soviet state, historians, historiography

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Chudakova M.S., Tumakov D.V. 2025. Domestic Historiography of the Russian State Security Agencies in 1917–1922: National and Regional Aspects (Based on the Provinces of the Upper Volga Region). *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 948–963 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-948-963. EDN: PGCCUD

Введение

История правоохранительных структур в нашей стране насчитывает более трехсот лет. На каждом этапе своего развития они отражали особенности и своеобразие той эпохи, в которой действовали. Время накладывало отпечаток и на доступность для исследователей соответствующей информации. При этом различные аспекты деятельности спецслужб нашей страны всегда привлекали внимание отечественных исследователей и широкую читательскую аудиторию.

Исключение не составил и краткий по общеисторическим меркам период с 1917 по 1922 гг. с момента крушения монархии в России, ознаменовавшего собой крах прежней системы государственной безопасности, до преодоления «чрезвычайщины» в законодательной и практической работе, создания правовой базы деятельности соответствующих органов. Напомним, что в 1922 г. были приняты Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы. Задачам укрепления законности была посвящена судебная реформа 1922 г.: приняты законы об адвокатуре и прокуратуре (соответственно 26 и 28 мая 1922 г.), а с 1 января 1923 года вступило в силу Положение о судостроительстве.

В силу этого представляется актуальным обратиться к изучению наиболее заметных и ярких исследовательских работ по истории российских и советских спецслужб в этот период, вышедших на протяжении XX века, чтобы выявить закономерности и особенности каждого из сменявших друг друга исторических периодов. Настоящее исследование основано как на общероссийских, так и на региональных материалах (исследования по истории органов госбезопасности губерний Верхнего Поволжья (Верхневолжья)). Авторы полагают данный пример в целом типичным для всей страны в рассматриваемый период времени.

Объект и методы исследования

Объектом исследования авторов стала отечественная историография российских и советских органов государственной безопасности.

Принципы диалектики, объективности и историзма позволяют рассматривать наиболее общие законы развития исторического процесса, учитывать взаимосвязь явлений, их противоречивость и изменчивость. В соответствии с ними все процессы, происходящие в обществе, должны изучаться в том виде, в каком они протекали в действительности. Заявленная нами тема не является исключением.

Сравнительно-исторический метод с элементами системного научного анализа и синтеза, а также индуктивный и дедуктивный методы помогли выработать научно обоснованные хронологически рамки исследования, способствовали выявлению как общих



закономерностей, так и характерных для каждого конкретного периода особенностей в деятельности органов государственной безопасности.

Историко-типологический метод позволил выявить связь между единичным, общим и особенным. Именно в этом контексте рассматривается и анализируется деятельность центральных и региональных органов госбезопасности.

Конкретно-исторические методы изучения функционирования органов госбезопасности позволяют проанализировать деятельность соответствующего аппарата как составной части системы государственного управления, а также оценить эффективность их работы на каждом историческом этапе рассматриваемого периода. На основе фактического материала возможен и необходим анализ противоречий изучаемого периода, особенно его переломных моментов.

Важным исследовательским инструментом служил *историко-системный метод*. Из органически единой иерархии систем приходилось, прежде всего, выделять исследуемую (в нашем случае систему органов политического сыска и систему органов госбезопасности).

Аналитический метод дал возможность проанализировать механизм внутриведомственных отношений и межведомственных противоречий.

Немаловажную роль сыграл также *хронологический метод*, подразумевающий соответствующую последовательность в становлении центральных и региональных структур спецслужб: отдельно выделены периоды Российской империи, Временного правительства и Советского государства.

Результаты и их обсуждение

Первые исследовательские работы, посвящённые политическому сыску в России, вышли еще до революционных событий 1917 г. Анализируя полицейское законодательство империи, член кадетской партии В.М. Гессен отмечал его «неопределенность и разбросанность». Это, по мнению автора, привело к тому, что «даже в руках самого добросовестного полицейского чина присвоенная ему власть легко обращается в произвол или бесполезное стеснение для населения» [«Лекции по полицейскому праву», СПб., 1907–1908, с. 55]. Затем, уже в монографии того же автора «Исключительное положение», подробно анализируется Положение от 14 августа 1881 года «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» и дается характеристика понятий усиленной и чрезвычайной охраны. В.М. Гессен особо подчеркивает аморфность и возможность очень широкого толкования некоторых формулировок Положения 14 августа («известного рода преступления», «общественный порядок и спокойствие» и др.). Автор раскрывал произвол в проведении обысков и так называемых «ликвидаций»: лицо «подвергалось аресту не потому, что собраны улики, а для того, чтобы эти улики собрать». Он отмечал также пренебрежение охранных отделений к конкретным статьям Устава уголовного судопроизводства, другие прямые нарушения закона.

Тем не менее в дореволюционной российской историографии за небольшим исключением [Министерство внутренних дел, 1902; Санкт-Петербургская столичная полиция, 1903] мы находим относительно малое число заметных работ, посвященных истории политического сыска. Это объяснялось как недоступностью источников, вызванной «нежелательностью» освещения темы, так и табу, так или иначе наложенным на исследования подобного рода. Типичными для того периода являлись лишь небольшие публикации авторов, которые самым тесным образом оказывались связанными с полицией и сыском [Исторический очерк, 1913]. Некоторое обобщение накопленных знаний, осведомленный экскурс в историю «своего предмета» даются, например, в брошюре А.А. Лопухина «Настоящее и будущее русской полиции. Из итогов служебного опыта» [Лопухин, 1907]. Работа историка Б.Б. Глинского посвящена методам деятельности органов политического сыска, в том числе становлению и развитию провокации, а также ее приемов в 80-е годы XIX столетия. В целом же жандармско-полицейская система, существовавшая тогда в России, подвергнута им

критике [Глинский, 1912]. В 1914 году в Париже вышла книга заведующего Особым отделом Департамента полиции Л.П. Меньщикова «Русский политический сыск за границей», содержащая как переписку заведующих заграничной агентурой с Департаментом полиции, так и комментарии самого автора об основных направлениях деятельности органов политического сыска на рубеже веков. В 1919 году, находясь за границей, он выступил с осуждением деятельности охраны, а службу в её рядах мотивировал собственным желанием понять механизм деятельности царских спецслужб.

Ощутимые перемены в историографии вопроса произошли после крушения Дома Романовых. Февраль 1917 года ознаменовал новый этап в развитии страны. Вместе с крушением монархии прекратили свое существование и органы госбезопасности царской России. Временное правительство не смогло разработать свое законодательство, регулирующее деятельность спецслужб, а потому вынуждено было использовать дореволюционное. Им была создана народная милиция, правовой основой деятельности которой становятся законы, регламентировавшие работу царских спецслужб. Разветвленной сети специальных органов ему сформировать не удалось. Качественно новый этап в деятельности органов госбезопасности России наступил после октября 1917 года. Советское правительство, вынужденное отказаться от идеи всеобщего вооружения народа, прибегло к созданию чрезвычайного аппарата в лице ВЧК и его органов на местах. Деятельность вышеуказанных учреждений протекала в условиях политического и экономического кризиса, в условиях войны и противостояния различных политических сил. В силу этого совершенствовалось и изменялось «чрезвычайное законодательство», менялась структура и компетенция соответствующих органов. Небезынтересно будет проследить, в какой степени, а также в какой сфере наблюдалась преемственность в деятельности царских и советских специальных органов в период их становления.

Исследуя труды основателя Советского государства В.И. Ленина, необходимо учитывать, что он был не только теоретиком, автором первых советских законов, касающихся деятельности соответствующих охранных органов, но и человеком-революционером, на себе испытывавшим режим полицейского преследования и доносов.

Если же говорить о В.И. Ленине как об историке, то следует заметить, что в его работах дается целостное представление о политической системе, основными параметрами которой являются государство, политический режим и партии. Он традиционно рассматривал государство не только как публичную власть, но и вскрывал его социальную роль механизма принуждения.

В послереволюционный период в ленинских работах наблюдается эволюция взглядов, касавшихся органов государственной безопасности: от всеобщего вооружения народа [Ленин, Выступление по вопросу о водворении порядка в городе, с. 72] до создания аппарата ВЧК [Ленин, Записка Ф.Э. Дзержинскому с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками, с. 357–358] в центре и в регионах. В них отмечалось, что большевики вынуждены были поступать так, как требовала политическая ситуация, подчеркивалась обусловленность некоторых решений и действий конкретной исторической обстановкой [Ленин, Проект резолюции о свободе печати, с. 53–55]. Известно, что история – результат взаимодействия и противостояния, противоборства, единения политических сил, действующих в обществе на данный момент. Ввиду этого вполне очевидно, что большевики не были свободны в своей политике и решениях.

Интерес к истории царских органов госбезопасности больше удовлетворялся самими архивными материалами, ставшими доступными для исследователей. Авторами многочисленных статей, брошюр, книг чаще выступали недавние или действовавшие члены комиссий по разбору дел Департамента полиции и его заграничной агентуры, комиссии по обеспечению нового строя и Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, после Февральской революции получивших возможность ознакомиться с материалами и архивами соответствующих учреждений.



Многочисленные документы такого рода вошли в книгу В.К. Агафонова [Агафонов, 1918]; появились работы А. Волкова [Волков, 1917], В. Жилинского [Жилинский, 1917], В.Я. Ирецкого [Ирецкий, б. г.], М.А. Осоргина [Осоргин, 1917], С.Б. Членова [Членов, 1919]. Но при раскрытии деятельности охранных отделений и агентуры, при анализе некоторых методов их работы те же авторы чрезмерно увлекались сообщениями о множестве незначительных фактов при отсутствии более или менее стройной концепции истории органов госбезопасности. Это обуславливалось не только новизной проблематики и неизбежной поверхностностью первичного освоения раскрываемых вопросов, но и избирательной доступностью исследователей к богатейшим архивам Департамента полиции и охранки.

В 1920–1930-е гг. публикация литературы, посвященной истории спецслужб, заметно возросла. К изучению материала охранки стали подключаться и отдельные специалисты-историки, например, П.Е. Щеголев [Щеголев, 1929; Щеголев, 1930]. Он предпринял первые попытки критического «марксистско-ленинского» анализа документов, касавшихся деятельности учреждений политического сыска царской эпохи. И в целом работы начальных лет Советской власти, а также 1920–1930-х гг. в большей степени касаются вопросов борьбы правительства с революционным движением. Отдельное внимание историков привлекает и такой актуальный тогда аспект проблемы, как раскрытие и выявление секретных агентов. Это было также связано с остротой личного авторского восприятия момента и обостренного отношения к карательному аппарату Российской империи в раннесоветский период. Тот же период характеризовали публикации многочисленных документов, переписка деятелей сыска, так или иначе соотносимых с постановкой и деятельностью секретной агентуры [Два документа по истории зубатовщины, 1923, с. 210–211; Письма Медникова – Спиридовичу, 1926, с. 192–219]. Таковы, например, работы Н.А. Бухбиндера [Бухбиндер, 1926], Б.И. Горева [Горев, 1924], Б.П. Козьмина [Козьмин, 1928].

Одновременно с ними стали появляться и труды, освещавшие некоторые аспекты деятельности советских органов госбезопасности: ВЧК, ГПУ и ОГПУ. В первой половине 1920-х гг. большинство их касалось в основном политических процессов по делам оппозиции и содержало лишь отрывочные сведения о выступлениях правых и левых эсеров, анархистов, меньшевиков [Вардин, 1922; Луначарский, 1928]. Прежде всего, авторы останавливались на деятельности партий, оппозиционных Советской власти. Работы, изданные во второй половине 1920-х годов, также практически не проливали свет на деятельность ВЧК и ГПУ [Астров, 1926].

1940–1950-е годы, в отличие от предыдущих десятилетий, характеризовались практически полным отсутствием в СССР публикаций, затрагивающих интересующую нас тематику, что объясняется тоталитарным характером государства в период сталинской диктатуры. Лишь в 1941 г. и только для внутреннего пользования работников НКВД была переиздана вышедшая ещё в 1918 году книга С.Г. Сватикова «Заграничная агентура Департамента полиции», где освещались принципы работы с секретной агентурой и вопросы истории политического сыска царской России. Отдельные публикации, касавшиеся деятельности советских органов госбезопасности, несмотря на большой фактический материал, носили явно тенденциозный и политизированный характер. Это было обусловлено особым положением соответствующих органов в системе государственного управления СССР в период сталинизма [Минаев, 1940; Софинов, 1942].

Изменение политической ситуации в стране, связанное с XX съездом КПСС (1956 г.), политикой хрущёвской Оттепели и, как следствие этого, ослаблением архивной и издательской цензуры во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг., привело к возобновлению публикаций по интересующей нас тематике. В условиях большей политической свободы возросла их сложность, научная значимость и освещаемая объективность. Закономерным итогом выведения архивов из-под ведения МВД стала возросшая их доступность для исследователей. Сначала выходят в свет иного плана сборники документов, как общего [Декреты Советской власти, Т. 1–13], так и частного характера [Из истории ВЧК, 1917–1921]. Аналитические же работы, касавшиеся истории органов политического сыска России, публиковались в основном в рамках малых форм или исследованиях общего характера.

Обратимся к исследованиям, непосредственно рассматривающим интересующую нас тематику. Функционированию Всероссийской чрезвычайной комиссии посвящена весьма крупная работа П.Г. Софинова «Очерки истории ВЧК» [Софинов, 1960]. Наряду с развернутыми достоинствами отметим ее существенный, на наш взгляд, недостаток. Автор полагает, что после завоевания власти «вопрос о создании специальных карательных органов по борьбе с контрреволюцией, наделенных особыми чрезвычайными полномочиями», перед большевиками якобы не стоял: сопротивление свергнутых классов предполагалось «сокрушить при помощи обычных органов власти (Наркомат внутренних дел, суд, прокуратура, милиция) без применения чрезвычайных мер» [Софинов, 1960, с. 5]. Во-первых, какое-то время большевики верили в идею всеобщего вооружения народа. Во-вторых, некоторых вышеназванных органов (прокуратуры, судов) на момент 1917 г. вообще еще не существовало и их формирование в чрезвычайных условиях уже само по себе закладывало в них известную чрезвычайность. Это несоответствие отмечалось и в более поздних работах историков [Велидов, 1970].

Весьма характерным для того же периода стало появление трудов, основу которых большей частью составляли уже опубликованные материалы (в том числе периодической печати). Вопросы становления советских спецслужб раскрывались в них обычно в контексте борьбы с заговорами иностранных разведок и внутренней контрреволюцией [Минаев, 1962]. Яркую иллюстрацию подобного представляет двухтомник Д.Л. Голикова «Крах антисоветского подполья», выдержавший три издания [Голиков, 1978]. Автор изучил становление, саму деятельность чрезвычайных органов, а также причины реорганизации, упразднения ВЧК и создания ГПУ. Недостатком работы опять же следует признать незначительное привлечение автором архивных материалов, а потому известную их официальную «отсортированность». Становлению и деятельности ВЧК посвящена работа историка из Высшей школы КГБ СССР А.С. Велидова [Велидов, 1970]. Организация и деятельность чрезвычайных исполнительных органов рассматривается в монографиях и статьях ленинградского исследователя М.П. Ирошникова [Ирошников, 1967; Ирошников, 1974; Ирошников, 1987]. Он впервые предпринял детальный анализ штатов сотрудников советских учреждений, в том числе ВЧК, привел данные о количественном составе членов партии в этих структурах.

Отдельный интерес представляют исследования, касавшиеся юридической основы борьбы властей с оппозиционным движением. Первые работы такого рода появились еще до революционных событий 1917 г. Позднее ряд указов периода революции 1905–1907 гг. рассматривались в специальных монографиях Н.Н. Полянского [Полянский, 1958] и А.И. Гуковского [Гуковский, 1957]. Некоторым вкладом в сюжет о юридической основе борьбы самодержавия с оппозиционным движением явилась статья Е.П. Бровцовой [Бровцова, 1975]. В ней в соответствующем объеме анализируется Уголовное уложение 1903 года. В частности отмечается, что если до 1905 г. самодержавие боролось со своими противниками в основном в административном порядке, то во время первой революции царизм все чаще применял судебные репрессии, «квалифицируя выступление участников революционного движения как уголовное преступление, подводя их под статью Уголовного уложения» [Бровцова, 1975, с. 111]. Подобные способы подавления политической оппозиции впоследствии переняла и Советская власть.

Значительной историографической вехой стал сборник материалов Международной научной конференции «Политический сыск России: история и современность», проходившей в 1996 году в Санкт-Петербурге. Изданы также материалы сквозной научно-практической конференции «Российские спецслужбы – история и современность», проводившейся ФСБ России в 1997, 1998 и 1999 г. Каждый конференционный год был посвящен отдельному этапу становления спецслужб: соответственно ВЧК, ГПУ-ОГПУ и НКВД. Выступали не только специалисты-историки, но и представители спецслужб, занимавшиеся данной проблематикой [Зданович, 1999; Леонов, 1999; Мозохин, 1999; Перегудова, 1999; Измозик, 2000].

Пожалуй, это был первый подобный опыт, который столь авторитетно засвидетельствовал, что вопросы истории и деятельности органов госбезопасности по-прежнему столь актуальны и важны. Тем более что именно в 90-е годы XX в. наше общество



и властные структуры прошли столь противоречивый путь – от «невинного» отрицания нужности спецслужб в государстве до относительного понимания их необходимости. Мы разделяем разумную и безальтернативную позицию о подконтрольности этих служб государству, политическим и общественным структурам, их информированности (с учетом соблюдения государственной тайны), подчиненности закону при соответствующем государственно-правовом статусе. Только комплекс подобных условий позволит избежать вседозволенности, беззакония и предательства. Таким образом, только на рубеже XX–XXI вв. внимание историков «переключилось» с вопросов деятельности спецслужб к проблемам их формирования, методам и формам работы. Специальные работы посвящены вопросам организации и функционирования органов ВЧК, их компетенции и правовому положению. Таковы монографии Ю.П. Титова [Титов, 1981] и В.П. Портнова [Портнов, 1987].

Рубеж 1980–1990-х гг. характеризовался заметной ломкой прежних стереотипов и новой оценкой основных этапов развития страны. Большим плюсом для исследователей следует считать исчезновение цензурных запретов советской эпохи, в силу чего развернулись дискуссии о методологии исторической науки. Ряд отечественных историков высказал мнение, что марксистская методология не может отныне считаться единственно верной теоретической основой. Возникли споры между сторонниками формационного и цивилизационного подхода к изучению истории. Переломным моментом отечественной истории был посвящен и ряд соответствующих сборников, авторы и составители которых пытались объективнее оценить узловые исторические события [Страницы истории КПСС, 1988; Историки спорят, 1989; Переписка, 1989; Страницы истории советского общества, 1989; Неизвестная Россия, 1992]. Однако в ряде изданий они настолько увлеклись т. н. «новой» оценкой тех или иных исторических событий, общественных сил и политических деятелей [Павлов, 1999], что она оказалась совершенно противоположной их прежней. К числу таких можно отнести работу бывшего начальника Института военной истории Министерства обороны СССР генерал-полковника Д.А. Волкогонова, в которой была дана крайне критичная оценка советской системы в целом, а также роли В.И. Ленина в новейшей истории России и в частности в становлении советских спецслужб [Волкогонов, 1997].

Но последующие годы ознаменовались появлением действительно принципиально новых трудов, затрагивающих нашу тематику. Обобщающая книга историков А.И. Колпакиди и М.Л. Серякова «Щит и меч» посвящена людям, руководившим органами государственной безопасности в самое разное время начиная с Московской Руси и завершая окончанием XX столетия. Авторы сумели подробно остановиться на характеристике конкретных личностей, руководивших подразделениями спецорганов, на анализе многих общих и преходящих аспектов работы возглавляемых ими структур [Колпакиди, Серяков, 2002]. Назовем и «Энциклопедию российских спецслужб» [Энциклопедия, 2003], также охватывающую деятельность соответствующих органов на всем историческом пути Российского государства, но, в отличие от многих других, освещающую деятельность спецслужб Временного правительства. Кроме того, с упоминанием кодовых названий, в ней охарактеризованы многие спецоперации советских служб, особенно в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Не остались без внимания авторы и структура, компетенция, руководители, а также отдельные спецслужбы РФ (Федеральная служба охраны, Федеральное агентство правительственной связи и информации, Федеральная пограничная служба) постсоветского периода. К недостатку энциклопедических трудов отсутствуют ссылки на конкретные архивные документы или монографии, хотя и приводятся списки соответствующих источников и литературы. В итоге заметим, что это первые работы подобного рода, предоставившие целостные характеристики структурных подразделений органов госбезопасности.

Деятельности в большей степени экономических подразделений ВЧК – ОГПУ в 1920–1930-е гг. посвящена монография профессора Академии военных наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН, в прошлом офицера советских и российских спецслужб О.Б. Мозохина [Мозохин, 2004]. Наряду с этим, автор рассматривает

переломные моменты нашей истории, так или иначе повлиявшие на деятельность правоохранительных органов. Историк подчеркивает, что вопросы борьбы с контрабандой, экономическим шпионажем актуальны и в настоящее время.

К 200-летию МВД России вышел крупный обобщающий труд известного петербургского исследователя В.С. Измозика, посвященный отдельным сторонам функционирования Министерства внутренних дел и содержащий статьи по самым разным аспектам истории политического сыска России, написанные профессиональными историками и бывшими работниками отечественных спецслужб [Жандармы России, 2002]. Вопросам взаимоотношения общей и политической полиции была посвящена работа рязанского исследователя Ю.А. Реента [Реент, 2001].

На основе свидетельств очевидцев, отечественных и зарубежных публикаций, архивных документов, встреч с работниками спецслужб написан труд Э.Ф. Макаревича [Макаревич, 2002], посвященный личностям выдающихся деятелей разных эпох. Анализ структуры центральных органов политического сыска, причин крупных провалов секретной агентуры посвящена работа И. Симбирцева [Симбирцев, 2006]. Отсутствие библиографии не позволяет определить степень научной обоснованности выводов автора.

Весьма интересна, на наш взгляд, монография С.Н. Галвазина [Галвазин, 2001]. Заслуживает внимания вывод о преемственности в деятельности царских и советских спецслужб: «Организационное строение, правила личной безопасности и конспирации, тактические приемы и методы ведения активных наступательных действий находящейся на нелегальном положении организации стали общепризнанными и классическими для всех последователей... Эти же принципы лежат в основе всех без исключения специальных служб, включая разведки, где тоже ошибаются лишь один раз».

Важной вехой на пути переосмысления роли органов госбезопасности в истории России стала монография, подготовленная видными отечественными учеными (Р.Н. Байгузин, В.А. Динес, В.В. Журавлев, В.Г. Шевченко, В.В. Шелохаев), в которой на материалах многовековой истории страны всесторонне анализируется идеология и концепция государственной безопасности, функции и роль ее органов и структур в исторических судьбах отечественной государственности [Государственная безопасность России, 2004].

Столетию создания ВЧК посвящен труд «ВЧК (1917–1922 гг.): к столетию создания / Сборник статей и документов» [ВЧК (1917–1922 гг.): к столетию создания, 2017]. Интересен формат сборника: в него вошли не только документы, но и статьи, посвященные становлению и функционированию центральных и региональных чрезвычайных комиссий.

Интересующая нас проблематика была затронута на международной конференции, прошедшей в 2017 г. в Ярославле и посвященной столетию Октябрьской революции в России. Один из её участников, доктор исторических наук, профессор А.А. Зданович [Зданович, 2017], в прошлом руководитель Центра общественных связей и Управления программ содействия ФСБ России, констатировал факт игнорирования последним российским императором Николаем II рекомендаций органов госбезопасности по стабилизации ситуации в стране в разгар Первой мировой войны. Закономерным итогом этого и стала Февральская революция 1917 г. Также он отмечает, что произошедшая позднее кампания по разоблачению секретных сотрудников политической полиции нанесла непоправимый удар по службе контрразведки, «ведь с началом войны многие опытные секретные сотрудники охранных отделений частично или полностью были переориентированы на борьбу со шпионажем и лицами, способствовавшими военным противникам России» [Зданович, 2017, с. 120]. Они были изгнаны из контрразведки, многие арестованы. Отказывались служить даже не связанные ранее с политической полицией агенты.

В начале XXI века появились и первые исследования, посвященные становлению органов госбезопасности в различных регионах страны. Так, в 2001 году вышла в свет книга «Верой и правдой», освещающая историю Управления ФСБ России по Ярославской области [Верой и правдой, 2001]. Ее исходным началом определен 1600 год, но гораздо более подробно в работе был представлен XX век. Авторы освещают деятельность губернского жандармского

управления и охранного отделений, проанализировали технику политического сыска. В самостоятельные разделы ими были выделены анализ работы местной ЧК и отдела ГПУ, охарактеризованы наиболее резонансные дела и события первых лет Советской власти. Рассматриваются судьбы органов госбезопасности военных и послевоенных лет. Интересна глава о таких аспектах деятельности спецслужбы в постсоветский период, как борьба с политическим терроризмом и сепаратизмом, в том числе на Северном Кавказе, неонацистскими организациями, а также с организованной преступностью и коррупцией.

В несколько ином ключе выдержан труд, изданный Управлением ФСБ по Тверской области [От ЧК до ФСБ. Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края, 1998]. Краткий исторический обзор в нем дополнен объемным документальным материалом, часть которого публикуется впервые. Особую в плане осведомления ценность представляют, на наш взгляд, источники, относящиеся к 1990-м гг. К издательским недостаткам следует отнести отсутствие анализа источников. Но, по-видимому, такая цель авторами-составителями и не ставилась.

Нельзя не отметить обобщающие работы, освещающие деятельность органов МВД. Сборник «Советская милиция: история и современность (1917–1987)» [Советская милиция, 1987] посвящен ее становлению и деятельности периода всего советского времени. В первые годы советской власти она действовала совместно с региональными чрезвычайными комиссиями, то есть занималась борьбой не только с уголовным бандитизмом, масштабной спекуляцией, но и с крестьянскими повстанческими выступлениями. В деятельности Рабоче-Крестьянской милиции, как в зеркале, отразились все те проблемы, с которыми сталкивалось Советское государство на протяжении своей истории, в том числе и в изучаемый нами период.

Интересующую нас проблематику затрагивает труд историка А.В. Рыжикова «Чрезвычайные комиссии Верхней Волги. 1918–1922 гг.» [Рыжиков, 2013]. Автор комплексно рассматривает проблемы создания, функционирования, кадрового и правового обеспечения ЧК вышеуказанного региона, а также основные направления их деятельности. В приложении прослеживается изменение организационной структуры чрезвычайных комиссий, а также приводится статистическая сводка их работы за 1918 год [Рыжиков, 2013, с. 330–331]. Для автора характерен объективный, взвешенный нетенденциозный подход к рассматриваемым им проблемам становления названных структур. Так, отмечены сложности с подбором и обучением кадрового состава (недостаточный образовательный и культурный уровень). Автором особо подчеркиваются борьба ВЧК и местных комиссий с нарушением законности, некомпетентностью, грубостью по отношению к гражданам и халатным несением службы со стороны сотрудников ЧК [Рыжиков, 2013, с. 212].

Роль ВЧК и её преемника ОГПУ в налаживании политического контроля Советской власти над послереволюционным обществом исследована в новейшей монографии упоминавшегося выше петербургского исследователя В.С. Измозика [Измозик, 2024]. Автор, изучавший ранее не публиковавшиеся документы в фондах Архива Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а также во многих других центральных и региональных архивах, включая ведомственные, полагает, что падение монархии в России в результате Февральской революции 1917 года открывало возможности для ликвидации незаконных методов сыска и контроля царского периода [Измозик, 2024, с. 53]. В качестве доказательства своего тезиса историк приводит тот факт, что пришедшие к власти в это время крупнейшие либеральные и умеренно-социалистические партии страны в первые десятилетия XX века (кадеты, октябристы, эсеры и меньшевики) выступали за демократические права и свободы, включая неприкосновенность личности и жилища каждого человека. Однако большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 года, быстро перешли от утопических представлений о «государстве-коммуне» к созданию ВЧК, функционал которой включал перлюстрацию писем, создание секретного осведомления для наблюдения за т. н. «бывшими» и т. д. [Измозик, 2024, с. 129–130]. По мнению автора, некоторые лидеры большевиков при этом полагали, что данные методы являются лишь временными [Измозик, 2024, с. 130].

В 2019 году вышла монография ярославского исследователя М.С. Чудаковой «В борьбе за правое дело (на страже Российской государственности)» [Чудакова, 2019], которая явилась своеобразным продолжением работы того же автора, охватившей дореволюционный период истории спецслужб [Чудакова, 2003]. На основе широкого круга архивных источников автор рассматривает процесс становления и деятельности ВЧК, а также чрезвычайных комиссий Костромской, Тверской и Ярославской губерний. Особо ценной, на наш взгляд, является заключительная третья глава под названием «Сохраняя преемственность и приобретая опыт». В ней сопоставляются различные аспекты работы спецслужб дореволюционной и Советской России, подчеркивается преемственность в их профессиональной деятельности и принципиальные отличия между ними.

Рубеж XX–XXI вв. характеризуется изданием ранее не публиковавшихся тематических сборников документов и материалов, подготовленных коллективами историков и архивных работников [Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах, 2001; Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях, 1997]. Составители одного из них верно отметили, что «историческое исследование всегда опирается на фрагменты памяти, зафиксированной в письменной, устной или иных формах». Наибольший интерес представляет четырехтомный сборник документов «Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. 1918–1939» [Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Документы и материалы, 2000]. Представленные в нем сводки соответствующих органов являлись особым ведомственным материалом, предназначенным для информирования высшего руководства о социально-политическом положении во всех регионах страны. Отмечая редкую новизну данного вида документов, авторы подчеркивают, что они практически «впервые столкнулись с проблемами источниковедения и археографии нового вида документальных источников». Информационно-достоверный материал спецслужб позволит наконец воссоздать наиболее полную и сравнительную картину положения в стране в ее региональном и хронологическом аспектах.

Заключение

Таким образом, вопросы истории органов государственной безопасности Российской империи, Временного правительства и Советского государства нашли существенное отражение в многочисленных трудах как профессиональных революционеров, политических или государственных деятелей – очевидцев и непосредственных участников бурных политических событий начала XX века, так и специалистов-историков или юристов. Среди последних выделяются исследования самих работников органов госбезопасности и реже – штатских историков. Вышедшие в эти годы работы несут на себе заметный отпечаток тех исторических эпох, что сменяли друг друга в нашей стране на всём протяжении XX века. Так, при последних Романовых или в период сталинизма исследователи были практически лишены возможности работать в архивах, в то время как в недолгий период пребывания у власти Временного правительства или на рубеже 1980–1990-х гг. ситуация резко менялась, что приводило к заметному росту количества соответствующих исследований. Однако таким работам нередко была присуща заметная политизация материала, подмена научной объективности политической конъюнктурой.

Проанализировав наиболее заметные достижения отечественной историографии органов госбезопасности России, мы сделаем следующие выводы. В структуре, компетенции, формах и методах работы спецслужб XX века несомненна преемственность. В первые послереволюционные годы Советская власть при формировании новых органов государственной безопасности, официально отрицая этот факт, активнейшим образом использовала знания и опыт, накопленный представителями дореволюционной школы сыска (особенно уголовного), вполне обоснованно скрывая их фамилии и сферы деятельности. В их числе были и секретные сотрудники, которые запятнали себя (в допустимых пределах) предательством. Секретную агентуру и осведомление следует признать основными формами

работы любой спецслужбы. Поэтому аналогии в способах, методах, формах их постановки вполне допустимы и очевидны. Это одна из тех сфер, где всегда полностью, избирательно и преимущественно использовались как опыт, накопленный предшественниками, так и сами пресловутые «старые» специалисты.

Следует подчеркнуть и существенные различия в работе спецслужб имперского и советского периодов. Прежде всего, к ним необходимо отнести появление принципиально новых форм и методов работы соответствующих структур, вызванных качественно иной исторической обстановкой в Российской империи и Советском Союзе, а главное – иной целевой направленностью этой деятельности. К характерным особенностям советской эпохи относится также официально признанная руководящая и организующая роль Коммунистической партии в формировании и деятельности органов госбезопасности и правопорядка, опора на население, иной кадровый состав вышеназванных структур. Данная особенность объяснялась самим характером существовавшей в нашей стране после Октября 1917 года социально-экономической и политической системы, при которой монопольное положение партии предполагало её контроль над всеми сферами жизни общества.

Список источников

- ВЧК (1917–1922 гг.): к столетию создания: Сборник статей и документов. 2017. Отв. ред. В.С. Христофоров. Москва, ИРИ РАН, 880 с.
- Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. Отв. ред. А.К. Соколов. 1997. Москва, ИРИ РАН; РГАЭ, 325 с.
- Два документа по истории зубатовщины. *Красный архив*. 1923. Т. 6(19): 210–211.
- Декреты Советской власти. Т. 1–13. 1957–1959. Москва, Госполитиздат.
- Из истории ВЧК. 1917–1921. 1958. Москва, Госполитиздат, 511 с.
- Крестьянские истории: Российская деревня 20-х годов в письмах и документах. 2001. Москва, РОССПЭН, 232 с.
- Ленин В.И. Выступление по вопросу о водворении порядка в городе. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 40.
- Ленин В.И. Записка Ф.Э. Дзержинскому с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками. Полн. собр. соч. Т. 35: 156–158.
- Ленин В.И. Проект резолюции о свободе печати. Полн. собр. соч. Т. 35: 51–52.
- Ленин В.И. Речь по вопросу о печати. Полн. собр. соч. Т. 35: 53–55.
- Ленин В.И. Социалистическое Отечество в опасности! Т. 35: 357–358.
- От ЧК до ФСБ. Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края. 1918–1998. Тверь, Тверское областное книжное изд-во, 382 с.
- Письма Медникова – Спиридовичу. 1926. *Красный архив*. Т. 4(17): 192–219.
- Советская деревня глазами ВЧК – ОГПУ – НКВД. Документы и материалы. В 4-х томах. Т. 1. 1918–1939 гг. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. 1998–2012. Москва, РОССПЭН.

Список литературы

- Агафонов В.К. 1918. Заграничная охранка. Москва-Пг., «Книга», 388 с.
- Астров В.Н. 1928. Левые эсеры. Москва – Ленинград, Московский рабочий, 64 с.
- Бровцинова Е.П. 1975. Карательное законодательство царизма в борьбе с революцией 1905–1907 гг. *История СССР*. 5: 110–117.
- Бухбиндер Н.А. 1926. Зубатовщина и рабочее движение в России. Москва, Всесоюзное о-во политкаторжан и ссыльных поселенцев, 63 с.
- Вардин И. 1922. Политические партии и русская революция. Москва, «Красная новь», 44 с.
- Велидов А.С. 1970. Коммунистическая партия – организатор и руководитель ВЧК (1917–1920). Москва, ВКШ КГБ, 308 с.
- Верой и правдой. ФСБ. Страницы истории. 2001. Ярославль, Ньюанс, 526 с.
- Волков А. 1917. Петроградское охранное отделение. Пг., «Знание-Сила», 16 с.
- Волгогонов Д.А. 1997. Ленин. Политический портрет. В 2-х книгах. Москва, Новости, 992 с.
- Галвазин С.Н. 2001. Охранные структуры Российской империи: формирование аппарата, анализ стратегии и практики. Москва, «Совершенно секретно», 192 с.

- Гессен В.М. 1908. Лекции по полицейскому праву. Санкт-Петербург, Тип. «Север», 196 с.
- Глинский Б.Б. 1912. Отдельные эпизоды агентурной деятельности Департамента полиции в 80-е годы. *Исторический вестник*. 2: 667–690.
- Голишков Д.Л. 1978. Крах антисоветского подполья. В 2-х кн. Москва, Политиздат, 333 с.
- Горев Б.И. 1924. Леонид Меньшиков. Из истории политической полиции и провокации: По личным воспоминаниям. *Каторга и ссылка*. Кн. 3(10): 130–140.
- Государственная безопасность России: история и современность. 2004. Москва, РОССПЭН, 816 с.
- Гуковский А.И. 1957. Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг. Вологда, б. и., 527 с.
- Жандармы России. Политический розыск в России XV–XX в.: Новейшие исследования. 2002. Авт.-сост. В.С. Измозик. Санкт-Петербург, Нева; Москва, Олма-Пресс, 639 с.
- Жилинский В. 1917. Организация и жизнь охранного отделения во времена царской власти. *Голос минувшего*. 9–10: 253–305.
- Зданович А.А. 1999. Создание Особого отдела Южного фронта. Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX в. – 1922 г. Москва, ФСБ РФ; Великий Новгород: 84–91.
- Зданович А.А. 2017. Уничтожение Временным правительством царской системы обеспечения внутренней безопасности страны и попытки создать новую (март – сентябрь 1917 г.). Империя. Война. Революция. Международное значение Октябрьской революции и ее влияние на ход мировой истории (комплексный и междисциплинарный подходы): материалы международной научной конференции (15–16 июня 2017 г.). Пекин – Ярославль, изд-во ЯГПУ имени К.Д. Ушинского: 114–136.
- Измозик В.С. 2000. Система государственной информации: создание и деятельность. Исторические чтения на Лубянке. 1999 год. Отечественные спецслужбы в 1920–1930 годы. Москва, ФСБ РФ; Великий Новгород: 23–26.
- Измозик В.С. 2024. Глаза и уши режима: государственный политический контроль в Советской России, 1917–1928. Москва, Новое литературное обозрение, 536 с.
- Ирецкий В.Я. б. г. Охранка (Страница русской истории). Пг., Новая Россия, 28 с.
- Ирошников М.П. 1966. Создание советского централизованного аппарата. Совет Народных Комиссаров и народные комиссариаты (октябрь 1917 г. – январь 1918 г.). Москва; Ленинград, Наука, 302 с.
- Ирошников М.П. 1974. Председатель Совета народных комиссаров В.И. Ленин. Очерки государственной деятельности в 1917–1918 гг. Ленинград, Наука, 456 с.
- Ирошников М.П. 1987. Рожденное Октябрем. Очерки истории становления Советского государства. Ленинград, Наука, 256 с.
- Историки спорят: Тринадцать бесед. 1988. Москва, Политиздат, 510 с.
- Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. 1913. Санкт-Петербург, Типография Мин. внутр. дел, 42 с.
- Козьмин Б.П. 1928. С.В. Зубатов и его корреспонденты среди охранников, жандармов и провокаторов. Москва – Ленинград, Госиздат, 144 с.
- Колпакиди А.И., Серяков М.Л. 2002. Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. Москва, Олма-Пресс; Санкт-Петербург, Издательский дом «Нева», 736 с.
- Леонов С.В. 1999. Создание ВЧК: новый взгляд. Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX в. – 1922 г. Москва, ФСБ РФ; Великий Новгород: 69–74.
- Лопухин А.А. 1907. Настоящее и будущее русской полиции. Из итогов служебного опыта. Москва, В.М. Саблин, 69 с.
- Луначарский А.В. 1922. Бывшие люди: очерки истории партии эсеров. Москва, Госиздат, 83 с.
- Макаревич Э.Ф. 2002. Политический сыск: Истории, судьбы, версии. Москва, Алгоритм, 431 с.
- Минаев В.Н. 1940. Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР. Москва, Воениздат, 216 с.
- Министерство внутренних дел. 1802–1902. Исторический очерк. 1902. СПб., тип. Мин. вн. дел, 227 с.
- Мозохин О.Б. 1999. Внесудебные полномочия ВЧК. Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX в. – 1922 г. Москва, ФСБ РФ; Великий Новгород: 75–83.
- Мозохин О.Б. 2004. ВЧК – ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. Москва, Эксмо, 448 с.



- Неизвестная Россия. XX век. 1992. Москва, Изд-во об-ния «Мосгорархив», 509 с.
- Осоргин М.А. 1917. Охранное отделение и его секреты. Москва, «Грядущее», 32 с.
- Павлов Д.Б. 1999. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 – середина 1950-х годов. Москва, Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 232 с.
- Перегудова З.И. 1999. Департамент полиции и секретная агентура (1902–1917). Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX в. – 1922 г. Москва, ФСБ РФ; Великий Новгород: 55–60.
- Переписка на исторические темы: Диалог ведёт читатель. 1989. Москва, Политиздат, 494 с.
- Полянский Н.Н. 1958. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. Москва, Изд-во Моск. ун-та, 240 с.
- Портнов В.П. 1987. ВЧК (1917–1922). Москва, Юридическая литература, 208 с.
- Реент Ю.А. 2001. Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.). Рязань, «Узоречье», 286 с.
- Рыжиков А.В. 2013. Чрезвычайные комиссии Верхней Волги. 1918–1922 гг. Москва, «Кучково поле», 480 с.
- Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. 1703–1903. 1903. Санкт-Петербург, изд-во Р. Голике и А. Вильборг, 590 с.
- Сватиков С.Г. 1941. Заграничная агентура Департамента полиции. Москва, Гл. архивное упр-е НКВД СССР, 151 с.
- Симбирцев И. 2006. На страже трона: Политический сыск при последних Романовых, 1880–1917. Москва, «Центрполиграф», 429 с.
- Советская милиция: история и современность (1917–1987). 1987. Москва, Юридическая литература, 335 с.
- Софинов П.Г. 1942. Карающая рука советского народа: к 25-летию ВЧК – ОГПУ – НКВД (1917–1942). Москва, Госполитиздат, 42 с.
- Софинов П.Г. 1960. Очерки истории ВЧК (1917–1922 гг.). Москва, Госполитиздат, 248 с.
- Страницы истории КПСС. Факты, проблемы, уроки. 1988. Москва, Высш. шк., 704 с.
- Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди. 1989. Москва, Политиздат, 447 с.
- Титов Ю.П. 1981. Создание ВЧК, ее правовое положение и деятельность. Москва, ВЮЗИ, 61 с.
- Членов С.Б. 1919. Московская охранка и ее секретные сотрудники. По данным комиссии по обеспечению нового строя. Москва, Отдел печати Московского совета Рабочих и Крестьянских Депутатов, 92 с.
- Чудакова М.С. 2003. Противостояние. Политический сыск дореволюционной России. 1880–1917. Ярославль, из-во ЯГПУ, 330 с.
- Чудакова М.С. 2019. В борьбе за правое дело: на страже Российской государственности. Ярославль, Российские справочники, 228 с.
- Щеголев П.Е. 1929. Жандармские откровения. *Каторга и ссылка*. 5: 96–105.
- Щеголев П.Е. 1930. Охранники и авантюристы. Москва, Изд-во политкаторжан, 160 с.

References

- Agafonov V.K. 1918. Zagranichnaja ohranka [The Foreign Security Service]. Moscow – Petrograd, Kniga, 388 p.
- Astrov V.N. 1928. Levyje esery [The Left Social Revolutionaries]. Moscow – Leningrad, Moskovskij rabochij, 64 p.
- Brovtsinova E.P. 1975. Karatelnoe zakonodatelstvo tsarizma v borbe s revolutsiej 1905–1907 gg. [The Punitive Legislation of Tsarism in the Struggle against the Revolution of 1905–1907]. *Istoria SSSR*. 5: 110–117.
- Buhbinder N.A. 1926. Zubatovshchina i rabochee dvizhenie v Rossii [Zubatovism and the Labor Movement in Russia]. Moscow, Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'nyh poselentsev, 63 p.
- Vardin I. 1922. Politicheskie partii i russkaja revolutsia [Political Parties and the Russian Revolution]. Moscow, Krasnaja nov, 44 p.
- Velidov A.S. 1970. Kommunisticheskaja partija – organizator i vdohnovitel VChK (1917–1920) [The Communist Party was the Organizer and Leader of the Cheka (1917–1920)]. Moscow, 308 p.
- Veroj i pravdoj. FSB. Stranitsy istorii. 2001. [Faith and Truth. FSB. Pages of History]. Yaroslavl, Nyuans, 526 p.
- Volkov A. 1917. Petrogradskoe ohrannoe otdelenie [Petrograd Security Department]. Petrograd, Znanie-sila, 16 p.
- Volkogonov D.A. 1997. Lenin. Politicheskij portret. V 2-h knigah [Lenin. A Political Portrait. In 2 Books]. Moscow, Novosti, 992 p.
- Galvazin S.N. 2001. Ohrannye struktury Rossijskoj imperii: formirovanie apparata, analiz strategii i praktiki [Security Structures of the Russian Empire: Formation of the Apparatus, Analysis of Strategy and Practice]. Moscow, Sovershenno sekretno, 192 p.

- Gessen V.M. 1908. Lektsii po politsejskomu pravu [Lectures on Police Law]. Saint-Petersburg, Sever, 196 p.
- Glinsky B.B. 1912. Otdelnyye epizody agenturnoj dejatel'nosti Departamenta politzii v 80-e gg. [Some Episodes of the Police Department's Intelligence Activities in the 80s.]. *Istorichesky vestnik*, 2, 667–690.
- Golinkov D.L. 1978. Krah antisovetskogo podpolia [The Collapse of the Anti-Soviet Underground]. Moscow, Politizdat, 333 p.
- Gorev B.I. 1924. Leonid Menshchikov. Iz istorii politicheskoy politzii i provokatsii [Leonid Menshchikov. From the History of Political Police and Provocation. According to Personal Memories]. *Katorga i ssylka*, B. 3(10): 130–140.
- Gosudarstvennaya bezopasnost' Rossii: istoriya i sovremennost' [Russia's National Security: History and Modernity]. Moscow, ROSSPEN, 816 p.
- Gukovsky A.I. 1957. Pervaja russkaja burzhuazno-demokraticeskaja revoliutsia 1905–1907 gg. [The First Russian Bourgeois-Democratic Revolution of 1905–1907]. Vologda, 527 p.
- Zhandarmy Rossii. Politicheskij rozysk v Rossii XV–XX vv.: Noveyshie issledovaniya [Russian Gendarmes. Political Investigation in the 15th – 20th Centuries: The Latest Research]. 2002. Saint-Peterburg, Neva; Moscow, Olma-Press, 639 p.
- Zhilinsky V. 1917. Organizatsiya i zhizn' ohrannogo otdeleniya vo vremena tsarskoy vlasti [The Organization and Life of the Security Department during the Reign of the Tsar]. *Golos minuvshogo*, 9–10, 253–305.
- Zdanovich A.A. 1999. Sozdanie Osobogo otdela Yuzhnogo fronta [Creation of a Special Department of the Southern Front]. *Istoricheskie chteniya na Lubyankе*. 1998 god. Rossijskie spetsluzhby na perelome epok: konez XIX – 1922 g. Moscow, FSB RF; Velikiy Novgorod: 84–91.
- Zdanovich A.A. 2017. Unichtozhenie Vremennym pravitel'stvom tsarskoj sistemy obespecheniya vnutrennej bezopasnosti strany i popytki sozdat novuju (mart – sentyabr 1917 g.) [The Provisional Government's Dismantling of the Tsar's Internal Security System and its Attempts to Establish a New One (March–September 1917)]. *Imperia. Vojna. Revoliutsia. Mezhdunarodnoye znachenie Oktyabrskoj revoliutsii i ee vliyanie nah od mirovoj istorii (kompleksnyj i mezhdisciplinarnyj podhod): materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (15–16 ijunya 2017 g.)*. Pekin – Yaroslavl, 114–136.
- Izmozik V.S. 2000. Sistema gosudarstvennoj informatsii: sozdaniye i realnost' [State Information System: Creation and Activities]. *Istoricheskie chteniya na Lubyankе*. 1999 god. Otechestvennyye spetsluzhby v 1920–1930-e gg. Moscow, FSB RF; Velikiy Novgorod: 23–26.
- Izmozik V.S. 2024. Glaza i ushi rezhima: gosudarstvennyj i politicheskij kontrol v Sovetskoj Rossii, 1917–1928. Moscow, Novoje literaturnoje obozreniye, 536 p.
- Iretsky V.Ya. Ohranka (Stranitsa russkoj istorii) [Okhrana (A Page of Russian History)]. Petrograd, Novaya Rossiya, 28 p.
- Iroshnikov M.P. 1966. Sozdanie sovetskogo gosudarstvennogo apparata. Sovet narodnyh komissarov i narodnye komissariaty (oktyabr 1917 g. – yanvar 1918 g.) [The Creation of the Soviet Centralized Apparatus. The Council of People's Commissars and People's Commissariats (October 1917 – January 1918)]. Moscow, Leningrad, Nauka, 302 p.
- Iroshnikov M.P. 1974. Predsedatel Soveta narodnyh komissarov V.I. Lenin. Ocherki gosudarstvennoy deyatel'nosti v 1917–1918 gg. [Chairman of the Council of People's Commissars, V.I. Lenin. Essays on State Activity in 1917–1918]. Leningrad, Nauka, 456 p.
- Iroshnikov M.P. 1987. Rozhdyonnoye Oktyabryom. Ocherki istorii stanovleniya Sovetskogo gosudarstva [Born in October. Essays on the History of the Formation of the Soviet State]. Leningrad, Nauka, 256 p.
- Istoriki sporyat: Trinadtsat besed [Historians Debated: Thirteen Conversations]. 1988. Moscow, Politizdat, 510 p.
- Istoricheskij ocherk obrazovaniya i razvitiya politsejskikh uchrezhdenij v Rossii [A Historical Overview of the Formation and Development of Police Institutions in Russia]. 1913. Saint-Peterburg, Tipografiya Min. vnutr. del, 42 p.
- Kozmin B.P. 1928. S.V. Zubatov i ego korrespondenty sredi ohrannikov, zhandarmov i provokatorov [S.V. Zubatov and his Correspondents among the Guards, Gendarmes, and Provocateurs]. Moscow, Leningrad, Gosizdat, 144 p.
- Kolpakidi A.I., Serjakov M.L. 2002. Shchit i mech. Rukovoditeli organov gosudarstvennoj bezopasnosti Moskovskoj Rusi, Rossijskoj imperii, Sovetskogo Soyuza i Rossijskoj Federacii [Shield and Sword. Heads of State Security Agencies of Muscovy, the Russian Empire, the Soviet Union, and the Russian Federation]. Moscow, Olma-Press; Saint-Petersburg, Neva, 736 p.
- Leonov S.V. 1999. Sozdanie VChK: novyj vzglyad. Istoricheskie chteniya na Lubyankе. 1998 god. Rossijskie spetsluzhby na perelome epok: konets XIX – 1922 g. [The Creation of the Cheka: A New Perspective.].



- Historical Readings at the Lubyanka. 1998. Russian Intelligence Agencies at the Turn of the Century: Late 19th Century to 1922]. Moscow, FSB RF; Velikiy Novgorod, 69–74.
- Lopuhin A.A. 1907. Nastoyashchee i budushchee russkoj politzii. Iz itogov sluzhebnogo opyta [The Present and the Future of the Russian Police. From the Results of Service Experience]. Moscow, V.M. Sablin, 69 p.
- Lunacharsky A.V. 1922. Byvshie lyudi: ocherki istorii partii eserov [Former People: Essays on the History of the Socialist Revolutionary Party]. Moscow, Gosizdat, 83 p.
- Makarevich E.F. 2002. Politicheskij sysk: Istории, sudby, versii [Political Investigation: Stories, Destinies, and Versions]. Moscow, Algoritm, 431 p.
- Minaev V.N. 1940. Podryvnaja dejatel'nost inostrannykh razvedok v SSSR [Subversive Activities of Foreign Intelligence Services in the USSR]. Moscow, Voenizdat, 216 p.
- Ministerstvo vnutrennih del. 1802–1902. Istoricheskij ocherk [Ministry of Internal Affairs. 1802–1902. Historical Essay]. Saint-Petersburg, tip. Min. vnutr. del, 227 p.
- Mozohin O.B. 1999. Vnesudebnye polnomochija VChK. Istoricheskie chtenija na Lubyanke. 1998 god. Rossijskie spetssluzhby na perelome epoh: konets XIX – 1922 g. [The Cheka's Extra-Judicial Powers. Historical Readings at the Lubyanka. 1998. Russian Intelligence Agencies at the Turn of the Century: Late 19th Century to 1922]. Moscow, FSB RF; Velikiy Novgorod, 75–83.
- Mozohin O.B. 2004. VChK – OGPU. Karaushchij mek diktatury proletariata [The Cheka – the OGPU. The Punishing Sword of the Proletarian Dictatorship]. Moscow, Eksmo, 448 p.
- Neizvestnaja Rossiya. XX vek. 1992 [Unknown Russia. The 20th Century]. Moscow, Mosgorarhiv, 509 p.
- Osorgin M.A. 1917. Ohrannoje otdelenie i ego sekrety [The Security Department and its Secrets]. Moscow, «Gryadushchee», 32 p.
- Pavlov D.B. 1999. Bolshevistskaja diktatura protiv socialistov i anarhistov. 1917 – sredina 1950-h godov [The Bolshevik Dictatorship against Socialists and Anarchists. 1917 – mid-1950s]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja enciklopedija, 232 p.
- Peregudova Z.I. 1999. Departament politzii i sekretnaja agentura. Istoricheskie chtenija na Lubyanke. 1998 god. Rossijskie spetssluzhby na perelome epoh: konets XIX – 1922 g. [Police Department and Secret Agents. Historical Readings at the Lubyanka. 1998. Russian Intelligence Agencies at the Turn of the Century: Late 19th Century to 1922]. Moscow, FSB RF; Velikiy Novgorod, 55–60.
- Perepiska na istoricheskie temy. Dialog vedyot chitatel. 1989 [Correspondence on Historical Topics. The Dialogue is led by the Reader]. Moscow, Politizdat, 494 p.
- Polyansky N.N. 1958. Tsarskie voennye sudy v borbe s revolyuciej 1905–1907 gg. [Tsarist Military Courts in the Fight Against the 1905–1907 Revolution]. Moscow, Izd-vo Mosk. Un-ta, 240 p.
- Portnov V.P. 1987. VChK (1917–1922) [Cheka (1917–1922)]. Moscow, Juridicheskaja literature, 208 p.
- Reent J.A. 2001. Obshchaja i politicheskaja policia Rossii (1900–1917 gg.) [General and Political Police in Russia (1900–1917)]. Ryazan, «Uzorechye», 286 p.
- Ryzhikov A.V. 2013. Chrezvychajnye komissii Verhnej Volgi. 1918–1922 gg. [Extraordinary Commissions of the Upper Volga Region. 1918–1922]. Moscow, «Kuchkovo pole», 480 p.
- Sankt-Peterburgskaja stolichnaja politzija i gradonachalstvo. 1703–1903 [St. Petersburg Metropolitan Police and City Administration. 1703–1903]. Saint-Petersburg, t-vo R. Golike i A. Vilborg.
- Svatikov S.G. 1941. Zagranichnaja agentura Departamenta politzii [Foreign Agents of the Police Department]. Moscow, Main Archive Department of the NKVD of the USSR, 151 p.
- Simbirtsev I. 2006. Na strazhe trona: Politicheskij sysk pri poslednih Romanovykh, 1880–1917 [Guarding the Throne: Political Investigation under the Last Romanovs, 1880–1917]. Moscow, Centrpoligraf, 429 p.
- Sovetskaja militsija: istorija i sovremennost (1917–1987). 1987. [The Soviet Militia: History and Modernity (1917–1987)]. Moscow, Juridicheskaja literature, 335 p.
- Sofinov P.G. 1942. Karajushchaja ruka sovetskogo naroda: k 25-letiju VChK – OGPU – NKVD (1917–1942) [The Punitive Hand of the Soviet People: On the 25th Anniversary of the Cheka – OGPU – NKVD (1917–1942)]. Moscow, Gospolitizdat, 42 p.
- Sofinov P.G. 1960. Ocherki istorii VChK – OGPU (1917–1922 gg.) [Essays on the History of the Cheka – OGPU (1917–1922)]. Moscow, Gospolitizdat, 248 p.
- Stranitsy istorii KPSS. Fakty, problemy, uroki 1988 [Pages from the History of the CPSU. Facts, Problems, and Lessons]. Moscow, Vysshchaja shkola, 704 p.
- Stranitsy istorii sovetskogo obshchestva: fakty, problemy, lyudi 1989 [Pages of the History of Soviet Society: Facts, Problems, and People]. Moscow, Politizdat, 447 p.
- Titov J.P. 1981. Sozdanie VChK, eje pravovoe polozenie i dejatel'nost [The Creation of the Cheka, its Legal Status, and its Activities]. Moscow, VYZI, 61 p.

- Chlenov S.B. 1919. Moskovskaja ohranka i ee sekretnyje sotrudniki. Po dannym komissii po sohraneniu novogo stroja [The Moscow Okhrana and its Secret Agents. According to the Commission for the New System]. Moscow, Otdel pechati Moskovskogo soveta Rabochih i Krestyanskih deputatov, 92 p.
- Chudakova M.S. 2003. Protivostoyanie. Politicheskij sysk dorevolucionnoj Rossii. 1880–1917 [The Confrontation. Political Investigation in Pre-Revolutionary Russia. 1880–1917]. Yaroslavl, YSPU, 330 p.
- Chudakova M.S. 2019. V borbe za pravoje delo: na strazhe Rossijskoj gosudarstvennosti [In the Struggle for the Right Cause: Protecting Russian Statehood]. Yaroslavl, Rossijskie spravochniki, 228 p.
- Shchegolev P.E. 1929. Zhandarmskie otkrovenija [Gendarmerie Revelations]. *Katorga i ssylka*. 5, 96–105.
- Shchegolev P.E. 1930. Ohranniki i avanturyisty [Guards and Adventurers]. Moscow, Izd-vo politkatorzhan, 160 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.07.2025

Received 25.07.2025

Поступила после рецензирования 12.10.2025

Revised 12.10.2025


Принята к публикации 14.10.2025

Accepted 14.10.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ


INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чудакова Марина Станиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет, г. Ярославль, Россия

 [ORCID: 0009-0002-0480-595X](https://orcid.org/0009-0002-0480-595X)

Marina S. Chudakova, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russia

Тумаков Денис Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Ярославский государственный медицинский университет, г. Ярославль, Россия; доцент кафедры новейшей отечественной истории, Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

 [ORCID: 0000-0001-8569-7246](https://orcid.org/0000-0001-8569-7246)

Denis V. Tumakov, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of History and Philosophy, Yaroslavl State Medical University, Yaroslavl, Russia; Associate Professor of the Department of Contemporary Russian History, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia



УДК 94 (47).

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-964-973

EDN QEGFHE

Оригинальное исследование

Представители духовенства как незаконные изготовители и распространители алкогольной продукции в антирелигиозной пропаганде советских безбожников в 1920–1930-е годы (по материалам антирелигиозных периодических изданий)

Дорош А.А.¹ , Ливенцев Д.В.² 

¹⁾ Воронежский государственный технический университет,
Россия, 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84;

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: andrej-dorosh@yandex.ru, liva2006@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется попытка создания советскими безбожниками в массовом сознании негативного образа православного и иудейского духовенства как изготовителей и распространителей алкогольной продукции в 20–30-е годы XX века. Создание и тиражирование негативного образа духовенства в общественном сознании осуществлялось с целью десакрализации духовенства и религии, что, в свою очередь, являлось важным направлением в антирелигиозной деятельности советских безбожников. Данное исследование базируется на архивных документах и малоизвестных в настоящее время антирелигиозных периодических изданиях изучаемого периода. Анализ используемых источников осуществлен на основе общенаучных и специальных исторических методов: историко-системного метода, идеографического метода, типологического метода. Авторы анализируют публикации в антирелигиозной печати, в которых духовенство изображается как изготовители и распространители алкогольной продукции, выявляют закономерности и выделяют особенности данных заметок. Авторами дается общая оценка пропагандистской деятельности советских безбожников, направленной на дискредитацию духовенства в глазах советской общественности.

Ключевые слова: антирелигиозная пропаганда, безбожие, борьба с религией в СССР, борьба с самогонварением, десакрализация духовенства, иудаизм, православие, православное духовенство, синагога, Союз воинствующих безбожников

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Дорош А.А., Ливенцев Д.В. 2025. Представители духовенства как незаконные изготовители и распространители алкогольной продукции в антирелигиозной пропаганде советских безбожников в 1920–1930-е годы (по материалам антирелигиозных периодических изданий). *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 964–973. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-964-973. EDN: QEGFHE

Soviet Atheist Propaganda in the 1920s–1930s: Clergy as Illegal Producers and Distributors of Alcoholic Beverages (Based on Anti-Religious Periodicals)

Andrey A. Dorosh ¹ , Dmitry V. Liventsev ² 

¹⁾ Voronezh State Technical University,
84 Dvadsatiletiya Oktyabrya St., Voronezh 394006, Russia;

²⁾ Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308007, Russia

E-mail: andrej-dorosh@yandex.ru, liva2006@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the attempts by Soviet atheists to create a negative image of the Orthodox and Jewish clergy in the public consciousness as producers and distributors of alcoholic beverages in the 1920s and 1930s. The creation and dissemination of a negative image of the clergy in the public consciousness was carried out with the aim of desacralizing the clergy and religion, which, in turn, was an important aspect of the antireligious activities of Soviet atheists. This study is based on archival documents and currently little-known antireligious periodicals from the period under study. The analysis of the sources used is based on general scientific and specialized historical methods: the historical-systemic method, the ideographic method, and the typological method. The authors analyze publications in the antireligious press in which the clergy are portrayed as producers and distributors of alcoholic beverages, identifying patterns and highlighting the specific features of these reports. The authors provide a general assessment of the propaganda activities of Soviet atheists aimed at discrediting the clergy in the eyes of the Soviet public.

Keywords: anti-religious propaganda, atheism, the fight against religion in the USSR, the fight against moonshining, desacralization of the clergy, Judaism, Orthodoxy, Orthodox clergy, synagogue, the Union of Militant Atheists

Funding: the work was completed without external sources of financing.

For citation: Dorosh A.A., Liventsev D.V. 2025. Soviet Atheist Propaganda in the 1920s–1930s: Clergy as Illegal Producers and Distributors of Alcoholic Beverages (Based on Anti-Religious Periodicals). *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 964–973 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-964-973. EDN: QEGFHE

Введение

Советское государство на протяжении всего своего существования вело бескомпромиссную борьбу с религией. Наиболее активной фазой данной борьбы является период 1920–1930-х годов, когда советская власть применяла наибольшее количество разнообразных способов и методов, направленных на скорейшее искоренение религиозного сознания и мировоззрения своих граждан. Особую роль в антирелигиозной политике советского государства в вышеуказанный период играл Союз воинствующих безбожников СССР, который был создан непосредственно для ведения борьбы с религией.

В своей антирелигиозной борьбе СВБ СССР использовал самые разнообразные методы, среди которых следует выделить метод десакрализации религии [Дорош, 2024] и дискредитации духовенства [Дорош, 2021] в глазах советской общественности. В антирелигиозной пропаганде советских безбожников духовенство наделялось крайне негативными, отталкивающими качествами.

Так, советские безбожники старались создать образ священнослужителя-самогонщика, который целенаправленно спаивает свою паству. Одной из задач советских безбожников в деле создания негативного образа духовенства и самой религии являлось формирование у советского населения ассоциативного восприятия религии и духовенства с неким дурманом, опьяняющими веществами, делающими соприкоснувшегося с ними человека безумным и податливым для



внушения норм и установок, противоречащих новому, «светлому» социалистическому строю. По сути, подобный подход в антирелигиозной пропаганде можно рассматривать как стремление к созданию в массовом сознании советского человека образа религии в соответствии со сравнительной характеристикой, данной ей В.И. Лениным: «Религия есть опиум народа. Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» [Ленин, 1968, 143].

Объект и методы исследования

На сегодняшний день значительное количество отечественных исследователей занимается проблемой антирелигиозной пропаганды в СССР и, в частности, акцентирует внимание на вопросе о создании негативного образа православного духовенства в советском массовом сознании. Так, в качестве примера можно привести работы таких исследователей, как А.П. Белова [Белова, 2023], С.С. Бойко [Бойко, 2024], В.В. Первушин [Первушин, 2025] и др.

В то же время вопрос о попытке создания в массовом сознании Союзом воинствующих безбожников СССР в 1920–1930-е годы образа духовенства как изготовителей и распространителей самогона остался фактически не затронутым учеными-исследователями.

Источниковой базой для настоящего исследования послужили документы из фонда Р 5407 «Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР» Государственного архива Российской Федерации и антирелигиозные периодические издания, в том числе малоизвестные в настоящее время, относящиеся к исследуемому периоду.

При анализе указанных источников авторы использовали общенаучные и специальные исторические методы исследования: контент-анализ и историко-генетический метод.

Так, контент-анализ применялся при проведении исследования периодических печатных изданий антирелигиозной литературы указанного периода. Историко-генетический метод использовался в ходе проведения всестороннего анализа и изучения фактов использования и тиражирования образа представителя духовенства в качестве изготовителя и распространителя спиртных напитков в антирелигиозной пропаганде советских безбожников в 1920–1930-е годы.

Основное содержание

Весьма показательно, что в советской антирелигиозной пропаганде в 20–30-е годы XX века неслучайно использовалось сравнение православных церквей с кабаками на основе существующих городских легенд и иных народных преданий.

Например, в № 7 журнала «Безбожник» за 1926 год была помещена статья под названием «По московским церквям», в которой повествуется о том, что якобы на месте храма Живоначальной Троицы в Капельках ранее стоял кабак, в котором целовальник заработал капитал на том, что сливал недопитые посетителями капли алкоголя в специальную посуду и снова продавал полученный таким образом недопитый алкоголь своим клиентам. Затем целовальник на вырученные от продажи оставшихся от посетителей капелек алкоголя построил храм на месте кабака [По московским церквям. Принудительный ассортимент, 1926, с. 12].

Таким образом, безбожники-пропагандисты старались провести логическую параллель, что функция кабаков и церквей тождественна и православная вера есть ни что иное, как разновидность «духовной сивухи».

В данном случае показателен и пропагандистский плакат под названием «Собутыльники» за авторством известного в те годы художника Б.Г. Клинка, размещенный в № 9-10 журнала «Безбожник» за 1931 год. На нем изображен священнослужитель в образе чудовища с крестом на лбу, который держит на уровне лица бутыл с самогоном и смотрит через нее на удивленного рабочего, т.к. в бутылке отражается вместо страшной и зверообразной морды священнослужителя смиренный и благообразный лик, имеющий заметное сходство с иконографическим изображением Иисуса Христа [Клинка, 1931, с. 25].

Для выполнения задачи, направленной на формирование у советских граждан восприятия духовенства в качестве производителей и распространителей как духовной, так и материальной «сивухи», в антирелигиозной литературе и периодических изданиях исследуемого периода помещалась информация о тех или иных поступках духовенства, связанных с кустарным изготовлением и распространением алкогольной продукции.

Более того, в подобных сообщениях, как правило, сообщалось, что местом изготовления и хранения спиртных напитков являлись культовые здания и сооружения, имеющие непосредственное отношение к той или иной религиозной общине.

Так, со слов безбожников-пропагандистов, причиной закрытия православного храма святого Пимена, находившегося на улице Тверской в городе Москве, президиумом Краснопресненского районного совета явилось то, что в храме осуществлялась выгонка самогона [Самогон в церкви, 1923, с. 2], утверждалось, что самогонный аппарат был якобы установлен на колокольне действующего храма [Господу богу самогоном помолимся, 1923, с. 7].

Вышеприведенный случай был весьма широко использован в антирелигиозной пропаганде как пример того, что православное духовенство активно занимается изготовлением самогона на территории культовых зданий и сооружений. Весьма показательно, что для более широкого тиражирования данного факта советскими безбожниками было сочинено и распространено посредством публикации в газете «Безбожник» целое стихотворение под названием «Пимен самогонный. Поповская «коробушка»», в котором в комической форме повествовалось о причинах самогонования на колокольне:

*«Ох, плохи дела церковные:
Никаких нет барышей,
Подаянья пустяковые,
Хоть карманы все зашей.
Как окончу речь амвонную
Дуракам про божий страх,
К аппарату самогонному,
Тороплюся впопыхах.
Разведу свою машинушку,
Потечет вино пьяно,
И придет купец-детинушка,
Все закупит заодно,
Батя бережно торгуется,
Не уступит ни гроша,
С покупателем целуется
В ожиданье барыша.
Подставляй свои боченушки,
Не торгуйся, не финти.
Лучше этой самогонушки
По Москве и не найти.
Только знает ночь глубокая,
Как поладили они,
Колоколенка высокая,
Тайну свято сохрани»* [Пимен самогонный. Поповская «коробушка», 1923, с. 7].

В приведённом нами стихотворении священник-самогонщик выступает в качестве алчного и лицемерного персонажа, которому чуждо чувство «божьего страха», которое он проповедует среди своей паствы. Зато ему явно свойственен дух наживы, служа которому, он использует церковные сооружения. Таким образом, безбожная пропаганда изображала православное духовенство в негативном ключе.



В антирелигиозной периодической печати исследуемого нами периода постоянно размещалась информация, повествующая о фактах изъятия кустарно изготовленной продукции у представителей православного духовенства.

Так, сообщалось, что осенью 1924 года участковый милиционер Тамбовского завода № 43 нашел несколько бутылок самогона в алтаре местной церкви. Народный суд 3-го участка оштрафовал священника данной церкви за хранение самогона на 300 рублей [Самогон в алтаре, 1925, с. 3].

В 1924 году старший милиционер завода «Красный Боевик» Лысюк выявил, что в местном православном храме хранится самогон.

Со слов корреспондента-безбожника, произошло обнаружение незаконно изготовленной алкогольной продукции при следующих обстоятельствах: примерно в 7 часов утра милиционер Лысюк в присутствии священника данного храма, председателя церковного совета, ктитора, а также председателя сельского совета, коменданта завода и некоего члена РКСМ произвел обыск в помещении храма. В ходе проведения оперативных мероприятий в алтарном шкафу, где вешаются ризы, была найдена четверть самогона и две пустые бутылки, в которых ранее хранили самогон (о чем свидетельствовал характерный запах). После производства обыска в храме был произведен обыск и в квартире священника, где также была обнаружена бутылка с самогоном [Выпивает с Божьего благословения, 1924, с. 8].

Сообщалось, что в местечке Мачехи Полтавского уезда в ограде местной церкви был обнаружен самогонный аппарат «последней конструкции». Следствием было установлено, что самогон изготовлялся в церковной сторожке [Самогонный аппарат в... церковной ограде, 1923, с. 7].

Нередко в советских антирелигиозных изданиях сообщалось о случаях изготовления самогона церковниками, сопряженными с явным святотатством.

Так, в Вологодской губернии у причта Никола-Лаптевской церкви был отобран самогонный аппарат, изготовленный из крестильной купели, что само по себе является осквернением святыни [Самогонная купель, 1923, с. 4].

Отметим, что советскими безбожниками в изготовлении самогона обвинялись не только православные священнослужители, но и представители иудейского духовенства. О данном факте может свидетельствовать целый ряд сообщений в антирелигиозных периодических изданиях, в которых сообщалось об аналогичных находках спиртосодержащей продукции и приспособлений для её изготовления в помещениях иудейских синагог.

Так, сообщалось, что в городе Могилеве в помещении синагоги в 1923 году был обнаружен целый самогонный завод [Самогонный завод в синагоге, 1923, с. 2].

В 1923 году в городе Полоцке в одной из синагог представителями советской власти был обнаружен самогон, хранившийся с целью сбыта. Виновные были привлечены к суду. На данном основании трудящимися было возбуждено ходатайство о передаче здания синагоги под «народный дом» [Самогон в синагоге, 1923, с. 3].

В Могилеве-Подольском в Литовской синагоге был обнаружен самогонный аппарат и более 40 бутылок готового самогона [Самогонный аппарат в... церковной ограде, 1923, с. 7].

В местечке Княжицы Могилевского уезда был обнаружен подпольный хедер (еврейская религиозная школа), в которой некий Гиля Чернецкий учил детей премудростям талмуда и, беря с родителей детей по 5 пудов ржи за каждого обучающегося ребенка, варил из нее самогон в синагоге, который и был там обнаружен в ходе проведения обыска. Виновный был привлечен к ответственности [Хедер и самогонка, 1922, с. 4].

В середине 20-х годов XX века в городе Одессе в помещении синагоги сотрудниками милиции был обнаружен тайный завод по производству самогона, причём евреи-прихожане якобы не подозревали о существовании данного незаконного предприятия. Отметим, что к незнанию евреев о существовании самогонного завода в помещении синагоги безбожники отнеслись с явным недоверием и сарказмом [Маллори, 1927, с. 13–14].

В 1924 году в помещении синагоги, расположенной в центре города Одессы, советской милицией был обнаружен целый завод по производству самогона. Причём завод

функционировал в момент его посещения советскими милиционерами. В данном кустарном заводе было обнаружено 4 самогонных аппарата, каждый из которых имел по 10 медных тазов. Также было обнаружено одно ведро готового спирта, 2 холодильника, 4 набрюшника для тайного выноса алкогольной продукции, 20 бочек и 750 ведер браги.

Со слов советских безбожников, производительность самогонного завода позволяла ежедневно производить около 20 ведер спирта. При этом завод был отлично оборудован и при нем имелись даже подсобные ремонтные мастерские.

Ряд лиц, являвшихся сбытчиками самогона, был арестован милицией, а сами владельцы завода скрылись [Самогонный завод в синагоге, 1924, с. 8].

Нельзя не отметить, что промышленные масштабы самогонварения, осуществлявшегося в помещении данной синагоги, косвенно свидетельствуют о том, что продукция изготовлялась с целью последующей коммерческой реализации.

Зачастую сообщалось об обнаружении самогонных аппаратов и в квартирах представителей духовенства.

Так, в № 9 от 11 февраля 1923 года газеты «Безбожник» в статье «Дьякон-самогонщик» сообщалось, что в местечке Ракитно Белоцерковского уезда комиссией по осмотру национализированного имущества в квартире дьякона Проценко был обнаружен небольшой завод по производству самогона [Дьякон-самогонщик, 1923, с. 8].

Псаломщик села Голицына, некий А.А. Лопухин, в течение долгого времени занимался изготовлением самогона в своём доме, пока не очутился на скамье подсудимых на открытом заседании у народного судьи 3-го участка Сердобского уезда.

Со слов безбожников, на данное судебное разбирательство явилось много прихожан храма, в котором и служил А.А. Лопухин, которые знали его как ревностного церковнослужителя и молитвенника. При этом подчеркивается, что сам факт изготовления самогона А.А. Лопухиным был твердо установлен следствием и свидетельскими показаниями в суде. Суд приговорил А.А. Лопухина к штрафу в размере 500 рублей золотом.

По словам безбожников-пропагандистов, судебный процесс поколебал веру присутствовавших на нём православных христиан, которые, выходя из зала суда, якобы с негодованием говорили следующие: «Ну и "отцы"! Спереди "блажен муж", а сзади "вскую шатаешься"! В церкви – "божья дудка" (так зовут псаломщиков), а дома – самогонная труба!» [В церкви «божья дудка», а дома самогонная труба, 1923, с. 5].

В 1923 году в Старогородской волости Белгородского уезда комиссия по борьбе с самогонварением нашла у попа самогон. Со слов членов комиссии, при составлении протокола поп грозил, что в случае не прекращения заведённого на него дела он подвергнет советских служащих троекратной анафеме. Конечно, данные угрозы не оказали на должностных лиц никакого воздействия и протокол был составлен [Вино есть зелие дьявола, 1923, с. 6].

Следует отметить, что духовенство выставлялось не только как незаконный изготовитель и хранитель самогона, но и как активный распространитель кустарно изготовленной алкогольной продукции, склоняющий советских граждан к употреблению алкоголя.

Так, в № 32 (133) газеты «Безбожник» от 9 августа 1925 года в статье «Божественная пьянка» повествуется о том, что церковный совет села Марфино Красноярского уезда Астраханской губернии на престольный праздник в честь Казанской иконы Божией Матери решил побольше заработать, и для того, чтобы привлечь большее, чем обычно, количество населения, решил устроить стол с угощением и спиртными напитками.

Для устройства праздничного угощения потребовалось разрешение волисполкома, куда церковный совет и отослал заявление следующего содержания:

«В Марфинский волисполком от Марфинского церковного совета.

Заявление.

Вышеозначенный церковный совет сим заявляет и просит разрешить нам устроить выставку в церковной ограде.

Выставка означает то, что устраивается стол, на столе ставится выпивка и закуска, желающие члены подходят, выпивают и жертвуют, кто сколько может. Обычай этот у нас с давних пор, а потому мы просим вас разрешить его нам. Председатель церковного совета Сергеев» [Божественная пьянка, 1925, с. 5].

Волисполком, руководствуясь принципом противодействия религиозным организациям и любым инициативам с их стороны, направленным на организацию массовых мероприятий, запретил проведение данной выставки в церковной ограде, сославшись на то, что духовенство и клир хотят заработать в ходе проведения данного мероприятия, и для этого требуется дополнительное разрешение финансового органа.

Получив отказ, духовенство и клир поставили угощение в здании храма, что, со слов безбожников, привело к тому, что верующие напились и начали петь в церкви: «С вином похоронят и с пьяным попом» [Божественная пьянка, 1925, с. 5].

В селе Пересыпкино Кирсановского уезда Тамбовской губернии 8 мая 1925 года священник Осокин вздумал поставить самогон на бал в село Поим, Чембарского уезда, но местные органы советской власти задержали священника по дороге и изъяли самогон, который он перевозил на повозке в бутылках, предусмотрительно спрятанных в сундуке. Было решено привлечь священника к ответственности в соответствии с действующим советским законодательством [Поп самогонопоставщик, 1925, с. 3].

Сообщалось, что в селе Лаптево Заокского района в 1930 году местный православный священник вместе со своим зятем систематически занимались продажей спиртного. Более того, в доме священника постоянно собирались с целью употребления самогона его друзья из числа «кулаков» и «подкулачных», т. е. антисоветские элементы. По словам безбожников, в ходе одной из таких встреч пьяные гости священника нечаянно сожгли его дом. В дальнейшем священнослужитель был арестован и привлечен к ответственности [Дергачев, 1930, с. 6].

Отметим, что в советской антирелигиозной пропаганде, направленной на дискредитацию духовенства и создание образа попа-самогонщика и спаивателя народа, всегда особенно подчеркивалось то, что выявленный священник-самогонщик привлечён к ответственности советской властью. В качестве примера можно привести заметку под названием: «За спаивание и эксплуатацию», размещенную в № 9 газеты «Безбожник» от 11 февраля 1923 года:

«Народный суд 6-го участка, Курганского уезда, рассмотрев дело по обвинению священника села Ново-Веховского в выгонке самогона и эксплуатации чужого труда, при помощи спаивания, приговорил священника Марсова к лишению свободы сроком на два года» [За спаивание и эксплуатацию, 1923, с. 8].

В иной аналогичной газетной публикации сообщалось, что в 1931 году в колхозе имени 8-го марта Залучского района дьячок Кирсанов Василий являлся организатором попок и втягивал в пьянку колхозников [Дьяк Кирсанов организатор попок]. В одном из номеров воронежского пародического издания Союза воинствующих безбожников СССР сообщалось, что православный священник Зусков, служащий в деревне Знаменки Варейкисовского района, и священник Курбатов из села Сухие Гаи Верхнехавского района систематически спаивают своих прихожан [Духовный облик «Пастырей» Христовых, 1935, с. 4].

Более того, православное духовенство, по словам советских безбожников, умудрялось спаивать не только доверчивых «православных овец», но и большевиков.

Так, в Нижнекатуховском сельсовете Верхнехавского района Воронежской области священник Хадарин, пользуясь большим авторитетом и влиянием среди местных коммунистов в лице заведующего магазином Т.И. Перова, уполномоченного Ситникова и счетовода сельпо С.Т. Гнеушева, начал их активно спаивать. Случай вызвал явное негодование у воронежских безбожников, которые поместили информацию об этом в газету «Воронежский безбожник» [Коммунисты – компаньоны попа, 1935, с. 4].

При исследовании данной тематики возникает вопрос: насколько достоверны приведенные нами сообщения о том, что духовенство незаконно изготавливало алкогольную продукцию и «спаивало» как верующих, так и членов ВКП(б)? Ведь тиражирование подобных

сообщений было явно в интересах советских безбожников и, следовательно, подобные заметки могли попросту сочиняться пропагандистами-антирелигиозниками.

На наш взгляд, случаи изготовления духовенством самогона имели место и их не приходилось выдумывать. Более того, как правило, в антирелигиозных периодических изданиях указывались фамилии причастных лиц и данные о местности, в которой происходило то или иное событие, что само по себе является свидетельством достоверности, т. к. в противном случае могло бы привести к опровержению информации, чего себе не могли позволить пропагандисты-безбожники, т. к. это подорвало бы к ним доверие у части населения. Гораздо проще и надежнее, чем использование полностью вымышленных ситуаций, для советских безбожников было использование приёма целенаправленного искажения достоверной информации, т. е. трактовка того или иного факта в нужном, в данном случае антирелигиозном ключе.

Полагаем, что духовенство не ставило перед собой цель спаивать советских граждан, но иногда участвовало в застольях с прихожанами и своими близкими, что не возбраняется ни православными канонами, ни сложившимися в народе традициями. Другое дело, что подавались данные случаи как примеры целенаправленного спаивания своей паствы и советских граждан священнослужителями. Например, вышеупомянутый священник Хадарин, конечно же, не целенаправленно спаивал членов ВКП(б), а, скорее всего, участвовал с ними в совместных застольях по причине того, что находился с данными коммунистами в дружеских отношениях, что, в свою очередь, вызывало существенное недовольство у местных безбожников.

Что касается случаев кустарного изготовления духовенством алкогольной продукции, то следует отметить, что в исследуемый нами период самогоноварение было широко распространено и им, так или иначе, занимались фактически представители всех слоёв советского общества, в особенности граждане, проживающие в сельской местности, в связи с общим дефицитом спиртного в стране и рядом ограничительных мер, предпринятых советской властью, которые были направлены на снижение производства и потребления алкоголя в стране. Таким образом, в самом факте самогоноварения нет ничего предосудительного, вопрос только в том, как информация о данных конкретных случаях использовалась советскими безбожниками.

Немаловажно отметить и то, что информация о тех или иных случаях «неподобающего» поведения духовенства собиралась безбожниками на местах и затем отправлялась в Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР и непосредственно в редакцию газеты «Безбожник» с целью последующего использования в пропагандистских целях, о чём наглядно могут свидетельствовать дошедшие до нас архивные документы¹⁰².

Таким образом, случаи изготовления кустарной алкогольной продукции и непосредственное участие духовенства в застольях имели место и, как правило, не являлись с моральной и духовной точки зрения серьезным проступком, но преподносились антирелигиозной пропагандой в искаженном виде с целью создания негативного образа религии и духовенства в глазах советской общественности.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Союз воинствующих безбожников СССР в 1920–1930-е годы пытался создать в массовом сознании советских граждан негативный образ духовенства как изготовителей и распространителей самогона, используя для достижения поставленной цели свои штатные антирелигиозные периодические издания.

2. По задумке советских безбожников, религия и её служители (прежде всего православное и иудейское духовенство) должны были ассоциироваться у советских граждан с дурманом, опьяняющей сознание «духовной сивухой», которая чужда строителю коммунизма.

¹⁰² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 5407. Оп. 2. Д. 47.



3. Безбожники на местах занимались сбором сведений об аморальном и антиобщественном поведении духовенства, в том числе о случаях, когда священнослужители были уличены в изготовлении или «распространении» самогона, для последующей передачи данной информации в Центральный совет Союза воинствующих безбожников СССР и редакцию газеты «Безбожник» с целью её дальнейшего использования в антирелигиозной пропаганде.

4. Как правило, советские безбожники использовали фактическую, скорее всего, достоверную информацию о причастности священнослужителей к изготовлению и «распространению» самогона, но при этом искажали её, подавая своим читателям в контексте, необходимом для осуществления антирелигиозной пропаганды.

5. В целом создание образа духовенства как изготовителей и распространителей самогона являлось частью общей стратегии Союза воинствующих безбожников СССР, направленной на десакрализацию религии, святынь, таинств и священнослужителей, что, в свою очередь, являлось необходимым условием для уничтожения традиционного религиозного сознания советских народов.

Список источников

- Божественная пьянка. Безбожник. 1925. 9 августа. 32(133): 5.
Вино есть зелье дьявола. Безбожник. 1923. 18 февраля. 10: 6.
В церкви «божья дудка», а дома самогонная труба. Безбожник. 1923. 4 марта. 12: 5.
Выпивает с Божьего благословения. Наш Безбожник. Приложение к газете «Тамбовская правда». 1924. 17 мая. 5–6. 8.
Господу богу самогоном помолимся. Безбожник. 1923. 8 апреля. 17: 7.
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 5407. Оп. 2. Д. 47.
Дергачев П.М. 1930. Поп-шинкарь. Безбожник. 10 сентября. 50(408): 6.
Духовный облик «Пастырей Христовых. Воронежский Безбожник. 1935 г. 10(12): 4.
Дьяк Кирсанов организатор попок. Безбожник (Ленинградское издание). 1931. 10 июля. 37(467): 3л.
Дьякон-самогонщик. Безбожник. 1923. 11 февраля. 9: 8.
За спаивание и эксплуатацию. Безбожник. 1923. 11 февраля. 9: 8.
Клинч Б. 1931. Событыльники. Безбожник. № 9–10. С. 25.
Коммунисты – компаньоны попа. Воронежский Безбожник. 1935. 10(12): 4.
Маллори Д. 1927. В синагоге. Безбожник. 2: 13–14.
Пимен самогонный. Поповская «коробушка». Безбожник. 1923. 25 марта. 15: 7.
По московским церквям. Принудительный ассортимент. Безбожник. 1926. 7: 12.
Поп самогонпоставщик. Наш Безбожник. Приложение к газете «Тамбовская правда». 1925. 24 июня. 9: 3.
Самогон в алтаре. Наш Безбожник. Приложение к газете «Тамбовская правда». 1925. 7 марта. 5: 3.
Самогонный аппарат в... церковной ограде. Безбожник. 1923. 8 апреля. 17: 7.
Самогонный завод в синагоге. Безбожник. 1923. 4 марта. 12: 2.
Самогонный завод в синагоге. Безбожник. 1924. 9 марта. 9(62): 8.
Самогонная купель. Безбожник. 1923. 6 мая. 20: 4.
Самогон в синагоге. Безбожник. 1923. 4 мая. 22: 3.
Самогон в церкви. Безбожник. 1923. 4 марта. 12: 2.
Хедер и самогонка. Безбожник. 1922. 21 декабря. 1: 4.

Список литературы

- Белова А.П. 2023. Репрезентация образов духовенства в трилогии В.И. Белова «Час шестой». *Мир науки и мысли*. 2: 19–24.
Бойко С.С. 2024. Газета «Безбожник» как источник по истории антирелигиозной пропаганды (1922–1925-е годы). *Исторический курьер*. 2(34): 192–203. doi: 10.31518/2618-9100-2024-2-13
Дорош А.А. 2022. Десакрализация православных монастырей в атеистической пропаганде как направление деятельности советских безбожников в 20-е гг. XX в. (на примере книги Н.А. Семенова «Афон гора святая»). *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 3(72): 1–37. doi: 10.54398/1818510X_2022_3_31

- Дорош А.А. 2021. Образ православного священнослужителя-рenegата в советской антирелигиозной пропаганде в 1922–1923 гг. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 3(68): 57–63. doi: 10.21672/1818-510X-2021-68-3-057-063
- Ленин В.И. 1968. Полное собрание сочинений: в 55 т. Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., Т. 12. Октябрь 1905 – апрель 1906: 142–147.
- Первушин В.В. 2025. Проблемы конструирования образа Православной Российской Церкви в газете «Правда» в 1920–1924 гг. *Церковь. Богословие. История*. 6: 149–156.

References

- Belova A.P. 2023. Reprezentacija obrazov duhovenstva v trilogii V.I. Belova «Chas shestyj» [Representation of Images of the Clergy in the Trilogy by V.I. Belov "The Sixth Hour"]. *Mir nauki i mysli*. 2: 19–24.
- Bojko S.S. 2024. Gazeta «Bezbozhnik» kak istochnik po istorii antireligioznoj propagandy (1922–1925-e gody) [The Newspaper "Bezbozhnik" as a Source on the History of Anti-Religious Propaganda (1922–1925)]. *Istoricheskij kur'er*. 2(34): 192–203. doi: 10.31518/2618-9100-2024-2-13
- Dorosh A.A. 2022. Desakralizacija pravoslavnyh monastyrej v ateisticheskoj propagande kak napravlenie dejatel'nosti sovetskih bezbozhnikov v 20-e gg. XX v. (na primere knigi N.A. Semenova "Afon gora svjataja") [The Desacralization of Orthodox Monasteries in Atheistic Propaganda as a Line of Activity for Soviet Atheists in the 1920 Years (Based on N. A. Semenov's Book "Athos, the Holy Mountain")]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*. 3(72): 31–37. doi: 10.54398/1818510X_2022_3_31
- Dorosh A.A. 2021. Obraz pravoslavnogo svjashhennosluzhitelja-renegata v sovetskoj antireligioznoj propagande v 1922–1923 gg [The Image of the Renegade Orthodox Clergyman in Soviet Anti-Religious Propaganda in 1922–1923 Years]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*. 3(68): 57–63. doi: 10.21672/1818-510X-2021-68-3-057-063
- Lenin V.I. 1968. Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. [Complete Works: in 55 Volumes]. In-t marksizma-leninizma pri CK KPSS. 5-e izd. M.: Gos. izd-vo polit. lit., T. 12. Oktjabr' 1905 – apr'el' 1906: 142–147.
- Pervushin V.V. 2025. Problemy konstruirovaniya obraza Pravoslavnoj Rossijskoj Cerkvi v gazete «Pravda» v 1920–1924 gg. [Problems of Constructing the Image of the Orthodox Russian Church in the Newspaper Pravda in 1920–1924 Years]. *Cerkov'. Bogoslovie. Istorija*. 6: 149–156.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.11.2025

Received 05.11.2025

Поступила после рецензирования 10.12.2025

Revised 10.12.2025

Принята к публикации 12.12.2025

Accepted 12.12.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дорош Андрей Анатольевич, доцент кафедры философии, социологии и истории, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Россия

[ORCID: 0000-0003-1347-5008](https://orcid.org/0000-0003-1347-5008)

Andrey A. Dorosh, Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology and History, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russia

Ливенцев Дмитрий Вячеславович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

[ORCID: 0000-0003-1525-724X](https://orcid.org/0000-0003-1525-724X)

Dmitry V. Liventsev, Doctor of Sciences in History, Professor of Department of Russian History and Records Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia



УДК 94(470.323)"1943/1949":342.591
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-974-984
EDN QJNDRS
Оригинальное исследование

Конфликты в среде руководителей районов Курской области в период и после окончания Великой Отечественной войны: формы и методы их разрешения

Аргунов О.Н. 

Государственный архив Курской области,
Россия, 305000, г. Курск, ул. Ленина, 57
E-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Аннотация. Ключевым методом изучения сетей региональных руководителей является конфликтный, о чем писали в своей работе «Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина к Брежневу», вышедшей в 2024 г., О. Хлевнюк и Й. Горлицкий. Однако данный метод можно использовать и при изучении внутрирегиональных сетей. Стоит отметить, что если до оккупации Курской области в регионе практически не было открытых конфликтов в среде первых секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов, то в постоккупационный период их число существенно выросло. Как показал анализ архивных документов, тому способствовали две причины. Во-первых, по путевкам ЦК ВКП(б) на руководящую районную работу в курский регион были направлены по меньшей мере два десятка управленцев, большая часть из которых не смогла встроиться в уже существовавшие управленческие сети области, и на этой почве начинались конфликты. В большинстве случаев региональное руководство не вмешивалось в них или же становилось на сторону представителей местных сетей. В итоге большая часть этих конфликтов закончилась либо добровольным уходом с работы «варягов» или переводом их на аналогичные или более низкие должности, либо принудительным отстранением от власти. Во-вторых, весной 1943 г. в Курской области сформировалась сеть руководителей, состоявшая из бывших активных участников партизанского движения, пользовавшаяся безоговорочной поддержкой Курского обкома ВКП(б) в любых конфликтах. Она активно действовала до конца 1948 г., когда их патрона – первого секретаря обкома ВКП(б) П. И. Доронина – отправили на учебу в Москву, а представители сети вскоре в большинстве своем лишились должностей. В этой связи можно констатировать, что в Курской области в военные и послевоенные годы можно было наблюдать ряд конфликтов между районными руководителями, у которых, при разной степени выражения, была одна природа: борьба за власть и привилегии.

Ключевые слова: Курская область, первый секретарь, председатель, райисполком, райком ВКП(б), сеть, руководство

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Аргунов О.Н. 2025. Конфликты в среде руководителей районов Курской области в период и после окончания Великой Отечественной войны: формы и методы их разрешения. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 974–984. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-974-984. EDN: QJNDRS

Conflicts among the Leaders of the Districts of the Kursk Region during and after the End of the Great Patriotic War: Forms and Methods of their Resolution

Oleg N. Argunov 

State Archive of the Kursk Region,

57 Lenin St., Kursk 305000, Russia

E-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Abstract. The key method for studying regional leadership networks is the conflict method, as it was described in the work “Secretaries. Regional Networks in the USSR from Stalin to Brezhnev” by O. Khlevniuk and J. Gorlitsky published in 2024. However, this method can also be used to study intraregional networks. It is worth noting that if before the occupation of the Kursk region there were practically no open conflicts among the first secretaries of district committees of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and chairmen of district executive committees. However, in the post-occupation period their number increased significantly. As the analysis of archival documents showed, this was facilitated by two reasons. Firstly, at least two dozen managers were sent to the Kursk region on the vouchers of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) for district leadership work, most of whom were unable to integrate into the already existing regional leadership networks, which triggered conflicts. In most cases, the regional leadership did not interfere in them or sided with representatives of local networks. As a result, most of these conflicts ended either with the “Varangians” voluntarily leaving their jobs or being transferred to similar or lower positions, or with their forced removal from office. Secondly, in the spring of 1943, a network of leaders was formed in the Kursk region, consisting of former active participants in the partisan movement, which enjoyed the unconditional support of the Kursk regional committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in any conflicts. It was active until the end of 1948, when their patron, the first secretary of the regional committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) P.I. Doronin, was sent to study in Moscow, and the representatives of the network soon lost their positions. In this regard, it can be stated that in the Kursk region during the war and post-war years, a number of conflicts could be observed between district leaders, which, with varying degrees of expression, had one nature: the struggle for power and privileges.

Keywords: Kursk region, first secretary, chairman, district executive committee, district committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), network, leadership

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Argunov O.N. 2025. Conflicts among the Leaders of the Districts of the Kursk Region during and after the End of the Great Patriotic War: Forms and Methods of their Resolution. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 974–984 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-974-984. EDN: QJNDRS

Введение

Конфликт как одна из форм взаимодействия между различными руководящими работниками в советский период отечественной истории является чуть ли не единственным фактором, с помощью которого возможно определить характер и интенсивность неформальных взаимоотношений между отдельными акторами исторического процесса. Это связано с особенностями и спецификой советского подхода к сохранению документов в архивах: в них откладывались в основном материалы о деятельности партийно-советских и хозяйственных структур. Должного внимания документам личного происхождения в течение длительного периода времени не уделялось [Хархордина, 2024, 13–15, 407–413].

Вместе с тем, как констатировали О. В. Хлевнюк и Й. Горлицкий, «в конфликтах проявлялись те черты институтов и акторов, которые обычно скрыты от посторонних наблюдателей, не проявляются до тех пор, пока внутренними пружинами обострения противоречий не выносятся на поверхность» [Хлевнюк, Горлицкий, 2024, 36]. В этой связи



необходимо рассматривать конфликтные ситуации как один из ключевых факторов изучения системы в целом.

Стоит отметить, что подобный подход достаточно давно практикуется учеными-историками применительно к советскому периоду [Афанасьев, 2000]. Причем изучение конфликтов рассматривается как на микро- (отдельные организации, населенные пункты, районы) [Шабалин, 2013; Болдовский, 2018; Никифоров, 2020], так и на макроуровне (регионы, страна в целом) [Бондаренко и др., 2009; Захарченко, 2015].

В этой связи изучение конфликтных ситуаций в среде районных руководителей курского региона в 1940-е гг. позволит не только лучше понять региональную специфику развития, но и даст возможность расширить наши представления о характере власти данного периода.

Объект и методы исследования

Объектом нашего исследования является руководящий районный партийно-советский аппарат Курской области в годы Великой Отечественной войны и после ее завершения.

Выбор хронологических рамок статьи обусловлен в первую очередь тем, что именно в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период в курском регионе происходило становление собственных элит. Курская область к началу войны была совсем молодым регионом, созданным в июне 1934 г.¹⁰³ Руководящие районные кадры, работавшие в области еще в период существования Центрально-Черноземной области, в основном были устранены в период «большого террора», о чем говорят списки работников, находящихся на персональном учете в обкоме ВКП(б), составленные на 1 января 1941 г.¹⁰⁴: в них почти не встречаются руководители, назначенные на должности до 1937 г. Поэтому именно в 1940-е гг. происходило становление местных элит, что, естественно, приводило к конфликтам в их среде.

Сведения о конфликтах нашли свое отражение в существенном корпусе делопроизводственной (протоколы заседаний различных коллегиальных органов, докладные записки, справки, отчеты и пр.) и учетной (партийно-учетные документы, материалы персональных и личных дел) документации, отложившейся в ряде архивных фондов Государственного архива Курской области и Государственного архива общественно-политической истории Курской области.

В связи с особенностями источниковой базы работы нами был использован комплекс методов исторического исследования, направленный на структурирование достаточно разнообразной и в то же время противоречивой информации, полученной при изучении разных источников: статистический, историко-генетический, аналитический, системный и пр.

Результаты и их обсуждение

Сведениями о конфликтах в среде районных руководителей Курской области в довоенный период мы не располагаем в связи с имеющимися обширными лакунами в первичной делопроизводственной документации, которые связаны с утратами документов в период Великой Отечественной войны. Это не позволяет нам достоверно говорить о каких-либо конфликтах в изучаемой среде. Вместе с тем анализ более поздних документов, относящихся уже к постоккупационному периоду истории региона, позволяет предположить, что уровень конфликтности был минимальным по следующим причинам.

Во-первых, уже в конце лета – осенью 1941 г., когда в Курской области активно формировались партизанские отряды, многие районные руководители и должностные лица стали координировать свои действия друг с другом. Впоследствии эти люди зачастую работали в связке. Примером тому является совместная работа И.И. Свирина и

¹⁰³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1235. Оп. 45а. Д. 119. Л. 6–7.

¹⁰⁴ Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2665. Л. 1–104 об.

Д.Д. Беспартчногого. Первый до войны занимал должность второго секретаря Дмитриевского райкома ВКП(б), после освобождения района его назначили первым секретарем того же райкома¹⁰⁵. Вторым в предвоенные годы работал председателем Дмитриевского райплана, а в марте 1943 г. постановлением бюро Курского обкома ВКП(б) назначен председателем Дмитриевского райисполкома¹⁰⁶.

Во-вторых, анализ архивных документов, имеющихся в нашем распоряжении, дает возможность не без оснований утверждать, что те районные руководители, которые продолжили работать на своих должностях в постоккупационный период, в том числе и бывшие участники партизанского движения, и фронтовики, пользовались негласными привилегиями и поддержкой со стороны областных партийно-государственных структур, а также зачастую выступали единым фронтом против прибывших в регион новых кадров. В этой связи необходимо отметить следующее.

Новым этапом в жизни курского региона стало его частичное освобождение от немецко-фашистских захватчиков зимой 1943 г.: в январе и феврале 1943 г. наступающим частям Красной армии удалось практически полностью освободить область. Однако в ходе немецкого контрнаступления, которое произошло в марте 1943 г., снова был оккупирован ряд юго-западных районов региона, среди которых оказались Белгородский, Борисовский, Грайворонский, Микояновский и др. Полное же освобождение области произошло в ходе и после завершения Курской битвы [Суровая правда войны, с. 834–844]. Последним части Красной армии освободили село Тёткино Глушковского района 2 сентября 1943 г.¹⁰⁷

Однако уже с первых дней после освобождения районов началось активное восстановление партийно-советских структур в них. Данный процесс сопровождался рядом проблем, ключевой из которых была кадровая: людей не хватало даже на руководящие должности.

Так, в архивном фонде «Курский областной комитет ВКП(б)», который находится на хранении в Государственном архиве общественно-политической истории Курской области, имеется список руководящих работников райкомов (первых, вторых и третьих (по кадрам) секретарей), председателей райисполкомов и начальников райотделов НКВД, датированный апрелем 1943 г. Согласно данному документу, в 66 районах области не было 14 первых, 38 вторых и 43 третьих секретарей райкомов ВКП(б), 7 председателей райисполкомов и 3 начальников райотделов НКВД¹⁰⁸. Так как подготовить в короткий срок столь значительное количество руководящих работников являлось невозможной задачей, а подобное положение было также и на освобожденных территориях Воронежской, Ростовской, Сталинградской областей, Ставропольского края, ЦК ВКП(б) принял решение мобилизовать руководящих партийно-советских работников из тыловых регионов страны.

К сожалению, нам пока не удалось найти текст соответствующей директивы, как и исторической литературы, освещавшей бы данную проблему, однако были выявлены сведения о кадрах, прибывших в Курскую область. На настоящий момент достоверно известно о присланных по партийной мобилизации 9 первых секретарях райкомов ВКП(б) и 12 председателях райисполкомов. Сведения о прибывших в 1943 г. на работу в регион вторых и третьих секретарях райкомов партии, а также о заместителях председателей райисполкомов нами не выявлялись, но, видимо, их число также было значительным.

Назначались вновь прибывшие в основном в те районы, где уже были местные руководители, чаще всего с еще довоенным опытом руководящей работы. И здесь необходимо отметить, что фактически сразу в протоколах заседаний бюро Курского обкома ВКП(б) и облисполкома можно увидеть существенную разницу в отношении со стороны областных

¹⁰⁵ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2914. Л. 32; Оп. 11. Д. 1955.

¹⁰⁶ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2914. Л. 39; Оп. 42. Д. 205.

¹⁰⁷ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-3705. Оп. 4. Д. 7. Л. 43–44.

¹⁰⁸ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3032. Л. 36–42.



партийно-советских руководящих структур к еще довоенным районным руководителям, бывшим участникам партизанского движения и вновь прибывшим кадрам.

К примеру, в Верхнелюбашский район в марте 1943 г. на работу первым секретарем райкома партии из Удмуртской АССР направлен М.А. Опалев¹⁰⁹. На должности председателя райисполкома в годы войны поочередно работали Д.Г. Новиков¹¹⁰ и Г.И. Никифоров¹¹¹, трудившиеся в регионе еще в довоенное время. Анализ протоколов заседаний Курского облисполкома и обкома партии показывает, что у М.А. Опалева с и Д.Г. Новиковым и Г.И. Никифоровым были определенные конфликты.

Так, 30–31 августа 1944 г. в ходе заседания бюро Курского обкома ВКП(б) рассматривалось множество вопросов, но особенно интересными в контексте нашего исследования выглядят два: «О ходе хлебозаготовок в области» и «О работе Верхнелюбашского РК ВКП(б) по хлебозаготовкам». Во время обсуждения первого вопроса были заслушаны доклады ответственных работников Свободинского, Солнцевского, Щигровского, Михайловского, Чернянского, Борисовского и Грайворонского районов, в которых организация хлебозаготовок имела наиболее неудовлетворительный характер (план оказался выполненным от 10,4 % по Свободинскому району до 21 % по Щигровскому). По мнению членов бюро обкома партии, такая ситуация возникла в связи с тем, что в районах большее внимание уделялось второстепенным вопросам, нежели «первоочередному выполнению хлебозаготовок». Это привело к тому, что во многих колхозах на обмолот и вывозку зерна выделялось недостаточное количество колхозников и тягловой силы, в связи с чем произошел срыв графика хлебозаготовительной кампании. По итогам обсуждения докладов одним из пунктов постановления значится следующий: «Предупредить секретарей РК ВКП(б) и председателей райисполкомов Свободинского, Чернянского, Солнцевского, Щигровского, Михайловского, Борисовского и Грайворонского районов, что если они в ближайшую декаду не добьются резкого повышения темпов хлебозаготовок и не ликвидируют допущенного отставания, они будут вызваны с докладом на бюро обкома ВКП(б) 15-го сентября и строго наказаны»¹¹².

Однако во время рассмотрения вопроса о хлебозаготовках в Верхнелюбашском районе отмечалось, что план заготовки зерна колхозами района к 30 августа был выполнен на 15 %, а также констатировались все те же проблемы, что и в других районах региона. Однако постановлением бюро Курского обкома ВКП(б) от 30 августа 1944 г. М.А. Опалев был снят с работы и исключен из членов партии (уже в октябре этого же года решение об исключении было отменено¹¹³), а председатель Верхнелюбашского райисполкома Г.И. Никифоров лишь получил выговор¹¹⁴.

Определенные нарекания имелись и к работе председателя Свободинского райисполкома Ф.И. Журухина, прибывшего в курский регион в марте 1943 г. из Горьковской области, где до этого более трех лет возглавлял Константиновский райисполком. Докладную записку от 10 декабря 1944 г. «О стиле работы исполкома Свободинского райсовета депутатов трудящихся», в которой описаны серьезные проблемы в работе райисполкома, заместитель председателя Курского облисполкома Р.Ф. Ансон завершает следующей мыслью: «Изучив работу т. Журухина, прихожу к выводу, что т. Журухин мог бы работать, опыт советской работы имеет, но своим невозмутимо-безразличным отношением к своим обязанностям разваливает работу советов в районе и отсюда, как следствие, что Свободинский район в течение ряда месяцев отстает в выполнении хозяйственно-политических кампаний». За этой докладной запиской последовало заявление Федора Игнатьевича с просьбой освободить его

¹⁰⁹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 11. Д. 1633.

¹¹⁰ ГАОПИКО. Ф. П-100. Оп. 2. Д. 243.

¹¹¹ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 22. Д. 23. Л. 337.

¹¹² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3208. Л. 126–128.

¹¹³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3213. Л. 13.

¹¹⁴ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3208. Л. 128–130.

от занимаемой должности по состоянию здоровья, датированное 13 декабря 1944 г., которое не было удовлетворено. 31 августа 1946 г. он повторно пишет заявление об освобождении от должности по той же причине (из-за болезни, как отмечает в заявлении, «создалась исключительная трудность в выполнении работ») с дополнительной просьбой выезда в г. Муром Владимирской области. В итоге в октябре 1946 г. он был освобожден от занимаемой должности¹¹⁵.

Исходя из данных примеров, ряд которых можно продолжить и в отношении практически всех прибывших на работу в Курскую область районных руководителей, можно сделать не безосновательный вывод, что люди, руководившие районами в тыловых регионах страны, вдруг, прибыв в бывший оккупированный регион, теряли свои компетенции и не могли справиться с хорошо знакомой им работой, что представляется более чем абсурдным. В этой связи наиболее логичным объяснением сложившейся ситуации видится целенаправленное выдавливание из региона прибывших из тыловых районов страны руководителей. При этом Курский обком ВКП(б), как можно видеть из приведенных выше примеров, явно способствовал данному процессу, поддерживая местные кадры.

В то же время необходимо обратить внимание на следующий нюанс: к настоящему времени нам не удалось выявить документов, которые бы свидетельствовали о межрайонных конфликтах руководящих работников. Все выявленные конфликты были внутрирайонные. И в этой связи стоит отметить, что внутрирайонные конфликты между руководителями редко имели открытые формы. В основном они носили характер медленного противостояния, чтобы оппонент сам устранился от должности. Если это не срабатывало, тогда осуществлялось административное давление через обком партии или облисполком.

Однако в исследуемый период было несколько и открытых внутрирайонных конфликтов. Наиболее примечателен среди них конфликт между первым секретарем Рыльского райкома ВКП(б) М.Г. Киреевым и председателем райисполкома П.С. Титаренко, который произошел во второй половине 1946 г.

М.Г. Киреев, занимавший руководящие должности как в Рыльском районе (председатель ряда сельских кооперативов потребителей с 1924 по 1930 г., председатель колхоза 1930–1932 гг., председатель сельсовета 1932–1934 гг., директор Большеенизовцевской МТС в 1934–1937 гг., председатель райисполкома с января 1940 по сентябрь 1941 г.¹¹⁶), так и в области (с сентября 1941 по март 1942 г. работал заместителем председателя облисполкома¹¹⁷) фактически сразу после частичного освобождения района от немецких захватчиков в марте 1943 г. был назначен первым секретарем Рыльского райкома ВКП(б)¹¹⁸ и оставался в этой должности вплоть до марта 1949 г.¹¹⁹ Вместе с ним председателем Рыльского райисполкома работал бывший партизан И. А. Дроздов, который в период оккупации Курской области командовал партизанским отрядом им. Фрунзе Рыльского района, входившим в состав 2-й Курской партизанской бригады им. Дзержинского, занимавший эту должность еще в 1941 г. (его назначили в сентябре на смену Кирееву)¹²⁰.

Между тем в мае 1946 г. И.А. Дроздов «в связи с безграмотностью освобожден, как не справившийся с работой»¹²¹, и ему на смену в район был прислан П.С. Титаренко, который имел достаточно серьезный управленческий опыт: в 1932–1934 гг. был председателем Верховского райисполкома Центрально-Черноземной области, в 1934–1938 гг. – председателем Лебединского райисполкома Воронежской (с сентября 1937 г. – Рязанской) области. В годы Великой Отечественной войны служил военкомом на различных

¹¹⁵ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 534.

¹¹⁶ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 44. Д. 415.

¹¹⁷ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 234. Л. 3, 30.

¹¹⁸ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2914. Л. 33.

¹¹⁹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 44. Д. 415.

¹²⁰ ГАОПИКО. Ф. П-5589. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

¹²¹ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 1529.



пересыльных пунктах, а с 1943 по май 1946 г. служил заместителем начальника военнопроводового пункта железнодорожной станции Курск, который обеспечивал не только передачу грузов, но и транспортное обеспечение мобилизационных мероприятий. В служебной характеристике, выданной ему в апреле 1946 г. начальником политотдела спецчастей Курского гарнизона гвардии полковником Морковиным, отмечалось, что Петр Степанович «как старый большевик принципиален в разрешении деловых вопросов и способен мобилизовать массы на выполнение особо важных государственных заданий»¹²², из чего можно констатировать, что Титаренко был более чем компетентным управленцем.

Однако уже в октябре 1946 г. по инициативе М.Г. Киреева П.С. Титаренко не был допущен до выборов в состав пленума и бюро Рыльского райкома ВКП(б). В письме обкому партии Киреев называл следующие причины данного решения: «<...> тов. Титаренко в дальнейшей своей работе не в состоянии обеспечить руководство работой исполкома райсовета, его отделами и хозяйственной деятельности района. За период его работы в исполкоме райсовета тов. Титаренко проявил себя как безинициативный и беспечный руководитель. К основной своей работе безразличен, слабохарактерен и не требователен к подчиненным, в силу этого по существу заведующими отделами не руководит и не требует от них выполнения возложенной на них работы, в результате такого отношения к работе в аппарате райсовета вкоренилась организационная распущенность и безответственное отношение к своим служебным обязанностям ряда работников исполкома. В аппарате отсутствует дисциплина, что отражается на всей работе. Тов. Титаренко своей нераспорядительностью среди аппарата потерял авторитет и в дальнейшем оказался неспособным выправить создавшееся положение». На его должность М.Г. Киреев предложил назначить К.Н. Ключко, который работал директором сахарного завода им. Куйбышева¹²³.

21 ноября 1946 г. П.С. Титаренко пишет заявление в Курский обком ВКП(б) с просьбой отозвать его с работы в районе «в связи с тем, что по инициативе 1-го секретаря РК Киреева» он не был допущен до выборов в состав пленума райкома. Но его просьба не была удовлетворена, а 30 декабря 1946 г. решением облисполкома за № 1445 «за примиренческое отношение к фактам разбазаривания и неправильного расходования зерна в колхозах, предназначенного для засыпки семян, за грубейшие нарушения постановления Совета Министров от 23 июня 1946 г., выразившееся в незаконной сдаче колхозами района фуражной ссуды в счет хлебопоставок, за запущенность работы аппарата райисполкома» его сняли с работы¹²⁴. Как можно видеть, в данном решении ему также вменялся ряд обвинений хозяйственного характера, которые действительно имели место в районе.

Так, среди прочего, в Рыльском районе «с санкции райуполномоченного Министерства заготовок тов. Машина и зав. пунктом Заготзерно тов. Плешивцева допущено незаконное переоформление фуражной ссуды, полученной в соответствии с постановлением Совета Министров от 23-го июня 1946 года в порядке государственной помощи в счет выполнения хлебозаготовок». В итоге колхозники района не получили 2 436 пудов зерна продовольственной помощи, за что постановлением бюро Курского обкома ВКП(б) от 20 декабря 1946 г. А.А. Машин и А.А. Плешивцев были сняты с работы¹²⁵. П.С. Титаренко в данном документе даже не упоминается, так как формально ни А.А. Машин, ни А.А. Плешивцев не находились в его прямом подчинении. В то же время невыполнение по засыпке семян имело объективные причины: летом 1946 г. в курском регионе была крупнейшая по своим последствиям засуха в XX в., и планы по заготовке семян не были выполнены не только в Рыльском районе, а во всей области [Аргунов, 2016]. Однако Петр Степанович был единственным районным руководителем, который был за это снят с работы в данный период времени.

¹²² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 1529.

¹²³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 26. Д. 1529.

¹²⁴ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 72. Л. 176–177.

¹²⁵ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 56. Л. 223.

Но на этом конфликт не закончился. П.С. Титаренко в начале 1947 г. написал заявление в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б), в котором не только указал, что «секретарь райкома ВКП(б) тов. Киреев на проходившей в октябре месяце 1946 года районной партийной конференции жульническим путем не допустил до голосования его кандидатуру в состав пленума райкома ВКП(б)», но отметил, что в Рыльском районе были распространены такие явления, как семейственность и кумовство (якобы М.Г. Киреев «из личных, приятельских соображений прикрывает преступления ряда руководящих районных работников, которые совершили растраты государственных средств, разбазаривание продовольственных и промышленных товаров»), покровительство бытовому разложению коммунистов. Как показала проверка, ряд фактов, указанных в заявлении П.С. Титаренко, действительно подтвердился, в частности, случаи «выживания» присланных в район ответственных работников, ряд растрат и хищений, однако лица, совершившие данные преступления, не понесли никакого наказания, так как все они были либо партизанами, либо фронтовиками в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, подтвердились факты сожительства и браков ответственных работников района с женщинами, оставшимися на оккупированных территориях и сотрудничавших с немцами, а также назначения на должности председателей колхозов бывших немецких пособников¹²⁶. Но в целом заявление П.С. Титаренко осталось фактически без последствий.

Вместе с тем анализ более поздних документов подтверждает факты, изложенные в заявлении Петра Степановича: М.Г. Киреев действительно покрывал незаконную деятельность отдельных руководящих работников Рыльского района, за что и был снят с работы первого секретаря райкома постановлением бюро Курского обкома ВКП(б) от 8 марта 1949 г.¹²⁷ Однако его карьера не пострадала, фактически он пошел на повышение: его назначили начальником областного управления по делам сельского и колхозного строительства¹²⁸.

Хочется отметить, что карьера М.Г. Киреева наполнена весьма любопытными подробностями. Так, на заседании Курского облисполкома 16 июня 1941 г. Митрофан Глебович подвергся достаточно жесткой критике со стороны председателя облисполкома В.В. Волчкова и заведующего облземотделом П.В. Тарасова, которые остались недовольны его докладом об уходе за посевами сахарной свеклы и борьбе с сельскохозяйственными вредителями в районе. Причем неоднократно было отмечено, что лично Киреев относится к данной работе несерьезно, что вредило общему состоянию аграрной отрасли в Рыльском районе¹²⁹. И в целом анализ экономических показателей этого района в период, когда им руководил М.Г. Киреев, дает все основания утверждать, что при имевшейся базе район давал весьма посредственные результаты [Аргунов, 2024, 325]. При этом уже 13 сентября того же года Митрофана Глебовича выдвигают на должность заместителя председателя облисполкома¹³⁰, то есть не без оснований можно предположить, что за его спиной стояли определенные силы, которые оказывали содействие в его карьерном движении.

Анализ документов, отражающих работу районных руководителей курского региона в военные и послевоенные годы, позволяет сделать предположение, что такой силой могла быть неформальная сеть ответственных работников, сформированная вокруг первого секретаря Курского обкома ВКП(б) П.И. Доронина, который работал в этой должности в период с мая 1938 по ноябрь 1948 г., когда он был направлен слушателем курсов переподготовки первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, председателей областных, краевых исполкомов и Советов Министров союзных и автономных республик при

¹²⁶ ГАОПИКО. Ф. П-9. Оп. 3. Д. 717. Л. 1–7.

¹²⁷ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 44. Д. 415.

¹²⁸ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 352. Л. 55.

¹²⁹ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 214. Л. 38–42.

¹³⁰ ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 1. Д. 234. Л. 3, 30.



ЦК ВКП(б)¹³¹. После его ухода многие районные руководители, которых мы считаем входившими в созданную им неформальную сеть, были сняты с работы, хотя отдельные представители сети продолжали оставаться у власти.

Среди отстраненных от работы, помимо М.Г. Киреева, мы можем назвать А.В. Селеневича, первого секретаря Сажновского райкома ВКП(б) в период с января 1943 по декабрь 1948 г.¹³²; председателя Дмитриевского с марта 1943 по июль 1947 г. и Корочанского с июля 1947 по декабрь 1949 г. райисполкомов Д.Д. Беспартчного¹³³ и др. Причем все они были уволены с формулировкой «как не справившиеся с работой», что косвенно указывает на конфликт этих руководителей уже с представителями областных властей.

Заключение

Подводя итог данного исследования, необходимо обозначить конкретные формы конфликтов, имевших место в среде районных руководителей Курской области в военные и послевоенные годы. Наиболее распространенным видом конфликта было постепенное выдавливание неугодных людей из районных органов власти через административное воздействие: указания на ошибки и недочеты в работе на заседаниях бюро обкома ВКП(б) и облисполкома, регулярные проверки различных комиссий и пр. Причем делалось это не без поддержки регионального руководства, на что достаточно убедительно указывают исторические источники. Достаточно редко конфликты перерастали в открытые формы, но такие случаи также имели место, что говорит о достаточно серьезной борьбе между представителями уже закрепившихся у власти группировок (условно определим их как довоенные руководители и бывшие партизаны) и новыми управленческими кадрами. Ключевой формой разрешения этих конфликтов в большинстве своем была отставка или отстранение от власти одной из конфликтующих сторон. Силовых и криминальных методов разрешения конфликтов нами выявлено не было.

Вместе с тем анализ конфликтных ситуаций показывает, что борьба за власть в изучаемые годы была достаточно острой в среде районных руководителей, что во многом является следствием относительной молодости местных элит (по нашим наблюдениям, их формирование началось только во второй половине 1930-х гг. и связано в большей степени с репрессивной политикой государства, нежели с образованием Курской области, произошедшим несколькими годами ранее), которые еще не в полной мере смогли закрепить свои позиции в регионе.

Список источников

- Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-3322. Исполнительный комитет Курского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 1. Д. 214.
ГАКО. Ф. Р-3322. Исполнительный комитет Курского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 1. Д. 234.
ГАКО. Ф. Р-3322. Исполнительный комитет Курского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 22. Д. 23.
ГАКО. Ф. Р-3322. Исполнительный комитет Курского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 30. Д. 72.
ГАКО. Ф. Р-3322. Исполнительный комитет Курского областного Совета депутатов трудящихся. Оп. 30. Д. 352.
ГАКО. Ф. Р-3705. Курский областной телерадиокомитет. Оп. 4. Д. 7.
Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1. Курский областной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 2665.
ГАОПИКО. Ф. П-1. Курский областной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 2914.

¹³¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1073. Л. 14.

¹³² ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 42. Д. 1632.

¹³³ ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 42. Д. 205.

- ГАОПИКО. Ф. П-1. Курский областной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 3032.
ГАОПИКО. Ф. П-1. Курский областной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 3208.
ГАОПИКО. Ф. П-1. Курский областной комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 3213.
ГАОПИКО. Ф. П-1. Курский областной комитет ВКП(б). Оп. 2. Д. 56.
ГАОПИКО. Ф. П-1. Курский областной комитет ВКП(б). Оп. 11. Д. 1633.
ГАОПИКО. Ф. П-1. Курский областной комитет ВКП(б). Оп. 11. Д. 1955.
ГАОПИКО. Ф. П-1. Курский областной комитет ВКП(б). Оп. 26. Д. 473.
ГАОПИКО. Ф. П-1. Курский областной комитет ВКП(б). Оп. 26. Д. 534.
ГАОПИКО. Ф. П-1. Курский областной комитет ВКП(б). Оп. 26. Д. 1529.
ГАОПИКО. Ф. П-1. Курский областной комитет ВКП(б). Оп. 42. Д. 205.
ГАОПИКО. Ф. П-1. Курский областной комитет ВКП(б). Оп. 42. Д. 1632.
ГАОПИКО. Ф. П-1. Курский областной комитет ВКП(б). Оп. 44. Д. 415.
ГАОПИКО. Ф. П-9. Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Курской области. Оп. 3. Д. 717.
ГАОПИКО. Ф. П-100. Верхнелюбавский районный комитет ВКП(б). Оп. 2. Д. 243.
ГАОПИКО. Ф. П-5589. Личный фонд Гусева Павла Васильевича. Оп. 1. Д. 4.
Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1235. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Оп. 45а. Д. 119.
Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Оп. 3. Д. 1073.

Список литературы

- Аргунов О.Н. 2024. Начало Великой Отечественной войны и сельское хозяйство Курской области: проблема организации управления отраслью. Государственная власть и крестьянство в XIX – первой четверти XXI века: сборник статей. Москва, Центр экономической истории ИРИ РАН: 320–327.
- Аргунов О.Н. 2016. Социально-хозяйственная жизнь курской деревни в послевоенный период. Проблема голода. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 3. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/044-007.pdf>.
- Афанасьев М. 2000. Клиентелизм и российская государственность. Москва, Московский общественный научный фонд. 318 с.
- Болдовский К.А. 2018. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». Санкт-Петербург, Нестор-История. 368 с.
- Бондаренко С.Я., Малахов Р.А., Перебинос Ю.А. 2009. Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 – начале 1950-х годов. Вологда, Книжное наследие. 325 с.
- Захарченко А.В. 2015. Элиты и общество в годы репрессий 1937–1938 гг. (на примере Куйбышевской области). *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 17, 3(2): 407–416.
- Никифоров Ю.С. 2020. Соперники Тольятти: борьба волжских городов за новый автозавод как частный случай регионального лоббизма эпохи позднего социализма. *Вестник архивиста*. 3: 862–874.
- Суровая правда войны. 1943–1945 гг. на Курской земле в документах архивов. Часть III. 2007. Курск, ОАО «ИПП «Курск». 880 с.
- Хархордина Т.И. 2024. Архивы личного происхождения в России. Москва, Издательство «Весь Мир». 808 с.
- Хлевнюк О., Горлицкий Й. 2024. Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. Москва, Новое литературное обозрение. 432 с.
- Шабалин С.В. 2013. «Склока» как способ саморегуляции районной элиты в 1920-е годы. *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2(22): 159–166.

References

- Argunov O.N. 2024. Nachalo Velikoj Otechestvennoj vojny i sel'skoe hozyajstvo Kurskoj oblasti: problema organizacii upravleniya otrasl'yu [The Beginning of the Great Patriotic War and Agriculture of the Kursk Region: The Problem of Organizing the Management of the Industry]. *Gosudarstvennaya vlast' i krest'yanstvo v XIX – pervoj chetverti XXI veka: sbornik statej*. Moscow, Centr ekonomicheskoy istorii IRI RAN: 320–327.
- Argunov O.N. 2016. Social'no-hozyajstvennaya zhizn' kurskoj derevni v poslevoennyj period. Problema goloda. *Uchenye zapiski* [Social and Economic Life of the Kursk Village in the Post-War Period. The



- Problem of Hunger]. *Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/044-007.pdf>.
- Afanas'ev M. 2000. Klientelizm i rossijskaya gosudarstvennost' [Clientelism and Russian Statehood]. Moscow, Moskovskij obshchestvennyj nauchnyj fond. 318 p.
- Boldovskij K.A. 2018. Padenie «blokadnyh sekretarej». Partapparat Leningrada do i posle «leningradskogo dela» [The Fall of the «Blockade Secretaries». The Leningrad Party Apparatus before and after the «Leningrad Affair»]. Sankt-Peterburg, Nestor-Istoriya. 368 p.
- Bondarenko S.Ya., Malahov R.A., Perebinos Yu.A. 2009. Provincial'noe chinovnichestvo na Evropejskom Severe Rossii v 1918 – nachale 1950-h godov [Provincial Bureaucracy in the European North of Russia in 1918 – Early 1950s]. Vologda, Knizhnoe nasledie. 325 p.
- Zaharchenko A.V. 2015. Elity i obshchestvo v gody repressij 1937–1938 gg. (na primere Kujbyshevskoj oblasti) [Elites and Society during the Years of Repression in 1937–1938 (using the Kuibyshev Region as an Example)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk*. 17, 3(2): 407–416.
- Nikiforov Yu.S. 2020. Soperniki Tol'yatti: bor'ba volzhskih gorodov za novyj avtozavod kak chastnyj sluchaj regional'nogo lobbizma epohi pozdnego socializma [Tolyatti's Rivals: The Struggle of Volga Cities for a New Automobile Plant as a Special Case of Regional Lobbying in the Late Socialist Era]. *Vestnik arhivista*. 3: 862–874.
- Surovaya pravda vojny. 1943–1945 gg. na Kurskoj zemle v dokumentah arhivov. Chast' III [The Harsh Truth of War. 1943–1945 on Kursk Land in Archival Documents. Part III]. 2007. Kursk, OAO «IPP «Kursk». 880 p.
- Harhordina T.I. 2024. Arhivy lichnogo proiskhozhdeniya v Rossii [Personal Origin Archives in Russia]. Moscow, Izdatel'stvo «Ves' Mir». 808 p.
- Hlevnyuk O., Gorlickij J. 2024. Sekretari. Regional'nye seti v SSSR ot Stalina do Brezhneva [Secretaries. Regional Networks in the USSR from Stalin to Brezhnev]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 432 p.
- Shabalin S.V. 2013. «Skloka» kak sposob samoregulyacii rajonnoj elity v 1920-e gody [«Skloka» as a Method of Self-Regulation of the District Elite in the 1920s]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2(22): 159–166.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 23.06.2025

Поступила после рецензирования 04.08.2025

Принята к публикации 06.08.2025

Received 23.06.2025

Revised 04.08.2025

Accepted 06.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аргунов Олег Николаевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-исследовательской работе, Государственный архив Курской области, г. Курск, Россия

 [ORCID: 0000-0001-8593-6622](https://orcid.org/0000-0001-8593-6622)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg N. Argunov, Candidate of Sciences in History, Deputy Director for Research, State Archive of the Kursk Region, Kursk, Russia

УДК 93/94:37.015.3(470.56)

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-985-994

EDN RFBINJ

Оригинальное исследование

Региональное измерение исторической культуры: Оренбургский край в восприятии студенческой молодежи

Любичанковский С.В. Оренбургский государственный педагогический университет,
Россия, 460014, г. Оренбург, ул. Советская, д. 19E-mail: svlubich@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты диагностики уровня исторической культуры студентов оренбургских вузов, проведенной в сентябре 2025 года. На основе анализа ответов на 15 ключевых вопросов, затрагивающих дискуссионные проблемы отечественной истории и региональной специфики, выявляются основные тенденции, ценностные ориентации и тип исторического сознания современной студенческой молодежи. Анализ показывает преобладание синтетического, интегративного взгляда на исторический процесс, установку на критическое осмысление прошлого и осознание многовариантности истории. В отношении общероссийских сюжетов доминирует комплексный подход, отвергающий упрощенные бинарные оппозиции (западники/славянофилы) и признающий сложность ключевых событий (советская модернизация, распад СССР). Региональная история Оренбургского края воспринимается респондентами не как бремя, а преимущественно как позитивный ресурс развития, основанный на уникальном поликультурном наследии и статусе «перекрестка цивилизаций». Главной задачей изучения истории студенты видят развитие критического мышления и понимание альтернативности исторического процесса, что свидетельствует о формировании рефлексивного типа исторической культуры, ориентированной на анализ и личную интеллектуальную ответственность.

Ключевые слова: историческая культура, историческое сознание, студенчество, анкетирование, историческая память, национальная идентичность, Оренбургский край, образовательная диагностика

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Любичанковский С.В. 2025. Региональное измерение исторической культуры: Оренбургский край в восприятии студенческой молодежи. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 985–994. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-985-994. EDN: RFBINJ

Regional Dimension of Historical Culture: The Orenburg Region in the Perception of Students

Sergey V. Lyubichankovskiy Orenburg State Pedagogical University,
19 Sovetskaya St., Orenburg 460014, RussiaE-mail: svlubich@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a diagnostic assessment of the level of historical culture among students of Orenburg universities, conducted in September 2025. Based on the analysis of responses to 15 key questions concerning controversial issues of national history and regional specifics, the author identifies the main trends, value orientations, and type of historical consciousness of modern students. The analysis shows the predominance of a synthetic, integrative view of the historical process, an attitude towards a critical understanding of the past, and an awareness of the multivariance of history. Regarding all-Russian narratives, a comprehensive approach prevails,



rejecting simplified binary oppositions (Westernizers/Slavophiles) and acknowledging the complexity of key events (Soviet modernization, the collapse of the USSR). The respondents perceive the regional history of the Orenburg region not as a burden, but primarily as a positive resource for development, based on a unique multicultural heritage and the status of a "crossroads of civilizations." The students believe that the main task of studying history is the development of critical thinking and an understanding of the alternativeness of the historical process, which indicates the formation of a reflexive type of historical culture focused on analysis and personal intellectual responsibility.

Keywords: historical culture, historical consciousness, students, survey, historical memory, national identity, Orenburg region, educational diagnostics

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Lyubichankovskiy S.V. 2025. Regional Dimension of Historical Culture: The Orenburg Region in the Perception of Students. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 985–994 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-985-994. EDN: RFBINJ

Введение

Понятие «историческая культура» прочно вошло в научный оборот, обозначая комплекс представлений, ценностей, норм и практик, посредством которых общество осмысливает свое прошлое, актуализирует его в настоящем и транслирует в будущее [Репина, 2011, с. 45]. Она формирует основу исторического сознания – способа осмысления исторического времени, причинно-следственных связей и места человека в потоке истории [Савельева, 2003, с. 7]. О важности этого феномена для стабильного развития общества и государства говорят многие исследователи [Бойков, Меркушин, 2003; Алексеев, 2012; Абакарова, 2013; Каравашкин, 2016; Фадеев, 2021; Гашимов, 2022; Фадеев, 2022; Безвесельная, 2023; Гризодуб, 2023; Коробицына 2023; Логунова, 2023; Репин, 2023; Халиков, 2023; Емельянова, 2024; Хвощевская, 2024 и др.]. Диагностика состояния исторической культуры, особенно в молодежной среде, является актуальной исследовательской задачей, поскольку позволяет оценить не только эффективность образовательных стратегий, но и выявить ключевые векторы формирования гражданской и культурной идентичности в современной России [Шнирельман, 2003, с. 112].

Объект и методы исследования

Студенчество, находящееся на важном этапе профессионального и личностного становления, представляет собой репрезентативную группу для такого анализа, и поэтому привлекает внимание современных исследователей [Диалог, 2010; Талтынова, 2023]. Его историческая культура является своего рода индикатором, отражающим результат взаимодействия нескольких факторов: формального школьного и вузовского образования, влияния семьи, средств массовой информации, интернет-среды, а также общественно-политического контекста [Ассман, 2004, с. 89]. Исследования в этой области, проводимые российскими учеными, часто фокусируются на общероссийских тенденциях или на примерах столичных вузов, школ областных центров [Путятин, 2007; Гневашева, 2010; Гневашева, Луков, 2015]. В этой связи анализ специфики исторической культуры студентов региональных университетских центров, к которым относится Оренбург, приобретает особую значимость, позволяя говорить о дифференциации исторического сознания в стране.

Выборка формировалась целевым образом и составила 280 респондентов. Основную массу опрошенных (около 85 %) представляли студенты 1 и 2 курсов бакалавриата и специалитета двух ведущих вузов региона: Оренбургского государственного педагогического университета (ОГПУ) и Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей (ОГИИ). Небольшая часть выборки включила студентов старших курсов (3–5 курсы). Возрастной диапазон респондентов – от 17 до 23 лет с медианным значением 18–19 лет, что соответствует стандартной возрастной когорте студентов-первокурсников. Гендерный состав выборки

является смещенным в сторону женской аудитории (около 75 %), что отражает реальную ситуацию в педагогическом и творческом вузах. Опрос проходил анонимно.

Методологическим инструментом исследования выступила специально разработанная анкета, состоящая из 15 закрытых вопросов с множественным выбором. Каждый вопрос был сконструирован как проблемная дилемма, предлагающая респонденту не просто продемонстрировать знание фактологии, а выразить собственную ценностно-смысловую позицию по дискуссионным вопросам истории России и Оренбургского края. Варианты ответов были составлены таким образом, чтобы репрезентировать ключевые подходы, существующие в академической и общественной дискуссии. Анализ ответов проводился путем подсчета процентных долей и качественной интерпретации выявленных предпочтений, что позволило перейти от статистических данных к характеристикам исторической культуры.

Итак, настоящее исследование ставит своей целью диагностику уровня и особенностей исторической культуры студентов г. Оренбурга на основе анализа результатов анонимного анкетирования, проведенного в сентябре 2025 г. Перечень вопросов и вариантов ответов были разработаны автором настоящей статьи в рамках работы по проекту действующей Программы развития Оренбургского государственного педагогического университета «Школа исторического просвещения».

Результаты и их обсуждение

Анализ ответов на вопросы, касающиеся осмысления магистральных путей развития российской истории, выявил доминирование среди студенческой аудитории синтетического и комплексного подхода, отвергающего упрощенные бинарные оппозиции. Наиболее показательным в этом отношении является ответ на вопрос о продолжающемся в современных формах споре западников и славянофилов. Абсолютное большинство респондентов (56,79 %) выбрало позицию, утверждающую синтез этих подходов, при котором Россия, впитывая западные влияния, одновременно сохраняла свою уникальность. Этот результат свидетельствует о преобладании в историческом сознании студентов установки на диалектическое восприятие национальной истории, где внешние заимствования и внутренняя традиция не взаимоисключают, а взаимодополняют друг друга, создавая специфическое цивилизационное своеобразие. Значительно менее популярными оказались «чистые» идеологические конструкции: западническая (7,86 %) и славянофильская (21,43 %) позиции, что говорит об их слабой релевантности для современного молодого поколения, мыслящего более сложными и гибридными категориями.

Схожая тенденция к взвешенной, контекстуальной оценке прослеживается в вопросе о феномене советской модернизации (индустриализация, коллективизация). Здесь наибольшая доля ответов (37,14 %) пришлась на вариант, характеризующий ее как трагический, но закономерный этап модернизации по догоняющему сценарию, общий для многих обществ в XX веке. Такой выбор указывает на способность респондентов видеть за частными историческими событиями более широкие, глобальные тренды, что свидетельствует о формировании макросоциального, компаративистского мышления. При этом студенты не склонны к однозначной героизации или демонизации данного периода: версия о «необходимом рывке» с оправданной ценой собрала 32,14 % голосов, а оценка методов как чрезмерных и неоправданных – 25,71 %. Крайняя позиция, сводящая итог модернизации к созданию заведомо неэффективной экономической модели, оказалась маргинальной (5 %), что подчеркивает общую установку на многофакторный анализ, а не на сведение сложных процессов к одному результату.

В оценке причин распада СССР мнения распределились практически равномерно между тремя основными объяснительными моделями, что демонстрирует отсутствие в студенческой среде единого, навязанного взгляда на эту ключевую точку современной истории. Наибольшее количество голосов (30,36 %) получила версия, связывающая распад с внутренними, системными факторами, а именно с национальной политикой раннего СССР и последующим



ростом национального самосознания в республиках. Это отражает понимание долгосрочных, структурных причин кризиса, коренящихся в самой конструкции советского государства. Равное количество респондентов (по 28,21 %) увидели причину в закономерном крахе нежизнеспособной системы и, напротив, в цепи случайностей и ошибок, которых можно было избежать. Такое разделение иллюстрирует живую дискуссионность темы и признание роли как объективных предпосылок, так и субъективного фактора. При этом трактовка распада как «величайшей геополитической катастрофы», спровоцированной предательством элит, оказалась наименее популярной (13,21 %), что также говорит о критическом отношении к эмоциональным оценкам.

Важным индикатором состояния исторического сознания является восприятие феномена российской власти и причин устойчивости этатистской модели. Здесь лидирующее объяснение (33,93 %) связано с внешнеполитическим контекстом – постоянной необходимостью вести войны и защищать огромные границы, что исторически усиливало мобилизационную роль государства. Это указывает на укорененность в сознании студентов геополитической и военно-стратегической парадигмы в объяснении специфики отечественной государственности. Другие варианты – суровые природно-климатические условия (26,07 %), общественный договор (24,64 %) и влияние монгольского владычества (15,36 %) – также нашли свою поддержку, что в совокупности рисует картину многомерного понимания исторических причин современной политической культуры, в котором сочетаются природные, социальные и внешние детерминанты.

Наконец, ключевым результатом, обобщающим отношение к отечественной истории в целом, стал ответ на вопрос об источнике легитимности современной российской государственности. Подавляющее большинство (57,04 %) высказалось за синтез всех этапов отечественной истории – дореволюционного, советского и постсоветского – как за основу для консолидирующей национальной идентичности. Этот выбор прямо коррелирует с ответом на первый вопрос о западниках и славянофилах и подтверждает доминирование интегративной модели исторической памяти. Она противопоставлена как избирательной преемственности от империи (14,08 %) или СССР (18,05 %), так и, что особенно показательно, идее разрыва с прошлым и построения государственности на чисто либеральных ценностях (10,83 %). Таким образом, в массовом историческом сознании студенчества доминирует установка на целостность и преемственность российского исторического пути при признании всей сложности и противоречивости его отдельных этапов.

В восприятии роли личности (Иван Грозный, Петр I, И.В. Сталин) почти половина опрошенных (47,86 %) признает ее решающей в условиях слабости общественных институтов, что коррелирует с представлениями о причинах устойчивости этатистской модели в России. Среди последних лидирует (33,93 %) фактор постоянной военной угрозы и необходимости защиты огромных границ. Это говорит о глубоком укоренении в историческом сознании представления о государстве как о главном мобилизующем субъекте, что является ключевой характеристикой российской исторической традиции.

Отношение к концепции «особого пути» также отличается сбалансированностью. Только 30 % респондентов безоговорочно ее принимают, тогда как 35,36 % видят развитие России в общем русле мировой истории, но с серьезной национальной спецификой. Это позволяет говорить об осторожном отношении к изоляционистским и мессианским трактовкам истории.

Анализ восприятия студентами региональной истории позволяет выявить не только уровень их знаний о локальном прошлом, но и то, каким образом это прошлое интегрировано в их общее историческое сознание и идентичность. Ответы респондентов демонстрируют высокую степень осмысления специфики Оренбургского края как уникального историко-культурного образования, сформированного на перекрестке цивилизаций. Вопрос о характере интеграции региона в состав Российской империи выявил сбалансированность оценок, избегающих крайностей. Наибольшее число голосов (29,29 %) получила позиция, описывающая

процесс как сложный симбиоз, при котором государство создавало крепости и инфраструктуру, а вслед за ним шли переселенцы, осваивавшие территории. Этот выбор свидетельствует о понимании многосубъектности исторического процесса, в котором взаимодействовали имперская административная воля и народная колонизационная стихия. Практически равную поддержку получили трактовки, акцентирующие либо военно-административную экспансию (27,86 %), либо закономерное освоение новых земель (27,14 %). При этом наименьшая доля ответов (15,71 %) пришлась на вариант, дифференцирующий этапы: экспансия в XVIII веке и хозяйственное освоение в XIX веке. Это может указывать на некоторый дефицит детальных исторических знаний о периодизации, однако в целом картину характеризует отказ от однозначных, упрощенных определений в пользу признания комплексного и многогранного характера вхождения края в российское государство.

Еще более показательными являются ответы на вопрос о национальной политике в Оренбургском крае, который был сформулирован как дилемма между трактовкой региона как «лаборатории толерантности» или как примера «политики выстраиваемой иерархии». Распределение голосов здесь оказалось практически равномерным: 32,26 % респондентов склонились к позитивному образу «лаборатории толерантности», где традиционно складывались отношения взаимного уважения, в то время как 31,18 % выбрали критическую оптику «управляемого многообразия», подчеркивающую целенаправленное выстраивание имперской, а затем советской властью иерархии между этническими группами. Такое почти паритетное разделение мнений красноречиво свидетельствует о неоднородном восприятии имперского и советского наследия. С одной стороны, студенты признают объективно существовавший и сохраняющийся до сих пор уникальный поликультурный ландшафт региона, являющийся результатом длительного сосуществования народов. С другой стороны, они отдают себе отчет в том, что это многообразие не было идиллическим, а управлялось и структурировалось государственной властью в ее интересах. Важно отметить, что 21,51 % респондентов провели более тонкое различие, указав на большую гибкость имперской политики по сравнению с более жесткой советской национальной политикой. Это говорит о наличии у значительной части аудитории способности к сравнительно-историческому анализу и дифференцированной оценке разных исторических эпох.

Особый интерес представляет восприятие феномена оренбургского казачества. Здесь наиболее популярной (36,69 %) оказалась двойственная, амбивалентная оценка, признающая, что казаки были и инструментом государственного освоения края, и в то же время жертвой государственной политики, особенно в период расказачивания. Такой взгляд демонстрирует осознание сложности и трагичности исторической судьбы отдельной социальной группы, чья идентичность и роль на разных этапах кардинально менялась. Треть опрошенных (33,81 %) видят в казаках, прежде всего, служилое сословие, что акцентирует их функциональную, государственно-служебную роль. Значительно меньше тех, кто считает казаков отдельным народом (17,27 %) или делает акцент исключительно на их трагедии (12,23 %). Это распределение указывает на преобладание в историческом сознании социально-функционального подхода к пониманию казачества над этнонациональным или сугубо трагическим.

Отвечая на вопрос о причинах ожесточенности Гражданской войны в регионе, студенты также показали понимание специфической региональной геополитики и социальной структуры. Основными факторами были названы сложный национальный состав, осложнявший противостояние (32,5 %), и наличие мощного казачества, ставшего опорой белого движения (31,79 %). Меньшее, но значимое число голосов получили геополитическое положение края как узла транспортных артерий (19,64 %) и глубокое социальное расслоение (16,07 %). Эти ответы, взятые вместе, рисуют комплексную картину, в которой переплелись национальные, военно-политические, экономические и географические причины, сделавшие Оренбургский край одним из эпицентров братоубийственного конфликта.

Наиболее значимым результатом регионального блока является ответ на вопрос о том, является ли история «бременем прошлого» или «ресурсом для развития» для современной

области. Явное большинство (42,14 %) видят в истории ключевой ресурс, основанный на уникальном поликультурном наследии и статусе «перекрестка цивилизаций». Еще 25 % полагают, что будущее зависит не от самого наследия, а от способности общества его интерпретировать и использовать. И лишь 18,21 % оценивают историю прежде всего как бремя. Это свидетельствует о доминировании конструктивного, проектного отношения к локальному прошлому. Студенты не замыкаются на негативных аспектах или проблемах, унаследованных от предыдущих эпох, а видят в многогранной истории Оренбуржья потенциал для развития туризма, культурного диалога и «мягкой силы» региона, что указывает на позитивную, здоровую основу региональной идентичности.

Ответы студентов на вопрос о главной задаче изучения истории в современном университете служат важным индикатором, позволяющим определить не только их образовательные ожидания, но и глубинное понимание социально-культурной функции исторического знания. Распределение предпочтений в данном случае имеет исключительную значимость, поскольку оно отражает ценностные ориентации, доминирующие в историческом сознании молодежи. Наибольшее число респондентов (33,81 %) видят главную задачу в критическом осмыслении прошлого, развенчании мифов и извлечении уроков на будущее. Этот выбор свидетельствует о четко выраженном запросе на рефлексивную, аналитическую модель исторического образования, которая противопоставляется пассивному усвоению готового, канонического нарратива. Установка на «критическое осмысление» подразумевает развитие у студентов способности к самостоятельной оценке исторических источников, выявлению причинно-следственных связей и распознаванию идеологических конструктов, что соответствует традициям академического рационализма и принципам фундаментального образования. Стремление же «извлекать уроки» указывает на прагматический, но не упрощенный взгляд на историю как на источник моделей и антимodelей для понимания современных социальных и политических процессов, что говорит о желании видеть в дисциплине инструмент для ориентации в настоящем.

Второй по популярности ответ (26,26 %) связан с пониманием истории как многовариантного процесса, где не было предопределенности, а существовали разные возможности развития. Эта позиция, тесно связанная с первой, углубляет критический подход, акцентируя внимание на идее случайности, альтернативности и открытости исторического момента. Такой взгляд требует от студента развитого воображения и способности к мысленному моделированию, поскольку предполагает реконструкцию не только реализовавшегося пути, но и «утраченных альтернатив». Подобное понимание истории является мощным противоядием против фаталистических и детерминистических концепций, будь то идея «особого пути» или телеологический марксизм. Оно воспитывает чувство ответственности за настоящее как результат выбора, сделанного в прошлом, и формирует установку на возможность сознательного конструирования будущего. Поддержка данной позиции почти четвертью опрошенных указывает на значительное проникновение в студенческую среду современных философско-исторических представлений, характерных для нелинейной парадигмы исторического знания.

Существенная, но меньшая доля голосов (21,58 %) была отдана задаче формирования государственно-патриотической позиции и гордости за прошлое. Этот результат указывает на сохранение значимости воспитательной, идеологической функции истории в восприятии части студенчества. Однако тот факт, что эта традиционная для образовательных систем установка заняла лишь третье место, а не доминирует, весьма показателен. Он свидетельствует о сдвиге в ценностных приоритетах: для большинства студентов университетский курс истории – это в первую очередь инструмент развития критического мышления и понимания сложности мира, а не платформа для формирования заранее заданной идентичности. Можно предположить, что патриотическое воспитание воспринимается ими скорее как следствие честного и глубокого изучения прошлого, включающего его драматические страницы, а не как результат насаждения упрощенно-позитивной версии событий.

Наконец, 18,35 % респондентов определили главную задачу как развитие сугубо академических навыков: работы с источниками, историографического анализа и самостоятельного

критического мышления. Эта, на первый взгляд, узкопрофессиональная установка на деле тесно переплетается с лидирующими ответами. Именно владение научными методами является фундаментом для реализации как критического, так и многовариантного подхода к истории. Выбор этого варианта указывает на наличие у значительной части аудитории запроса на овладение конкретным исследовательским инструментарием, на понимание того, что историческая истина не дается в готовом виде, а является продуктом кропотливой работы с эмпирическим материалом.

В совокупности ответы на этот вопрос рисуют портрет современного студента как достаточно зрелого потребителя исторического знания, который ждет от университетского курса не набора фактов или идеологических постулатов, а интеллектуальных инструментов для самостоятельной навигации в прошлом и настоящем. Доминирование установок на критицизм, многовариантность и методологическую грамотность позволяет говорить о глубоком усвоении ценностей научной рациональности и о формировании того типа исторической культуры, который ориентирован на анализ, рефлекссию и личную интеллектуальную ответственность.

Заключение

Проведенный анализ ответов оренбургских студентов выявляет формирование нового типа исторического сознания, для которого характерен отказ от упрощенных идеологических схем в пользу многомерного восприятия прошлого. Центральной особенностью этого сознания становится способность удерживать в единстве различные исторические эпохи, не противопоставляя их, а находя точки преемственности и взаимного влияния. Это проявляется не только в оценке общероссийского пути, но и в осмыслении региональной специфики, где прошлое рассматривается как живой ресурс для современного развития.

Важной характеристикой выступает прагматический подход к историческому знанию, когда акцент смещается с усвоения готовых оценок на выработку навыков критического анализа. Студенты демонстрируют запрос на понимание исторических процессов как поля возможностей, где существовали альтернативы развития, а не как набора predetermined событий. Такой взгляд позволяет рассматривать историю как инструмент для осмысления современных вызовов и проектирования будущего.

Особого внимания заслуживает специфика восприятия региональной истории Оренбургского края. Поликультурное наследие региона осмысливается не как наследие конфликтов, а как основа для конструктивного диалога и развития «мягкой силы» территории. Это свидетельствует о формировании зрелой региональной идентичности, способной интегрировать сложное историческое наследие в современный контекст.

Полученные результаты позволяют говорить о сложившемся балансе между критическим отношением к прошлому и осознанием ценности исторического опыта. Сформировавшийся тип исторической культуры можно охарактеризовать как рефлексивный – ориентированный на анализ, но избегающий крайностей нигилистического отрицания или некритического принятия прошлого. Это создает благоприятную основу для развития гражданской идентичности, сочетающей национальную принадлежность с осознанием многообразия исторического опыта.

Перспективы дальнейших исследований видятся в сравнительном анализе исторической культуры студенчества разных регионов России, а также в изучении эволюции исторических представлений в условиях цифровизации общества. Особый интерес представляет анализ того, как выявленные установки трансформируются в процессе профессионального становления студентов.

Список литературы

- Абакарова Р.М. 2013. Роль нравственной традиции в диалоге культур народов России. *Вестник Дагестанского научного центра Российской академии образования*. 3: 3–6.
- Алексеев С.В. 2012. Построение истории – построение общества. *Знание. Понимание. Умение*. 1: 308–310.
- Ассман Я. 2004. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва, Языки славянской культуры, 368 с.



- Безвесельная З.В. 2023. Историко-культурная традиция организации трудовой деятельности в России и ее влияние на состояние современного экономического менталитета россиян. *Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова*. Т. 20. 5(131): 84–91.
- Бойков В.Э., Меркушин В.И. 2003. Историческое сознание в современном российском обществе: состояние и тенденции формирования. *Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС*. 2: 5–21.
- Гашимов Э.А. 2022. К вопросу о диалоге культур в поликультурном пространстве. Когнитивные парадигмы языкового сознания и проблемы билингвизма в современной лингвистике: материалы III Международной научной конференции, Майкоп, 27–29 октября 2022 года. Майкоп: Адыгейский государственный университет: 83–89.
- Гневашева В.А. 2010. Социальные и культурные ценностные ориентации российской молодежи. Москва, Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 303 с.
- Гневашева В.А., Луков С.В. 2015. Историческое сознание студенческой молодежи Москвы. *Социология и жизнь*. 1: 127–134.
- Гриздуб П.А. 2023. Казачество как феномен культурного многообразия Юга России. Патриотическое воспитание молодежи: проблемы истории и современности: Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 10 ноября 2023 года. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет: 33–35.
- Диалог, 2010. Диалог организационных культур в создании общеевропейского пространства высшего образования: монография. Москва, Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 260 с.
- Емельянова О.Б. 2024. От Византии к Руси: влияние византийской идентичности на формирование русской идентичности. *Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета*. 1: 5–13.
- Каравашкин А.В. 2016. Историография культуры: А.С. Лаппо-Данилевский – П.М. Бицилли – А.Ф. Лосев – Д.С. Лихачев. Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 7(16): 21–46.
- Коробицына Л.В. 2023. Сохранение исторической памяти в современном российском обществе: к вопросу об актуальном законодательстве. *История: факты и символы*. 1(34): 32–38.
- Логунова Н.В. 2023. Цифровизация как инструмент сохранения и продвижения культурного наследия. Духовно-нравственные ценности российской молодежи: история и современность: Сборник материалов 1-й Всероссийской научно-практической молодежной конференции, Москва, 09 декабря 2022 года. Москва: Автономная некоммерческая организация «Центр развития образовательных и исследовательских проектов «Академический Альянс». 86–89.
- Путятин Т.П. 2007. К вопросу о состоянии исторического сознания современных школьников. *Социология власти*. 5: 148–161.
- Репин Д.А. 2023. К проблеме определения истоков самобытности духовной культуры России. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. № 4: 168–181.
- Репина Л.П. 2011. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. Москва, Кругъ., 560 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. 2003. Знание о прошлом: теория и история: В 2-х т. Т. 1: Конструирование прошлого. Санкт-Петербург, Наука, 632 с.
- Талтынова Е.В. 2023. Советско-японская война 1945 года в исторической памяти студентов. *Tractus Aevorum*. 10(3): 345–356.
- Фадеев П.В. 2021. Историко-культурные представления как консолидирующий компонент российской гражданской идентичности. *Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН*. № 1: 46–57.
- Фадеев П.В. 2022. Российская государственно-гражданская идентичность сквозь призму восприятия истории, культуры и общественно-политической жизни. *Социологическая наука и социальная практика*. Т. 10. 3(39): 78–95.
- Халиков И. А. 2023. Возможности применения информационных технологий в процессе сохранения и использования памятников истории и культуры. Уголовная политика в условиях цифровой трансформации: сборник статей материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 27 апреля 2023 года. Казань: Издательство «Отечество». 59–65.
- Хвощевская И.В. 2024. Взаимосвязь языка и культуры как основа формирования Российской идентичности. *Образовательный вестник Сознание*. Т. 26. 6: 4–12.
- Шнирельман В.А. 2003. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. Москва, ИКЦ Академкнига, 245 с.

References

- Abakarova R.M. 2013. Rol' npravstvennoj tradicii v dialoge kul'tur narodov Rossii [The Role of Moral Tradition in the Dialogue of Cultures of the Peoples of Russia]. *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii obrazovaniya*. 3: 3–6.
- Alekseev S.V. 2012. Postroenie istorii – postroenie obshchestva [Building a Story is Building a Society]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 1: 308–310.
- Assman Ya. 2004. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti [Cultural Memory: Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 368 p.
- Bezvesel'naya Z.V. 2023. Istoriko-kul'turnaya tradiciya organizacii trudovoj deyatel'nosti v Rossii i ee vliyanie na sostoyanie sovremennogo ekonomicheskogo mentaliteta rossiyan [The Historical and Cultural Tradition of the Organization of Labor Activity in Russia and its Influence on the State of the Modern Economic Mentality of Russians]. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*. T. 20. 5(131): 84–91.
- Bojkov V.E., Merkushev V.I. 2003. Istoricheskoe soznanie v sovremennom rossijskom obshchestve: sostoyanie i tendencii formirovaniya [Historical Consciousness in Modern Russian Society: The State and Trends of Formation]. *Sociologiya vlasti: Vestnik Sociologicheskogo centra RAS*. 2: 5–21.
- Gashimov E.A. 2022. K voprosu o dialoge kul'tur v polikul'turnom prostranstve [On the Issue of the Dialogue of Cultures in a Multicultural Space]. Kognitivnye paradigmy yazykovogo soznaniya i problemy bilingvizma v sovremennoj lingvistike: materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Majkop, 27–29 oktyabrya 2022 goda. Majkop: Adygejskij gosudarstvennyj universitet: 83–89.
- Gnevasheva V.A. 2010. Social'nye i kul'turnye cennostnye orientacii rossijskoj molodezhi [Social and Cultural Value Orientations of Russian Youth]. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 303 p.
- Gnevasheva V.A., Lukov S.V. 2015. Istoricheskoe soznanie studencheskoj molodezhi Moskvy [The Historical Consciousness of the Student Youth of Moscow]. *Sociologiya i zhizn'*. 1: 127–134.
- Grizodub P.A. 2023. Kazachestvo kak fenomen kul'turnogo mnogoobraziya Yuga Rossii [Cossacks as a Phenomenon of Cultural Diversity in the South of Russia]. Patrioticheskoe vospitanie molodezhi: problemy istorii i sovremennosti : Sbornik materialov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Rostov-na-Donu, 10 noyabrya 2023 goda. Rostov-na-Donu: Rostovskij gosudarstvennyj medicinskij universitet: 33–35.
- Dialog, 2010. Dialog organizacionnyh kul'tur v sozdanii obshcheevropejskogo prostranstva vysshego obrazovaniya: monografiya [The Dialogue of Organizational Cultures in the Creation of a Pan-European Higher Education Space: A Monograph]. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 260 p.
- Emel'yanova O.B. 2024. Ot Vizantii k Rusi: vliyanie vizantijskoj identichnosti na formirovanie russkoj identichnosti [From Byzantium to Russia: The Influence of Byzantine Identity on the Formation of Russian Identity]. *Gumanitarnyj vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 1: 5–13.
- Karavashkin A.V. 2016. Istoriografiya kul'tury: A.S. Lappo-Danilevskij – P.M. Bicilli – A.F. Losev – D.S. Likhachev [Cultural Historiography: A.S. Lappo-Danilevsky – P.M. Bicilli – A.F. Losev – D.S. Likhachev]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 7(16): 21–46.
- Korobicyna L.V. 2023. Sohranenie istoricheskoy pamyati v sovremennom rossijskom obshchestve: k voprosu ob aktual'nom zakonodatel'stve [Preservation of Historical Memory in Modern Russian Society: On the Issue of Current]. *Istoriya: fakty i simvoly* 1(34): 32–38.
- Logunova N.V. 2023. Cifrovizaciya kak instrument sohraneniya i prodvizheniya kul'turnogo naslediya [Digitalization as a Tool for Preserving and Promoting Cultural Heritage]. Duhovno-npravstvennye cennosti rossijskoj molodezhi: istoriya i sovremennost': Sbornik materialov 1-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy molodezhnoj konferencii, Moskva, 09 dekabrya 2022 goda. Moskva: Avtonomnaya nekommercheskaya organizaciya «Centr razvitiya obrazovatel'nyh i issledovatel'skih projektov «Akademicheskij Al'yans». 86–89.
- Putyatina T.P. 2007. K voprosu o sostoyanii istoricheskogo soznaniya sovremennyh shkol'nikov [On the Issue of the State of Historical Consciousness of Modern Schoolchildren]. *Sociologiya vlasti*. 5: 148–161.
- Repin D.A. 2023. K probleme opredeleniya istokov samobytnosti duhovnoj kul'tury Rossii [On the Problem of Determining the Origins of the Identity of the Spiritual Culture of Russia]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 4: 168–181.



- Repina L.P. 2011. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika [Historical Science at the Turn of the XX–XXI Centuries: Social Theories and Historiographical Practice]. Moscow, Krug", 560 p.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. 2003 Znanie o proshlom: teoriya i istoriya: V 2-h t. T. 1: Konstruirovaniye proshlogo [Knowledge of the Past: Theory and History: In 2 Volumes. Vol. 1: Constructing the Past]. Saint Petersburg, Nauka, 632 p.
- Taltynova E.V. 2023. Sovetsko-yaponskaya vojna 1945 goda v istoricheskoy pamyati studentov [The Soviet-Japanese war of 1945 in the Historical Memory of Students]. *Tractus Aevorum*. 10(3): 345–356.
- Fadeev P.V. 2021. Istoriko-kul'turnye predstavleniya kak konsolidiruyushchij komponent rossijskoj grazhdanskoj identichnosti [Historical and Cultural Representations as a Consolidating Component of Russian Civic Identity]. *Informacionno-analiticheskij byulleten' Instituta sociologii FNIS RAN*. 1: 46–57.
- Fadeev P.V. 2022. Rossijskaya gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnost' skvoz' prizmu vospriyatiya istorii, kul'tury i obshchestvenno-politicheskoy zhizni [Russian State-Civil Identity through the Prism of Perception of History, Culture and Socio-Political Life]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. T. 10. 3(39): 78–95.
- Halikov I.A. 2023. Vozmozhnosti primeneniya informacionnyh tekhnologij v processe sohraneniya i ispol'zovaniya pamyatnikov istorii i kul'tury [The Possibilities of using Information Technologies in the Process of Preserving and using Historical and Cultural Monuments]. *Ugolovnaya politika v usloviyah cifrovoj transformacii: sbornik statej materialov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Kazan', 27 aprelya 2023 goda*. Kazan': Izdatel'stvo "Otechestvo". 59–65.
- Hvoshchevskaya I.B. 2024. Vzaimosvyaz' yazyka i kul'tury kak osnova formirovaniya Rossijskoj identichnosti [The Interrelation of Language and Culture as the Basis for the Formation of Russian Identity]. *Obrazovatel'nyj vestnik Soznanie*. T. 26. 6: 4–12.
- Shnirel'man V.A. 2003. Vojny pamyati: mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e [Wars of Memory: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. Moscow, IKC Akademkniga, 245 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 11.11.2025

Received 11.11.2025

Поступила после рецензирования 29.11.2025

Revised 29.11.2025

Принята к публикации 01.12.2025

Accepted 01.12.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Россия

Sergey V. Lyubichankovskiy, Doctor of Sciences in History, Professor, Head of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia



[ORCID: 0000-0001-8349-1359](https://orcid.org/0000-0001-8349-1359)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

TOPICAL ISSUES OF POLITICAL SCIENCE

УДК 32.019.51

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-995-1006

EDN RJLOLC

Оригинальное исследование

Политика памяти в контексте формирования российской идентичности новых регионов РФ

Рябинин Е.В.

Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи,

Россия, 287524, г. Мариуполь, пр. Строителей, 129

E-mail: ryabinin.yevgeny@gmail.com

Аннотация. Проблема реализации политики памяти в новых субъектах РФ является одним из важных инструментов формирования и укрепления российской идентичности. С учетом реализации политики памяти новые регионы могут считаться флагманами продвижения российской идентичности на фоне европейских (в некоторых моментах и общемировых) трендов русофобии. В представленном исследовании фокус внимания автора направлен на те мероприятия, которые формируют, а в некоторых случаях и укрепляют российскую идентичность с учетом того, что подавляющее большинство жителей регионов и до вхождения в состав РФ 30 сентября 2022 года имели высокий уровень личной соотнесенности с Россией. Несмотря на многочисленность публикаций на данную тематику, практически отсутствуют системные исследования по данной проблематике. Целью исследования является анализ доминирующих тенденций реализации политики памяти в новых регионах РФ, а также выявление основных проблем и перспектив формирования российской идентичности населения новых субъектов. Автором рассмотрен кейс каждого нового субъекта, в результате чего доказано, что на реализацию политики памяти влияют такие факторы, как территориальная близость к России, длительность пребывания вне Украины, степень боевых действий в регионе. Важным результатом исследования стало выявление того фактора, что регионы, которые имеют единую с РФ границу, не отличаются от нее в плане исторической памяти, чем объясняется легкость интеграции ЛНР и ДНР в единое российское историческое и гуманитарное пространство. Автор приходит к выводу о необходимости реализации политики памяти, в которой присутствовала бы историческая преемственность.

Ключевые слова: политика памяти, идентичность, новые субъекты РФ, ЛНР, ДНР, Запорожская область, Херсонская область

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Рябинин Е.В. 2025. Политика памяти в контексте формирования российской идентичности новых регионов РФ. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 995–1006. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-995-1006. EDN: RJLOLC



Memory Policy in the Context of the Formation of Russian Identity in New Regions of the Russian Federation

Yevgeny V. Ryabinin 

A.I. Kuindzhi Mariupol State University,
129 Stroiteley Ave., Mariupol 287524, Russia
E-mail: ryabinin.yevgeny@gmail.com

Abstract. The implementation of memory policy in the new constituent entities of the Russian Federation is a key tool for shaping and strengthening Russian identity. Taking into account the implementation of memory policy, the new regions can be considered as flagships for promoting Russian identity against the backdrop of European (and, in some cases, global) trends of Russophobia. This study focuses on the activities that shape and, in some cases, strengthen Russian identity, given that the overwhelming majority of residents of these regions, even before joining the Russian Federation on September 30, 2022, had a high level of personal ties with Russia. Despite numerous publications on this topic, systematic research on this issue is virtually nonexistent. The aim of this study is to analyze the dominant trends in the implementation of memory policy in the new regions of the Russian Federation, as well as to identify the main challenges and prospects for shaping Russian identity among the populations of the new constituent entities. The author examines the case of each new constituent entity, demonstrating that factors such as territorial proximity to Russia, length of stay outside of Ukraine, and the extent of military action in the region influence the implementation of memory policy. An important conclusion of the study was the discovery that regions sharing a common border with the Russian Federation are no different from it in terms of historical memory, which explains the ease with which the LPR and DPR can integrate into a single Russian historical and humanitarian space. The author concludes that it is necessary to implement a memory policy that ensures historical continuity.

Keywords: politics of memory, identity, new subjects of the Russian Federation, LPR, DPR, Zaporozhye region, Kherson region

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Ryabinin Ye.V. 2025. Memory Policy in the Context of the Formation of Russian Identity in New Regions of the Russian Federation. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 995–1006 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-995-1006. EDN: RJLOLC

Введение

Вторая половина XX столетия определялась конфликтами, в основе которых лежали идеологические противоречия. Когда распался социалистический блок и подавляющая часть его стран-членов вошла в евроатлантическое сообщество либо выбрала путь на евроатлантическую интеграцию, практически весь мир избавился от потенциальных конфликтов, основанных на идеологии. Однако в это время на первый план выходят конфликты идентичности. Военные конфликты на территории бывшего СССР, Югославии, на африканском континенте, в азиатском регионе отличались высокой степенью ненависти к противнику, и сопровождалось это все ассоциативным рядом «мы – они», «мы – они – другие», «мы – они – другие – плохие», которые выстраивались определенными силами для разжигания конфликтов.

Существует несколько уровней идентичности, которую можно рассматривать через призму географии, истории, культуры, спорта и т. д. В данном случае идентичность заставляет индивида формировать, а затем защищать свое «Я», соотносить себя с определенным сообществом. Идентичность может быть перманентным и переменным фактором в восприятии окружающего мира в зависимости от такого фактора, как получаемая выгода при изменении своей идентичности. В социальном смысле «идентичность» выглядит как наиболее значимые политические, культурные, религиозные и другие ориентации, которыми детерминирована сеть связей человека с группами, институтами, идеями.

Идентичность, влияющая на поведение человека, может привести к конфликтной ситуации, когда группа людей с определенной идентичностью вступает в конфликт с другой группой людей, имеющей другую идентичность, и эти две идентичности при определенных обстоятельствах являются взаимоисключающими, что приводит к насилию и перерастает в межэтнический конфликт. Подавляющее большинство конфликтов, которые мы наблюдали после крушения социалистического блока, имели в своей основе конфликт идентичностей, когда группа людей с одной идентичностью не желала подчиняться группе людей с иной идентичностью, считая, что последняя может стать причиной ее культурной, а иногда и физической смерти.

Наиболее распространенной и достаточно стабильной для личности является этническая идентичность, базирующаяся на чертах, присущих определенному этносу: общность происхождения, языка, культуры, религии, бытовых обычаев, исторической памяти, судьбы. Все эти составляющие красной нитью проходят в конфликте на Донбассе (который представители украинского националистического режима объявили антитеррористической операцией, хотя конфликт имеет все основания называться гражданской войной с элементами межэтнического и межконфессионального конфликта).

Этническая идентичность берет свои корни в желании человека к самоуважению, принадлежности и реализуется посредством осознания себя как части группы, отличающейся от другой. Индивидуумы рассматривают все черты своей группы как наиболее предпочтительные по сравнению с другой. Ключевая причина, почему люди идентифицируют себя с этнической группой, даже будучи готовыми убивать или быть убитыми, – то, что они связаны глубокими чувствами с народом, вещами, стимулирующими потребности в самоуважении, принадлежности. Когда одной группе угрожают, отдельно взятое лицо, принадлежащее к этой группе, также ощущает угрозу. Этничность, таким образом, имеет тенденцию генерировать межгрупповое насилие, сепаратизм, национальную мобилизацию, голосование по этническому признаку. У каждого индивидуума есть стремление «найти» свою личную идентичность, которая может быть большой ценностью [Hale, 2008].

Один из выдающихся исследователей проблем межэтнических конфликтов Тед Гарр считает, что народы имеют большой набор признаков для коллективной идентичности, среди которых можно отметить общую историю, мифы, религиозные верования, язык [Gurr, 1993]. Все эти элементы являются набором идентификации группы – это не только наличие какой-либо черты или комбинации черт, а чаще это общее восприятие, определяющее черты. И в данном контексте важнее даже не то, как группа воспринимает себя, а как эту группу воспринимают другие группы. В данном аспекте происходит процесс «демонизации» группы, которая отличается от остального массива населения региона/государства. Именно набор отличительных факторов позволяет при необходимости настроить все население государства против группы людей конкретного региона либо же наоборот. Макс Вебер отмечал, что группа людей, которая проживает на определенной территории и имеет набор таких факторов, как общая культура, язык, религия, пережитые исторические события, приобретает черты народа, хотя в полном смысле этого слова народом не является [Кара-Мурза, Куропаткина, 2014]. С этим мы сталкиваемся в ситуации с Донбассом, когда в СМИ и в интервью политиков можно услышать о народе Донбасса, хотя как такового народа Донбасса не существует, но есть группа населения, разделяющая общие признаки.

Проблема идентичности заключается в том, что она имеет свойство трансформироваться, поэтому то, что определяло группу людей на конкретной территории, через несколько поколений может являться либо неважным, либо даже чуждым. Эту ситуацию мы могли наблюдать на Украине в целом и в отдельных регионах, когда понадобилось всего лишь два десятилетия, чтобы кардинально изменить набор ценностей населения государства. Для предотвращения подобной ситуации действенным инструментом может являться политика памяти, которая может использоваться двояко – с одной стороны, поддерживать группу людей определенного региона или даже всей страны в рамках одной исторической канвы для создания и поддержания исторических скрепов, с другой – может использоваться

для влияния на население региона либо всего государства для принятия абсолютно противоположных установок [Gurr, 1993].

Русофобский подтекст политики памяти не сработал на территории юго-восточной Украины, что объясняется географической близостью к России региона, влиянием старшего поколения на формирование и реализацию политики памяти, которая по своему направлению была ближе к российской, нежели европейской.

Одним из инструментов формирования и укрепления идентичности может являться политика памяти, которая в определенных случаях еще больше усиливает фактор принадлежности личности к той или иной группе либо меняет его установки, которые могут быть противоположными предыдущим и даже враждебными. Данную ситуацию мы можем наблюдать на примере сербов во время исламизации и окатоличивания, что привело к серьезным гражданским конфликтам в XX веке.

Таким образом, вопросы, связанные с проблемой формирования политики памяти в условиях трансформации системы международных отношений, а также попыток усилить влияние русофобии не только за рубежом, но и внутри государства, становятся важными для изучения в научном плане.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются инструменты политики памяти, которые используются в новых субъектах Российской Федерации для укрепления российской идентичности местного населения: образование, памятники, муралы, топонимика, кинематограф. Данный аспект важен, поскольку на протяжении более тридцати лет Украина реализовывала русофобскую политику памяти, что негативно отобразилось на отношении населения государства к России. Однако территориальная и цивилизационная близость новых регионов не позволили полностью переформатировать отношение местного населения к историческим событиям единого культурного пространства.

Цель исследования – на основе анализа выявить доминирующие тенденции реализации политики памяти в новых регионах РФ, а также выявить основные проблемы и перспективы формирования российской идентичности населения новых субъектов.

Подходы и методы исследования: принимая во внимание сформулированные концепты, необходимо исследование основных направлений и инструментов реализации политики памяти в новых регионах РФ посредством междисциплинарного подхода. Были изучены нормативно-правовые документы для выявления методов реализации политики памяти в новых регионах как составе РФ, так и на Украине; компаративистский метод использовался для сравнения подходов и инструментов реализации политики памяти в новых субъектах РФ; исторический – для анализа политики памяти в новых субъектах через историческую призму. Комбинация этих методов позволяет понять, насколько глубоко было влияние украинского варианта политики памяти и каких элементов политики памяти сегодня не хватает для осуществления комплексного подхода в построении максимально пророссийски настроенного населения новых регионов, часть которого все еще ассоциирует себя с Украиной.

Результаты и их обсуждение

Проблеме политики памяти уделяется сегодня достаточно много внимания. Среди российских ученых, которые занимаются этим вопросом, следует отметить А.И. Миллера, Д.В. Ефременко, К.А. Пахалюка, И.И. Куриллы, О.Ю. Малинову, Г.А. Бордюгова. Мнения экспертов по вопросам исторической памяти в некоторых случаях разнятся, что делает данный вопрос достаточно дискуссионным.

Еще в начале 2010-х годов российские эксперты выражали мнение, что страны постсоветского пространства не откажутся от исторической памяти и политики памяти [Бордюгов, 2011]. Однако необходимо заметить, что в подавляющем большинстве стран

постсоветского пространства политика памяти сегодня является очень важным политическим инструментом в контексте не только формирования коллективной памяти и объединения народа вокруг определенных событий прошлого, но и мощным орудием для формирования геополитических предпочтений. В постсоветских республиках политика памяти имеет антисоветскую направленность, в некоторых случаях переходящую в агрессивную русофобскую, как, например, в странах Прибалтики, на Украине, в Молдове. В странах Центральной Азии антисоветская политика памяти не имеет такого ярко выраженного проявления по сравнению с вышеперечисленными республиками бывшего СССР. Однако в последнее время, например, в Казахстане начали серьезно обсуждать тему голода в 1920–30-х годах, было снято несколько фильмов, в частности, казахский политолог Досым Сатпаев представил документальный фильм «Откочевники мертвой степи», Жанболат Мамай снял фильм «Зулмат. Геноцид в Казахстане», среди художественных лент стоит отметить «Плач великой стены», которую выдвигали на Оскар, и «Беги», «Время смерти». Фильмы рассказывают о серьезной трагедии, которая коснулась казахского народа, однако от ошибок коллективизации страдало также население РСФСР. Тема голода 1930-х годов особо активно использовалась на Украине до начала СВО и была одним из инструментов усиления антисоветских и, как результат, русофобских настроений в государстве. Тема ошибок советской власти во внутренней политике, которые привели к трагедиям в Казахстане и УССР, используется, прежде всего, западными кураторами в контексте гибридной войны, которая долгое время ведется против России, и информационная война является важным инструментом для выведения стран-сателлитов России из ее зоны влияния. Данная политика оказалась успешной в контексте создания конфликтной ситуации между двумя родственными народами России и Украины.

Чем объясняется антисоветский и, как результат, антироссийский нарратив исторической памяти в странах постсоветского пространства? После распада Советского Союза все бывшие союзные республики столкнулись с необходимостью формирования новых национально-государственных идентичностей, поскольку на тот момент стоял остро вопрос, смогут ли новые государства сохраниться в тех границах, в которых они появились в 1991 году. И основную роль играла не только экономика, но и гуманитарная политика, задачей которой было формирование единого общества, единой политической нации в условиях продолжающихся процессов децентрализации, в некоторых случаях откровенного сепаратизма. По мнению Д. Белла, индивид будет отождествлять себя с другой группой людей только в условиях применения по отношению к нему определенного исторического нарратива [Bell, 2003]. В подавляющем большинстве руководство постсоветских республик не смогло найти объединяющих факторов для цементирования политической нации по причине гетерогенного состава населения. Во многих республиках русское население представляло весомый процент, оно стремилось либо к тесному сотрудничеству с Россией, либо выступало за интеграционные проекты в рамках бывшего постсоветского пространства. Для того чтобы отойти от пророссийского вектора, руководству республик необходимо было завершить распад СССР, но уже на ментальном уровне, чему мог способствовать только антисоветский вектор. Побочным эффектом антисоветского вектора стал и антироссийский вектор, поскольку в подавляющем большинстве в рамках политики памяти негативные события в истории СССР автоматически перекладывались на современную Россию.

Обращаясь к прошлому в своей риторике, политики и историки решают конкретные задачи – стремятся легитимизировать или делигитимизировать существующий порядок, оправдать или подвергнуть критике принимаемые решения, мобилизовать поддержку, стимулировать солидарность сообщества, создать образ «врага». Соответствующие эффекты достигаются за счет использования фреймов – устойчивых когнитивных структур, которые обеспечивают метакоммуникативное определение ситуации, задавая смысловые рамки для ее репрезентации и понимания [Малинова, 2015].

Если историческая память обычно подразумевает под собой обращение к единичным историческим фактам и способам их современной репрезентации, то социальная память в первую

очередь осмысливается как универсальный феномен конструирования прошлого в современных социально-политических интересах. Платон в своей работе отмечал два фактора, которые связывают с памятью, – забывание и ложное воспоминание. В современных реалиях, по мнению автора статьи, следует отметить еще и третий фактор – навязывание определенного конструкта памяти. Данный подход активно использовался на Украине, начиная с прихода к власти В. Ющенко. Так, в Законе «Про Голодомор 1932–1933 годов на Украине» от 2006 года в статье 2 отмечается, что «Публичное отрицание Голодомора 1932–1933 годов в Украине является глумлением над памятью миллионов жертв Голодомора, унижением достоинства украинского народа и является противоправным» [Закон України «Про голодомор», 2006]. Таким образом, на Украине применялся подход насильственного формирования общественного мнения, что стало первым этапом формирования антидемократического режима в современном его проявлении.

Дж. Верч отмечает, что под коллективной памятью понимается память, которая обуславливается различными повествованиями, прежде всего историками. Соответствующие тексты рассматриваются как культурные инструменты, способствующие коллективному запоминанию. При этом определенные свойства нарративов специфически воздействуют на формирование коллективного запоминания [Карагезов, 2005].

Политика работает не с прошлым (ибо это то, чего больше нет), а с социальными представлениями о прошлом. При этом она имеет дело не столько с историей – систематической реконструкцией прошлого, основанной на критическом отборе, – сколько с тем, что принято называть коллективной памятью, т. е. с социально разделяемым культурным знанием о прошлом, которое опирается на разные источники и отличается принципиальной неполнотой и избирательностью. Нередко утверждают, что коллективная память оперирует мифами – упрощенными и эмоционально окрашенными нарративами, которые сводят сложные и противоречивые исторические процессы к удобным для восприятия простым схемам и воспринимаются членами группы как нечто «очевидное» [Сыров, 2019].

Но, если принять во внимание факт, что политика работает с прошлым, из этого следует, что делает это она для влияния на будущее через формирование отношения к прошлому сегодня. Таким образом, можно прийти к выводу, что политика памяти – это, прежде всего, конструкт, навязываемый обществу государством для достижения определенного результата. В подавляющем большинстве результатом является формирование единого мнения членов общества по тому или иному историческому событию, что позволит государству достичь максимального объединения общества по тому или иному событию в прошлом.

После государственного переворота на Украине новая власть начала еще больше формировать негативное отношение как к советскому прошлому, так и к российскому настоящему, дабы сформировать критическую массу населения, которая будет радикально негативно относиться к русскому миру, в концепт которого входил и Донбасс.

В 2014 году Украина осознала потерю Крыма и Донбасса, однако не оставляла намерений вернуть хотя бы Донбасс. Для этого руководство страны продолжило тотальную украинизацию, которая уже перешла открыто в неонацизм. Первым, что сделала Верховная Рада после переворота, стало лишение 23 февраля русского языка статуса регионального. В 2014 году принимается «Закон об очищении власти» [Закон України «Про люстрацію», 2014], согласно которому нельзя было занимать руководящие посты бывшим сотрудникам Служб безопасности СССР, в 2017 году принимается «Закон об образовании» [Закон України «Про освіту», 2017], запрещающий использовать русский язык в системе образования, в 2018 году создается русофобский проект уже в религиозной сфере – единая автокефальная Православная церковь Украины. В апреле 2019 года Верховная Рада принимает закон об «Обеспечении функционирования украинского языка как государственного» [Закон України «Про забезпечення...», 2019], который ущемлял права русскоязычного населения Украины, поскольку русский язык не мог использоваться в сфере образования. За нарушение новых правил работники образования облагались штрафом до 700 необлагаемых налогами минимумов доходов граждан.

Особое внимание было уделено изменению смысла праздника Победы 9 мая. Осознавая факт своей непопулярности на Юго-Востоке Украины и не желая проводить слишком радикальные перемены в гуманитарной политике, В. Ющенко сделал попытку примирения ветеранов ВОВ и коллаборационистов ОУН-УПА. Данная инициатива не нашла отклика ни среди ветеранов ВОВ, ни среди обычного населения юго-восточных регионов. Эту идею уже внедряли также и в сфере культуры – многие украинские театры представляли зрителям спектакли, в которых основной идеей являлось примирение ветеранов ВОВ и УПА.

Начиная с 2014 года, когда к власти пришла откровенно русофобская политическая сила, Украина синхронизировала празднование победы над нацизмом вместе с Европой, и отмечался этот праздник не 9, а 8 мая как «День памяти и примирения» под лозунгом «Никогда снова». Учитывая, что новое руководство Украины было сторонником неонацизма и последователями фашистов из УПА, они не могли праздновать именно День Победы, поэтому 8 мая трактовалось как день памяти погибших во Второй мировой войне, что можно рассматривать как праздник проигравшей стороны. Именно в этом аспекте новая власть пыталась навязать русскому и русскоязычному населению комплекс вины за события Великой Отечественной войны, представляя ход войны как негативный с точки зрения якобы неправильного подхода к ведению боевых действий и использования войск.

В сфере образования и СМИ термин «Великая Отечественная война» сначала рекомендовали заменять на «Вторая мировая война», впоследствии он был полностью запрещен к употреблению при публикации статей ученых и в СМИ. Чаще всего в СМИ прибегали к употреблению термина «Война между СССР и Германией». Таким образом, у подрастающего поколения стирался фактор восприятия Победы как положительного образа и навязывался процесс оторванности от празднования Дня Победы совместно с Россией.

Тема войны в целом широко используется не только на Украине, но и во всех республиках бывшего СССР. Это делается для того, чтобы легитимизировать основную идеологию и выстроить нужную для руководства страны государственную/национальную, этническую идентичность. Как раз проведение коммеморативных мероприятий является одним из важных и действенных инструментов, во время которых обществу через использование когнитивных методик навязывается определенная модель отношения к событиям. В зависимости от цели отношение может быть негативным либо позитивным, может нести факт выражения благодарности погибшим воинам либо создание их негативного имиджа. Проведение ежегодных коммеморативных мероприятий, а также постоянная подача нужной информации в СМИ, образовании, кинематографе формирует и закрепляет необходимый концепт отношений к событиям.

Подтверждение этой идеи мы находим в высказывании А. Рупперта и В. Бребекса, которые анализировали работы антифашистских мемориалов, основой которых они считали триаду «информация – память – предостережение», что означает помнить о мертвых, анализировать общественные условия, которые привели к их гибели, осудить палачей [Борозняк, 2014].

Одновременно с формированием политики памяти на Украине формировалась политика памяти и в новых регионах РФ, которые на тот момент были непризнанными территориями. Здесь необходимо отметить несколько особенностей. Во-первых, формирование и реализация политики памяти шло неравномерно, и зависело это от хронологических рамок освобождения территорий. ЛНР и ДНР, которые объявили о своей независимости в 2014 году, начали формировать политику памяти намного раньше территорий, освобожденных и присоединившихся в 2022 году. Вторым фактором следует отметить то, что особых усилий руководству страны не нужно было прилагать для смены исторической памяти в новых субъектах, поскольку культурно, цивилизационно, геополитически, ментально они находились в цивилизационном поле России, а следовательно, не было необходимости менять концепт исторической памяти. Третьим фактором необходимо отметить интенсивность боевых действий – чем интенсивнее они были, тем быстрее воспринималась и утверждалась новая историческая память. Интенсивные боевые действия в Мариуполе, постоянные обстрелы



приграничных районов ДНР и ЛНР, что повлекло за собой огромное количество жертв, стали теми факторами, когда украинская историческая память не могла функционировать на новых территориях. В районах, которых обстрелы и боевые действия практически не коснулись (например, г. Бердянск, Запорожская область), наблюдается некая ностальгия по пребыванию в составе Украины, а также частые террористические акты со стороны местных жителей в возрасте до 20 лет. Также фактор интенсивности боевых действий влияет на возможность реализации мероприятий в рамках политики памяти – районы Херсонской и Запорожской области, ДНР, которые находятся на линии соприкосновения или в серой зоне, лишены возможности планомерно и всеобъемлюще реализовывать мероприятия политики памяти.

Рассмотрим основные направления политики памяти в новых субъектах РФ:

- 1) ЛНР и ДНР как первые регионы, вышедшие из состава Украины;
- 2) Мариуполь – крупный город, который был в составе Донецкой области, но до 2022 года оставался в составе Украины;
- 3) Запорожская и Херсонская область.

Первым направлением можно считать отображение исторической памяти в памятниках, скульптурах, мемориальных досках, музеях и т. д.

В ДНР 20 мая 2025 года был принят Закон «Об увековечении памяти выдающихся деятелей, заслуженных лиц, исторических событий и памятных дат в Донецкой Народной Республике» [Закон «Об увековечении памяти...», 2025]. Этот закон регулирует деятельность относительно сохранения памяти важных исторических событий, а также личностей, которые внесли огромный вклад в развитие территорий Донбасса в разные исторические эпохи.

В условиях украинской агрессии и переписывания истории в период с 1991 по 2014 годы на первый план в республиках выходит деятельность по сохранению памяти о событиях Великой Отечественной войны и событиях СВО. Если памятники событиям и личностям, которые принимали участие в ВОВ, были установлены еще во времена Советского Союза и особой необходимости в установке новых нет, события после 2014 года как новый этап развития региона стимулировали их отображение в памятниках и стелах. Так, в Луганске установлены памятники «Они отстояли Родину» (посвященный добровольцам, участникам войны в Новороссии), «Мемориал десантникам» в виде БМД-1, которая принимала активное участие в защите ЛНР, «Памятник российским добровольцам», которые сражались в ЛНР, «Памятник, погибшим от авиаудара 2 июня 2014 года», «Памятный знак погибшим детям Луганщины», «Памятник погибшим журналистам И. Корнелюку и А. Волошину». Также в городе есть большое количество памятников и мемориалов, которые отражают события гражданской войны. Луганск – один из немногих городов, в котором большевики пришли к власти практически мирным путем. Однако, учитывая советский период, вышеупомянутые памятники носят односторонний характер в описании событий того времени.

Если говорить о Донецке, здесь также в последнее время превалирует тематика СВО – «Аллея героев ДНР», памятные знаки в честь погибших бойцов СВО, «Аллея ангелов», посвященная погибшим детям ДНР, большое количество памятных плит, которые помогают сохранить память о событиях практически в момент их свершений.

Политика памяти в Мариуполе в новых реалиях стала формироваться только после его освобождения. Официально город был освобожден 20 мая 2022 года, но уже 9 мая в условиях военных действий был проведен парад Победы, который посетило большое количество как местных жителей, так и политиков, военных, волонтеров, актеров из разных регионов России. Данное мероприятие вновь было востребовано после десятилетия забвения, когда вместо парада Победы ежегодно 13 июня по центральной улице проводилось шествие неонацистского полка «Азов» (признана террористической и запрещена в России).

В Мариуполе достаточно памятников воинам-освободителям, улицы также носят фамилии определенных воинских формирований, которые освобождали город или названы в честь отдельных героев. Данный исторический период в должной мере отражен в топонимике города.

В июле 2022 между руководством Санкт-Петербурга и Мариуполя было подписано соглашение о побратимстве, одним из результатов которого стало установление памятника Александру Невскому, что сразу же привлекло внимание молодого поколения к этой личности. В городе был построен также Храм Александра Невского еще в 2016 году, однако из-за низкого уровня религиозности молодого поколения этот факт мог и не привлечь их внимание.

Современным направлением в контексте политики памяти является нанесение муралов на фасадах зданий. Так, на одном из домов Мариуполя можно увидеть мурал с изображением Героя России Алексея Афанасьева, который принимал непосредственное участие в боях за Мариуполь против неонацистских формирований.

В контексте привлечения внимания горожан к событиям русской весны является размещение постоянных выставок фотографий в разных точках города, на которых запечатлены последствия боевых действий весной 2022 года. Размещение выставок в разных районах города можно считать правильным подходом, поскольку такой метод привлечения внимания является хоть и пассивным, но охватывает большее количество людей, нежели специализированные выставочные залы и галереи.

В городе также ведется планомерная политика памяти относительно двух известных мариупольцев – А.И. Куинджи и А.А. Жданова. В центре города можно увидеть памятник А.И. Куинджи, а также экспозицию его картин, в городе функционирует Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, художественная школа имени Куинджи, улица Куинджи. Однако следует отметить, что до 2022 года такое внимание его личности не уделялось. Также в феврале 2025 года открылся дом-музей А.А. Жданова. 9 мая 2025 года открыт памятник «Мариуполь – город воинской славы», на барельефе которого изображены разные исторические вещи города.

Таким образом, следует отметить, что в концепте исторической памяти жителей г. Мариуполя превалирует тема Великой Отечественной войны и СВО.

Если говорить о памятниках времен Украины в Мариуполе, следует отметить, что в городе был памятник «Жертвам голодомора 1932–1933 годов и политических репрессий», который был демонтирован, так же как и в Луганске стела «Памяти жертв политических репрессий», поскольку в этих памятниках усматривалось прямое обвинение России. Что касается памятников, которые отображают переселение народов (сербов в Славяносербск и греков в Мариуполь), они вызывают исторический и научный интерес, что выражается в налаживании культурных горизонтальных связей с регионами Сербии и Греции.

Что касается Херсонской и Запорожской областей, здесь ситуация осложняется тем фактом, что территории областей находятся на линии соприкосновения или в серой зоне, что означает невозможность осуществлять политику памяти по причине близости боевых действий. Единственным исключением могут являться г. Бердянск и г. Мелитополь Запорожской области, которые находятся вдали от боевых действий. В г. Мелитополе были установлены памятники Александру Невскому, Иосифу Сталину, Павлу Судоплатову, в г. Токмак – «Крест Победы». В Бердянске еще в 2022 году установлен памятник солдатам и офицерам Русской Императорской армии. Также в Запорожской области открыт памятник солдатам-участникам СВО.

Вторым инструментом реализации правильной политики памяти является образование, причем все его уровни – дошкольное, среднее и высшее. В учебных заведениях кардинально поменялась атмосфера политики памяти – если при Украине в ней превалировала негативная составляющая (темы голодомора, советская «оккупация», «угнетение» украинского народа), то на сегодняшний день политика памяти направлена на меморизацию достижений, побед и успехов российского государства в различных сферах жизнедеятельности. Именно это направление позволяет подрастающему поколению чувствовать гордость за принадлежность к российскому народу. Также в сфере образования преподаются предметы по российским программам, что позволяет формировать историческую память согласно реалистичности произошедших событий в прошлом без русофобской интерпретации, что можно было наблюдать с 1991 года.



Третьим направлением считается кинематографическая и книгоиздательская деятельность – был принят Закон «О кинематографии» [Закон України «Про кінематографію», 2017], который запрещал трансляцию российских фильмов. Фильмы, которые были произведены Украиной, носили исключительно русофобский характер. Это же коснулось и книгоиздательской деятельности. Продажа российской печатной продукции на Украине после 2014 года была запрещена, что стало негативным фактором в контексте доступа русскоязычного населения к достоверной информации. Если доступ к российским фильмам оставался благодаря сети Интернет, то население Украины было полностью лишено доступа к печатной продукции, которая выкладывалась в сети Интернет через несколько лет по коммерческим соображениям издательств.

Главным инструментом в продвижении русофобской повестки дня являлся Институт национальной памяти (Положение «Про український інститут національної пам'яті» от 12.11.2014 [24]), который участвовал в подготовке к принятию таких документов, как Закон Украины «Про увековечение победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945» [Закон України «Про увічнення перемоги...», 2015], Закон Украины «Про осуждение коммунистического и национал-социалистического тоталитарных режимов в Украине и запрет пропаганды их символики» от 09.04.2015 [Закон України «Про засудження...», 2015], Закон Украины «Про правовой статус и чествование борцов за независимость Украины в 20 столетии» [Закон України «Про правовий...», 2015], Закон Украины «Про внесение изменений в Кодекс Украины об административных правонарушениях относительно запрета производства и пропаганды георгиевской ленточки» от 16.05.2017 [Кодекс про адміністративні..., 2017]. Все эти законы были направлены на притеснение русского и русскоязычного населения в контексте культурного, а затем и физического геноцида.

Заключение

Проведенное исследование инструментов реализации политики памяти в новых субъектах РФ демонстрирует значимость данного рода политики в контексте формирования единой российской идентичности на новых территориях.

На взгляд автора, в регионах отсутствует историческая преемственность, в этом контексте необходимо следовать примеру крупных южных российских городов, среди которых может быть Ростов-на-Дону, в котором можно найти памятники и воинам Отечественной войны 1812 года, участникам Первой мировой, Великой Отечественной войн, а также уже памятники участникам СВО. Таким образом, складывается целостная картина из основных исторических событий, которые происходили не только на территории города либо региона, но и отобразились на развитии государства, к которому принадлежит этот город. Например, это было бы актуально для Луганска, литейный завод которого отливал пушки для русской армии в 1812 году, а Луганский патронный завод производил до 1 миллиона патронов в день во время Первой мировой.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что в современных условиях отмены русской культуры, общемировой русофобии, а также переписывания истории политика памяти реализуется политическими силами для достижения вышеуказанных целей. Эта тенденция может влиять и на процесс формирования и закрепления идентичности новых субъектов РФ, которые должны стать флагманами продвижения российской идентичности.

Сегодня, когда ведется активная фаза когнитивной войны за умы новых российских регионов, необходимо разрабатывать и реализовывать программы, направленные на усиление осведомленности местного населения относительно истории своего города, региона и страны в целом, чтобы избавиться как можно быстрее от фальшивой украинской истории, которая навязывалась молодому поколению через образование, топонимику и средства массовой информации. В связи с этим есть необходимость разработки концепции политики памяти, которая реализовывалась бы стратегически и планомерно с учетом особенностей данных субъектов.

Список источников

- Закон «Об увековечении памяти выдающихся деятелей, заслуженных лиц, исторических событий и памятных дат в Донецкой Народной Республике» [Электронный ресурс]. URL: <https://dnrsovet.gov.ru/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-ob-uvekovechenii-pamyati-vydayushhihsya-deyatelej-zasluzhennyh-lits-istoricheskikh-sobytij-i-pamyatnyh-dat-v-donetskoj-narodnoj-respublike/>
- Закон України «Про голодомор» [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/376-16#Text>
- Закон України «Про забезпечення функціонування української мови як державної» [Электронный ресурс]. URL: <https://legislationline.org/sites/default/files/2025-06/Закон%20№%202704-VIII%20від%2025.04.2019%20-%20d484006-20241115.pdf>
- Закон України «Про засудження комуністичного та націонал-соціалістичного режимів в Україні та заборону пропаганди їхньої символіки» [Электронный ресурс]. URL: <https://ips.ligazakon.net/document/T150317>
- Закон України «Про кінематографію» [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20180922045434/http://zakon.rada.gov.ua/laws/show/9/98-вр>
- Закон України «Про люстрацію» [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_Украины_от_16.09.2014_№_1682-VII
- Закон України «Про освіту» [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2145-19#Text>
- Закон України «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України в XX столітті» [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/314-19#Text>
- Закон України «Про увічнення перемоги над нацизмом у Другій світовій війні 1939-1945 років» [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/315-19#Text>
- Кодекс про адміністративні правопорушення [Электронный ресурс]. URL: <https://ips.ligazakon.net/document/KD0005>

Список литературы

- Бордюгов Г.А. 2011. «Войны памяти» на постсоветском пространстве. Москва, АИРО-XXI, 256 с. ISBN: 978-5-91022-158-5
- Борозняк А.И. 2014. Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX и начала XXI века. Москва, Политическая энциклопедия, 351 с. ISBN 978-5-8243-1926-2
- Карагезов Р.Г. 2005. Коллективная память и «политика памяти» в странах Центрального Кавказа. Центральная Азия и Кавказ. 6(42). С. 57–69.
- Кара-Мурза С.Г., Куропаткина О.В. 2014. Нациестроительство в современной России. Москва, Алгоритм: Научный эксперт, 408 с. ISBN: 978-5-91290-217-8
- Малинова О.Ю. 2015. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. Москва, Политическая энциклопедия, 207 с. ISBN 978-5-8243-1952-1
- Сыров В.Н, Головашина О.В. 2019. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 224 с. ISBN: 9785946216753
- Bell D. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54, No 1. P. 63–81. doi: 10.1080/0007131032000045905 [Electronic resource]. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12745819/> (дата обращения: 04.09.2025).
- Gurr Ted R. 1993. Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts. United States Institute of Peace Press, 427 p. ISBN 1-878379-25-9
- Hale H. 2008. The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World. Cambridge University Press, 304 p. ISBN-13 978-0-521-89494-4
- Ljubojevic A. 2021. Changing Memoryscapes in Post-Yugoslav Countries: Social (Re)construction of Places of Memory. Contemporary Southeastern Europe, 8: 370–375. doi: 10.25364/02.8:2021.2.2 [Electronic resource]. URL: <https://contemporarysee.org/changing-memoryscapes-in-post-yugoslav-countries-social-reconstruction-of-places-of-memory>



References

- Bordugov G.A. 2011. «Vojny pamyati» na postsovetском prostranstve [«Memory Wars» on Post-Soviet Space Countries]. Moscow, AIRO-XXI, 256 p. ISBN: 978-5-91022-158-5
- Boroznyak A.I. 2014. Zhestokaya pamyat'. Nacistskij rejh v vospriyatii nemcev vtoroj poloviny XX i nachala XXI veka [Cruel Memory. The Nazi Reich as Perceived by Germans in the Second Half of the Twentieth and Early Twenty-first Centuries]. Moscow, Political Encyclopedia, 351 p. ISBN 978-5-8243-1926-2
- Karagezov R.G. 2005. Kollektivnaya pamyat' i «politika pamyati» v stranah Central'nogo Kavkaza [Collective Memory and Memory Politics in the Northern Caucasuses States. Central Asia and Caucasuses]. 6(42). S. 57–69.
- Kara-Murza S.G., Kuropatkina O.V. 2014. Naciestroitel'stvo v sovremennoj Rossii [Nation-Building Process in Modern Russia]. Moscow, Algorithm: Scientific Expert, 408 p. ISBN: 978-5-91290-217-8
- Malinova O.Yu. 2015. Aktual'noe proshloe: Simvolicheskaya politika vlastvuyushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti [Actual Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and Dilemma of Russian Identity]. Moscow, Political encyclopedia, 207 p. ISBN 978-5-8243-1952-1
- Syrov V.N., Golovashina O.V. 2019. Konceptual'nye osnovaniya politiki pamyati i perspektivy postnacional'noj identichnosti [Conceptual Basis of Memory Policy and Perspectives of Postnational Identity]. Tomsk, Publishing house of Tomsk state university, 224 p. ISBN: 9785946216753
- Bell D. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54, No 1. P. 63–81. doi: 10.1080/0007131032000045905 [Electronic resource]. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/12745819/> (дата обращения: 04.09.2025).
- Gurr Ted R. 1993. Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts. United States Institute of Peace Press, 427 p. ISBN 1-878379-25-9
- Hale H. 2008. The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World. Cambridge University Press, 304 p. ISBN-13 978-0-521-89494-4
- Ljubojevic A. 2021. Changing Memoryscapes in Post-Yugoslav Countries: Social (Re)construction of Places of Memory. Contemporary Southeastern Europe, 8: 370–375. doi: 10.25364/02.8:2021.2.2 [Electronic resource]. URL: <https://contemporarysee.org/changing-memoryscapes-in-post-yugoslav-countries-social-reconstruction-of-places-of-memory>

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 01.09.2025

Received: 01.09.2025

Поступила после рецензирования: 10.10.2025

Revised: 10.10.2025

Принята к публикации: 30.11.2025

Accepted: 30.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Рябинин Евгений Вадимович, кандидат политических наук, доцент кафедры истории и политологии, Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи, г. Мариуполь, Россия

 [ORCID: 0000-0002-3027-0680](https://orcid.org/0000-0002-3027-0680)

Yevgeny V. Ryabinin, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor at the Department of History and Political Science, A.I. Kuindzhi Mariupol State University, Mariupol, Russia

УДК 327-057.54

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1007-1017

EDN VPQEND

Оригинальное исследование

Экспертная дипломатия на Украине: концептуальный подход и текущие задачи

Онопко О.В.

Донецкий государственный университет,

Россия, 283001, Донецкая Народная Республика, г. Донецк, ул. Университетская, д. 24

E-mail: o.onopko@donnu.ru

Аннотация. На основании синтеза отдельных положений теорий эпистемных сообществ П. Хааса, критической геополитики Дж. О’Тоала и секьюритизации Б. Бузана и О. Уэвера автором определены особенности применения экспертной дипломатии на Украине. Установлено, что в стране к ней сформировался свой особый концептуальный подход. Он исходит главным образом из необходимости противостоять России всеми возможными способами, основывается на принципах сетевой организации и автономности внешнеполитической экспертизы от государства. Тем не менее в интересах правящего режима украинские эксперты, аналитические центры и другие экспертные структуры содействуют его международной коммуникации и легитимности принимаемых им внешнеполитических решений, участвуют в развитии международных экспертных сетей, формируют геополитическую картину мира будущих украинских и зарубежных экспертов. Всё это свидетельствует о том, что экспертная дипломатия Украины представляет угрозы для России, которые ещё предстоит изучить. Кроме того, автором доказано, что экспертная дипломатия является самостоятельным направлением дипломатии второго трека, совокупностью каналов международно-политического взаимодействия экспертов и экспертных структур, применяемых для решения внешнеполитических задач государств, а потому отождествление экспертной дипломатии и дипломатии второго трека, распространённое в дискурсе российской политической науки, является не вполне корректным.

Ключевые слова: экспертная дипломатия, дипломатия второго трека, внешнеполитическая экспертиза, внешняя политика Украины

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Онопко О.В. 2025. Экспертная дипломатия на Украине: концептуальный подход и текущие задачи. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 1007–1017. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1007-1017. EDN: VPQEND

Expert Diplomacy in Ukraine: Conceptual Approach and Current Tasks

Oleg V. Onopko

Donetsk State University,

24 Universitetskaya St., Donetsk 283001, Donetsk People Republic, Russia

E-mail: o.onopko@donnu.ru

Abstract. Drawing on a synthesis of key elements from P. Haas’s theory of epistemic communities, G.O’Tuathail’s critical geopolitics, and B. Buzan and O. Wæver’s securitization theory, the author examines the distinctive features of expert diplomacy in Ukraine. The study finds that the country has developed its own unique conceptual approach to this practice. This approach is rooted primarily in the perceived necessity to counter Russia by all available means and is built on principles of network-based organization and the autonomy of foreign policy expertise from the state. Nevertheless, in service to the ruling regime, Ukrainian



experts, think tanks, and other expert organizations contribute to its international outreach and the legitimization of its foreign policy decisions. They also participate in expanding international expert networks and shape the geopolitical picture of the world of young Ukrainian and foreign experts. These findings suggest that Ukraine's expert diplomacy poses significant threats to Russia – threats that remain understudied. Furthermore, the author demonstrates that expert diplomacy constitutes a distinct form of Track Two diplomacy, representing a set of channels for international political engagement among experts and expert institutions used to advance states' foreign policy objectives. Consequently, the conflation of expert diplomacy with Track Two diplomacy, which is typical of Russian political science discourse, proves analytically imprecise.

Keywords: expert diplomacy, Track Two diplomacy, foreign policy expertise, foreign policy of Ukraine

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Onopko O.V. 2025. Expert Diplomacy in Ukraine: Conceptual Approach and Current Tasks. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 1007–1017 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1007-1017. EDN: VPQEND

Введение

Характер современных российско-украинских отношений последних лет, наличие прямого вооружённого конфликта между двумя странами и отсутствие каких-либо значимых предпосылок к его прекращению свидетельствуют о том, что в долгосрочной перспективе Украина будет являться источником множества военных и гибридных угроз для России. Это обуславливает необходимость более глубокого понимания её образа действий [Хрусталёв, 2008, с. 47] в международной среде, а также тех методов и средств, которые используются украинскими властями для достижения своих внешнеполитических целей. Одним из таких средств является экспертная дипломатия.

Авторы доклада Российского совета по международным делам «Публичная дипломатия России в эпоху Covid-19» (2021 г.) Н.В. Бурлинова, М.С. Чагина и В.С. Иванченко определяют её как «одно из направлений публичной дипломатии, в которое вовлечены исследовательские институты (think tanks) и индивидуальные эксперты. Их задача состоит в налаживании диалога с зарубежными целевыми группами (главным образом, с экспертами) по линии внешней политики, экономики, безопасности. Совместная работа с иностранными экспертами, молодыми лидерами, дипломатами и журналистами – одно из ключевых направлений системы публичной дипломатии» [Бурлинова и др., 2021, с. 10].

Объект и методы исследования

Украинская экспертная дипломатия чрезвычайно фрагментарно изучена в современной политической науке. В частности, на Украине отдельных аспектов данной темы касаются работы А. Атаманенко [Atamanenko, Martyniuk, 2022], Зварыча [Зварич и др., 2023], Т. Мадрыги [Мадрига, Круглюк, 2025], М. Мироновой [Миронова, 2023], Т. Моисеевой [Моисеева, 2023], А. Романенко [Романенко, 2014], А. Халецкой [Халецька, 2023] и др. В российской политической науке исследования экспертной дипломатии Украины отсутствуют, а в западной они представлены главным образом работами В. Аксёновой и её соавторов К. Ложки [Ахуопова, Lozka, 2024] и Ф. Шёппнера [Ахуопова, Schöppner, 2018], дающими достаточно подробное представление о международно-политической активности украинских экспертов и аналитических центров в условиях сначала гибридного, а затем непосредственного вооружённого столкновения с Россией. При этом комплексного анализа украинской экспертной дипломатии как одного из факторов, влияющих на реализацию внешней политики Украины, так и не было проведено.

Принимая это во внимание, автор стремился выявить специфику применения экспертной дипломатии на Украине, для чего был использован синтетический теоретико-методологический подход на основе теорий эпистемных сообществ П. Хааса [Haas,

1992], критической геополитики Дж. О'Тоала [Tuathail, Agnew, 1992] и секьюритизации В. Бузана и О. Уэвера [Buzan et al., 1998]. Согласно ему, экспертную дипломатию следует рассматривать как форму участия отдельных экспертов и структур внешнеполитической экспертизы (научно-исследовательских институтов, аналитических центров, частных исследовательских и консалтинговых компаний, экспертных платформ и т. п.) в формировании и реализации внешней политики государства. Объединённые общими геополитическими представлениями, ценностями, идеологическими установками и политическими практиками эксперты и экспертные структуры представляют собой эпистемное сообщество в сфере внешней политики и международных отношений. Действуя на над- и межгосударственном уровнях политики, они через свои профессиональные и личные международно-политические контакты обеспечивают поддержку внешнеполитического курса своей страны, а также секьюритизируют образы её противников и связанные с ними вопросы.

Исходя из вышеуказанного подхода, были поставлены и в дальнейшем решены следующие задачи: проанализировано понятие «экспертная дипломатия» и представлена авторская точка зрения на его соотношение с понятием «дипломатия второго трека»; определены концептуальные особенности применения экспертной дипломатии на Украине; установлены и проанализированы задачи, которые в настоящее время выполняет украинская экспертная дипломатия.

Результаты и их обсуждение

Теоретизация вопросов экспертной дипломатии началась в недрах западной политической науки. Ещё в 1981 г. Дж. Монтвиль и У. Дэвидсон ввели в мировой политический и политологический дискурсы термин «дипломатия второго трека» (track two diplomacy). В своей ставшей впоследствии классической работе «Внешняя политика по Фрейду» они определили дипломатию второго трека как «неофициальное, неструктурированное [международно-политическое – примечание моё, О.О.] взаимодействие. Оно всегда открыто, часто альтруистично и, по словам [Герберта – примечание моё, О.О.] Кельмана, стратегически оптимистично, основано на анализе наилучшего варианта развития событий. Его базовое предположение заключается в том, что реальный или потенциальный конфликт может быть разрешен или смягчен путем обращения к общим человеческим возможностям реагировать на добрую волю и разумность» [Davidson, Montville, 1981, с. 155]. В дальнейшем под дипломатией второго трека стали понимать международно-политический «процесс [, который – примечание моё, О.О.] осуществляется через диалог и обмен мнениями между представителями гражданского общества, академиками, экспертами, бывшими дипломатами и другими влиятельными лицами, не обладающими официальным статусом переговорщиков. Основная цель такой дипломатии – содействовать решению конфликтов, снижению напряжённости и формированию доверия между сторонами вне традиционных каналов официальной дипломатии» [Аликберов, Нумкин, 2024, с. 103].

В рамках концепции дипломатии второго трека (комплексный и чрезвычайно подробный обзор научных публикаций, существующих в мировой политической науке по данной теме, был подготовлен Дж. Палмиано-Федерер в 2021 г. [Palmiano Federer, 2021]) в российской и в целом постсоветской политической науке стал активно применяться термин «экспертная дипломатия», который в разных аспектах используется в работах Б.Х. Бахриева [Бахриев, Рустамова, 2020], С.В. Генюша [Генюш, 2012], Ю.И. Леонова [Леонов, 2021], Р.С. Мухаметова [Мухаметов, 2018], С.С. Сулакшина [Сулакшина, Генюш, 2013], С.А. Таиповой [Таипова, 2022], А.А. Хаткевича [Хаткевич, 2021], Н.В. Шевчук [Шевчук, 2023а, 2023б] и др. И хотя многие вышеперечисленные и другие исследователи склонны отождествлять экспертную дипломатию и дипломатию второго трека, автору представляется целесообразным всё же сепарировать данные понятия и обозначенные ими явления.

Во-первых, важнейшее значение здесь имеет проблема субъектов неформальных международных политических контактов. В частности, С.В. Генюш выделяет достаточно

широкий и неоднородный круг действующих лиц экспертной дипломатии (дипломатии второго трека), к которому, по его мнению, относятся «эксперты в различных областях (политологи, социологи, экономисты, журналисты), НПО, мозговые центры, бывшие политики и военные, видные общественные деятели, представители религиозных и культурных кругов» [Генюш, 2012, с. 16]. При этом данные субъекты, кроме опыта и личного влияния на международно-политические процессы и внешнюю политику своих государств, имеют между собой мало общего. Объединение их под статусом экспертов является не вполне логичным.

Для того чтобы определить, каких именно действующих лиц можно относить к кругу субъектов экспертной дипломатии, необходимо, прежде всего, обратиться к сути такой категории, как эксперт. Как отмечал М.А. Хрусталёв, «в качестве исходного требования к эксперту выступает компетентность, то есть наличие большого объёма специальных знаний, ибо эксперт – это, прежде всего, высококвалифицированный специалист в определённой предметной области. Однако только этого для эксперта-политолога недостаточно. В силу комплексной природы политики ему необходимы также достаточно серьёзные знания в ряде смежных областей (экономика, право, военное дело). Таким образом, потенциал компетентности эксперта-политолога включает две составляющие: профильную и сопряжённую» [Хрусталёв, 2008, с. 186] – т. е. действующие лица неформальных международных политических контактов, не являющиеся носителями специальных знаний и не обладающие необходимой квалификацией, не могут считаться субъектами экспертной дипломатии. В свою очередь, если это гражданские активисты, деятели культуры, науки и религии и др., они являются участниками в широком смысле публичной дипломатии [Долинский, 2013] или в узком – культурной, научной, религиозной и т. д. Кроме того, как указывает О. Хвостунова, «эксперты возникают из сплава ученого-специалиста и интеллектуала. У них есть два способа влияния на политику, через непосредственные контакты политическим акторами или через участие в публичном политическом дискурсе через влияние на общественное мнение» [Хвостунова, 2006, с. 106], т. е. возможности оказывать влияние на внешнюю политику государства и (или) участвовать во внешнеполитическом дискурсе [Ярославцев, 2015] являются важными, хоть и дополнительными индикаторами экспертного статуса действующих лиц экспертной дипломатии.

Таким образом, экспертная дипломатия предполагает участие исключительно высококвалифицированных специалистов, обладающих глубокими знаниями в конкретных областях (политика, экономика, безопасность и др.), а также способностью влиять на внешнеполитический дискурс своего государства. В отличие от этого, дипломатия второго трека включает в себя не только экспертов, но и более широкий круг действующих лиц (например общественных деятелей, религиозных лидеров, бывших политиков), которые могут не обладать экспертной компетенцией, но при этом иметь влияние или опыт в международных процессах. Фактически экспертная дипломатия является более узкой и специализированной частью дипломатии второго трека.

Во-вторых, экспертная дипломатия фокусируется на установлении связей, основанных на профессиональном сотрудничестве между экспертами и экспертными структурами из разных государств, а также на интересе к их оценкам международно-политической действительности, находящем отражение в научных и аналитических продуктах, и к их рекомендациям по выработке решений по конкретным внешнеполитическим вопросам. Её методы включают в себя проведение научных и экспертных мероприятий (форумов, конференций, встреч, экспертных панелей, стратегических сессий, круглых столов и др.), совместных научных и прикладных политических исследований, экспертных дискуссий, а также стратегическое прогнозирование. В то же время дипломатия второго трека в целом направлена на создание неформальных каналов коммуникации для снижения напряжённости и построения доверия между сторонами, что не всегда требует участия экспертов, учёных, аналитиков.

В-третьих, экспертная дипломатия связана с институциональными структурами, в частности входящими в систему внешнеполитической экспертизы аналитическими центрами, университетскими лабораториями, государственными экспертными советами, научно-

исследовательскими институтами, частными исследовательскими компаниями и др. Они способствуют участию своих экспертов в процессе выработки, принятия и реализации решений, их международной активности, а также содействуют легитимации их экспертных оценок. Кроме того, международно-политические контакты экспертов зачастую осуществляются в рамках вполне конкретных форматов (различные научные мероприятия, экспертные панели, сессии, совещания), в то время как дипломатия второго трека не требует ни таких форматов (может осуществляться на уровне личных контактов), ни в целом связи с институтами, а потому остаётся в этом плане преимущественно неформальной и исключительно гибкой, что позволяет ей включать в себя более разнородные группы действующих лиц.

Всё вышесказанное позволяет определить экспертную дипломатию как самостоятельное направление дипломатии второго трека, совокупность каналов международно-политического взаимодействия экспертов и экспертных структур, применяемых для решения внешнеполитических задач государств. В этих условиях внешнеполитическая экспертиза как политическая сеть экспертов и экспертных структур представляет собой одно из ключевых действующих лиц экспертной дипломатии, т. к. именно для экспертов-политологов вопросы международных отношений и внешней политики, международной безопасности, проблемы войны и мира являются профильными.

Украина придает экспертной дипломатии значительную роль. Её целенаправленное осмысление началось после 2014 года в контексте поиска союзников для противостояния с Россией. В 2016 году при поддержке Фонда Фридриха Эберта (нежелательная организация в России) был опубликован программный документ «Экспертная дипломатия как составляющая истории успеха внешней политики»¹³⁴, впервые предложивший её локальную трактовку. Экспертная дипломатия определялась как системное взаимодействие государства с экспертным сообществом для достижения внешнеполитических целей. Данный подход был закреплён в последующих научных работах и в Стратегии публичной дипломатии МИД Украины (2021)¹³⁵, где задачей экспертной дипломатии обозначено продвижение внешнеполитических нарративов, что подразумевает влияние на восприятие других стран, включая формирование негативного образа России.

Анализ научных работ, аналитических докладов и стратегических документов Украины выявляет устойчивые концептуальные основания её подхода к экспертной дипломатии. Этот подход характеризуется несколькими взаимосвязанными принципами.

Первой и определяющей чертой является строгая прагматическая ориентация и конкретность целей. Украинская модель рассматривает экспертную дипломатию не как универсальный инструмент, а как целевое средство решения актуальных внешнеполитических задач. Главный фокус сосредоточен на двух приоритетах: обеспечении международной поддержки в условиях военного конфликта с Россией и содействии евроатлантической интеграции. В первую очередь речь идёт о привлечении военной, финансовой и политической помощи, а также о консолидации и расширении круга союзников. Все прочие потенциальные функции экспертно-дипломатической деятельности, будь то развитие культурного диалога или долгосрочные научные обмены, отодвигаются на второй план и не получают в текущей повестке значимого концептуального развития. Таким образом, подход отличается высокой степенью инструментальности и подчинённостью тактическим и стратегическим императивам национальной безопасности.

Второй основополагающей чертой является принцип автономии экспертного сообщества от государственного аппарата. Украинский подход предполагает минимальное прямое вмешательство официальных институтов в оперативную аналитическую и дипломатическую деятельность аналитических центров и отдельных экспертов. Однако эта

¹³⁴ Экспертна дипломатія як складова історії успіху зовнішньої політики. 2016. Рада зовнішньої політики «Українська призма». URL: https://prismua.org/wp-content/uploads/2016/05/expert_diplomacy.pdf.

¹³⁵ Стратегія публічної дипломатії МЗС України 2021–2025. МЗС України. URL: <https://mfa.gov.ua/storage/app/sites/1/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D1%96%D1%97/public-diplomacy-strategy.pdf>.

автономия носит достаточно ограниченный характер и действует в рамках жёсткого идеологического консенсуса: она гарантирована лишь тем структурам и специалистам, которые разделяют базовые установки украинской националистической идеологии и не оспаривают ключевые внешнеполитические нарративы правящего на Украине режима. В украинской экспертной среде широко распространена убеждённость в стратегических преимуществах подобной модели. Считается, что формальная независимость от государства повышает манёвренность и скорость реакции экспертных структур на изменения в международно-политических процессах. Более того, статус «независимых» аналитиков призван укреплять легитимность и доверие к их оценкам в глазах как внутренней, так и зарубежной аудитории, включая политиков, СМИ и международные организации. Такой подход позволяет украинской внешнеполитической экспертизе преподносить себя в качестве объективного и беспристрастного источника информации, что усиливает эффективность продвижения интересов правящего режима (и национальных – как она их себе представляет) и формирования желаемого восприятия Украины на Западе. Таким образом, автономия становится не самоцелью, а тщательно выверенным инструментом экспертной дипломатии.

Наконец, третьей ключевой характеристикой украинского подхода к экспертной дипломатии является ориентация на сетевые формы организации и активное международное взаимодействие. На Украине предают большое внимание глубокой интеграции национальных экспертов и аналитических центров в глобальные и региональные профессиональные сети. Это воспринимается как стратегический императив. Такая интеграция выполняет двоякую функцию: с одной стороны, это канал для обмена знаниями и повышения компетенций, а с другой – мощный инструмент мягкой силы для формирования благоприятного имиджа страны, прежде всего в европейском и евроатлантическом политическом и экспертном пространствах. Как отмечает исследователь В. Аксёнова, украинские экспертные структуры в условиях конфликта «взаимодействовали как с местной, так и с международной аудиторией и демонстрировали определённую степень вовлечённости в международные сети. Почти все выбранные аналитические центры придерживались проевропейской повестки и активно участвовали в продвижении внутренних реформ и европейского курса Украины» [Ахуопова, Lozka, 2024, с. 7]. Таким образом, экспертная дипломатия становится механизмом усиления влияния через прямое участие в международных дискуссиях, конференциях и совместных проектах, где украинские представители лоббируют национальные интересы и продвигают антироссийскую повестку дня. Наиболее показательным институциональным воплощением этой сетевой стратегии выступает экспертная сеть Крымской платформы. С 2021 г. на её базе систематически проводятся международные форумы, фокусирующиеся на вопросах черноморской безопасности. Эти мероприятия имеют явно выраженную цель: консолидировать международные усилия и разрабатывать скоординированные меры противодействия России в Причерноморье.

Вышеуказанный подход к экспертной дипломатии ведёт к тому, что на Украине она решает следующие основные задачи.

Прежде всего, это содействие международной коммуникации украинских властей. Украинские эксперты участвуют в диалогах с зарубежными коллегами на площадках конференций, форумов, стратегических сессий и круглых столов (например, форум «Ялтинская европейская стратегия», Мюнхенская конференция по безопасности, Черноморская конференция по безопасности, международные экспертные встречи в Каденабии и т. д.). Такие взаимодействия способствуют обмену мнениями, поиску общих решений и снижению напряжённости между государствами. Кроме того, данные площадки используются для трансляции геополитических представлений и синхронизации скриптов геополитических историй (нарративов) [Колосов, 2011], которые присутствуют в экспертных геополитических дискурсах стран, чьи эксперты задействованы в мероприятиях. Высокая концентрация признанных профессионалов в своей сфере, международный статус, научность – всё это также способствует повышению легитимности тех рекомендаций, которые

вырабатываются на такого рода площадках. Особое внимание уделяется продвижению антироссийских нарративов, поиску международной военной и материальной помощи, выработке общих позиций по давлению на Россию.

Украинская экспертная дипломатия активно содействует легитимации внешнеполитических инициатив Киева. Посредством участия экспертов в международных структурах и публичных дискуссиях достигается легитимация действий украинского режима, интересы которого данные эксперты представляют, что особенно важно в условиях текущего масштабного вооружённого конфликта. Апеллируя к экспертному статусу отдельных персон или структур, специализирующихся на вопросах внешней политики и международных отношений, используя их сетевые связи в мировом экспертном сообществе, украинские власти продвигают выгодные им проекты международно-политических решений, например, о передаче Украине наступательных вооружений, введении новых санкций против России, о международном признании «геноцида украинцев»¹³⁶ и т. д. Разумеется, в этих условиях остро встаёт проблема внешнеполитической псевдоэкспертизы [Хрусталёв, 2008, с. 183], но она, вероятно, неизбежна, когда речь идёт об экспертной дипломатии, где эксперты и экспертные структуры по умолчанию действуют как агенты влияния.

На Украине экспертная дипломатия также направлена на развитие международных экспертных сетей. Украинская внешнеполитическая экспертиза, участвуя в международных контактах, способствует созданию и укреплению профессиональных сетей, объединяющих специалистов из разных стран, что упрощает обмен информацией и координацию усилий по решению международно-политических проблем, а также в плане противодействия России. При этом большое значение приобретают неформальные связи между экспертами, установление слаженных рабочих отношений между различными экспертными структурами, консультирующими органы государственной власти. Хороший пример в этом плане – многолетнее сотрудничество украинского Центра Разумкова и шведского SIPRI, которые системно и достаточно плодотворно работают над проблемами международной и региональной безопасности в Восточной Европе. В рамках неформальных сетевых контактов украинские эксперты также участвуют в подготовке и проведении переговоров, предоставляя аналитическую поддержку своим коллегам из других стран (прежде всего Нидерландов, Швеции, США) и предлагая выгодные украинскому режиму варианты решений внешнеполитических вопросов.

Наконец, важными задачами украинской экспертной дипломатии являются обучение и наставничество молодых экспертов, шире – их политическая социализация. Как отдельные украинские эксперты, так и институты внешнеполитической экспертизы активно участвуют в образовательных программах, программах обмена, стажировках, образовательных и научных мероприятиях, готовя новое поколение специалистов в сфере внешней политики и международных отношений, что обеспечивает преемственность и развитие экспертно-дипломатической деятельности, ретрансляцию сформированных геополитических представлений будущим экспертам. Фактически таким образом – через профессиональную и одновременно политическую социализацию – обеспечивается рекрутирование новых членов в эпистемное сообщество украинской внешнеполитической экспертизы, укрепляется лояльность его новых членов, воспитанных на ценностях и геополитической картине мира своих наставников. На Украине к структурам, активно участвующим в подготовке будущих специалистов, можно отнести Национальный институт стратегических исследований, Международный центр перспективных исследований, Школу политической аналитики Киево-Могилянской академии, Центр Разумкова, Центр международной безопасности и партнёрства, Центр региональной безопасности. Все они достаточно успешно работают с украинскими и зарубежными молодыми экспертами, транслируют им как украинские геополитические нарративы, так и нарративы

¹³⁶ Работіна Єлізавета. Геноцид українців: докази, наслідки та заклик до лідерів світу діяти: Пресконференція на тему «Докази геноцидного характеру російської агресії». 2025. Міжнародний центр української перемоги. 20.02. URL: <https://ukrainianvictory.org/uk/publications/henotsyd-ukraintsiv-dokazy-naslidky-ta-zaklyk-do-lideriv-svitu-diiaty/>.



западных союзников Украины. Например, действующая при Центре Разумкова интернатура при поддержке Программы содействия общественной активности «Присоединяйся!» ведёт работу, которая финансируется Агентством США по международному развитию¹³⁷.

Заключение

Проведённый выше анализ свидетельствует о том, что на Украине внешнеполитическая экспертиза является важным действующим лицом политических процессов. Она не только обеспечивает научно-аналитическое сопровождение деятельности органов власти и других политических институтов, действуя внутри государства, но и работает на внешнем контуре, участвуя в экспертной дипломатии, к которой в стране сформировался свой концептуальный подход. Он исходит из актуальных международно-политических реалий (главным образом из необходимости противостоять России всеми возможными способами), основывается на принципах сетевой организации и автономности внешнеполитической экспертизы от государства. Это не мешает украинским экспертам и экспертным структурам содействовать внешней политике, проводимой правящим режимом, поскольку объединённые с ним геополитическими представлениями, националистической идеологией и ценностями, они действуют синхронно, выполняя необходимый спектр задач. Будучи хорошо организованным эпистемным сообществом, украинская внешнеполитическая экспертиза является главным субъектом экспертной дипломатии. Она вовлечена в процесс выработки и реализации инициированных Украиной внешне- и международно-политических решений, содействует их легитимации, участвует в развитии международной коммуникации своей страны, обеспечивает участие украинских учёных в международных сетях, а также работает над формированием геополитической картины мира будущих как украинских, так и зарубежных экспертов. В нынешнем её состоянии украинская экспертная дипломатия является источником угроз для России, выявление и поиск методов противодействия которым может являться актуальной задачей будущих политологических и прикладных политических исследований в данной сфере.

Список литературы

- Аликберов А.К., Нумкин В.В. 2024. Дипломатия второго трека в формате ситуационного анализа: опыт Института востоковедения РАН. Вестник МГИМО-Университета, 17(4): 101–120. doi 10.24833/2071-8160-2024-4-97-101-120
- Бахриев Б.Х., Рустамова Л.Р. 2020. «Мягкая сила» военной организации: публичная дипломатия НАТО в Центральной Азии. Вестник Томского государственного университета, 458: 90–100. doi 10.17223/15617793/458/11
- Бурлинова Н., Чагина М., Иванченко В. 2021. Публичная дипломатия России в эпоху COVID-19. Ежегодный обзор основных трендов и событий публичной дипломатии России в 2020 г.: доклад Российского совета по междунар. делам (РСМД), доклад № 71/2021. М.: НП РСМД, 36.
- Генюш С.В. 2012. Экспертная дипломатия: гражданское общество на службе внешней политики. Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование, 5, 5: 14–25.
- Долинский А. 2013. Публичная дипломатия для бизнеса, НКО и университетов. Российский совет по международным делам. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publichnaya-diplomatiya-dlya-biznesa-nko-i-universitetov/?sphrase_id=202058715 (дата обращения: 12 июля 2025).
- Колосов В.А. 2011. Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России. Политическая наука, 4: 31–52.
- Леонов Ю.И. 2021. Экспертная дипломатия аналитических институтов ФРГ и РФ в период с 2014 г.: формы и направления взаимодействия. Россия в глобальном мире: новые вызовы и возможности : сборник работ IX Международной студенческой научной конференции, Санкт-Петербург, 25–27 марта 2021 года. СПб.: ООО «Скифия-принт»: 312–322.

¹³⁷ Перший випуск Інтернатури Центру Разумкова. 2024. Сайт Українського центру економічних і політичних досліджень імені Олександра Разумкова. URL: <https://razumkov.org.ua/novyny/pershyi-vypusk-internatury-tsentru-razumkova>.

- Мухаметов Р.С. 2018. Место и роль неправительственных организаций в урегулировании международных конфликтов. *Дискурс-Пи*, 1(30): 65–72. doi 10.17506/dipi.2018.30.1.6572
- Сулакшин С.С., Генюш С.В. 2013. Модель экспертно-дипломатического продвижения национальных интересов. *Геополитика и безопасность*, 1(21): 28–35.
- Таипова С.А. 2022. Особенности и проблемы современной российской дипломатии. *Слово в науке*, 9: 20–23.
- Хаткевич А.А. 2021. Экспертная дипломатия в рамках ШОС и БРИКС. Ломоносов – 2021 : материалы Международного молодежного научного форума, Москва, 12–23 апреля 2021 года. М.: ООО «МАКС Пресс». URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/section_22_22443.htm (дата обращения: 12 июля 2025).
- Хвостунова О.И. 2006. Эксперты как субъект публичного политического дискурса: становление и современные тенденции. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, 6: 104–106.
- Хрусталёв М.А. 2008. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. М.: НОФМО, 232.
- Шевчук Н.В. 2023а. Переосмысливая подходы к обучению переговорам в России и мире. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 17, 4(46): 163–176. doi 10.22394/2073-2929-2023-04-163-176
- Шевчук Н.В. 2023б. Экспертная дипломатия в урегулировании конфликтов: Приднестровье и Молдова. *Общественные науки и современность*, 6: 20–32. doi 10.31857/S0869049923060023
- Ярославцева Я.А. 2015. Специфика внешнеполитического дискурса. *Филология и культура*, 4(42): 185–191.
- Atamanenko A., Martyniuk N. 2022. Наукова дипломатія у глобалізованому світі: концептуалізація явища. *Acta de Historia & Politica: Saeculum XXI*, 04: 88–98.
- Axyonova V., Lozka K. 2024. Diplomacy beyond the State: Ukrainian Think Tank Experts as Wartime Diplomacy Actors. *European Security*, 33(4): 557–575. doi: 10.1080/09662839.2024.2350465
- Axyonova V., Schöppner F. 2018. Ukrainian Think Tanks in the Post-Euromaidan Period: Exploring the Field. *Civil Society in Post-Euromaidan Ukraine: From Revolution to Consolidation*: 215–240.
- Buzan B.G., Wæver O., de Wilde J.H. 1998. *Security: A New Framework for Analysis*. London, Boulder, CO : Lynne Rienner, 247.
- Davidson W.D., Montville J.V. 1981. Foreign Policy According to Freud. *Foreign Policy*, 45: 145–147. doi:10.2307/1148317
- Haas P.M. 1992. Introduction: Epistemic Communities and International Policy. *Coordination. International Organization*, 46(1): 1–35.
- Palmiano Federer. J. 2021. Toward a Normative Turn in Track Two Diplomacy? A Review of the Literature. *Negotiation Journal*, 37.4: 427–450.
- Tuathail G.Ó., Agnew J. 1992. Geopolitics and Discourse. *Political Geography*, 11(2): 190–204.
- Зварич Р.Є., Хоменська І.В., Сегеда О.О. 2023. Детермінанти економічного партнерства України з країнами Близького Сходу в контексті розвитку публічної дипломатії. *Інноваційна економіка*, 2-2023: 135–141.
- Мадрига Т., Круглюк І. 2025. Політичні та правові аспекти розвитку публічної дипломатії України в контексті євроінтеграційних викликів. *Вісник Прикарпатського університету. Серія: Політологія*, 20: 272–281.
- Миронова М. 2023. Наукова дипломатія в системі торговельно-економічних відносин України та Європейського союзу. *Економіка та суспільство*, 53. URL: <https://economyandsociety.in.ua/index.php/journal/article/view/2632> (дата обращения: 17 июля 2025).
- Моїсєєва Т.М. 2023. Кримська платформа: від ідеї до установчого саміту. *Вчені записки Таврійського національного університету імені В.І. Вернадського. Серія: Історичні науки*, 34, 1: 106–113.
- Романенко О.С. 2014. Роль епістемічних спільнот в інформаційно-аналітичній діяльності. *Медіафорум: аналітика, прогнози, інформаційний менеджмент*, 2: 193–207.
- Халецька А.А. 2023. Культурна парадипломатія в системі стратегічних комунікацій для післявоєнного відновлення. *Вісник Львівського університету. Серія філос.-політолог. студії*, 45: 125–134.

References

- Alikberov A.K., Numkin V.V. 2024. Diplomacy of the Second Track in the Format of Situational Analysis: The Experience of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. *Bulletin of MGIMO University*, 17(4):101–120. doi 10.24833/2071-8160-2024-4-97-101-120 (in Russian).



- Bakhriev B.H., Rustamova L.R. «Myagkaya sila» voennoy organizatsii: publichnaya diplomatiya NATO v Tsentral'noy Azii [The "Soft Power" of a Military Organization: NATO's Public Diplomacy in Central Asia]. *Tomsk State University Journal*, 458: 90–100. doi 10.17223/15617793/458/11
- Burlinova N., Chagina M., Ivanchenko V. 2021. Publichnaya diplomatiya Rossii v epokhu COVID-19. Ezhegodnyy obzor osnovnykh trendov i sobytiy publichnoy diplomatii Rossii v 2020 g.: doklad Rossiyskogo soveta po mezhdunar. delam (RSMD), doklad № 71/2021. M.: NP RSMD, 36 [Russia's Public Diplomacy in the Era of COVID-19. Annual Review of the Main Trends and Events in Russian Public Diplomacy in 2020: Report of the Russian Council for International Relations. Affairs (RIAC). Report No. 71/2021]. Moscow: NP RSMD, 36.
- Genyush S.V. 2012. Ekspertnaya diplomatiya: grazhdanskoe obshchestvo na sluzhbe vneshney politiki [Expert Diplomacy: Civil Society in the Service of Foreign Policy]. *Problemnnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and Public Management Design]. 5, 5: 14–25.
- Dolinsky A. 2013. Publichnaya diplomatiya dlya biznesa, NKO i universitetov [Public Diplomacy for Businesses, NGOs, and Universities]. *Rossiyskiy sovet po mezhdunarodnym delam*. 26.09.2013 [Russian Council on International Affairs. 26.09.2013]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publichnaya-diplomatiya-dlya-biznesa-nko-i-universitetov/?sphrase_id=202058715 (accessed: July 12, 2025).
- Kolosov V.A. 2011. Kriticheskaya geopolitika: osnovy kontseptsii i opyt ee primeneniya v Rossii [Critical Geopolitics: Fundamentals of the Concept and Experience of its Application in Russia]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 4: 31–52.
- Leonov Yu.I. 2021. Ekspertnaya diplomatiya analiticheskikh institutov FRG i RF v period s 2014 g.: formy i napravleniya vzaimodeystviya [Expert Diplomacy of the Analytical Institutes of Germany and the Russian Federation Since 2014: Forms and Directions of Interaction]. *Rossiya v global'nom mire: novye vyzovy i vozmozhnosti : sbornik rabot IX mezhdunarodnoy studencheskoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 25–27 marta 2021 goda* [Russia in the Global World: New Challenges and Opportunities : Proceedings of the IX International Student Scientific Conference, St. Petersburg, March 25–27, 2021]. SPb.: OOO «Skifiya-print»: 312–322.
- Mukhametov R.S. 2018. The Place and Role of Non-Governmental Organizations in International Conflicts Management. *Discourse-P*, 1(30): 65–72. doi 10.17506/dipi.2018.30.1.6572 (in Russian).
- Sulakshin S.S., Genyush S.V. 2013. Model' ekspertno-diplomaticheskogo prodvizheniya natsional'nykh interesov [A Model of Expert-Diplomatic Promotion of National Interests]. *Geopolitika i bezopasnost'* [Geopolitics and Security], 1(21): 28–35.
- Taipova S.A. 2022. Osobennosti i problemy sovremennoy rossiyskoy diplomatii [Features and Problems of Modern Russian Diplomacy]. *Word in Science*, 9: 20–23.
- Khatkevich A.A. 2021. Ekspertnaya diplomatiya v ramkakh ShOS i BRIKS [Expert Diplomacy within the Framework of the SCO and BRICS]. *Lomonosov – 2021 : materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma, Moskva, 12–23 aprelya 2021 goda*. M.: OOO «MAKS Press» [Lomonosov – 2021 : Proceedings of the International Youth Scientific Forum, Moscow, April 12–23, 2021. Moscow: MAX Press LLC]. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2021/data/section_22_22443.htm (accessed: July 12, 2025).
- Khvostunova O.I. 2006. Eksperty kak sub"ekt publichnoy politicheskogo diskursa: stanovlenie i sovremennye tendentsii [Experts as a Subject of Public Political Discourse: Formation and Current Trends]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, 6: 104–106.
- Khrustalev M.A. 2008. Analiz mezhdunarodnykh situatsiy i politicheskaya ekspertiza: ocherki teorii i metodologii [Analysis of International Situations and Political Expertise: Essays on Theory and Methodology]. M.: NOFMO, 232.
- Shevchuk N.V. 2023a. Rethinking Approaches to Negotiation Training in Russia and other Countries. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 17, 4(46): 163–176. doi 10.22394/2073-2929-2023-04-163-176 (in Russian).
- Shevchuk N.V. 2023b. Expert Diplomacy in Conflict Settlement: Transdnistria and Moldova. *Social Sciences and Contemporary World*, 6: 20–32. doi 10.31857/S0869049923060023 (in Russian).
- Yaroslavtseva Ya.A. Peculiarities of Foreign Policy Discourse. *Philology and Culture*, 4(42): 185–191 (in Russian).
- Atamanenko A., Martyniuk N. 2022. Science Diplomacy in the Globalized World: Conceptualization of the Phenomenon. *Acta De Historia & Politica: Saeculum XXI*, (04), 88–98. doi 10.26693/ahpsxxi2022.04.088 (in Ukrainian).

- Axyonova V., Lozka K. 2024. Diplomacy beyond the State: Ukrainian Think Tank Experts as Wartime Diplomacy Actors. *European Security*, 33(4): 557–575. doi: 10.1080/09662839.2024.2350465
- Axyonova V., Schöppner F. 2018. Ukrainian Think Tanks in the Post-Euromaidan Period: Exploring the Field. *Civil Society in Post-Euromaidan Ukraine: From Revolution to Consolidation*: 215–240.
- Buzan B.G., Wæver O., de Wilde J.H. 1998. *Security: A New Framework for Analysis*. London, Boulder, CO : Lynne Rienner, 247.
- Davidson W.D., Montville J.V. 1981. Foreign Policy According to Freud. *Foreign Policy*, 45: 145–147. doi:10.2307/1148317
- Haas P.M. 1992. Introduction: Epistemic Communities and International Policy. *Coordination. International Organization*, 46(1): 1–35.
- Palmiano Federer. J. 2021. Toward a Normative Turn in Track Two Diplomacy? A Review of the Literature. *Negotiation Journal*, 37.4: 427–450.
- Tuathail G.Ó., Agnew J. 1992. Geopolitics and Discourse. *Political Geography*, 11(2): 190–204.
- Zvarych R.Je., Homens'ka I.V., Segeda O.O. 2023. Determinanty ekonomichnogo partnerstva Ukrai'ny z krai'namy Blyz'kogo Shodu v konteksti rozvytku publichnoi' dyplomatii' [The Determinants of Ukraine's Economic Partnership with the Countries are Close at Once in the Context of the Development of Public Diplomacy]. *Innovacijna ekonomika [Innovative Economics]*, 2-2023: 135–141.
- Madryga T., Krugljuk I. 2025. Politychni ta pravovi aspekty rozvytku publichnoi' dyplomatii' Ukrai'ny v konteksti jevointegracijnyh vyklykiv [The Political and Legal Aspects of the Development of Ukraine's Puritanical Diplomacy in the Context of European Conflicts]. *Visnyk Prykarpats'kogo universytetu. Serija: Politologija [Bulletin of the Carpathian University. Series: Political Science]*, 20: 272–281.
- Myronova M. 2023. Naukova dyplomacija v systemi torgovel'no-ekonomichnyh vidnosyn Ukrai'ny ta Jevropejs'kogo sojuzu [Scientific Diplomacy in the System of Trade and Economic Relations of Ukraine and the European Union]. *Ekonomika ta suspil'stvo [Economy of the Suspension]*, 53. URL: <https://economyandsociety.in.ua/index.php/journal/article/view/2632> (accessed: July 17, 2025).
- Moisejeva T.M. 2023. Kryms'ka platforma: vid idei' do ustanovchogo samitu [The Crimean Platform: From Concept to Founding Summit]. *Vcheni zapysky Tavrijs'kogo nacional'nogo universytetu imeni V.I. Vernads'kogo. Serija: Istorychni nauky [These are the Notes of the Taurian National University named after V.I. Vernadsky. Series: Historical Sciences]*, vol. 34, 1: 106–113.
- Romanenko O.C. 2014. Rol' epistemichnyh spil'not v informacijno-analitychnij dijal'nosti [The Role of Epistemic Pills in Information Analysis]. *Mediaforum: analityka, prognozy, informacijnyj menedzhment [Media Forum: Analytics, Forecasts, Information Management]*, 2: 193–207.
- Halec'ka A.A. 2023. Kul'turna paradyplomacija v systemi strategichnyh komunikacij dlja pisljavojenного vidnovlennja [Cultural Diplomacy in the System of Strategic Communications for Public Renewal]. *Visnyk L'viv's'kogo universytetu. Serija filos.-politolog. studii' [Bulletin of the Lviv University. Philosophical and Political Science Studios Series]*, 45: 125–134.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 20.09.2025

Received: 20.09.2025

Поступила после рецензирования: 20.10.2025

Revised: 20.10.2025

Принята к публикации: 21.11.2025

Accepted: 21.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Онопко Олег Владимирович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия

Oleg V. Onopko, Candidate of Sciences in Politics, Senior Research Fellow, Donetsk State University, Donetsk, Russia

 [ORCID: 0000-0001-5569-8256](https://orcid.org/0000-0001-5569-8256)



УДК 327-334.7

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1018-1029

EDN WOXWMM

Оригинальное исследование

Взаимодействие государства, бизнеса, науки и общества в формировании современной экосистемы

Гюнтер И.Н.¹ , Половнева Л.С.² 

¹⁾ Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116 а;

²⁾ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: eirin@rambler.ru, Lpolovneva@bsuedu.ru

Аннотация. В условиях стремительной цифровизации, глобальных экономических трансформаций и усложнения социальных запросов формирование современной экосистемы развития становится ключевым направлением национальной политики и стратегического планирования. Экосистемный подход, объединяющий различные институты и акторов, позволяет создавать условия для ускоренного генерирования знаний, внедрения инноваций и повышения конкурентоспособности экономики. Центральное место в этом процессе занимает взаимодействие четырёх основных секторов: государства, бизнеса, науки и общества. В статье представлены основные аспекты: рассматриваются теоретические основания экосистемного подхода, включая структуру экосистемных услуг и принципы системной устойчивости; раскрывается роль государства, выражающаяся в нормативном регулировании, финансовой поддержке, контроле качества и кооперации с коммерческим сектором; анализируется участие бизнеса как структурного и технологического ядра экосистем, а также научного сообщества, обеспечивающего методологическую и аналитическую основу управления экосистемными услугами. Особое внимание уделено механизмам межсекторной кооперации, включая модель «тройной спирали», сетевые формы взаимодействия и цифровые платформы. Также обозначены ключевые ограничения интеграции и перспективы дальнейшего развития экосистемы услуг.

Ключевые слова: экосистема; государство, наука, общество, бизнес, правительство, цифровизация, сетевые формы взаимодействия

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Гюнтер И.Н., Половнева Л.С. 2025. Взаимодействие государства, бизнеса, науки и общества в формировании современной экосистемы. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 1018–1029. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1018-1029. EDN: WOXWMM

Interaction between the State, Business, Science, and Society in the Formation of a Modern Ecosystem

Irina N. Gyunter¹ , Ludmila S. Polovneva² 

¹⁾ Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
116a Sadovaya St., Belgorod 308023, Russia;

²⁾ Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod 308015, Russia

E-mail: eirin@rambler.ru, Lpolovneva@bsuedu.ru

Abstract. In the context of rapid digitalization, global economic transformations, and the complexity of social demands, the formation of a modern development ecosystem has become a key focus of national policy and

strategic planning. The ecosystem approach that brings together various institutions and actors creates an environment conducive to the accelerated generation of knowledge, the introduction of innovations, and the enhancement of economic competitiveness. The interaction between the four main sectors – government, business, science, and society – plays a central role in this process. The article presents the main aspects: it discusses the theoretical foundations of the ecosystem approach, including the structure of ecosystem services and the principles of systemic sustainability; it reveals the role of the state, which is expressed in regulatory control, financial support, quality control, and cooperation with the commercial sector; and analyzes the participation of business as the structural and technological core of ecosystems, as well as the scientific community.

Keywords: ecosystem; state, science, society, business, government, digitalization, network forms of interaction

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Gyunter I.N., Polovneva L.S. 2025. Interaction between the State, Business, Science, and Society in the Formation of a Modern Ecosystem. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 1018–1029 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1018-1029. EDN: WOXWMM

Введение

Современная экосистема развития представляет собой сложную многокомпонентную структуру, функционирующую на принципах сетевого взаимодействия, открытости и гибкости. Ее результативность определяется способностью участников обмениваться ресурсами, информацией, технологиями и компетенциями. Однако на практике межсекторное взаимодействие сталкивается с рядом ограничений – институциональных, организационных, финансовых и культурных. Исследование механизмов такого взаимодействия, выявление проблем и обоснование направлений совершенствования позволяют повысить эффективность формирования национальных и региональных экосистем.

Современные трансформации социально экономических систем определяются динамичным развитием технологий, глобализацией экономических процессов и усложнением общественных запросов. В таких условиях возрастают требования к эффективности взаимодействия ключевых акторов развития – государства, бизнеса, научных институтов и гражданского общества. Их координация становится критичным фактором устойчивого роста, формирования инновационной экономики и обеспечения качественного социального развития.

Несмотря на широкое распространение концепции «квадрупольной спирали» (Quadruple Helix), вопросы институциональной согласованности, распределения ролей и механизмов коммуникации между указанными секторами остаются дискуссионными.

Настоящая статья направлена на комплексный анализ современных моделей взаимодействия, выявление ключевых барьеров и обоснование перспективных направлений развития межсекторного сотрудничества.

Объектом исследования является система многоуровневого социально-политического взаимодействия в рамках экосистемы услуг, направленная на достижение общественно значимых целей.

Целью данной исследования является анализ взаимодействия государства, бизнеса, науки и общества в контексте формирования современной экосистемы, а также определение ключевых проблем и перспектив развития межсекторного сотрудничества.

Подходы и методы исследования. Для исследования взаимодействия государства, бизнеса, науки и общества в формировании экосистемы услуг необходима комплексная методология, сочетающая несколько подходов. Основу нашего исследования составляют сетевой и экосистемный подходы. При экосистемном подходе взаимодействие акторов (государство, бизнес, наука, общество) рассматривается как единая сложная, адаптивная и

саморегулирующаяся система. Акцент делается на устойчивости, взаимозависимостях и эволюции системы в условиях цифровизации.

Применение сетевого подхода позволяет анализировать горизонтальные и неиерархические связи между акторами, потоки информации и ресурсов, структуру возникающих объединений.

В процессе исследования применялись следующие методы исследования: Кейс-стади (углубленное изучение конкретной экосистемы услуг в определенном регионе), анализ документов (изучение государственных программ, корпоративных отчетов, научных публикаций и материалов СМИ), социологический опрос (опросы представителей бизнеса, научного сообщества и граждан для измерения уровня доверия, оценки качества взаимодействия и выявления общественных запросов к экосистеме услуг).

Результаты и их обсуждение

В социально-экономическом контексте экосистема понимается как совокупность взаимосвязанных факторов, которые функционируют в общей среде, управляют ресурсами и обеспечивают создание новой ценности.

Экосистемный подход исходно развивался в рамках биологии, однако в XXI веке он стал активно применяться в экономике, управлении, образовании и инновационной политике.

Если в индустриальную эпоху доминировала линейная модель «наука → бизнес → государство», то в современном мире взаимодействие становится сетевым и многополюсным. Устойчивость развития обеспечивается не вертикальными, а горизонтальными связями: между университетами и компаниями, государственными структурами и общественными объединениями, цифровыми платформами и пользователями.

Одной из наиболее признанных теоретических рамок является модель «квадрупольной спирали» (Quadruple Helix), включающая четыре сектора: государство, бизнес, науку и общество. Эта модель демонстрирует устойчивость инноваций только при активном участии всех стейкхолдеров, где общество перестает быть пассивным потребителем, а становится равноправным участником процессов развития.

Функционирование современной экосистемы базируется на принципах, представленных на рисунке 1.

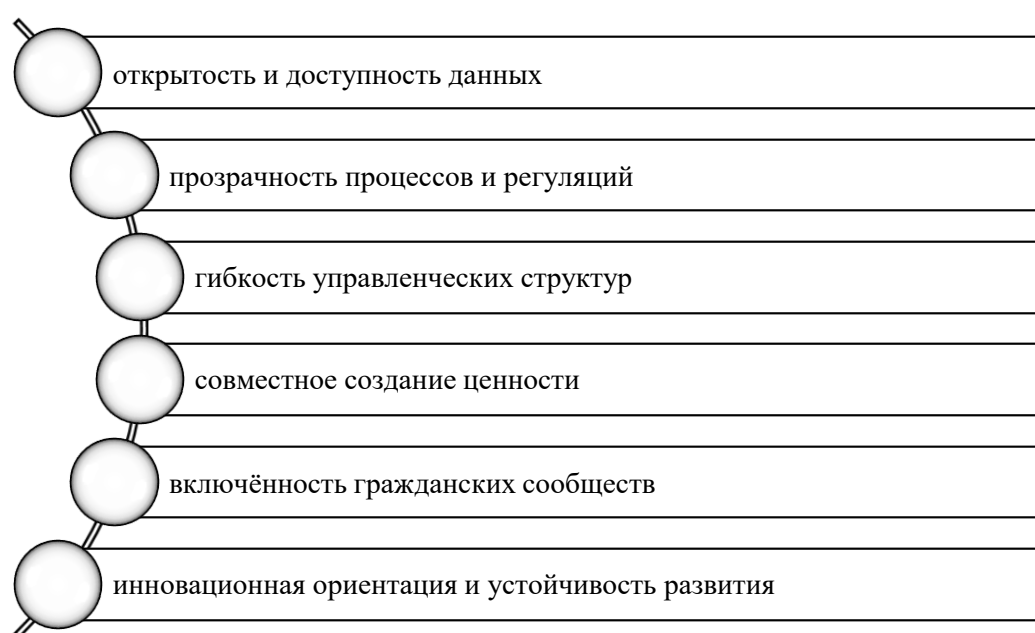


Рис. 1. Принципы экосистемы: государство, бизнес, наука и общество
Fig. 1. Ecosystem Principles: Government, Business, Science, and Society

Государство играет ключевую роль в формировании условий экосистемного взаимодействия. Оно обеспечивает нормативную, финансовую, инфраструктурную и стратегическую основу функционирования всех участников.

Государство создает правила взаимодействия, формирует законы об интеллектуальной собственности, инновационной деятельности, поддержке предпринимательства, научных исследований. Нормативные механизмы обеспечивают защиту прав участников и стимулируют их включение в экосистему.

На национальном уровне государство определяет стратегические направления развития: цифровизацию, поддержку высокотехнологичных отраслей, климатическую повестку, развитие человеческого капитала. В пределах стратегий формируются механизмы грантовой поддержки, национальные проекты, программы модернизации научной инфраструктуры [Кузык, Яковец, 2005].

Государство развивает исследовательские центры, технопарки, НОЦы, инновационные кластеры, образовательные платформы. Инфраструктура способствует формированию устойчивых связей между участниками.

Однако имеются и некоторые ограничения государственной роли, к которым относятся:

- высокие административные барьеры;
- недостаточная координация ведомств;
- низкая скорость внедрения цифровых решений;
- фрагментарность регулирования [Глазьев, 2010].

Бизнес выполняет ключевую роль в коммерциализации научных результатов, создании продуктов и услуг, внедрении инноваций. Компании формируют спрос на научные разработки, инвестируют в исследования, иницируют создание совместных лабораторий, стартапов, программ подготовки кадров.

Современные предприятия создают внутренние инновационные подразделения, корпоративные акселераторы, венчурные фонды. Это позволяет интегрировать внешние разработки и стимулировать участие научных и общественных структур.

ESG-повестка, принципы устойчивого развития и социальные программы позволяют бизнесу устанавливать прочные связи с обществом и государством, участвовать в решении социальных задач.

Тем не менее бизнес как одна из частей экосистемы также имеет недостатки:

- высокий уровень рисков;
- недостаток долгосрочных инвестиций;
- слабое развитие венчурной экосистемы;
- ограниченное участие в научных проектах [Семенкова, 2017].

Теперь рассмотрим науку. Наука является центральным элементом современной экосистемы, обеспечивая создание новых технологий, концепций и методологий.

Университеты становятся многофункциональными комплексами, объединяющими образование, исследования и инновационное предпринимательство. Развиваются научно-образовательные центры, центры компетенций, бизнес-инкубаторы. Системы трансфера технологий, патентные офисы, стартап-студии обеспечивают превращение научных знаний в экономически значимые инновации.

Но и научный сектор имеет ограничения:

- недостаток финансирования фундаментальных исследований;
- разрыв между фундаментальной и прикладной наукой;
- нехватка кадров и старение научных коллективов [Данилин, 2021].

Последняя составляющая экосистемы – общество. Современные экосистемы ориентированы на потребности и инициативы граждан, которые участвуют в формировании спроса, общественной экспертизе и обратной связи.

Социальные запросы формируют направления развития технологий – от цифровых сервисов до экологически устойчивых решений. НКО, волонтерские организации,

профессиональные сообщества участвуют в мониторинге качества услуг, общественных слушаниях, продвижении инновационных практик. Развитие цифровых сервисов позволяет гражданам участвовать в принятии решений, высказывать мнение, взаимодействовать с государством и бизнесом [Любавина, Лебедев, 2025].

Взаимодействие выше перечисленных составляющих образует модели межсекторного взаимодействия:

1. Проектно-ориентированная модель – основана на совместных проектах, где участники распределяют роли и ресурсы. Эффективна в промышленности, городской среде, цифровизации.

2. Экосистемная платформенная модель – цифровые платформы объединяют участников вокруг обмена данными и услугами, ускоряют внедрение технологий.

3. Консорциальная модель – используется в крупных научно-технологических проектах, объединяя исследователей, компании, государственные органы.

4. Региональные инновационные экосистемы – на уровне регионов взаимодействие участников обеспечивается через кластеры, технопарки, НОЦы, акселерационные программы [Никипелов, Полтерович, 2018].

Но даже симбиоз взаимодействия всех составляющих имеет проблемы межсекторного взаимодействия, которые представлены на рисунке 2.

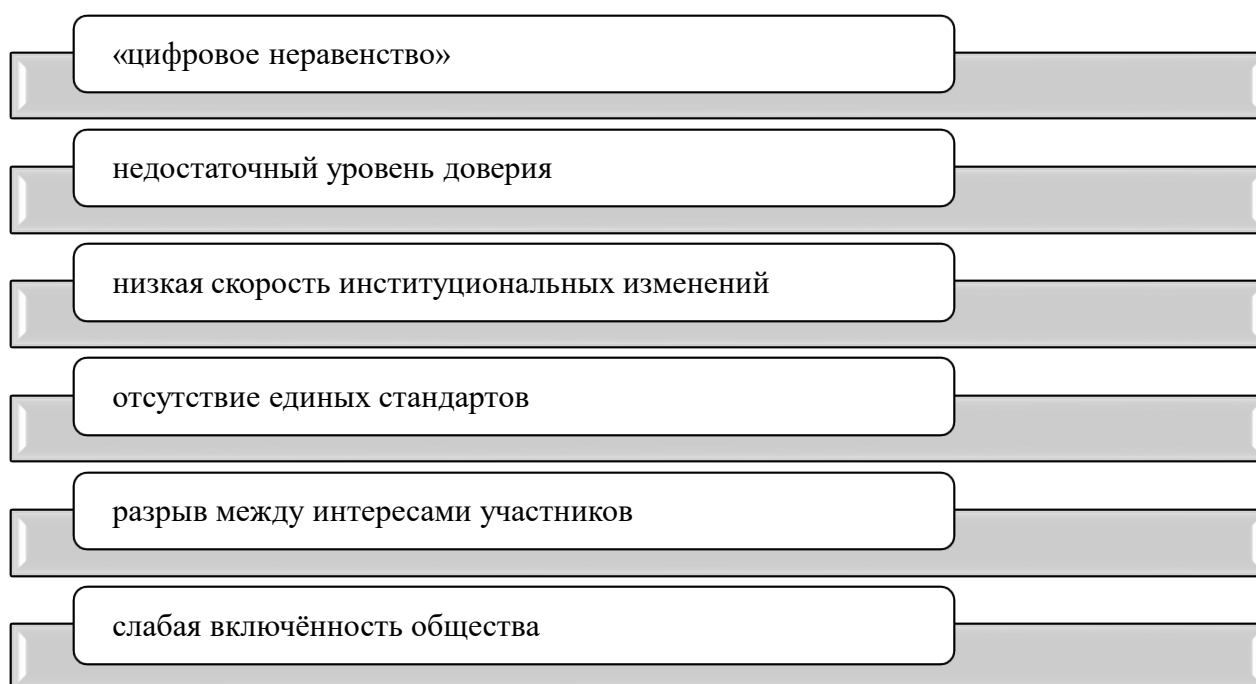


Рис. 2. Проблемы взаимодействия экосистемы: государство, бизнес, наука и общество
Fig. 2. Problems of Ecosystem Interaction: State, Business, Science, and Society

Взаимодействие государства, бизнеса, науки и общества становится центральным элементом формирования инновационной экономики и устойчивого развития. Эффективная координация этих секторов способствует созданию новых технологий, повышению конкурентоспособности, улучшению качества жизни и росту общественного доверия.

Современные условия требуют перехода от формального партнерства к полноформатным, структурированным и гибким моделям сотрудничества, основанным на доверии, прозрачности и совместной ответственности. Перспективы развития межсекторного взаимодействия напрямую связаны с совершенствованием институтов, развитием цифровых платформ и укреплением человеческого капитала.

Следовательно, перспективами развития экосистемного взаимодействия являются:

А. Усиление интеграции данных и цифровизации – открытые данные, национальные платформы и аналитические системы позволяют улучшить качество взаимодействия.

Б. Поддержка инновационного предпринимательства – развитие стартап-экосистем, венчурных фондов, акселераторов повышает вовлеченность бизнеса и науки.

В. Формирование культуры сотрудничества – образовательные программы по проектному управлению, коммуникативные площадки, экспертные сообщества создают устойчивую культуру партнерств.

Г. Международная кооперация – совместные глобальные проекты и исследовательские сети позволяют обмениваться технологиями и знаниями [Малых, Гюнтер, 2016].

Формирование современной экосистемы невозможно без согласованного взаимодействия государства, бизнеса, науки и общества. Комплексное сочетание ресурсов, компетенций и инициатив позволяет создавать устойчивые механизмы развития, обеспечивать инновационную активность и повышать качество жизни населения. Перспективы совершенствования экосистемы связаны с цифровизацией, укреплением институтов, развитием сотрудничества и повышением роли гражданского участия. В совокупности эти направления создают условия для эффективной и конкурентоспособной экономики будущего [Любавина, Лебедев, 2025].

Современное развитие сферы услуг происходит в условиях глубокой цифровизации экономики, что делает вопрос взаимодействия государства, бизнеса и научного сообщества особенно актуальным. Формирование экосистемы услуг, основанной на совместном использовании технологий, нормативных решений и исследовательских разработок, становится ключевым фактором повышения качества и доступности сервисов для населения и организаций. В условиях усиления конкуренции, ускорения технологических изменений и роста требований к эффективности управления возникает необходимость комплексного анализа механизмов кооперации между основными субъектами, влияющими на развитие данной экосистемы.

Экосистемные услуги рассматриваются как фундамент природного капитала территории, который в неявной форме включён в деятельность всех хозяйствующих субъектов и оказывает влияние на функционирование экономических систем. Структура экосистемных услуг приобрела устойчивое научное обоснование и подразделяется на несколько категорий. *Обеспечивающие услуги* выступают первичным слоем природного капитала, определяя материальную основу существования человека: вода, пищевые ресурсы, природное сырьё, лекарственные компоненты, топливные ресурсы и иные материальные элементы природы, вовлечённые в производство и бытовые процессы. *Регулирующие услуги* выполняют иную функцию – они поддерживают экологическое равновесие, участвуют в естественном очищении воды, формировании почвенного слоя, регулировании газового состава атмосферы и биогеохимической переработке отходов. Наряду с ними выделяют *культурные услуги*, которые выражаются в предоставлении человеку нематериальных благ – эстетических, рекреационных, духовных, образовательных. Ценность природных ландшафтов, уникальных природных объектов и территорий отдыха является одним из проявлений таких услуг.

Если экосистемные услуги раскрывают содержательную сторону природных основ, то структурная организация экосистемы отражает многообразие субъектов, вовлечённых в её функционирование. Экосистема как социально-экономическое образование состоит из разнообразных акторов: хозяйствующих организаций, поставщиков и потребителей услуг, конкурирующих структур, собственников, инвесторов, а также государственных, муниципальных и общественных институтов. Все они объединены сетью взаимных зависимостей, ресурсных потоков и механизмов координации. В таком понимании экосистема не сводится к простому набору элементов: она представляет собой целостную

форму организации, устойчивость которой определяется взаимодействием субъектов [Нурдинов, 2024].

Стабильное существование любой сложной системы определяется не свойствами её отдельных компонентов, а режимом их взаимосвязанного функционирования. В работах А.А. Богданова, посвящённых теории равновесия, подчёркивается, что устойчивость сложных образований формируется тогда, когда разнонаправленные интересы и действия субъектов не подавляют, а взаимно уравнивают друг друга [Богданов, 1989]. Отсюда следует, что экосистема может сохранять целостность лишь при непрерывном согласовании поведения участников: малейшее смещение баланса в одном из её звеньев инициирует последовательность нарушений, способных ослабить всю структуру. Тем самым устойчивость предстает не фиксированным состоянием, а динамическим процессом, поддерживаемым посредством постоянной координации и взаимного контроля.

В зарубежной научной традиции экосистемный подход рассматривается как долгосрочная стратегия природоресурсного управления, предполагающая переход от разрозненных решений к комплексной модели, ориентированной на сохранение ресурсов, их рациональное использование и обеспечение справедливого распределения возникающих благ. В основе подхода лежит необходимость учитывать длительные экологические, социальные и экономические последствия принимаемых мер [Любавина, Лебедев, 2025].

Государство, формируя современную экосистему услуг, действует сразу по нескольким направлениям, каждое из которых опирается на собственный набор функций: регулятивных, финансовых, контрольных и координационных [Титов, 2024]. Через совокупность этих механизмов создаются условия, позволяющие экосистемам расширять перечень сервисов, совершенствовать внутренние процессы и одновременно поддерживать конкурентность среды.

Регулятивная составляющая образует базовый контур экосистемного функционирования. Разработка правил, определяющих специфику развития национальных платформенных решений и порядок их продвижения на внутреннем и международном рынках, формирует основу данного контура. Налоговые стимулы, режимы преференций и иные правовые инструменты направлены на повышение активности локальных участников и появление новых игроков. При этом для структур с государственным участием устанавливаются специальные стандарты, призванные ограничить использование их институциональных преимуществ в ущерб рыночной конкуренции. Особый блок регулирования касается вопросов управления данными – как внутри экосистем, так и за их пределами. Требования к защите информации, прозрачности её обращения и минимизации рисков несанкционированного доступа становятся центральными ориентирами в этой сфере.

Финансовая политика государства проявляется в инвестировании и бюджетном сопровождении программ, направленных на развитие отраслей услуг: туризма, образования, коммунального хозяйства и др. Размещение государственных заказов через контрактную систему формирует устойчивый спрос на услуги организаций, а участие государства в создании цифровой инфраструктуры обеспечивает технические условия для функционирования платформенных сервисов. Одновременно государственные контрольные механизмы позволяют фиксировать отклонения от стандартов качества и обеспечивать равный доступ участников к цифровым ресурсам.

Отдельное направление государственной деятельности связано с формированием партнёрских механизмов взаимодействия с бизнесом. Посредством координации функций и стимулирования частной инициативы государство способствует расширению совместных проектов и повышению эффективности участия бизнеса в формировании экосистем услуг.

Бизнес, в свою очередь, выполняет ключевую роль в структурировании экосистем услуг, интегрируя компании, цифровые сервисы и технологические решения в единую

архитектуру. Подобные экосистемы формируют пространство, где потребности пользователя удовлетворяются через единый интерфейс, что обеспечивает удержание клиента внутри системы и целенаправленное расширение доступных сервисов [Попов, Симонова, Новоселова, 2024].

Расширение клиентской базы, рост объёмов реализации, коллективное использование технологических и организационных ресурсов, а также усиление инновационной активности – именно эти факторы рассматриваются как главные эффекты участия в экосистемах, хотя проявляются они не изолированно, а как следствие интеграции разнородных элементов. В совокупности они приводят к укреплению устойчивости бизнеса и образованию новых механизмов продвижения услуг.

Представление о бизнес-экосистеме складывается не из одного определяющего признака, а из совмещённости нескольких элементов: цифровые сервисы, объединённые вокруг корпоративного ядра, функционируют в рамках общей инфраструктуры, доступ к которой осуществляется через единую идентификационную систему. Формирование таких структур происходит либо как результат внутреннего расширения корпоративных сервисов, либо посредством объединения автономных организаций, создающих комплексные предложения.

Функциональная дифференциация экосистем позволяет выделить горизонтальные, вертикальные и нишевые модели, причём различия между ними основаны не на размере, а на характере предлагаемых услуг. Первые интегрируют разнотипные сервисы; вторые структурируются вокруг одной отрасли; третьи формируются малыми и средними предприятиями, ориентированными на локальные потребности. Их развитие обусловлено технологической интеграцией, стратегиями объединения сервисов и использованием инструментов персонализации, основанных на анализе потребительского поведения.

Проиллюстрировать данную архитектуру позволяют крупные международные и национальные экосистемы, где множество сервисов соединено в единую функциональную конфигурацию, поддерживаемую унифицированной системой авторизации, обеспечивающей непрерывность пользовательского взаимодействия [Порфирьев, 2020].

Научное сообщество, будучи включённым в формирование экосистемного подхода, выполняет функции концептуализации, аналитического сопровождения и кадрового обеспечения. В центре его внимания находятся экосистемные услуги как совокупность природных благ, возникающих в результате функционирования экологических систем и определяющих качество жизни населения.

Именно учёные формируют методологические основания анализа: они выделяют структурные элементы экосистемных услуг, исследуют их функциональные связи и оценивают последствия антропогенных преобразований. Сценарное моделирование динамики природных систем, картографирование территорий с высокой экологической значимостью и разработка унифицированных международных классификационных систем – лишь часть направлений, обеспечивающих возможность стратегического управления природными ресурсами.

Методологический инструментарий науки охватывает построение экономических моделей оценки экологических благ, методы измерения общественной значимости услуг с опорой на субъективные предпочтения населения, а также создание динамических схем, позволяющих соотнести изменения в экосистемах с социально-экономическими процессами.

В образовательной сфере научное сообщество выступает как институт подготовки специалистов, владеющих инструментами анализа, моделирования и управления экосистемными услугами. Университетские программы и специализированные проекты обеспечивают формирование профессиональных компетенций, необходимых для экологического менеджмента и охраны природных территорий [Лапин, 2019].



Итогом этой деятельности становится формирование научно обоснованной методологии экосистемного подхода, поддержка политики устойчивого развития и институционализация профессиональной практики управления экосистемными услугами.

Функционирование современной экосистемы услуг обусловлено не локальными технологическими изменениями, а ростом системной сложности институциональной и социальной среды, что делает невозможным её развитие вне координации государства, бизнеса и научного сообщества. Данные акторы уже не выступают самостоятельными центрами, а формируют взаимопроникающую конфигурацию, объединённую нормативно закреплёнными механизмами сотрудничества и создающую базу для инновационного развития [Ежак, 2024].

Необходимость институциональной кооперации особенно заметна там, где требуются крупные ресурсы – финансовые, исследовательские и технологические. В подобных условиях консорциумы и сетевые проектные объединения становятся не вспомогательными, а системообразующими формами организации совместной работы. Именно в их рамках распределяются функции между участниками, а научный потенциал, предпринимательская активность и государственные регулятивные инструменты интегрируются в единый проектный контур. Этому же ряду принадлежит и государственно-частное партнёрство, в котором совмещаются капитальные вложения, институциональная поддержка и экспертные возможности науки [Баева, 2020].

Однако даже наличие институциональной зрелости не снимает структурных противоречий. Несогласованность стратегических установок составляющих, тенденции к монополизации цифровых платформ, дисбаланс в доступе к данным и устойчивый дефицит междисциплинарных кадров ограничивают потенциал экосистемы и ведут к формированию барьеров, которые затрудняют полноценную реализацию инновационной модели.

Заключение

Вектор дальнейшего развития связывается с интенсификацией интеграционных процессов, расширением платформенных форм коллективного управления и укреплением роли научной экспертизы в государственном стратегическом планировании. Приоритетными становятся направления, ориентированные на использование интеллектуальных систем анализа данных, укрепление цифрового суверенитета, создание многоуровневых регулятивных конструкций, обеспечивающих равновесие интересов акторов и включённость всех субъектов в инновационную деятельность.

Следовательно, современная экосистема услуг представляет собой сложную многослойную систему, где государство, бизнес и научное сообщество не просто взаимодействуют, а образуют структуру взаимных зависимостей. Консорциумы, сетевые формы кооперации, государственно-частные партнёрства, цифровые платформы и методология «тройной спирали» создают теоретическую и организационную основу инновационных процессов. Снятие выявленных ограничений и последующее укрепление интеграционных механизмов определяют траекторию дальнейшей эволюции экосистемы услуг.

Список источников

- Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 24.06.2025). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Федеральный закон Российской Федерации от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 27.10.2025). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

- Федеральный закон Российской Федерации от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (в ред. от 24.06.2025). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
- Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71670570/>
- Указ Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru>

Список литературы

- Баева Л.В. 2020. Экосистемный подход в управлении развитием регионов. Управленческие науки, 10(2): 45–56.
- Богданов А.А. 1989. Тектология: всеобщая организационная наука: в 2 кн. М., Экономика, 1: 303 с., 2: 350 с.
- Глазьев С.Ю. 2010. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 304 с.
- Гюнтер И.Н. 2018. Сущность процессов слияния и поглощения в РФ. Социально-экономические и естественно-научные парадигмы современности. Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции: в 2х частях. Ростов н/Д: Южный университет: 529–532.
- Данилин И.В. 2021. Инновационная политика в России: современные вызовы и инструменты развития. Вопросы экономики, 7: 112–130.
- Дахова З.И., Гюнтер И.Н., Серова Е.Г. 2021. Графический метод технического анализа прогнозирования цен на рынках. Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права, 4(89): 138–147.
- Ежак Е.В. 2024. Об особенностях формирования и функционирования экосистем в экономике сферы услуг. Естественно-гуманитарные исследования, 6(56): 295–298.
- Иноземцев В.Л. 2018. Несовременная страна. М., Альпина Паблишер, 368 с.
- Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. 2005. Россия: стратегия инновационного прорыва. М., Институт экономических стратегий, 512 с.
- Лапин Н.И. 2019. Гражданское общество и модернизация: социологический анализ. М., Наука, 280 с.
- Любавина С.В., Лебедев О.Н. 2025. Цифровая трансформация российской экономики: взаимодействие бизнеса, государства и общества в современных условиях. Вестник сибирского института бизнеса и информационных технологий, 14(3): 79–85.
- Малых М.С., Гюнтер И.Н. 2016. Формирование механизма государственного регулирования финансирования интеграционных процессов в аграрной сфере. Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права, 3(59): 170–179.
- Молчанова Л.А., Хохлова С.В., Басова Н.В., Гюнтер И.Н. 2019. Влияние глобализационных процессов на развитие отечественного финансового рынка. Финансовая экономика, 4: 1145–1151.
- Никипелов А.Д., Полтерович В.М. 2018. Инновационная экономика и механизмы её формирования. Экономика и математические методы. 54(3): 5–19.
- Нурдинов Б.Х. 2024. Основные принципы формирования и развития региональной инновационной экосистемы. Вестник таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук, 101(4): 118–127.
- Попов Е.В., Симонова В.Л., Новоселова Н.В. 2024. Принципы формирования экосистемы фирмы на основе платформенных социально-экономических взаимодействий. Управленческие науки. 14(3): 50–63.
- Порфирьев Б.Н. 2020. Устойчивое развитие и инновации: взаимосвязи и перспективы. Проблемы прогнозирования, 4: 28–41.
- Сандлэр Т. 2010. Теория общественного выбора. М., Университетская книга, 416 с.
- Семенкова Т.Г. 2017. Экономическое развитие России: проблемы и перспективы: коллективная монография. Т.Г. Семенкова, О.А. Репушевская, И.Н. Гюнтер и др.] / под общей ред. Н.А. Адамова. М., ЭКЦ «Профессор», 2017, 421 с.
- Титов И.А. 2024. Теоретические подходы к развитию концепции экосистемы в экономике. Вестник Института экономики Российской академии наук, 4: 26–46.



References

- Baeva L.V. 2020. Ekosistemnyj podhod v upravlenii razvitiem regionov [Ecosystem Approach to Regional Development Management]. *Upravlencheskie nauki* [Management sciences], 10(2): 45–56.
- Bogdanov A.A. 1989. Tektologiya: vseobshchaya organizacionnaya nauka [Tectology: a General Organizational Science]: v 2 kn. M., Ekonomika, 1: 303 s., 2: 350 s.
- Glaz'ev S.Yu. 2010. Strategiya operezhayushchego razvitiya Rossii v usloviyah global'nogo krizisa [Russia's Advanced Development Strategy in the Context of the Global Crisis]. M.: Ekonomika, 304 s.
- Gyunter I.N. 2018. Sushchnost' processov sliyaniya i pogloshcheniya v RF. Social'no-ekonomicheskie i estestvenno-nauchnye paradigmy sovremennosti [The Nature of Mergers and Acquisitions in the Russian Federation. Contemporary Socio-Economic and Scientific Paradigms]. *Materialy XIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2h chastyah*. Rostov n/D: Yuzhnyj universitet: 529–532.
- Danilin I.V. 2021. Innovacionnaya politika v Rossii: sovremennyye vyzovy i instrumenty razvitiya [Innovation Policy in Russia: Current Challenges and Development Tools]. *Voprosy ekonomiki* [Economic issues], 7: 112–130.
- Dahova Z.I., Gyunter I.N., Serova E.G. 2021. Graficheskij metod tekhnicheskogo analiza prognozirovaniya cen na rynkah [Graphical Method of Technical Analysis for Forecasting Prices in the Markets]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, ekonomiki i prava* [Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law], 4(89): 138–147.
- Ezhak E.V. 2024. Ob osobennostyah formirovaniya i funkcionirovaniya ekosistem v ekonomike sfery uslug [On the Features of the Formation and Functioning of Ecosystems in the Service Economy]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural Sciences and Humanities Research], 6(56): 295–298.
- Inozemcev V.L. 2018. Nesovremennaya strana [Not a Modern Country]. M., Al'pina Publisher, 368 s.
- Kuzyk B.N., Yakovec Yu.V. 2005. Rossiya: strategiya innovacionnogo proryva [Russia: A Strategy for Innovative Breakthrough]. M., Institut ekonomicheskikh strategij, 512 s.
- Lapin N.I. 2019. Grazhdanskoe obshchestvo i modernizaciya: sociologicheskij analiz [Civil Society and Modernization: A Sociological Analysis]. M., Nauka, 280 s.
- Lyubavina S.V., Lebedev O.N. 2025. Cifrovaya transformaciya rossijskoj ekonomiki: vzaimodejstvie biznesa, gosudarstva i obshchestva v sovremennykh usloviyah [Digital Transformation of the Russian Economy: Interaction between Business, Government, and Society in Modern Conditions]. *Vestnik sibirskogo instituta biznesa i informacionnykh tekhnologij* [Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies], 14(3): 79–85.
- Malyh M.S., Gyunter I.N. 2016. Formirovanie mekhanizma gosudarstvennogo regulirovaniya finansirovaniya integracionnykh processov v agrarnoj sfere [Formation of a Mechanism for State Regulation of Financing of Integration Processes in the Agricultural Sector]. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, ekonomiki i prava* [Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law], 3(59): 170–179.
- Molchanova L.A., Hohlova S.V., Basova N.V., Gyunter I.N. 2019. Vliyanie globalizacionnykh processov na razvitie otechestvennogo finansovogo rynka [The Impact of Globalization Processes on the Development of the Domestic Financial Market]. *Finansovaya ekonomika* [Financial economics], 4: 1145–1151.
- Nikipelov A.D., Polterovich V.M. 2018. Innovacionnaya ekonomika i mekhanizmy eyo formirovaniya [Innovative Economy and Mechanisms of its Formation]. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods], 54(3): 5–19.
- Nuridinov B.H. 2024. Osnovnye principy formirovaniya i razvitiya regional'noj innovacionnoj ekosistemy [Basic Principles of Formation and Development of a Regional Innovation Ecosystem]. *Vestnik tadzhikskogo gosudarstvennogo universiteta prava, biznesa i politiki. Seriya obshchestvennykh nauk*, 101(4): 118–127.
- Popov E.V., Simonova V.L., Novoselova N.V. 2024. Principy formirovaniya ekosistemy firmy na osnove platformennykh social'no-ekonomicheskikh vzaimodejstvij [Principles of Forming a Company Ecosystem Based on Platform Socio-Economic Interactions]. *Upravlencheskie nauki* [Management sciences], 14(3): 50–63.
- Porfir'ev B.N. 2020. Uстойchivoe razvitie i innovacii: vzaimosvyazi i perspektivy [Sustainable Development and Innovation: Linkages and Prospects]. *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting Problems], 4: 28–41.

- Sandler T. 2010. *Teoriya obshchestvennogo vybora* [Public Choice Theory]. M., Universitetskaya kniga, 416 s.
- Semenkova T.G. 2017. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii: problemy i perspektivy: kollektivnaya monografiya*. T.G. Semenkova, O.A. Repushevskaya, I.N. Gyunter i dr.] / pod obshchej red. N.A. Adamova. M., EKC «Professor», 2017, 421 s.
- Titov I.A. 2024. *Teoreticheskie podhody k razvitiyu koncepcii ekosistemy v ekonomike* [Theoretical Approaches to the Development of the Ecosystem Concept in Economics]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], 4: 26–46.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 19.09.2025

Received: 19.09.2025

Поступила после рецензирования: 23.10.2025

Revised: 23.10.2025

Принята к публикации: 21.11.2025

Accepted: 21.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Гюнтер Ирина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и таможенных доходов, Белгородский университет кооперации, экономики и права, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-0142-3606](https://orcid.org/0000-0003-0142-3606)

Irina N. Gyunter, Candidate of Sciences in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Finance and Customs Revenues, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

Половнева Людмила Сергеевна, кандидат политических наук, доцент кафедры российской истории и документоведения, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

 [ORCID: 0000-0003-3537-9084](https://orcid.org/0000-0003-3537-9084)

Lyudmila S. Polovneva, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor of the Department of Russian History and Records Management, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia



УДК 327

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1030-1039

EDN: XEYATW

Оригинальное исследование

Влияние позиций Китая и Турции в Центральной Азии на стратегические интересы России в регионе

Шангараев Р.Н. , Ивочкина А.С. 

Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Россия, 119021, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2, стр. 1

E-mail: shang143@mail.ru, petukhova-anna@mail.ru

Аннотация. Современная трансформация системы международных отношений оказывает значительное влияние на перераспределение стратегических приоритетов ключевых акторов в Центральной Азии. Несмотря на активное изучение роли России, Китая и Турции в регионе, остаются недостаточно исследованными механизмы адаптации российской внешней политики к новым геополитическим реалиям, включая усиление экономического и политического присутствия Китая и Турции. Целью исследования является анализ стратегических интересов России в Центральной Азии в условиях меняющейся архитектуры международных отношений с учетом растущего влияния Китая и Турции. В работе использованы методы системного анализа, сравнительного исследования и контент-анализа официальных документов, статистических данных и экспертных оценок. Основные результаты исследования включают выявление ключевых направлений трансформации российской политики в регионе; оценку форм взаимодействия и конкуренции между Россией, Китаем и Турцией; определение перспектив сохранения российского влияния в Центральной Азии. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории международных отношений и могут быть использованы для разработки стратегических решений в области внешней политики России.

Ключевые слова: Центральная Азия, геополитические интересы, Россия, Китай, Турция, евразийская интеграция, региональная безопасность, «Один пояс, один путь», пантюркизм, ЕАЭС

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. 2025. Влияние позиций Китая и Турции в Центральной Азии на стратегические интересы России в регионе. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 1030–1039. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1030-1039. EDN: XEYATW

The Influence of China's and Turkey's Positions in Central Asia on Russia's Strategic Interests in the Region

Ruslan N. Shangaraev , Anna S. Ivochkina 

The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
53/2, building 1, Ostozhenka St., Moscow 119021, Russia

E-mail: shang143@mail.ru, petukhova-anna@mail.ru

Abstract. The transformation of the international relations system significantly impacts the redistribution of strategic priorities among key actors in Central Asia. Despite active research on the roles of Russia, China, and Turkey in the region, the mechanisms of Russia's foreign policy adaptation to new geopolitical realities, including the growing economic and political presence of China and Turkey, remain understudied. The study aims to analyze Russia's strategic interests in Central Asia amid the changing international relations architecture, considering the increasing influence of China and Turkey. The research employs systemic analysis, comparative study, and content analysis of official documents, statistical data, and expert assessments. Key findings include: identifying the main directions of Russia's policy transformation in the

region; assessing the forms of interaction and competition among Russia, China, and Turkey; determining the prospects for maintaining Russia's influence in Central Asia. The results contribute to the theory of international relations and can inform strategic decision-making in Russia's foreign policy.

Keywords: Central Asia, geopolitical interests, Russia, China, Turkey, Eurasian integration, regional security, "One Belt, One Road", pan-Turkism, EAEU

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Shangaraev R.N., Ivochkina A.S. 2025. The Influence of China's and Turkey's Positions in Central Asia on Russia's Strategic Interests in the Region. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 1030–1039 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1030-1039. EDN: XEYATW

Введение

Современная архитектура международных отношений характеризуется переходом к полицентричной модели, сопровождающимся перераспределением зон влияния и изменением баланса сил. В этом контексте Центральная Азия, сохраняя свою стратегическую значимость как перекресток интересов ведущих мировых игроков, становится пространством для реализации конкурирующих проектов регионального развития.

Анализ существующих исследований (Лузянин, 2021; Тренин, 2022) свидетельствует о недостаточной проработке вопросов адаптации российской внешнеполитической стратегии к новым вызовам, связанным с усилением экономического присутствия Китая через механизмы инициативы «Один пояс, один путь» и активизацией Турции в рамках тюркской интеграционной повестки. При этом сохраняется дефицит комплексных исследований, рассматривающих взаимодействие этих трех акторов в едином методологическом ключе.

Целью исследования является выявление ключевых векторов трансформации стратегических интересов России в Центральной Азии в условиях изменения регионального баланса сил.

Структура статьи включает анализ современной геополитической конфигурации в Центральной Азии, оценку стратегических приоритетов России, Китая и Турции, а также прогноз развития ситуации в регионе. Полученные результаты позволяют переосмыслить традиционные подходы к пониманию роли России в Центральной Азии и предлагают новые векторы для стратегического планирования.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает система международных отношений в Центральной Азии в контексте её трансформации и влияния на стратегические интересы России. В фокусе анализа находятся политические, экономические и военно-стратегические аспекты взаимодействия России с государствами региона, а также растущая роль Китая и Турции, чьи действия формируют новые вызовы и возможности для российской внешней политики.

Методы исследования включают:

Системный анализ – для рассмотрения Центральной Азии как целостного геополитического пространства, где пересекаются интересы ключевых акторов.

Сравнительно-исторический метод – для выявления эволюции стратегий России, Китая и Турции в регионе и оценки динамики их влияния.

Контент-анализ официальных документов, выступлений политических лидеров и экспертных оценок – с целью определения ключевых векторов политики РФ, КНР и Турции в Центральной Азии.

Статистический анализ данных по торгово-экономическому и инвестиционному сотрудничеству – для оценки степени вовлеченности внешних игроков в регион.

Комплексное применение этих методов позволяет выявить основные тенденции трансформации международных отношений в регионе и определить оптимальные пути защиты и продвижения стратегических интересов России.

Результаты и их обсуждение

Стратегические геополитические интересы России, Китая и Турции в Центрально-Азиатском регионе

Центральная Азия остается зоной пересечения стратегических интересов трех ключевых региональных игроков – России, Китая и Турции, каждый из которых проводит в регионе собственную линию, отражающую их глобальные амбиции и региональные приоритеты.

Для России Центральная Азия сохраняет статус зоны стратегических интересов, что обусловлено тремя ключевыми факторами. В военно-политической сфере Москва поддерживает доминирующие позиции через военные базы в Кыргызстане (Кант) и Таджикистане (201-я РВБ), реализует функции безопасности через ОДКБ (что наглядно продемонстрировала операция в Казахстане в 2022 году), а также активно противодействует угрозам терроризма и наркотрафика из Афганистана. В экономическом плане Россия сохраняет контроль над ключевыми энергетическими и транспортными коридорами через механизмы ЕАЭС, регулирует значительные потоки трудовой миграции (до 4 млн трудовых мигрантов из ЦА в РФ) и сохраняет доминирующие позиции в газотранспортной системе региона. Идеологическое влияние Москвы проявляется в продвижении концепции «Большой Евразии», поддержке русскоязычного образовательного пространства и противодействии так называемым «цветным революциям» [Ивочкина, Шангараев, Ногмова, 2024].

Китайская стратегия в регионе представляет собой многоуровневую систему, сочетающую экономическую экспансию, политико-безопасностные интересы и технологическое проникновение. Экономическая экспансия Пекина выражается в масштабных инвестициях в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (превысивших \$50 млрд в ЦА к 2023 году), контроле над 40 % газового экспорта Туркменистана и активном строительстве транспортных коридоров «Китай – Европа». В политико-безопасностной сфере Китай через ШОС противодействует уйгурскому сепаратизму, стабилизирует афганское направление и создает альтернативные финансовые институты (такие как АБИИ). Технологическое проникновение проявляется во внедрении стандартов 5G через Huawei и развитии «Цифрового Шелкового пути» [Ивочкина, 2023].

Турция, в свою очередь, реализует в регионе стратегию «мягкой силы», делая акцент на культурно-исторических связях, экономическом сотрудничестве и военно-техническом партнерстве. Культурно-исторический аспект включает продвижение пантюркизма через организацию ТЮРКСОЙ и поддержку образовательных программ (сети школ и лицеев). Экономическое сотрудничество Анкары с регионом достигло товарооборота в \$10 млрд (2023) с акцентом на инвестиции в текстильную и пищевую промышленность. В военной сфере Турция наращивает поставки ударных БПЛА (Байрактар ТВ2) и проводит совместные учения с тюркоязычными странами.

Конкурентное взаимодействие трех акторов создает сложную систему балансов, где Россия сохраняет военно-политическое доминирование, Китай наращивает экономическое влияние, а Турция расширяет культурное присутствие. Такая конфигурация требует от центральноазиатских стран проведения гибкой многовекторной политики, позволяющей извлекать максимальные выгоды из конкуренции великих держав при сохранении собственного суверенитета и независимости. Особенностью текущего этапа является усиление экономического веса Китая при сохранении российского военно-политического присутствия и растущей турецкой культурной экспансии, что создает сложную мозаику взаимовлияний в регионе [Ивочкина, 2023].

*«Евразийский регион» и «государства ближнего зарубежья» выделены
как направления внешней политики России*

Глобализация и активность внерегиональных акторов, таких как США, ЕС, Китай и Турция, радикально трансформируют геополитическую архитектуру Евразии, стирая традиционные

границы и пересматривая иерархию региональных приоритетов. Классическое понимание государственных суверенитетов уступает место гибридным моделям взаимодействия, где интеграционные объединения (ЕАЭС, ШОС, ОДКБ), транснациональные коридоры («Один пояс, один путь», Транскаспийский маршрут) и даже неправительственные структуры становятся равноправными участниками системы. Это новое региональное пространство включает не только государства, но и «серые зоны» влияния, где пересекаются интересы глобальных и локальных игроков. Например, китайские инфраструктурные инвестиции или турецкие культурные инициативы создают альтернативные центры силы, конкурирующие с традиционным доминированием России. В таких условиях Центральная Азия превращается в полигон для апробации многополярности, где старые союзы пересматриваются, а безопасность становится товаром, на который претендуют несколько поставщиков [Карпович, Шангараев, 2021].

Для России, столкнувшейся с беспрецедентным давлением коллективного Запада, Центральная Азия приобретает стратегическое значение как буферная зона и ресурсная база. Уроки «цветных революций» в Киргизии (2005, 2010, 2020 гг.) и Андижанских событий в Узбекистане (2005 г.), когда внешнее вмешательство дестабилизировало пророссийские режимы, заставили Москву перейти от реактивной к превентивной политике. Акцент сместился на создание механизмов «управляемой стабильности»: через ОДКБ Россия гарантирует военную поддержку (как в Казахстане в 2022 г.), а через ЕАЭС – экономическую привязку стран региона, контролируя миграционные потоки, транзит энергоресурсов и доступ к рынкам. Однако эта стратегия сталкивается с вызовами. Китай, предлагая альтернативные инвестиции без политических условий, и Турция, экспортирующая пантюркизм как идеологию мягкой силы, расшатывают монополию Москвы. Даже лояльные партнёры, как Казахстан, диверсифицируют внешнюю политику, участвуя в турецких культурных проектах или китайских транспортных инициативах, что заставляет Россию балансировать между давлением и уступками [Ногмов, Ивочкина, 2023].

При этом безопасность в регионе всё чаще определяется не военной мощью, а способностью контролировать информационные и экономические потоки. Запад, используя НПО и цифровые платформы, продвигает демократизацию как инструмент влияния, тогда как Россия отвечает ужесточением законодательства о «иностранных агентах» в странах-союзнницах и созданием общих медиаресурсов на русском языке. Однако главным козырем Москвы остаётся её роль «гаранта последней инстанции» – готовность напрямую вмешиваться в кризисы, как это было в Казахстане, где операция ОДКБ не только подавила беспорядки, но и продемонстрировала пределы суверенитета центральноазиатских государств. Эта модель, однако, хрупка: растущая зависимость от Китая в экономике и необходимость считаться с турецкими амбициями заставляют Россию лавировать, сочетая жёсткость в вопросах безопасности с гибкостью в дипломатии [Ногмов, Шангараев, 2018].

Таким образом, трансформация евразийской геополитики под влиянием глобализации формирует парадоксальную реальность, где Центральная Азия одновременно становится и щитом России против западной экспансии, и ареной конкуренции новых центров силы. Успех Москвы зависит от её способности переформатировать интеграционные проекты в условиях, когда традиционные методы контроля уступают место сложным симбиозам экономических, культурных и цифровых влияний.

Новая геополитическая конфигурация: Китай и Турция в Центральной Азии на фоне украинского кризиса

Украинский кризис 2022 года стал катализатором трансформации геополитического ландшафта Центральной Азии, создав уникальные возможности для усиления позиций Китая и Турции в регионе. На фоне международной изоляции России и ужесточения санкционного режима страны Центральной Азии были вынуждены ускорить процесс диверсификации внешнеполитических связей, что привело к пересмотру традиционных моделей взаимодействия и формированию новых стратегических альянсов.



Турция, искусно используя этнокультурную карту, значительно усилила свое присутствие в регионе через механизмы мягкой силы. Организация тюркских государств превратилась в эффективный инструмент анкарской политики, объединив под своей эгидой Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. Образовательные проекты, включая сеть турецких лицеев и университетов (таких как Международный университет Ала-Тоо в Бишкеке), создают прочную основу для долгосрочного влияния на элиты региона. Особенно показателен рост медиавоздействия через телеканал TRT Avaz, чья аудитория в Центральной Азии за 2022–2023 годы увеличилась на 40 % [Ногмова, Ивочкина, 2024].

Энергетическая стратегия Турции претерпела значительную трансформацию после начала украинского кризиса. Транс-Каспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ) приобрел новое значение как альтернатива российским транспортным артериям, при этом объем грузоперевозок по этому направлению в 2023 году вырос втрое. Углубление сотрудничества с Азербайджаном в рамках газового коридора TANAP позволило Анкаре позиционировать себя как ключевого посредника между Центральной Азией и Европой, особенно в условиях сокращения поставок российского газа [Шангараев, Ивочкина, 2024].

Китай, напротив, сделал ставку на экономическую экспансию, используя ослабление российских позиций для укрепления своих проектов в рамках BRI. Железнодорожный проект Китай – Кыргызстан – Узбекистан, находившийся в стагнации более десяти лет, получил новый импульс – в 2023 году стороны наконец подписали соглашение о начале строительства. Модернизация казахстанского порта Актау превратила его в ключевой узел китайской торговли с Каспийским регионом с ростом грузооборота на 65 % за последний год.

Энергетическое сотрудничество Пекина с регионом достигло беспрецедентного уровня: через газопровод Центральная Азия – Китай теперь поступает 28 % всего китайского газового импорта (против 22 % в докризисный период). Китайские компании установили контроль над 35 % добычи нефти в казахстанском секторе Каспия, а долг Кыргызстана перед КНР к 2023 году достиг критических 51 % ВВП.

Центральноазиатские страны демонстрируют удивительную гибкость в новых условиях. Казахстан, сохраняя членство в ОДКБ, одновременно активизировал сотрудничество с НАТО через турецкие программы военного образования. Узбекистан, оставаясь ключевым партнером России в сфере безопасности, переориентировал 40 % своего экспорта на китайское направление. Эта многовекторная политика, однако, несет серьезные риски – нарастающая зависимость от китайских инвестиций и турецкого идеологического влияния может со временем ограничить реальный суверенитет стран региона [Шангараев, Ивочкина, 2023].

Таким образом, украинский кризис стал поворотным моментом для Центральной Азии, ускорив процесс перехода от российской доминанты к более сложной системе балансов, где Китай и Турция играют все более значимую роль. Этот переход, однако, остается противоречивым – с одной стороны, он открывает новые экономические возможности, с другой – ставит перед странами региона сложный выбор между сохранением традиционных связей и адаптацией к новой геополитической реальности.

Постсоветская Центральная Азия: стратегическая конкуренция и партнёрство Китая, Турции и России в контексте сдерживания Запада

Сотрудничество России с Китаем и Турцией в Центральной Азии представляет собой сложный симбиоз тактических союзов, направленных на сдерживание западного влияния в регионе. Москва, используя противоречия Анкары и Пекина с Западом, стремится создать многоуровневую систему безопасности, которая бы изолировала Центральную Азию от экспансии НАТО и ЕС. Китай, находящийся в состоянии стратегической конфронтации с США из-за торговых войн, технологического соперничества и споров вокруг Тайваня, видит в России партнёра, способного отвлечь внимание Запада. Турция же, оставаясь членом НАТО, балансирует между альянсом с Москвой (например, по Сирии и энергетическим проектам) и

стремлением усилить свои позиции в тюркском мире, что вызывает настороженность у западных союзников [Шангараев, Ногмова, Ивочкина, 2023].

Для России Центральная Азия – ключевой элемент «ближнего зарубежья», где её влияние традиционно доминировало. Однако после 2014 года, когда санкции Запада ограничили возможности Москвы, она стала активнее привлекать Китай и Турцию к совместным проектам. Пример – развитие Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который частично пересекается с китайской инициативой «Один пояс, один путь» (BRI). Это позволяет России сохранять контроль над логистическими коридорами, одновременно получая китайские инвестиции. С Турцией сотрудничество ведётся в сфере энергетики: проект «Турецкий поток» и амбиции Анкары по транспортировке каспийского газа в Европу косвенно усиливают позиции Москвы как энергетической сверхдержавы.

Однако уход России из региона, что маловероятно, но теоретически возможно, мгновенно изменит баланс сил. «Вакуум силы» будет заполнен Китаем, который уже контролирует 30 % нефтегазового сектора Казахстана через CNPC, и Турцией, расширяющей культурное влияние через образовательные проекты (лицей Стамбульского университета в Узбекистане). С Запада в регион неизбежно усилят давление США и ЕС, уже финансирующие НПО и медиаплатформы, продвигающие демократические реформы, как это было во время «тюльпановой революции» в Киргизии (2005).

Турция, претендующая на лидерство в тюркском мире, рассматривает Центральную Азию как плацдарм для реализации своих амбиций. Через Организацию тюркских государств Анкара продвигает общую историко-культурную идентичность, инвестируя в инфраструктуру (строительство мечетей, как в Бишкеке) и образование. Однако её главный интерес – доступ к ресурсам. Участие в Транскаспийском международном транспортном маршруте (ТМТМ) может превратить Турцию в ключевой энергохаб, связывающий Каспий с Европой, что особенно важно на фоне её экономического кризиса (инфляция достигла 85 % в 2022 году). При этом Анкара не скрывает желания ослабить влияние Москвы: поддержка Украины дронами Bayraktar и сближение с Казахстаном в военной сфере (совместные учения) подтверждают её амбиции [Шангараев, Ивочкина, 2023].

Китай, избегая открытой конфронтации с Россией, методично выстраивает альтернативные механизмы влияния. Формат «Китай +5», запущенный в 2020 году, исключает Москву из диалога с Центральной Азией, фокусируясь на двусторонних соглашениях. Например, договорённости с Узбекистаном о строительстве Кашкадарьинского ГПЗ или кредиты Киргизии на \$1 млрд под 2 % годовых усиливают зависимость региона от Пекина. Запад, включая США, поддерживает эти инициативы, видя в них инструмент ослабления России. Госсекретарь Энтони Блинкен в 2022 году заявил, что «Китай становится стабилизирующей силой в Центральной Азии», что отражает смену нарратива Вашингтона.

Несмотря на тактическое сотрудничество, Пекин и Анкара сохраняют глубинные противоречия. Турецкая поддержка уйгурских организаций, таких как Всемирный уйгурский конгресс, вызывает раздражение Китая, где уйгуры Синьцзяна подвергаются репрессиям. Кроме того, конкуренция за инфраструктурные проекты, как железная дорога Китай – Кыргызстан – Узбекистан vs. турецкие планы по модернизации Транскаспийской магистрали, создаёт напряжение. Однако оба игрока сходятся в стремлении ограничить российское влияние: Китай видит в Москве экономического конкурента (например, в поставках газа в ЕС), а Турция – идеологического оппонента в тюркском мире [Шангараев, Ногмова, Ивочкина, 2023].

Центральная Азия превращается в «шахматную доску», где Россия, Китай и Турция, несмотря на взаимные противоречия, вынуждены сотрудничать для сдерживания Запада. Однако их альянс хрупок: каждая сторона преследует собственные цели, что создаёт риски для региона. Если Москва не предложит новые экономические инициативы (например, цифровизацию ЕАЭС), её влияние продолжит сокращаться, а Китай и Турция укрепят позиции, переформатируя Центральную Азию в зону многополярного, но неустойчивого равновесия.

Заключение

Трансформация международных отношений, вызванная геополитической турбулентностью последнего десятилетия, кардинально изменила расклад сил в Центральной Азии. Усиление роли Китая, реализующего масштабные инфраструктурные проекты в рамках инициативы «Один пояс, один путь», и Турции, продвигающей пантюркизм через культурно-исторические связи, не привело к вытеснению России из региона. Однако Москве пришлось пересмотреть формат своего влияния, сместив акцент с монопольного доминирования на участие в полицентричной системе, где её статус ключевого гаранта безопасности сочетается с необходимостью гибкого взаимодействия с новыми центрами силы.

Россия сохраняет военно-политическое лидерство благодаря институтам коллективной безопасности, таким как ОДКБ, чьи механизмы были успешно апробированы во время кризиса в Казахстане в 2022 году. При этом её экономическое влияние постепенно реформируется: Евразийский экономический союз (ЕАЭС), изначально задуманный как альтернатива европейской интеграции, теперь всё чаще сопрягается с китайскими и турецкими инициативами. Например, создание транспортного коридора «ЕАЭС – ЭПШП» позволяет совместить российские транзитные мощности с китайскими инвестициями, а участие Турции в транскаспийских маршрутах даёт Москве доступ к южным рынкам в обход санкций.

Адаптация к полицентричности стала для России вынужденной, но прагматичной стратегией. Сотрудничество с Пекином в ШОС и двусторонних проектах (например, газопровод «Сила Сибири – 2») помогает диверсифицировать экономические риски, в то время как взаимодействие с Турцией по сирийскому урегулированию и энергетическим контрактам создаёт буфер против давления НАТО. Однако такая модель требует постоянного балансирования:

- с Китаем – между экономической зависимостью и защитой суверенитета (например, ограничение доминирования юаня в расчётах внутри ЕАЭС);
- с Турцией – между военно-техническим партнёрством (поставки С-400) и конкуренцией за влияние в тюркоязычных странах.

Успех Москвы в долгосрочной перспективе будет зависеть от способности трансформировать ЕАЭС в более гибкую и привлекательную для соседей структуру. Это предполагает:

- технологическую модернизацию – развитие цифровых платформ (аналог SWIFT для ЕАЭС) и «зелёной» энергетики для снижения зависимости от китайских IT-решений;
- институциональную адаптацию – включение Узбекистана и Туркменистана в качестве ассоциированных членов ЕАЭС, что расширит рынок до 100 млн потребителей;
- культурную дипломатию – продвижение русского языка и образования как альтернативы турецким лицам и китайским вузам.

Центральная Азия остаётся критически важным звеном в проекте «Большой Евразии», где сталкиваются не только интересы глобальных игроков, но и формируются новые правила миропорядка. Регион демонстрирует, что в условиях многополярности конкуренция и кооперация не исключают, а дополняют друг друга:

- Китай инвестирует в железные дороги, но зависит от российских энергоресурсов;
- Турция расширяет культурное влияние, но нуждается в российском газе;
- Россия сохраняет военное присутствие, но допускает экономическое проникновение партнёров.

Баланс сил здесь определяется не жёстким противостоянием, а способностью акторов находить временные компромиссы. Например, соглашение 2023 года о совместном патрулировании границ Таджикистана и Кыргызстана с участием России, Китая и наблюдателей от ШОС показало, что даже конкурирующие державы могут координироваться ради стабильности.

Таким образом, Центральная Азия становится лабораторией постзападного мироустройства, где формируется модель гибридной интеграции – без доминирования одной силы, но с сохранением роли России как арбитра безопасности. Устойчивость этой модели

будет зависеть от того, смогут ли игроки превратить тактические союзы в долгосрочные институты, способные противостоять как внешним вызовам (санкции, климатические угрозы), так и внутренним противоречиям (социальное неравенство, межэтнические конфликты).

Список литературы

- Ивочкина А.С. 2023. Концептуальное обоснование и устойчивый прагматизм центральноазиатского вектора внешней политики Китая. Вестник ученых-международников, 2(24): 119–134.
- Ивочкина А.С. 2021. Мировой опыт приграничного сотрудничества. Актуальные проблемы мировой политики через призму COVID-19. сборник тезисов, 193–197.
- Ивочкина А.С. 2020. Приграничное сотрудничество России и Казахстана на современном этапе. Вестник ученых-международников, 4(14): 28–39.
- Ивочкина А.С. 2023. Проект «пояса и пути» в осуществлении внешней политики Китая в Центральной Азии. Социально-гуманитарные знания, 5: 127–130.
- Ивочкина А.С. 2019. Состояние и перспективы приграничного сотрудничества России и Казахстана на современном этапе. Социально-гуманитарные знания, 3: 179–184.
- Ивочкина А.С. 2023. Турецко-китайское взаимодействие в рамках инициативы «Нового шёлкового пути». Дипломатическая служба, 3: 197–206.
- Ивочкина А.С. 2023. Угрозы безопасности в Центральной Азии, исходящие от Афганистана. Вестник ученых-международников, 1(23): 219–230.
- Ивочкина А.С., Шангараев Р.Н. 2019. Влияние западных стран на развитие приграничного сотрудничества России с прикаспийскими государствами. Вопросы политологии. Т. 9, 3(43): 512–518.
- Ивочкина А.С., Шангараев Р.Н., Ногмова А.Ш. 2024. Концептуальные основы полноформатного российско-центральноазиатского сотрудничества в рамках политики многовекторности. Вестник ученых-международников, 1(27): 47–65.
- Карпович О.Г., Шангараев Р.Н. 2021. Центральная Азия в контексте современной геополитики на евразийском пространстве. Социально-политические науки. 11, 6: 65–72.
- Ногмов А.М., Ивочкина А.С. 2023. Геополитические аспекты межэтнических отношений в Казахстане на современном этапе. Вестник ученых-международников, 4(26): 73–86.
- Ногмов А.М., Шангараев Р.Н. 2018. Роль региональных интеграционных объединений в обеспечении стабильности и безопасности в странах Центральной Азии. Дипломатическая служба, 3: 48–54.
- Ногмова А.Ш. 2018. Формы и стратегии международного сотрудничества приграничных регионов Российской Федерации. Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир, 2(16): 50–59.
- Ногмова А.Ш., Ивочкина А.С. 2024. Идея формирования армии тюркских государств в современной внешней политике Турции. Дипломатическая служба, 4: 363–372.
- Ногмова А.Ш., Ивочкина А.С. 2018. Приграничное сотрудничество России и Казахстана в условиях евразийской интеграции: возможности и перспективы. Международный правовой курьер, 5(29): 34–38.
- Ногмова А.Ш., Ивочкина А.С. 2021. Теоретические основы приграничного сотрудничества. Актуальные проблемы международных отношений, международного права и безопасности, 544–553.
- Шангараев Р.Н. 2021. «Армия Турана» – проект Турции по военной интеграции тюркского мира. Угрозы и перспективы. Обозреватель, 7(378): 70–84.
- Шангараев Р.Н. 2017. Интеграционное взаимодействие Евразийского экономического союза и Турции на современном этапе. Вестник Российской таможенной академии, 2: 36–41.
- Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. 2024. Геостратегические перспективы Турции в евразийской интеграции стран Центральной Азии. Вестник ученых-международников, 2(28): 11–18.
- Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. 2023. Особенности применения «мягкой силы» Турции на постсоветском пространстве. Вопросы национальных и федеративных отношений. 13, 9(102): 3766–3782.
- Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. 2024. Перспективы реализации идеи Турции по созданию армии тюркских государств. Вопросы политологии. 14, 5(105): 1768–1774.
- Шангараев Р.Н., Ивочкина А.С. 2023. Центральная Азия в геополитическом пространстве Евразии. Вопросы национальных и федеративных отношений. 13, 11(104): 4661–4669.
- Шангараев Р.Н., Ногмова А.Ш., Ивочкина А.С. 2024. Соперничество региональных и внерегиональных акторов в Центральной Азии в контексте концепции евразийства. Социально-политические науки. 14, 2: 75–82.
- Шангараев Р.Н., Яхменев П.А. 2017. Евразийская интеграция в условиях турбулентности международных отношений. Дипломатическая служба, 4: 40–45.



References

- Ivochkina A.S. 2023. Konceptual'noe obosnovanie i ustojchivyy pragmatizm central'noaziatskogo vektora vneshnej politiki Kitaya [Conceptual Justification and Sustainable Pragmatism of the Central Asian Vector of China's Foreign Policy]. *Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov*, 2(24): 119–134.
- Ivochkina A.S. 2021. Mirovoj opyt prigranichnogo sotrudnichestva [International Experience of Cross-Border Cooperation]. *Aktual'nye problemy mirovoj politiki cherez prizmu COVID-19. sbornik tezisev*, 193–197.
- Ivochkina A.S. 2020. Prigranichnoe sotrudnichestvo Rossii i Kazakhstana na sovremennom etape [Cross-Border Cooperation between Russia and Kazakhstan at the Present Stage]. *Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov*, 4(14): 28–39.
- Ivochkina A.S. 2023. Proekt "poyasa i puti" v osushchestvlenii vneshnej politiki Kitaya v Central'noj Azii [The Belt and Road Project in the Implementation of China's Foreign Policy in Central Asia]. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 5: 127–130.
- Ivochkina A.S. 2019. Sostoyanie i perspektivy prigranichnogo sotrudnichestva Rossii i Kazakhstana na sovremennom etape [The Current State and Prospects of Cross-Border Cooperation between Russia and Kazakhstan]. *Social'no-gumanitarnye znaniya*, 3: 179–184.
- Ivochkina A.S. 2023. Turecko-kitajskoe vzaimodejstvie v ramkah iniciativy "Novogo shyolkovogo puti" [Turkish-Chinese Cooperation within the Framework of the New Silk Road Initiative]. *Diplomaticheskaya sluzhba*, 3: 197–206.
- Ivochkina A.S. 2023. Ugrozy bezopasnosti v Central'noj Azii, iskhodyashchie ot Afganistana [Security Threats in Central Asia Emanating from Afghanistan]. *Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov*, 1(23): 219–230.
- Ivochkina A.S., Shangaraev R.N. 2019. Vliyanie zapadnykh stran na razvitiye prigranichnogo sotrudnichestva Rossii s prikaspijskimi gosudarstvami [The Influence of Western Countries on the Development of Cross-Border Cooperation between Russia and the Caspian Littoral States]. *Voprosy politologii*, 9, 3(43): 512–518.
- Ivochkina A.S., Shangaraev R.N., Nogmova A.Sh. 2024. Konceptual'nye osnovy polnoformatnogo rossijsko-central'noaziatskogo sotrudnichestva v ramkah politiki mnogovektornosti [Conceptual Foundations of Full-Scale Russian-Central Asian Cooperation within the Framework of a Multi-Vector Policy]. *Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov*, 1(27): 47–65.
- Karpovich O.G., Shangaraev R.N. 2021. Central'naya Aziya v kontekste sovremennoj geopolitiki na evrazijskom prostranstve [Central Asia in the Context of Modern Geopolitics in the Eurasian Space]. *Social'no-politicheskie nauki*, 11, 6: 65–72.
- Nogmov A.M., Ivochkina A.S. 2023. Geopoliticheskie aspekty mezhetnicheskikh otnoshenij v Kazakhstane na sovremennom etape [The Geopolitical Aspects of Interethnic Relations in Kazakhstan at the Present Stage]. *Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov*, 4(26): 73–86.
- Nogmov A.M., Shangaraev R.N. 2018. Rol' regional'nykh integracionnykh ob"edinenij v obespechenii stabil'nosti i bezopasnosti v stranah Central'noj Azii [The Role of Regional Integration Associations in Ensuring Stability and Security in Central Asian Countries]. *Diplomaticheskaya sluzhba*, 3: 48–54.
- Nogmova A.Sh. 2018. Formy i strategii mezhdunarodnogo sotrudnichestva prigranichnykh regionov Rossijskoj Federacii [Forms and Strategies of International Cooperation between the Border Regions of the Russian Federation]. *Vestnik Diplomaticheskoy akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, 2(16): 50–59.
- Nogmova A.Sh., Ivochkina A.S. 2024. Ideya formirovaniya armii tyurkskikh gosudarstv v sovremennoj vneshnej politike Turcii [The Idea of Forming an Army of Turkic States in Modern Turkish Foreign Policy]. *Diplomaticheskaya sluzhba*, 4: 363–372.
- Nogmova A.Sh., Ivochkina A.S. 2018. Prigranichnoe sotrudnichestvo Rossii i Kazakhstana v usloviyah evrazijskoj integracii: vozmozhnosti i perspektivy [Cross-Border Cooperation between Russia and Kazakhstan in the Context of Eurasian Integration: Opportunities and Prospects]. *Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er*, 5(29): 34–38.
- Nogmova A.Sh., Ivochkina A.S. 2021. Teoreticheskie osnovy prigranichnogo sotrudnichestva [Theoretical Foundations of Cross-Border Cooperation]. *Aktual'nye problemy mezhdunarodnykh otnoshenij, mezhdunarodnogo prava i bezopasnosti*, 544–553.
- Shangaraev R.N. 2021. "Armiya Turana" – proekt Turcii po voennoj integracii tyurkskogo mira. Ugrozy i perspektivy [The Army of Turan is Turkey's Project for the Military Integration of the Turkic World. Threats and Prospects]. *Obozrevatel'*, 7(378): 70–84.
- Shangaraev R.N. 2017. Integracionnoe vzaimodejstvie Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza i Turcii na sovremennom etape [Integration Cooperation between the Eurasian Economic Union and Turkey at the Present Stage]. *Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii*, 2: 36–41.

- Shangaraev R.N., Ivochkina A.S. 2024. Geostrategicheskie perspektivy Turcii v evrazijskoj integracii stran Central'noj Azii [Geostrategic Perspectives of Turkey in the Eurasian Integration of Central Asian Countries]. Vestnik uchenyh-mezhdunarodnikov, 2(28): 11–18.
- Shangaraev R.N., Ivochkina A.S. 2023. Osobennosti primeneniya "myagkoj sily" Turcii na postsovetском prostranstve [Features of the Use of Turkey's "Soft Power" in the Post-Soviet Space]. Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 13, 9(102): 3766–3782.
- Shangaraev R.N., Ivochkina A.S. 2024. Perspektivy realizacii idei Turcii po sozdaniyu armii tyurkskih gosudarstv [Prospects for the Implementation of Turkey's Idea to Create an Army of Turkic States]. Voprosy politologii. 14, 5(105): 1768–1774.
- Shangaraev R.N., Ivochkina A.S. 2023. Central'naya Aziya v geopoliticheskom prostranstve Evrazii [Central Asia in the Geopolitical Space of Eurasia]. Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 13, 11(104): 4661–4669.
- Shangaraev R.N., Nogmova A.Sh., Ivochkina A.S. 2024. Sopernichestvo regional'nyh i vneregional'nyh aktorov v Central'noj Azii v kontekste koncepcii evrazijsstva [The Rivalry of Regional and extra-Regional Actors in Central Asia in the Context of the Concept of Eurasianism]. Social'no-politicheskie nauki. 14, 2: 75–82.
- Shangaraev R.N., Yahmenev P.A. 2017. Evrazijskaya integraciya v usloviyah turbulentnosti mezhdunarodnyh otnoshenij [Eurasian Integration in the Context of Turbulence in International Relations]. Diplomaticheskaya sluzhba, 4: 40–45.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 04.09.2025

Received: 04.09.20205

Поступила после рецензирования: 15.10.20205

Revised: 15.10.2025


Принята к публикации: 20.11.2025

Accepted: 20.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шангараев Руслан Насимович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры стратегических коммуникаций и государственного управления, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0000-0001-6557-4388](https://orcid.org/0000-0001-6557-4388)

Ruslan N. Shangaraev, Doctor of Sciences in Politics, Associate Professor, Professor of the Department of Strategic Communications and Public Administration, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Ивочкина Анна Сергеевна, заместитель декана факультета подготовки кадров высшей квалификации, преподаватель кафедры политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Россия

 [ORCID: 0009-0003-7551-3652](https://orcid.org/0009-0003-7551-3652)

Anna S. Ivochkina, Deputy Dean of the Faculty of Higher Education Training, Lecturer of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia



УДК 328.184

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1040-1048

EDN XZWEYN

Оригинальное исследование

Цифровые реестры как инструмент формальной институционализации лоббизма в странах Латинской Америки

Закиров А.Р. , Зарипова А.Р. 

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, 420008, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18
E-mail: azr12353@gmail.com, aigulrzaripova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается опыт государств Латинской Америки, осуществляющих правовое регулирование лоббистской деятельности. В условиях глобальной политической цифровизации государства используют онлайн-инструменты в реализации контроля над лоббистской коммуникацией групп интересов с принимающими решения лицами. Основываясь на материалах Колумбии, Мексики, Перу и Чили, авторы определяют механизмы внедрения цифровых реестров лоббистской деятельности. Авторы раскрывают правовые рамки регулирования лоббистской деятельности и их связь с эффективностью реестров лоббистов. Исследование концентрируется на двух ключевых аспектах: содержание данных реестра и категориях регистрируемых лиц. Особое внимание уделяется практикам управления реестром, включая процедуры внесения данных и санкции за нарушения.

Ключевые слова: лоббизм, цифровизация, институционализация, Латинская Америка

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Закиров А.Р., Зарипова А.Р. 2025. Цифровые реестры как инструмент формальной институционализации лоббизма в странах Латинской Америки. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 1040–1048. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1040-1048. EDN: XZWEYN

Digital Registries as a Tool for the Formal Institutionalization of Lobbying in Latin America

Aidar R. Zakirov , Aigul R. Zaripova 

Kazan (Volga region) Federal University,
18 Kremlyovskaya St, Kazan, Tatarstan, 420008, Russia
E-mail: azr12353@gmail.com, aigulrzaripova@gmail.com

Abstract. The article discusses the experience of Latin American countries that have implemented legal regulations for lobbying. Within the framework of global political digitalization, state authorities are deploying online mechanisms to control lobbying communications between interest groups and individuals involved in decision-making processes. Based on case studies from Colombia, Mexico, Peru, and Chile, the paper highlights the mechanisms for establishing digital registers of lobbying activity. The authors discuss the legal framework for lobbying regulations and their impact on the effectiveness of lobbyist registration systems. They focus on the content of information displayed in the register, as well as on the actors whose activities are subject to registration. The research is concentrated on two fundamental aspects: the composition of registry data and the classification of entities subject to registration. Considerable attention is devoted to the practices related to registry management, particularly the procedures for data entry and the sanctions imposed for violations.

Keywords: lobbying, digitalization, institutionalization, Latin America

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

© Закиров А.Р., Зарипова А.Р., 2025

For citation: Zakirov A.R., Zaripova A.R. 2025. Digital Registries as a Tool for the Formal Institutionalization of Lobbying in Latin America. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 1040–1048 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-1040-1048. EDN: XZWEYN

Введение

С момента принятия первого в мире закона о лоббизме (Федеральный закон о регулировании лоббизма в США 1946 г.) прошло 80 лет, а дискуссии о необходимости регулирования механизмов влияния групп интересов на государственные структуры не теряют остроты. Общественного консенсуса не удалось достичь не только по вопросам этики и конфликта интересов, но и эффективности существующих практик обеспечения прозрачности лоббистской коммуникации. Это ставит перед представителями академического сообщества проблему исследования опыта государств, которые прошли или находятся на стадии формальной институционализации лоббизма. Стоит отметить, что повсеместное распространение данного феномена в современных политических системах не всегда означает, что лоббистская деятельность вписана в правовые рамки. На данный момент ОЭСР отмечает, что в 40 государствах сформирована правовая база для регулирования лоббизма [Lobbying in the 21st, 2021]. Следующим шагом регуляторов на пути институционализации лоббизма является создание базы основных участников взаимодействия, их сфер интересов и интеракций, представленной в виде некоторых публичных или непубличных списков.

В условиях цифровизации распространение получает практика создания онлайн-реестров, обеспечивающих прозрачность коммуникации лоббистов и государственных структур. Несмотря на то, что лоббизм по своей природе является деятельностью, основанной на конфиденциальной информации [Potters, Winden, 1992], мы наблюдаем активное внедрение цифровых инструментов обеспечения прозрачности лоббизма, направленное на раскрытие данных о личности лоббиста и его действиях. Сегодня в мире 28 государств внедрили онлайн-цифровые реестры в качестве инструмента регулирования лоббистской деятельности [Lacy-Nichols, Baradar, 2025]. Современные цифровые реестры представлены онлайн, поэтому содержащаяся в них информация становится доступна не только государственным структурам, но и заинтересованной общественности, в том числе исследовательскому сообществу. Реестры позволяют гражданам, исследователям и политикам отслеживать стратегии лоббистов, следовательно, оценивать, вписываются ли их действия в этические рамки. Стоит отметить, что в использовании таких инструментов заинтересованы не только вышеперечисленные группы. Ведь реестры разрабатываются не только с целью повышения общественного доверия к правительству, но и упрощения коммуникации властных и лоббистских структур, а также снижения рисков и издержек для всех участников [Newmark, 2005; Crepaz, 2020].

Латинская Америка представляет собой регион, для которого проблемы обеспечения прозрачности и снижение коррупционного потенциала во взаимодействии между государством и группами интересов продолжает сохранять свою актуальность. Замеры уровня коррупции показывают значительные масштабы этого явления в регионе [Latin America Corruption Survey, 2024]. Общественный резонанс вокруг конфликтов интересов, коррупционных скандалов ставит перед государствами Латинской Америки задачу по созданию правил игры для всех участников политической коммуникации [Dammert, Sarmiento, 2019; Tagle, 2021]. Лоббистская деятельность в регионе выходит из тени и перестает ассоциироваться лишь с незаконными инструментами влияния групп интересов на лиц, принимающих решение. Разработанные за десятилетия меры активно расширяются, а цифровизация вносит свой вклад в этот процесс, предлагая новые механизмы обеспечения прозрачности деятельности лоббистов.

Исследовательский интерес представляет опыт государств Латинской Америки, находящихся на этапе внедрения цифровых инструментов обеспечения контроля за этим видом деятельности. В качестве кейсов рассмотрены реестры лоббизма, действующие в Колумбии, Мексике, Перу и Чили.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступают цифровые реестры как инструмент формальной институционализации лоббизма в Латинской Америке. Работа выполнена в рамках неоинституционального подхода, позволяющего рассмотреть становление и развитие политических институтов в их формальном и неформальном выражении [Норт, 1997, с. 18]. В работе использован метод сравнительного анализа на основе следующих критериев: акторы, чья деятельность должна отображаться в реестре; раскрываемая в реестре информация; порядок администрирования реестра и обновления информации; санкции за несоблюдение правил регистрации.

Работа направлена на выявление универсальных механизмов, характеризующих латиноамериканскую модель функционирования реестров лоббизма, а также уникальных институциональных практик.

Результаты и их обсуждение

Разнообразие реестров и их активное применение в развитых странах мира свидетельствует о том, что такая форма контроля за лоббистской деятельностью является следующим шагом в ее институционализации. Развитие онлайн-технологий и платформ цифрового правительства ускоряет внедрение реестров как инструмента обеспечения прозрачности и снижения рисков лоббизма как для самих лоббистов, так и для взаимодействующих с ними государственных структур.

Функциональные возможности реестров лоббистов определяются характером раскрываемой информации (например, акторы, чья деятельность подлежит регистрации; сведения об их деятельности) и порядком его наполнения (регулярность внесения информации; санкции за несоблюдение правил регистрации). Кроме того, важно уделить внимание тому, какой орган государственной власти администрирует, ведет реестр и актуализует список лоббистов. Зачастую задача по регистрации лоббистской деятельности возложена на государственные структуры, с которыми взаимодействуют лоббисты.

Современные реестры лоббистов различаются по масштабам охвата и детализации данных. Так, некоторые больше похожи на каталог лоббистских фирм, а другие представляют собой базу данных с обширными сведениями о работе лоббистов, такими как дневник встреч лоббистов и даже финансовая отчетность по итогам деятельности.

Законодательные особенности в сфере контроля лоббистской деятельности обусловили многообразие национальных подходов к ведению реестров, поэтому анализ их функциональных возможностей предполагает детальное рассмотрение их правового регулирования. Институциональные рамки лоббизма могут принимать форму национального закона, регламента деятельности исполнительной или законодательной ветвей власти, накладывающих обязательства фиксировать взаимодействие с группами интересов на представителей государственных структур, и кодексов этики, ориентированных на лоббистов.

Сегодня процесс легализации лоббистской деятельности запущен в четырёх странах Латинской Америки. В Перу институциональные рамки лоббизма определены принятым в 2003 г. Законом о Кодексе этики государственных служащих [Ley del Código de Ética, 2003], а также Законом № 28024, регулирующим управление интересами в органах государственной власти [Ley que regula la gestión de intereses, 2003]. Также в стране действовала Национальная комиссия по борьбе с коррупцией и продвижению этики и прозрачности в государственном управлении и обществе (Comisión Nacional de Lucha contra la Corrupción y la Promoción de la Ética y la Transparencia en la Gestión Pública y en la Sociedad), которая впоследствии была переименована в Национальный антикоррупционный совет (Consejo Nacional Anticorrupción, CNA), а затем в Национальное антикоррупционное управление (Oficina Nacional Anticorrupción, ONA) [Regulación del lobby, 2018]. Такая институциональная трансформация

отображает попытки политической системы создать оптимальную регулируемую и контролируемую структуру.

В случае Мексики первые шаги в регулировании сферы лоббизма были сделаны после того, как доминировавшая долгие годы в политической системе Институционно-революционная партия (*PRI*) потеряла большинство в Палате депутатов в 1997 г., уступив место Партии национального действия (*PAN*), что, в свою очередь, вынудило новые группы интересов обновить правила игры. Сегодня регулирование лоббизма охватывает только взаимодействие с представителями законодательной власти, основные требования к которым раскрыты в ст. 263 Регламента Палаты депутатов [Reglamento de la Cámara de Diputados, 2010] и ст. 298 Регламента Сената Республики [Reglamento del Senado de la República, 2010].

Колумбия стала третьей по счету страной Латинской Америки, которая ввела регулирование лоббистской деятельности. В 2011 г. Палата представителей Парламента Колумбии приняла резолюцию MD-2348, учреждающую публичный реестр лоббистов для продвижения принципа публичности и политики прозрачности в ходе заседаний палаты [Resolución MD-2348, 2011]. На момент написания статьи обновленный законопроект о регулировании лоббистской деятельности, распространяющийся и на Сенат (Законопроект № 38 Сената Колумбии от 2024) находится на рассмотрении [Gaceta del Congreso, 2024].

Одной из последних на путь формальной институционализации лоббизма встала Чили, создавшая собственную нормативную базу для лоббирования в 2014 г. Регулирующий лоббирование представительства частных интересов Закон № 20/730 выделяется среди всех ранее упомянутых нормативных актов своей проработанностью [Ley 20730, 2014]. Так же, как и в Перу, чилийский закон распространяет действие правил не только на законодательную, но и на исполнительную власть, охватывая как центральное правительство, так и локальные государственные структуры, что значительно расширяет сферу регулирования.

Эти нормативные акты очерчивают рамки деятельности ее участников, которая может трактоваться как лоббистская. Они устанавливают нормы или правила поведения для них, а также создают механизмы контроля посредством внедрения цифровых технологий. Во всех представленных кейсах действует общедоступный реестр лоббистов, администрируемый органами государственной власти. Эти цифровые платформы позволяют наглядно отразить все зарегистрированные лица и организации, заинтересованные в лоббистской деятельности.

Корректная работа реестра напрямую зависит от четкого определения акторов, чья деятельность рассматривается законодателем как попадающая под действие закона о лоббизме. Определение «лоббист» распространяется на различные группы субъектов – компании, НКО, ассоциации и отдельные физические лица. Круг субъектов, определяемых как лоббисты, на практике разнообразен, что затрудняет задачу законодателей охватить всех участников этой деятельности.

Активные субъекты лоббизма (продвигающие свои интересы) могут быть разделены на 2 группы: внешние (профессиональные лоббисты и консультанты) и внутренние (сотрудники компаний и некоммерческих организаций). Основное различие между ними заключается в том, осуществляется ли деятельность непосредственно представителями группы интересов или профессиональным политическим консультантом в пользу третьих лиц за вознаграждение.

Расширенная трактовка «лоббирования» как деятельности физических или юридических лиц, предполагающей влияние на государственных должностных лиц, позволяет охватить оба вида субъектов лоббизма. Однако зачастую нормативно-правовые акты фокусируются, в первую очередь, на консалтинговых компаниях, то есть на третьих лицах, нанятых для взаимодействия с государственными акторами от имени других. Последнее описывает ситуацию в Мексике, где регулированию и регистрации подлежит деятельность только «профессиональных менеджеров»; в случае остальных стран под действие закона попадают как внутренние, так и внешние субъекты лоббирования. В Чили и Перу, кроме термина лоббист, упоминается «менеджер по интересам», обозначающий лиц, осуществляющих деятельность без получения определённого вознаграждения. Кроме того, в качестве



особенности чилийских норм следует отметить группирование участников лоббистского взаимодействия путем выделения понятия «пассивный субъект», используемого по отношению к объектам лоббирования, и «активный субъект» – для обобщенного обозначения актора, осуществляющего лоббистскую деятельность.

Стоит отметить, что число профессиональных лоббистов ограничено, а в большинстве политических систем главными инициаторами лоббистской коммуникации являются внутренние структуры компаний и организаций [Baumgartner, 2009; Coen, 2021], поэтому решение законодателей ограничиться только внешними субъектами лоббизма оставляет вне поля регулирования значительное число действующих игроков.

Лоббизм как вид политической коммуникации предполагает двухсторонний формат взаимодействия, поэтому нельзя обойти вниманием акторов, выступающих в качестве объектов лоббирования. Часто регулирование лоббирования охватывают только законодательный процесс, поэтому в качестве объекта лоббирования рассматриваются в основном депутаты парламента, не учитывая возможность правительства влиять на законодательный процесс посредством внесения инициатив. В случае Мексики и Колумбии, поскольку эта деятельность регулирует активность лоббистов только на законодательном уровне, объект лоббирования четко определен. Однако в Перу и Чили объект лоббирования не ограничен законодательной ветвью, охватывает работу правительства и судов на всех уровнях власти.

Далее проанализируем наполнение реестров, где публикуются открытые данные о самих лоббистах, с которыми могут ознакомиться желающие. Информация, подлежащая публикации в реестре, значительно различается в представленных случаях. Реестры лоббистов могут принимать различные формы, но многие, как правило, представляют собой перечень лиц или организаций, занимающихся лоббированием, и государственных служащих, которые подвержены лоббированию. Эти сведения могут быть дополнены «дневником», содержащим сведения о встречах с указанием даты, времени, места, участников и обсуждаемых тем.

В самом упрощенном варианте реестр принимает форму перечня лоббистов, взаимодействующих с принимающими решения лицами. В реестрах Колумбии [Registro Público de Cabilderos], Мексики [Padrón de Cabilderos], Перу [Registro de visitas] и Чили [Plataforma Ley de lobby] содержится базовая идентификационная информация о лоббистах: имя и представляемая компания. Полнота этой информации зависит от требований к регистрации: является ли, согласно действующему законодательству, регистрация лоббистов добровольной или обязательной. Самые скудные сведения представлены в реестре Колумбии, где перечень лоббистов и консалтинговых структур содержит лишь контактные данные. В случае Мексики данные принимают вид списков индивидуальных лоббистов и представителей консалтинговых компаний. Подробно для каждого лоббиста описываются сферы лоббирования и комитеты, к которым у этих лоббистов есть доступ. Однако отсутствует конкретизация представляемой группы интересов, поэтому из реестра сложно получить информацию о проектах лоббиста. На наш взгляд, это упущение ограничивает понимание к кому именно обращались те или иные лоббисты, данные которых опубликованы.

Самыми обширными реестрами среди представленных являются перуанский и чилийский. Кроме списка зарегистрированных лоббистов, они дополняются дневником встреч с фиксацией объекта лоббирования, даты и места встречи, а также обсуждаемых тем и вопросов. Так, в Чили реестр представлен в виде сайта с удобной навигацией и функционирующей поисковой системой, где содержится информация о зарегистрированных группах с указанием имен лоббистов и организаций, которые они представляют. В Чили, кроме данных лоббистов, в реестр включаются поездки государственных служащих, протоколы встреч, выделенные пожертвования и повод их получения. Примечательно, что этот реестр выделяется тем, что обеспечивает сбор информации о конкретных политиках, с которыми контактировали группы интересов.

Вместе с тем, на наш взгляд, интересным видится то, что ни один из рассмотренных реестров не включает в себя данные о финансовом вознаграждении самих лоббистов и лиц,

продвигающих интересы в органах государственной власти. Такая практика характерна для стран с высоким уровнем институционализации лоббизма, среди которых мы можем выделить США и ФРГ. Предоставление подобного рода информации в реестрах лоббистской деятельности рассматриваемых кейсов помогло бы в достижении изначальной задачи по достижению прозрачности.

Отдельно стоит рассмотреть уровень цифровизации платформ. Наибольшего прогресса в качестве наглядного представления информации о лоббистах и их деятельности достигло Чили. У пользователя веб-сайта имеется возможность при помощи системы поиска и сортировки не только просмотреть данные о встречах лоббистов, но и отследить поездки и полученные пожертвования государственными служащими. Также на сайте реестра функционируют наглядные графики с рейтингом ведущих лоббистских организаций, самых обсуждаемых тем и наиболее посещаемых лоббистами государственных структур. Конфигурации графиков пользователи сайта могут изменять при помощи предоставленных фильтров, дополнительно имеется возможность просмотреть связанные данные каждого конкретного лоббиста: сколько и с кем было проведено встреч, слушаний, совместных поездок и сделанных пожертвований. Для новых пользователей реестра имеется инструкция по использованию портала. На наш взгляд, такой ответственный подход чилийского государства к репрезентации информации и внедрению удобного пользовательского интерфейса способствует наилучшей интеграции реестра в политическую практику. В отличие от Чили, в Колумбии, Мексике и Перу реестры предоставляют пользователю простой список лоббистов в виде таблицы на сайте или скачиваемого файла без дополнительных возможностей обработки данных.

Отдельно стоит упомянуть механизмы обновления данных. Так, в Перу органы государственной власти обязаны регистрировать взаимодействие с лоббистами ежедневно. На чилийские государственные структуры возложена обязанность отчитываться о проведенных встречах в первый рабочий день каждого месяца. Также данные реестра автоматически обновляются в случае, если активные субъекты оповестили о намерении провести встречу заранее. Для этого на сайте имеется возможность добровольной регистрации. Чилийский реестр уже включает в себя около 7 000 пунктов. На фоне представленных выше случаев выделяются практики Мексики, где изменения реестра происходит раз в полгода, и Колумбии, где данные на официальном портале не обновляются с 2018 г. Такое положение дел может быть обусловлено тем фактом, что законодательство Колумбии не возлагает на участников лоббистской коммуникации обязанности регулярно обновлять реестр. Точно и подробно описанные в законе правила по работе с реестром могут быть нивелированы без адекватных механизмов обеспечения их соблюдения. Все включённые в исследования страны прописывают систему санкций среди инструментов регулирования лоббизма, однако необходимо выделить различия в режимах ответственности. Если в Колумбии и Мексике санкции носят ограниченный характер, то в Перу и Чили существует широкий спектр наказаний за нарушения. Так, предусмотрены санкции для лоббистов за предоставление ложных сведений в виде запрета на лоббистскую деятельность (Колумбия) или аннулирование лоббиста в реестре (Мексика). Однако отсутствует конкретное указание на орган, осуществляющий надзор за исполнением закона.

В Перу и Чили санкции применяются к тем, кто не зарегистрировался или предоставил неполную информацию о своей личности или организации, а также данные чиновников, с которыми происходило взаимодействие. В Чили санкции принимают форму денежных взысканий; в Перу санкции определяются серьезностью нарушения и могут принять форму предупреждения, штрафа, приостановления действия лицензии, аннулирование лицензии и бессрочного лишения права на деятельность.

В тех странах, где регистрация лоббирования пока носит добровольный характер, выбор лоббиста в пользу выхода из тени несет в себе существенные риски и издержки, связанные с бюрократической волокитой и угрозой понести серьезное наказание при допущении



намеренной или непреднамеренной ошибки. Такая ситуация приводит к тому, что в странах Латинской Америки лоббисты избирают путь наименьшего сопротивления и отказываются от регистрации или ограничивают предоставляемые сведения.

Заключение

Избравшие путь правового регулирования лоббизма страны Латинской Америки сталкиваются с вызовами, связанными с реализацией всех закрепленных мер, а также требованиями внедрения новых инструментов по обеспечению прозрачности со стороны общественности. Одним из решений данной проблемы является применение цифровых технологий, в частности разработка и внедрение реестров лоббистов и лоббистских организаций.

Хотя вдохновленные борьбой с коррупцией журналисты и общественные деятели активно оказывали давление на политиков, требуя обеспечить прозрачность деятельности групп интересов, немногие страны данного региона стали активно облекать лоббизм в правовую форму. Лишь Колумбия, Мексика, Перу и Чили разработали институциональные основы регулирования лоббистской деятельности и внедрили публичные реестры лоббистов.

Как показало исследование, сегодня в Латинской Америке не сформировалась единая модель, характерная для всех государств-регуляторов лоббизма. Нормы, лежащие в основе лоббистской деятельности, являются основным фактором, определяющим различия в функциональных возможностях реестров. Институциональное оформление порядка создания реестра (сугубо в рамках деятельности парламента, общеобязательным законом или же постановлением правительства), сферы охвата лоббистской деятельности и масштаб регулирования влияют на эффективность реестра. Преобладающий в регионе принцип добровольной регистрации, затрагивающей только профессиональных внешних лоббистов, и неполный объем отображаемой информации ограничивают возможности реестров как инструмента повышения транспарентности политической коммуникации групп интересов. Одно из объяснений можно найти в преобладающих в латиноамериканских политических системах корпоративистских связях между политиками и группами интересов, чью волю транслируют лоббисты.

Важно признать, что при всей своей универсальности реестры имеют ряд ограничений и являются лишь одним из элементов комплексной системы регулирования лоббистской деятельности. Качество реестров во многом зависит от уровня детализации и охвата законодательных норм в данной сфере. Пробелы в законе и возможность его обхода приводят к тому, что часть лоббистов остается вне поля зрения государственного регулятора. Однако тщательная проработка правовых рамок лоббизма способна нивелировать проблемы и обеспечить более результативное использование реестров в системе контроля.

Очевидно, что развитие онлайн-реестров является закономерным продолжением всесторонней цифровизации политического управления. В условиях стремительной цифровой трансформации государственных институтов создание электронных систем контроля становится неотъемлемым элементом современного государственного управления. Успешный опыт внедрения этих практик в странах с развитой экономикой свидетельствует о том, что такая форма контроля за лоббистской деятельностью является следующим шагом в ее институционализации и способна обеспечить более эффективное регулирование взаимоотношений между государственными органами и заинтересованными группами.

Список источников

- Gaceta del Congreso No. 1460 de 17 de septiembre de 2024. Available at: https://normograma.com/legibus/legibus/gacetitas/2024/GC_1460_2024.pdf#:~:text=N%C3%9AMERO%2038%20DE%202024%20SENADO%20por%20la,toma%20de%20decisiones%20en%20el%20sector%20p%C3%BAblico (accessed: 1 october 2025).
- Latin America Corruption Survey. 2024 Available at: https://www.millerchevalier.com/sites/default/files/2024-04/Miller-and-Chevalier_2024-Latin-America-Corruption-Survey_ENG.pdf (accessed in: 1 october 2025).

- Ley 20730 Regula el lobby y las gestiones que representen intereses particulares ante las autoridades y funcionarios. Available at: <https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=1060115&idParte=> (accessed: 1 october 2025).
- Ley del Código de Ética de la Función Pública y su reglamento y el Reglamento URL: <https://www.mimp.gob.pe/intranet/induccin/kit-bienvenida/Codigo-de-Etica-de-la-Funcion-Publica.pdf> (accessed: 1 october 2025).
- Ley que regula la gestión de intereses en la administración pública Available at: <https://www.gob.pe/institucion/congreso-de-la-republica/normas-legales/442179-28024> (accessed: 1 october 2025).
- Lobbying in the 21st Century: Transparency, Integrity and Access (Paris: OECD Publishing: 2021), <[https:// doi .org/ 10 .1787/ c6d8eff8 -en](https://doi.org/10.1787/c6d8eff8-en)>. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/lobbying-in-the-21st-century_c6d8eff8-en.html (accessed in: 1 october 2025).
- Padrón de Cabilderos. Senado de la República Available at: https://www.senado.gob.mx/66/padron_de_cabilderos (accessed: 1 october 2025).
- Plataforma Ley de lobby. Available at: <https://www.leylobby.gob.cl/> (accessed: 1 october 2025).
- Registro de visitas y gestión de intereses. Available at: <https://visitas.servicios.gob.pe/> (accessed: 1 october 2025).
- Registro Público de Cabilderos (Datos de Contacto) Available at: <https://www.camara.gov.co/registro-publico-de-cabilderos-datos-de-contacto/> (accessed: 1 october 2025).
- Reglamento de La Cámara De Diputados Available at: <https://www.ordenjuridico.gob.mx/Documentos/Federal/html/wo88327.html> (accessed: 1 october 2025).
- Reglamento del Senado de la República Available at: https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/Reg_Senado.pdf (accessed: 1 october 2025).
- Regulación del lobby en América Latina. Entre la transparencia y la participación Available at: <https://nuso.org/articulo/regulacion-del-lobby-en-america-latina/#footnote-3> (accessed: 1 october 2025).
- Resolución MD-2348 de 2011 de la Cámara de Representantes Available at: https://www.camara.gov.co/sites/default/files/2017-06/RES%20MD2348%20Reg%20Cabilderos_0.pdf (accessed: 1 october 2025).

Список литературы

- Норт Д. 1997. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., Фонд экономической книги «Начала»: 180.
- Baumgartner F.R., Berry J.M., Hojnacki M., Leech B.L., Kimball D. 2009. Lobbying and Policy Change: Who Wins, Who Loses, and Why. Chicago and London, University of Chicago Press: 336.
- Coen D., Katsaitis A., Vannoni M. 2021. Business Lobbying in the European Union. Oxford and New York: Oxford University Press: 221.
- Crepaz M. 2020. To Inform, Strategise, Collaborate, or Compete: What Use do Lobbyists Make of Lobby Registers? European Political Science Review. 12(3): 347–369.
- Dammert L., Sarmiento K. 2019. Corruption, Organized Crime and Regional Governments in Peru. In book: Rotberg R.I. Corruption in Latin America How Politicians and Corporations Steal from Citizens. Cambridge: Springer International Publishing: 179–204.
- De Bruycker I. 2019. Lobbying: An Art and a Science. Five Golden Rules for an Evidence-Based Lobbying Strategy. Journal of Public Affairs. 19(4).
- Lacy-Nichols J., Baradar H., Crosbie E., Cullerton K. 2025. Lobbying in the Shadows: A Comparative Analysis of Government Lobbyist Registers. Milbank Quarterly. 103: 857–882.
- Newmark A.J. 2005. The Practical Researcher Measuring State Legislative Lobbying Regulation, 1990–2003. State Politics and Policy Quarterly. 5(2): 182–191.
- Potters J., Winden F. 1992. Lobbying and Asymmetric Information. Public Choice. 74(3): 269–292.
- Tagle F. 2021. Generic Frames in Corruption Scandals in Chile (2015-2019): Differences and Similarities between Print and Online Media. International Journal of Communication. 15(22): 3067–3088.

References

- North D. Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie jekonomiki [Institutions, Institutional Change and Economic Performance]. М., Fond ekonomicheskoy knigi «Nachala»: 180.
- Baumgartner F.R., Berry J.M., Hojnacki M., Leech B.L., Kimball D. 2009. Lobbying and Policy Change: Who Wins, Who Loses, and Why. Chicago and London, University of Chicago Press: 336.



- Coen D., Katsaitis A., Vannoni M. 2021. *Business Lobbying in the European Union*. Oxford and New York: Oxford University Press: 221.
- Crepaz M. 2020. To Inform, Strategise, Collaborate, or Compete: What Use do Lobbyists Make of Lobby Registers? *European Political Science Review*. 12(3): 347–369.
- Dammert L., Sarmiento K. 2019. Corruption, Organized Crime and Regional Governments in Peru. In book: Rotberg R.I. *Corruption in Latin America How Politicians and Corporations Steal from Citizens*. Cambridge: Springer International Publishing: 179–204.
- De Bruycker I. 2019. Lobbying: An Art and a Science. Five Golden Rules for an Evidence-Based Lobbying Strategy. *Journal of Public Affairs*. 19(4).
- Lacy-Nichols J., Baradar H., Crosbie E., Cullerton K. 2025. Lobbying in the Shadows: A Comparative Analysis of Government Lobbyist Registers. *Milbank Quarterly*. 103: 857–882.
- Newmark A.J. 2005. The Practical Researcher Measuring State Legislative Lobbying Regulation, 1990–2003. *State Politics and Policy Quarterly*. 5(2): 182–191.
- Potters J., Winden F. 1992. Lobbying and Asymmetric Information. *Public Choice*. 74(3): 269–292.
- Tagle F. 2021. Generic Frames in Corruption Scandals in Chile (2015–2019): Differences and Similarities between Print and Online Media. *International Journal of Communication*. 15(22): 3067–3088.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 26.09.2025

Received: 26.09.2025

Поступила после рецензирования: 25.10.2025

Revised: 25.10.2025


Принята к публикации: 20.11.2025

Accepted: 20.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Закиров Айдар Робертович, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

 [ORCID: 0000-0002-9843-9075](https://orcid.org/0000-0002-9843-9075)

Aidar R. Zakirov, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor at the Department of Political Science at the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Зарипова Айгуль Рансовна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

 [ORCID: 0000-0002-5810-5986](https://orcid.org/0000-0002-5810-5986)

Aigul R. Zaripova, Candidate of Sciences in Politics, Associate Professor at the Department of Political Science at the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia